

8

Солженицынские
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Солженицынские тетради
Studying Solzhenitsyn
Cahiers Soljénitsyne

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Солженицынские **ТЕТРАДИ**

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

ISBN 978-5-85887-536-9

Главный редактор *А.С. Немзер*
Оформление *С.А. Астафуров*
Макет *И.И. Антонова*

© Авторы, 2021
© Солженицын А.И. (наследники), 2021
© Мотылев Л.Ю., перевод на русский язык, 2021
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2021
© Издание на русском языке, оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2021

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:

Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ЮНОСТЬ¹

*Публикация, подготовка текста
и примечания Н.Д. Солженицыной*

С первых же дней на физмате опрокинулась на меня математика в таких ошеломительных объёмах, каких по школе мы вообще не представляли: кажется, здесь за неделю начитывали нам лекциями столько, сколько мы проходили в школе за год, — да и лекторы не стремились быть педагогичными, провести в трудностях (а профессора Черняев, Папков² скорее даже актёрствовали, чуть ли и не стремясь подавить нас). Вместо же единого учебника по предмету предлагался на выбор ряд тяжеленнейших монографий. Помню, в первую неделю я испытал шок, почти отчаяние — и уже раскаивался, зачем я запёрся на физмат? — а ведь я оказался скоро один из трёх первых студентов на курсе, что же делалось с остальными? (Средь нас были и самые простые парни из провинциальных школ — Подколзин, Синицын — сколько ж им досталось мучиться потом пять лет?)

Но такая была свежая, вбирчивая голова, такой напор к учебным занятиям и, по внутреннему равновесию, всегда так быстро мною овладевало бодрое настроение, что к концу сентября я уже уверенно стоял в колее и двигал все предметы. Да всем нам много помог очнуться и остояться практикum, особенно по математическому анализу, который вёл доцент Анатолий Пе-

¹ Продолжение воспоминаний А.И. Солженицына. Начало см.: *Солженицын А.И. Детство* // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 5–34; *Он же. Школа* // Там же. М., 2019. Вып. 7. С. 5–48.

² Черняев Михаил Павлович (1891–1962) — до войны заведовал кафедрой геометрии на физмате Ростовского государственного университета (РГУ), после войны уволен (пребывание в оккупированном Ростове), работал в ростовском пединституте, после 1957 года вернулся в РГУ.

Папков Петр Степанович в 1935 году возглавил научно-исследовательский институт физики и математики при физмате РГУ, в 1941–1942 годах участвовал в боях Ростовского коммунистического полка (входившего как часть Ростовского народного ополчения в состав 56-й армии); после войны — проректор по учебной работе РГУ.

трович Гремяченский³, замечательно живой, весёлый и талантливый человек (из донских казаков), но по-русски спившийся и оттого не достигший высших степеней.

Предметы я подвигал довольно уверенно, но и съели же они это моё полугодие. В конце ноября на нашей первой зачётной контрольной по аналитической геометрии — я сдал первый, решив и трудные дополнительные задачи, опередив и Александра Шершевского, безусловно самого подготовленного среди нас (много глубже школьной программы) и очень талантливого. (Не будет больше места продолжить о нём: курса с 3-го он перевёлся в Московский университет, ожидался для него самый блистательный путь — а вышел он почему-то лишь московским школьным преподавателем и, как телеграфировал ещё одному нашему соученику, «женился окнами на Арбат».)

Съела математика моё первое полугодие, однако и не совсем же. При ростовском облоно второй год работали вечерние курсы переводчиков с английского, Кирилл кончил их ещё в нашем 10-м классе, теперь был на втором повышенном курсе (и моя мама нашла вечера туда с ним ходить, наслаждаясь обновить свой давний гимназический и не применённый с тех пор английский, ведь ей было ещё только 42 года, середина жизни). Кирилл же убедил и меня поступить туда, он ко многому хорошему меня склонял. Просто в советской школе и просто в университете, конечно, никакому языку научиться невозможно. Но при всех недостатках, в каких учила меня мадам, я, однако, получил в немецком хорошую грамматическую и лексическую основу, расширил её самостоятельным чтением, в студенческих рукописях нахожу свои переводы с немецкого — то стихотворные из Шиллера, то прозу, «Два скрипача» из Розеггера⁴. Так самое неопозданное время было мне взять сейчас и английский, я пошёл. Тут манера была новая: сразу, с малым количеством слов, учить разговаривать, а для эталона произношения был американский коммунист Сильвер, эмигрировавший из мрачных Штатов в благословенный СССР. Весь учебный год я выдержал эти курсы, получил диплом переводчика с английского и не совсем тухловатый: действительно вскоре подрабатывал техническими переводами, они же пригодятся и на шарашке, — а приехав в Америку, не нуждался ни одного дня учить английский, чтобы читать письма и статьи.

³ Гремяченский Анатолий Петрович (1900–1969) — преподаватель. Окончил РГУ в 1924 году, преподавал в школах, на рабфаке, затем в университете на кафедре математического анализа, защитил кандидатскую диссертацию в 1937-м; не сумев выбраться из оккупированного Ростова, работал в отделе просвещения; после войны уволен из университета, работал в Шахтинском пединституте, вернулся в РГУ в 1957 году.

⁴ Розеггер Петер (Rosegger; 1843–1918) — австрийский писатель, почетный доктор университетов Гейдельберга, Вены и Граца. В 1913 году был одним из наиболее вероятных претендентов на Нобелевскую премию.

Но и этого казалось мало. Наши — Кирилл, Кока, Рая Карпоносова, Женя Фонштейн, все повалили на химфак, там они подружились с некоей Наташей Решетовской. (Которую я тут же выдвинул себе в предмет поклонения — она играла на рояле, кончала музыкальное училище, а рояль роково стал культом моего детства и от маминого влияния, и от того, что у Федоровских⁵ много играли. Через полвека Наташа сочинит миф, что это она приучила меня к музыке, — нет, напротив, уже через музыку я потянулся к Наташе.) И со своим преподавателем немецкого Иваном Васильевичем Котляровым они (Кирилл, конечно, первый выдумал) изобрели вести кружок латинского языка. И как же мне отстать от друзей? Как не примкнуть к такой прелести? И так, я хожу ещё и на кружок латыни. Котляров полуоткрывает нам, что служил в российском Министерстве иностранных дел. (И от него первого слышу версию, что посол Пурталес, объявляя России войну, в волнении как-то спутал заготовленные ноты и по ошибке сперва вручил другую, что Германия благодарит Россию за отказ от всеобщей мобилизации⁶.)

Математика меня съедает, но я её и преодолеваю. Преодолеваю до того, что уже на первом курсе отливаю душой от неё: оставляю в плен свою голову, а душу не отдаю. В напряжённый с математикой месяц, 18 ноября, выходной тогда день, я выхожу пройтись на Пушкинский бульвар, и между Николаевским и Соборным, как раз против дома, где так недавно жила Анастасия Сергеевна⁷, меня вдруг осеняет — другого слова и не подобрать — как будто не искомая мною, не подготовленная мысль: написать большую историческую эпопею о российской революции! Мысль эта, конечно, тлела во мне уже много лет, отдельные части её накапливались годами, но не соединялись — а вдруг вот соединились! Этот день я считаю началом «Красного Колеса». На созревание такого решения накопительно повлияло и то, что Ростов и Новочеркасск ещё оставались ощутимыми недавними центрами Гражданской войны, сами камни их оведали меня тем воздухом. Это решение подготовлено и моей неостывающей страстью к политике. Но как повернулась эта страсть с детских времён! — ведь теперь она освещает мне такую цель: объяснить и величественно показать Великий Октябрь, в *этом* мой замысел.

Уже и раньше я ощущал свою жизнь как стрелу в полёте (но неизвестно куда), уже в последние школьные годы я изнывал, если время моё разреза-

⁵ О тесной дружбе матери и сына Солженицыных с семьёй Федоровских см. главы «Детство» и «Школа» (Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6; 2019. Вып. 7).

⁶ О всеобщей мобилизации накануне мировой войны и о передаче германским послом Пурталесом ноты с объявлением войны России см.: «Август Четырнадцатого», гл. 74 (Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2008. Т. 8. С. 397–412).

⁷ Анастасия Сергеевна Грюнау преподавала русский язык и литературу в ростовской школе № 15 и четыре года была классным руководителем в классе, где учился Солженицын (с 5-го по 8-й, 1930–1934); А.С. пишет о ней в главе «Школа» (Солженицынские тетради. М., 2019. Вып. 7).

лось, стремление было — сгущать и сгущать его. А теперь — от переплотнённости физмата, и ещё же английские курсы, и вот этот неохватимый замысел, разрывающий пасть на годы моей работы, и смутный рыв — вообще в литературу! — я становлюсь напряжённым, никогда не стынувшим потенциалом: всегда — движение! только вперёд! Я ощущаю в себе стержень призвания, хотя и сейчас не понимаю ясно, куда же и как мне двигаться. Смятение перед огромностью этой невыясненной задачи сжимает меня, передаётся мне торопливостью как бы перед близкой смертью, ещё ж и опасаясь обрывистого срока жизни. Ежедневное ощущение, что жизнь коротка, коротка, и можно ничего не успеть. Потеря одного часа — разоряет мою душу, затемняет её. Кажется: час единый упустив — я уже предал смысл своей жизни. Меня раздражает малейший пустой разговор или чей-то посторонний, но лезущий в уши. Даже нельзя назвать это *волей* — то, что постоянно собирает мои усилия и влечёт пробиваться через все препятствия. «Воля» предполагает акт сбора усилий, в том числе усилий над собой, преодоления собственного внутреннего сопротивления. Мне же — никогда не приходится (и во всю жизнь потом никогда, кроме недель после провала рукописей в 1965⁸) применять усилий к себе, понуждать себя. В одной повести студенческого времени пишу вразрядку: *н е х о ч е т с я о т д ы х а т ь!* Вот сохранился от того времени мой наивный герб (на пяти полях: нелёгкий интеграл, перо, книга, лира и летящая стрела) и наивный девиз: «как можно лучше! как можно больше! как можно быстрее!» — ещё нескоро я пойму, что эти требования разрывно противоречивы.

Да я — как будто от ранних детских лет, чуть не от самого рождения, узнал себя предельно сжатой пружиной, а вся жизнь для того — чтобы разжаться, а тревога — не успеть разжаться. Я думаю, это был осколок доставшейся мне (и после гибели столь многих) доли нашей общественной отечественной задачи после провала 1917 года, — но как это впитано: без осознания — юнцом, а то и малышом, которому никто такой задачи не ставил?

На физмате моё воображение захватывает образ Эвариста Галуа — знаменитого французского математика, о котором профессор нам говорит, что он по беспечности никогда не находил времени записать свои идеи и записал их, кратко, лишь в последнюю ночь перед дуэлью, на которой и убит, — но и этими записями заложил основу трёх отдельных отраслей алгебры. Как остро я разделяю его зажатость в ту последнюю ночь! Да я, кажется, и постоянно в таком положении! Катаю — поэму о Галуа: «Как много писать и как времени мало!.. / О, время, потише! перо, побыстрее!.. / О, люди далёких времён дорогих! / Поймёте ль вы смысл заметок моих?» (Однако матема-

⁸ «А провал мой в сентябре 1965 был самой большой бедой за 47 лет моей жизни» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Собр. соч. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 125). Подробнее о провале рукописей в 1965 см. гл. «На поверхности», «Подранок».

тика, протекая через мою голову, настолько никогда не касалась души, что, кроме как яркого Галуа, ни одного математика я никогда не ощутил вживе, не интересовался их биографиями, даже с большим опозданием узнал, что Леонард Эйлер жил и умер в Петербурге.)

За этим моим не то что марафонским бегом, но — сквозным полётом — я не замечаю: этими метучими замыслами, этим навалом мыслей и ощущений — я просто *не успеваю* делиться с мамой, во мне высыхает, выжигается прежняя детская потребность близости с ней. (Да — слишком много сменных подробностей, их — поток, и всегда всё успевать объяснять?!). Теперь думаю: этот отклон мой от мамы начался уже и в последнем классе школы, так замкнуто кипели мы, десятиклассники, своей коллективной жизнью, — но именно в университетские годы выжгло до душевного отчуждения. (А только полвека спустя, вот, над биографией, я это скорбно осознал...) Бедная, бедная мама! Всю свою молодую вдовью жизнь она отдала тому, чтобы вырастить меня, сколько работала до изнеможения, сверхурочно, болела от нищих условий нашей жизни — а всего-то досталось ей радости, что я был первый в школе ученик, да вот и с физмата приношу пятёрки, — а душа моя отделилась от неё.

Но волновые удары ещё ж и политической страсти не дают углубиться мне и в историю: ведь пылает сегодняшний день! С лета началась гражданская война в Испании. И наши горячие симпатии (и Кирилл завлечён тем же потоком), разумеется, на стороне республиканцев. Как дивную сагу смотрим мы в кинохронике короткие эпизоды, снятые советским кинорепортёром Карменом⁹ то в Толедо, то на окраинах Мадрида. Именно этой осенью, 1936, в Испании самые подвижные бои — и все сердца наши там. За ужиным столом у Лидочки Ежерец (она поступила на литературный факультет ростовского пединститута, а наша тесная дружба продолжается) мы, молодые, поднимаем тост за испанских республиканцев и стойкость Мадрида, что-то не слишком увлечены старших. (А позже ничего не понимаем в каком-то «каталонском мятеже»¹⁰.) И рассказ, который я нахожу время написать этой осенью, «Хрустальный дворец» — то светлое будущее мирового социализма, за которое жертвует собою мой тёмный испанец Хуан.

⁹ Кармен Роман Лазаревич (1906–1978) — кинооператор, кинорежиссер, сценарист. После съемок и репортажей из Испании (1936–1939) был начальником киногрупп на фронтах Красной армии (1941–1945); лауреат трех Сталинских премий (1942, 1947, 1952), Ленинской премии (1960), Герой Социалистического Труда (1976).

¹⁰ Более известен как «Барселонский мятеж» 3–7 мая 1937 года — кровопролитное столкновение в Барселоне «гражданских гвардейцев» республиканского правительства с местными рабочими (объединенными в профсоюз — Национальную конфедерацию труда (*исп.* Confederación Nacional del Trabajo, CNT; НКТ) и членами Рабочей партии марксистского единства (*исп.* Partido Obrero de Unificación Marxista, POUM; ПОУМ), стоявшей на антисталинистских позициях. Итогом майских событий стало 500 убитых, тысяча раненых и начало перелома в испанской гражданской войне.

Нет, не обходится бесследно пребывание в комсомоле. Жжёт Эпоха, нажигает комсомол — и меня порывает в эту политику. «Интернационал»! — и звучанье его, но более того смысл — мне так бескорыстно теперь нравится!

Так — бесследно провалилось во мне, как все старшие в нашей семье чурались чекистов и советских властей, как чёрта? Но они, правда, может быть, не поднялись понять светлые идеи коммунизма? — по своему возрасту, по закостелости в прежней российской жизни? А я... вот странность: кажется, уже вполне одобряю нашу власть, наш строй, вполне зажигаюсь его ослепительным будущим. Однако, по литературному чувству, напротив: что бы ни взял из советской литературы — всё мне кажется лживым, вся эта их литературная постройка должна быть опрокинута! А — разве она прославляет что-либо другое, нежели этот самый строй? Или: в эту самую осень 1936 утверждают «сталинскую» конституцию — и я это вижу как жалкий спектакль. Вскоре, в 1937, и первые «тайные» выборы (но ещё не спохватились, разрешают входить с бюллетенем в кабину). Наш «кандидат» — начальник областного НКВД Григорьев¹¹. Я — ничего о нём не знаю, кроме его поста, но в кабине с удовольствием, уверенно вычёркиваю его. (Понятия ещё не имею, что бюллетени-то будут анализировать, но меня просто не откроют.) Тут же — и предощущение войны против фашизма, и я катаю грозный стих: «Ну что же, сразимся! Сразимся на славу! / Пощады не будет и нет, / и мы вам устроим такую Полтаву, / которой не видывал свет!»

И — как же это всё совмещается в одной груди? А вот — совмещается. Ленинизм — да, но не Сталин! Сталина — я презираю и терпеть не могу, устойчиво. (Твардовский в 1962 не мог мне поверить, что Сталина можно было уже тогда презирать из одного художественного вкуса.)

Сохранившиеся мои записки, рассказы, стихи того времени дают возможность проследить это совмещение и дальше. Осенью 1937 я пишу записки-воспоминания о нашем кавказском велопоходе того лета. Когда я писал их — они мне казались очень остроумными, весёлыми. Но перечитал их в 1984 году: не только — остроты дешёвые, школьные, узкого круга, не только это литературно невыразительно, ни даже ярких описаний природы, никакого русского языка, никаких умелых приёмов письма, ничто не предсказывает писателя, кроме порыва. А ещё больше поражает — общее низкое моё духовное состояние, обезглавленная душа, просоветченность, атеизм, невежество в русской истории, ни одной сильной мысли. И ещё хуже того: эгоизм, недоброта, всё — в напоре энергии выживания.

¹¹ Григорьев Иван Васильевич (1904–1939) — с 1920 в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД; в 1936 году присвоено звание старшего лейтенанта государственной безопасности; в 1937–1938 входил в состав «особой тройки» при УНКВД Ростовской области для внесудебного рассмотрения дел на лиц, арестованных в ходе массовых репрессий; в 1937 году получил орден Красной Звезды; арестован в декабре 1938-го, расстрелян в феврале 1939 года.

Вот так погуляли во мне советское время и комсомол. (А формальная цель нашего велопохода была: «На родину товарища Сталина в Гори», иначе бы денег на поход не дали. Но ни домика того, ни Сталина того в записках нет, я обошёл их вчистую.)

А ведь это — 1937 и начало 1938, знаменитые процессы бывших коммунистических вождей (процессам — по-прежнему не верю, над загадкой их мучаюсь, и издали так обидно за славных подсудимых!). Тут — и рассказ моей потрясённой мамы: в железнодорожных Ленинских мастерских она стенографировала какое-то собрание, и внезапно выступил открыто рабочий против сталинской власти, успел немало выкрикнуть, пока его схватили. (У меня этот случай описан в «Дороженьке»¹². И по этому случаю, и, через год, — по преступности, бессмыслию финской войны, мы же с мамой хорошо понимали друг друга, но это — эпизоды, а всё направление души моей — потеряно для неё...) Да у нас же в университете арестовали то одного, то другого профессора, то кого-то из старших студентов — впрочем, это не на глазах же, неслышно, невидно, они просто выключены, исчезли — а в чём это должно касаться нас, меня? — мы новое племя Нового времени. В этом самом году мы начинаем изучать диамат, истмат — и как же я этому отдаюсь и верю! Как, в самом деле, хочется: не путаться в блужданиях веков, а — сразу, сразу получить последнюю окончательную Истину!

Я несколько не тягочусь, что живу в конюшне, — ведь я ничего лучшего и не видел никогда. Эта тесная тёмная каморка не стесняет моих мечтаний. В позднее вечернее время, уже одурев от математики, я сажусь посоветоваться со стеклянным кубом моей чернильницы и вытянуть из неё два десятка строк. Я спешу — что-то же оставить после моей, может быть краткой, жизни. Но ч т о писать? То трачу время на какой-то бездарный рассказик о промахе с лотереей в какой-то неизвестной стране, где путаю немецкие и французские имена. То, ближе к страсти, пишу стихотворные отклики на прочтённые вот сейчас книги. На «Американскую трагедию» Драйзера (мой смехотворный вывод, да наверно подсказанный и предисловием: «Не снести Капиталу “Трагедию” / это смертный ему приговор») — до какой непредставимой степени я уже искалечен государственным воспитанием! Ещё показательней отклик на «Боги жаждут» Франса («Великий Французский священный огонь / пытался забрызгать ты ядом <...> / я жажду, послав тебе гневный ответ, / стереть клевету с монтаньяров»). И с таким настроением я берусь писать об Октябрьской революции! Что же это было бы?!

Паруса мои надуты, трепещут — а везти через океан мне нечего...

Но всего через полгода после всего моего революционного звяканья — вдруг завожу особую тетрадку «Сугубо интимные стихотворения» (понимаю же! прячу, чтоб и друзьям не давать), и в ней: «У всенощной. Из воспомина-

¹² См. главу 4 стихотворной повести «Дороженька» (Солженицын А.И. Собр. соч. М., 2016. Т. 18: Раннее. С. 71–72).

ний детства». Сперва — с полнотой чувств: как льётся колокольный звон, как собираются прихожане. Потом — внутренность вечернего храма, свечи, лампы, иконы, ладан, пение, молитвы. «И с ласковой строгостью смотрит с распятия / в глаза мне распятый Христос». Значит, не вырвано? Сохраняется в сердце? Но тут же и гуманистический выверт: «И что мне за дело, являлся ль он богом, / и был ли Христос вообще <...> / Идея близка мне, идея добра, / всеобщей любви идеал — / две тысячи лет, и настанет пора, / к которой Христос призывал». Итак: христианство слилось с коммунизмом? Вроде того. Но всё же — стихотворение прячется в «сугубо интимные».

Да — хранил меня Бог. Если б я не увлёкся тогда марксизмом, не стал бы искренним советским гражданином — прорвалось бы моё, не пережил бы я годов с 1935 по 1941, загремел бы в Гулаг раньше.

И в те же самые месяцы, вперемежку со всей ерундой-мазнёй, я в областной читальне Карла Маркса уже сделал обзор Мировой войны, которую, разумеется, мы никогда не изучали, да и никто её не знает у нас, стеклá и забыта. (Когда спрашиваю «Записки прапорщика-артиллериста» Степуна¹³ — библиотечарша пугает меня, знаю ли я, какой это белогвардейский бандит? Беру ли на себя политическую ответственность, что буду его читать?? Тем более мне хочется и нужно его прочесть — но я отступаю, отказываюсь, пуганая ворона куста боится.) И вот я выбрал: изо всей войны буду изображать одну только Самсоновскую катастрофу — и ярко трагичная, и представительная для той войны. Читаю уже и первые книги о ней, к счастью, в советское время их вышло несколько, и обстоятельные, сугубо военные, без советской приперченности. И вот — у меня уже складывается конструкция, а несколько начальных глав, от приезда полковника Ставки в штаб Второй армии в Остроленку, тогда же и пишу. Те черновики, к счастью, сохранились — и я сам удивился им через 30 лет: построение нескольких глав — угадано, так и останется, хотя текст весь сменится: «Русские в авангарде» (то есть — в революционном авангарде человечества, конечно). Потом сменится: «Люби революцию!» (но дух тот же). Проступают и два главных героя на всю эпопею вперёд: молодой прапорщик Ольховский, революционер, потом выдвинется в большевиках (будущий Ленартович) — и полковник генштаба Северцев (будущий Воротынцев). Тогда ещё любимый из них — первый, а второй — для контраста, от будущих белых. (Но пройдут годы — и соотношение их сменится.)

¹³ Степун Федор Августович (1884–1965) — философ, публицист, писатель. Окончил реальное училище в Москве, затем Гейдельбергский университет, где в 1910 году защитил докторскую диссертацию. С начала Первой мировой войны — прапорщик 12-го стрелкового артиллерийского полка, награжден четырьмя орденами; с июня по сентябрь 1917 года — начальник Политуправления при Военной комиссии Временного правительства, в 1922 году выслан из советской России за границу. Эпистолярный роман «Из писем прапорщика-артиллериста» (впервые издан — М.: Задруга, 1918) не раз переиздавался (напр.: Прага: [Пламя, 1926]; Томск: Водолей, 2000).

Две беды: я и осовечен (и на том теряю мерки, вот серьёзно пытаюсь разгадать успех советского боевика «Как закалялась сталь»), я и провинциален, отстаю по художественному развитию от времени, у меня и провалы в образовании и даже в простейшем понимании, что же такое есть художественная литература. Бунин пишет в «Жизни Арсеньева», как он готовился стать писателем: оттачивал наблюдение за мелкими предметами — мокрая верёвочка на крышке чайника, клубничный нос. А я — и не думал о таком, я понимал задачу сразу необъятно: открывать тайны Истории. Но, наверно, это и есть моя особая линия, а без этого у меня не хватило бы иных писательских качеств: я туго воспринимаю запахи, у меня слабая память на лица, несхватчивый портрет. (Завидую Замятину.)

Конечно, во мне перебурливает литературный мир прошлого. Но, например, Достоевского — не мог в юности читать: меня болезненно ломало, выкручивало от него. (Да ведь в те годы я и духовно на противоположном ему полюсе.) Читаю Бальзака, Стендаля, ищу высоких образцов, но одним этим ощущением, что где-то носят неувлимые образцы, почти всё и кончается. От Бальзака что во мне живо отзывается — это огромный формат «Человеческой комедии» и множество действующих лиц: это, чувствую, — моё. Бальзак действует на меня как острый литературный раздражитель. Стендалевские же «Письма из Италии» или «О любви» — лишь потягивают куда-то, а ничего мне не дают, или я не способен взять. (И не разберёт меня недоумение: почему все книги — непременно о любви, сколько можно! Неужели нельзя писать романы и *не* о любви?)

«О любви»! — вот ещё где моя слабость и уязвимость. При моём векторном напряжении в деле, при моей пружинности — я обречён был и на промахи в любви, и даже на полную слепоту. При моём политико-гражданственном флюсе меня валило от любви прочь. Мне вот уже 19 лет, а я всё ещё не окунался в эти струи. При том ничтожном внимании и времени, которые я могу выделить для любви, — откуда мне ждать успеха? (Да севши в университете на разлитые по стулу чернила — я так и хожу потом два года в брюках с большим чернильным пятном на заднице... — купить новые брюки не на что, вывести пятна нельзя, да я на это и внимания не обращаю.) Сохранились у меня от школьного времени чьих-то одна-две девичьих записочки, ещё колечко волос (старомодно, но так). Я вхожу в любовную сферу наощупь, беспомощно. У меня уже сложилось представление, что я всегда буду в этом неудачник, и меня сковывает неумелость, а более всего — насмешка над собой, как это выглядит со стороны. Вот, сижу ем мороженое в кафе под «Солеем»¹⁴. И просто обалдеваю, как красива девочка-кассирша. Вперился в неё. Но по-

¹⁴ Кинотеатр «Солей» располагался в доме 70 по Большой Садовой (в советские годы — ул. Фридриха Энгельса); во 2-й половине 1930-х годов переименован в кинотеатр «Гигант»; затем в этом здании располагался Дом культуры строителей, сейчас — культурно-досуговый центр.

дойти и сказать ей: «Вы мне очень нравитесь» — а дальше?.. — не решаюсь, не могу.

Да ведь я вырос без ощущения самоценности, что быть мужчиной «тоже» красота. (И это представление наложилось чуть не на половину моей жизни. По злоключениям её — фронту, тюрьмам, где я всегда вбирал только политический ход судеб и пропускал мимо ушей все интимные рассказы, — такое невразумление сохранилось у меня ещё долго.) Да и к спорту ж я не тянулся (кроме мальчишеского гона в футбол), спортивного вида не имел, гимнастику переносил с трудом, особенно перескоки через «козла» (тому были причины: и скромное питание, и порок мой, мешавший вольно двигаться, — при рождении одно яичко задержалось в паху; ни в детстве, ни в юности я в том никому не признавался, мне стыдно казалось).

На поле любви, которое я и вообще оценивал как второстепенное, я вступал неумелым просителем. Всегда занятый другим, более важным, как мне казалось, я жалел тратить время на любовное плавание — встречи, прогулки. Вот, на первом курсе, сижу в университетской академической читальне над фолиантом математического анализа — подходит член профкома и мне, как уже отличнику, предлагает два билета на оперетту. Беру. Но дальше — немею. Кого же я приглашу? Просто вот тут же, в читальне, какую-нибудь девушку из нашего физматского потока? И в голову не приходит. Нет, у меня уже, кажется, началась та «идеализация-кристаллизация», о которой пишет Стендаль, вокруг Наташи Решетовской. (Без «кристаллизации» я и увлечься не мог, а она затрудняла движение к объекту.) Но её в читальне, вот, нет. Надо явиться сейчас к ней в дом, под взгляды её тётушек, и сказать: а пойдём сегодня, у меня есть лишний билет? А потом вечером ещё раз к ней (у меня и выходного костюма нет), и вести её в театр — и какое сложное поведение по пути и в самом театре! И что за ценность вообще — оперетта? И: потерян будет для занятий весь остальной день, с этой минуты. Нет уж, не надо. Горько, но — не надо. И зачем эти билеты дают по два?.. Отношу их профсоюзнику назад.

Конечно, жениться на «единственной и несравненной» — большая удача, но только для полноты счастья, а практически неважно, на ком жениться, это не изменит моего пути.

А между тем — постоянной же нитью сквозь жизнь: найти, найти эту «единственную». И я вечерами иду по доступному пути стихотворных фантазий. Переношусь в Париж, там встречаюсь в лунный вечер с очаровательной Жанной — и вот уже длинная поэма. А то — стихотворения о самих мечтаниях, о прогулках с Матильдой де Ла-Моль или с Манон Леско¹⁵.

Но нет, объект любви должен быть близок — и я возвращаюсь чувствами к Наташе Решетовской: да может быть, я в неё уже и влюблён? Осенью

¹⁵ *Матильда де Ла-Моль* — героиня романа Стендаля «Красное и черное» (1830); *Манон Леско* — героиня романа Аббата Прево «История кавалера де Гриё и Манон Леско» (1731).

нашего второго курса объявляется при университете кружок современных танцев — она записывается туда, я тоже — и перед решающим вечером, когда я постановил себе провожать её и взять под руку — я шныряю по главной улице Ростова, присматриваюсь, *как именно* берут женщин под руку, как именно складываются руки. Да по всякому... и после танцев — беру, веду.

Вскоре пишу акrostих — «Наташа Решетовская» («Нежная, светлая, дивно прелестная! / Азбуку страсти читаю...» — ещё и в глаза я той страсти не видел) — и с изрядной стопкой других моих стихов даю Наташе прочесть. (Из Тургенева придумал ей имя Джеммы¹⁶, всё моё чувство держится на высшей кристаллизации.) С трепетом жду её встречных чувств при возврате стихов. Но она возвращает — и не сказала ни слова. Как, вообще ни слова? Ни одного. Ни полуулыбки, ни движения чувства. Ни в тот миг, ни в следующие дни.

И я — не догадался, не проник, не понял: что она холодна — отродно. Только повод для нового стиха: «Ты сегодня со мною была холодна, / и уж солнце не светит, как прежде...» И это надолго станет соотношением между нами, особенно в письмах: её холодновато сдержанные ответы и оттого всё большая избыточность выражений моих чувств к ней. Восхваление объекта становится для меня постоянным эпистолярным упражнением.

Тут вскоре мне — 19 лет, которые никак никем не отмечаются, годовщину я всегда скрываю, но вот пишу горчайший монолог к себе на шести стихотворных страницах «...А теперь, измученный и жёлтый, / предаёшься радостным мечтам». Танцы — раз или два в неделю, приобнимаемся, сколько положено, потом провожаю Наташу домой (разговор всегда неинтересен, надо темы разрабатывать заранее), ни объятья, ни поцелуя, конечно, ни разу — если старомодны мои представления о женщине, то у моей барышни ещё старомодней. Но в те же недели и первая болезненная размолвка: на ноябрьские праздники приехал Ёська Резников из Ленинграда, десяток из нашего школьного класса решили собраться у Лиды — и вдруг Наташа поставила мне ультиматум, что она тоже должна быть на том вечере. Но это несправедливо! — единственную чужую среди нас, хотя по химфаку уже знали её некоторые, как я мог бы привести? Я отказал. Она обиделась. И горькое было ощущение: моей несвободы, каких-то вдруг претензий-прав на меня.

Да уж догадываюсь, вот очередной стих: «Разве это любовь, разве страсть такова, / если сам сомневаюсь я в ней? / О тебе я молчу, ты не любишь меня...»

И это — тоже дал ей читать. И опять никак не отозвалась.

Холодно! Она — ничего не чувствует, а я — не научен это уверенно отличить. Мои чувства — волнами возвращаются, и снова я восторженно поклоняюсь ей. Вот она эффектно выступает на выпускном экзамене в музы-

¹⁶ Джемма Розелли — героиня повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871).

кальном училище, её хвалят многие, хоть езжай в консерваторию. (Но она не едет: то ли не уверена в себе, то ли так привыкла к университету, то ли по бесстыдливости.)

Наташа — на химфаке, за несколько кварталов, встречаемся мы не так часто, а ближе-то ко мне наша физико-математическая группа, человек 30 (потом отсеиваются, по трудности). Но как на физмате я только сохну, прохожу с напряжением как душевную пустыню, — то у меня и нет того притяга к однокурсникам, той тёплой дружбы, как бывала в школе. С Милей (Эммануилом) Мазиным, тоже сильным в математике, у нас — пара, мы всегда за первым столом и ничего не упускаем. С остальными уже и второй год учимся, а знакомство как бы шапочное, хотя на самом деле есть чудесные ребята, никак не хуже моих школьных, — раздумчивый, благородный Миша Шленёв; того же типа немец Павел Феттер (попадёт в войну в «немецкий» загрёб НКВД, в рабочий батальон); тихий великан Юра Сеницын; очень интересный Лев Миненков (вместе с Ритой Шеффер они как бы взрослее остальной группы и снисходительно, но неоткрыто, презирают меня за марксистскую ортодоксальность); компанейский тёплый Валя Гугуев (под его же именем, с его гимнастическим трюком я вывел его в «Для пользы дела»). Если б я не был так струнно напряжён во всех моих занятиях — у меня открылись бы глаза на многих тут. Но меня гнало по жёсткому вектору.

А девушки наши, тем более растерянные от неподъёмных математических глыб, вели себя очень тихо, скромно — и оттого производили на меня впечатление блеклое, не приходило в голову присмотреться к ним лучше, ни с кем не было флирта, кроме разве нежных шуток с Таней Перепёлкиной: она оказалась двоюродной сестрой нашего Павлика Макарова¹⁷ (чья жизнь покатила в основном по футболу), и на этом основании мы приняли нежную игру, что она — моя «сестрёнка». Но единожды задавшись избранным предметом поклонения, я почти и не обращал внимания на других девушек, так вело чувство цельности.

В этом, как мне казалось, блеклом ряду, на физмат не шли красавицы, была в группе физиков и Виктория Пурель (со сложным франко-польско-русским происхождением и на год старше меня), с очень живыми глазками и всегда большим вниманием ко мне. Она была круглолица, светловолоса, одевалась очень скудно — да и кто тогда одевался хорошо? (Впрочем, Наташа могла себе позволить.) Так как мы с Мазиным обычно сдавали все экзамены раньше срока, — Вика стала просить к экзаменам мои конспекты, которые были всегда сжаты, полны и заменяли многое книжное чтение. В конспекты я местами вкраплял шутки, которые оживляли зубрёжку, и она их всегда очень оценивала. Возникла между нами откровенность — и я стал давать ей

¹⁷ О Павлике Макарове, однокласснике Солженицына, см. в главе «Школа» (Солженицынские тетради. М., 2019. Вып. 7. С. 31, 37, 39).

свои тетради со стихами и рассказы, она многое хвалила, но я не придавал этому значения, так как не числил её в кругу возможных оценщиков. Моё очень откровенное стихотворение к своему 19-летию, где я выражал полное недовольство собой, своей наружностью, поведением, особенно в отношении женском — Вика сочувственно оспаривала. Она почти и не скрывала восторженности ко мне. Установились между нами отношения простые, дружеские, но я не влюблялся в неё, не делал из неё предмета поклонения, как постановил сделать из Наташи, и не воспевал в стихах.

Однако Вику не смутили эти мои воспевания Наташи. Как я ухватываю поздним умом, она тогда же поняла их деланность. При всей своей непритворной тихой скромности, Вика была развита сердечно несравненно со мной. И следующей за тем весной, второго курса, — весны в Ростове почти не бывает, лишь несколько дней в апреле между холодными ветрами и пыльной жарой, — она, в ответ на мою жалобу, что «нет сюжетов» для рассказов, предложила рассказать мне два сюжета. Жила она в общежитии на Богатыновском проспекте (сама из Таганрога), и неподалёку от него, в верхних кварталах Пушкинской, мы встретились в предзакатное время, уселись на скамье в этом тёплом сиянии вдоль ещё безлиственного бульвара — и она стала рассказывать мне свои «сюжеты» — «что случилось с её таганрогской подругой».

И я был настолько простак сердцем, что так и выслушивал по-деловому, оценивая как сюжеты. Один был: приехал на каникулы из Москвы студент старшего курса, увлекательный, вскружил голову десятикласснице, поманил непременно затем женитьбой, обманул и уехал. (Этот избитый сюжет не показался мне стоящим.) Второй: та же девушка через год летом работает от контрольно-семенной лаборатории при зерне, то в порту, то в поле, там встречается подсобного рабочего цыганского вида, жалеет его и дарит ему ласки. (Тут — какие-то детали показались мне живыми, да и реальная жизнь вокруг зерна, уборки — я этого не знал, но сердцем сочувствовал, — отныне задумана — и будет написана — повесть «Цыганёнок».)

И мы досидели до сумерок, я благодарил её за сюжеты, расстались — и *только на обратном пути* я догадался, что: а ведь наверно она рассказывала это не о подруге, а о самой себе! Но и доникнув с опозданием до этого, я не шагнул дальше, мысли такой не мелькнуло: да ведь не сюжетами она меня снабжала, она открывала мне, какая есть, — и что между нами нет препятствий! Она — дружески, любовно или даже матерински предлагала мне выйти из моей напряжённой измученности, из моей сердечной неразвитости. Там, где поняли бы 999 из тысячи, — я не понял. Это кажется невероятным. Но такова густилась моя обречённая прикованность к задуманному стержню жизни; в прямом коридоре моих представлений — такая Вика не была предусмотрена на моей струне, а я не способен был развернуть стороны угла восприятия.

И в конце того же апреля (теперь думаю — с большим участием Вики) задумала наша учебная группа, математики и физики вместе, устроить

вскладчину загородный пикник. Шли далеко не все. Но звали меня — кажется и Вика, и «сестрёнка» — и я, для себя неожиданно (ибо физмат ощущал не как свой, а как вынужденный жребий, неизбежно теряемое время, а значит и пребывание моё здесь случайное, и группа эта как бы не моя), — согласился. Это редкий случай, когда я отдался не вектору разума, а стороннему движению сердца. И, действительно, такая душевная теплота была весь тот день 30 апреля, да и такая чудесная средне-тёплая безветренная мягкосолнечная погода — этот день запомнился как редкий день моей жизни. Какие окрестности у Ростова, — никаких. Но всё же нашли пустынную рощицу у речки Каменки. К счастью, у кого-то был фотоаппарат, наделали потом снимков — и они в моём, опять-таки чудом сохранившемся, альбоме составляют заветные страницы — как теперь посмотрю на них, теплею. Да: пять лет мы проучились вместе, и в группе не было никаких серьёзных конфликтов, ни ненависти, как в школе бывало. Много я потерял, что пропустил всех этих людей мимо себя, не вникнув.

На этих снимках вижу сияющие лица «сестрёнки» и Вики, и как я, жмурясь от солнца и уже немного пьяненький, прижался к Таниной щеке, то, совсем откровенно, к Вике. А в те же часы, вне поля снимков, за деревьями и за уклоном от остальных, пойдя за водою к колодцу, мы с Викторией жарко целовались, даже уже катались по траве, нас не сдерживала близость компании. Открыто было с этого часа начаться нашей близости. А — не началась. Я впервые безо всякой литературной придумки испытывал простое горячее чувство с живой женщиной. Весь этот счастливый день пробыл в дурмане. Вика перебирала немного и на гитаре, это было так хорошо. На закате мы отправились гурьбою в город, с начала трамвайных путей поехали разными маршрутами, общежитейские все вместе, но Вика не с ними, а со мной. И мы сошли с трамвая в квартале от нашего дома. По редкому стечению обстоятельств в этот канун 1 мая мама поехала на несколько дней в Новочеркасск к Федоровским. Ничего не стоило мне позвать Вику к нам, ну стесняясь, как миновать однодворцев, и скрыть её у нас на два дня, — но я помню, что такая дерзкая мысль не пришла мне в голову, я позже, гораздо позже понял эту потерянную возможность. А в тот вечер — посадил Вику на трамвай в общежитие.

А между тем — это был поворотный пункт моей жизни. Так надолго решилась моя жизнь — и неблагоприятно. Мне открывалась редкая возможность отепления, смягчения, сердечного обогащения. Сойдись тогда я с Викторией — я не только избежал бы крупных жизненных ошибок, но и писателем стал бы раньше, увереннее и объёмнее. Чуть бы мне расслабиться да отклониться от вектора! Но ничего этого я не понял, и всё упустил. На следующий день была обязательная первомайская демонстрация, все студенты на ней. В колонне физмата близ меня — тёплая близкая Вика, а на остановке пройдёшься к колонне химфака — там несравненная, превознесенная На-

таша — и, кажется, она уже видит мои движенья с Викой. Предстояло теперь на полтора дня праздника решать, с кем их проводить. Я — не мог выбрать. Раскололась моя цельность, и я уже не понимал, кого ж я из них двух люблю. Не охватывал я разбуженных чувств Вики, и сколько это весит, когда любят тебя. И принял решение фантастическое, вполне в моём отречённом духе: ни с кем, ни с той, ни с другой, остаюсь дома один, занимаюсь или пишу, а между тем чувства разберутся сами, кто же ближе к идеалу. И гордился в тот день таким решением, урод! Открывалась такая естественная живая близость с Викой — нет, она была недостаточно комильфотна, я вгонял себя в «классическое» ухаживание за куклой Наташей.

И чего бы мне в голову не пришло — но это уже общеюношеское — открыться маме, посоветоваться с ней. Мои любовные вздохи и стихи все миновали её — я давал их читать друзьям и девушкам, но не ей. Мама совсем не ведала ни чувств моих, ни предметов восхищенья — а сама, по деликатности, не задавала вопроса и не вмешалась. Мне в голову не приходило примерить: а какова ж моя будущая жена будет для мамы? что для мамы — этот вопрос никак не менее важен, чем для меня. Да и вообще же откровенность между нами за годы загасла — а как, когда, от детской полной откровенности и к загасанию, — я не заметил. Мама — всё работала, чтобы содержать нас, а я не находил охоты поверять ей свои порывы, мысли, запросы, не находил интересным с нею обсуждать мою такую сложную интеллектуальную жизнь.

Со многолетним опаздыванием понимаю я, как это было немилосердно, как худо я её возблагодарил. Да моя-то душевная и умственная жизнь была для неё всего важнее! — ведь это и был главный плод её воспитания и жертв стольких лет. А я — не делился, нужды не испытывая делиться, и не ощущал, как бы маме это живительно было нужно. Наблюдая годами разгорание моей литературной и политической страстей, может, надеялась она, что это охранит меня от мелких путей или от роковых сердечных ошибок, которые так легко разваливают жизнь человека. (А в этих моих слепых устремлениях — и была сердечная опасность. В чём молод похвалится, в том стар покается.) Конечно, мама видела моё перерождение в советского человека, но никогда не пыталась ему помешать: ведь так катилась и вся жизнь страны, и она могла только матерински радоваться, что такому — мне будет легче жить в советской обстановке.

У самой у неё не оставалось никакого досуга, тем более для развлечения — за работой, да какой! Кроме дневной служебной в учреждении — вечерние и ночные подработки стенографированием совещаний, съездов. И когда бывал у неё бюллетень, и даже температура 38° — она, бывало, выходила на работу, чтоб иметь право пойти вечером на подработку. И — базар же на ней, и готовка, и стирка, и, по нашему быту, разгорячённое выскакивание на холод, а туберкулёз в ней не унимался. Как я понимаю, лет с 35 не было у неё и близкого мужчины (если ещё был перед тем какое-то время Гер-

ман Германович), а тут и Федоровские из Ростова уехали — и всё общество её стала единственная знакомая по работе, пожилая, бельмоватая, страшная на вид, не очень добрая машинистка Марья Денисовна Куликова (у которой, по нашей тесноте, ещё и достаивала часть нашей мебели — бабушкина тахта, какие-то этажерки, обломки дореволюционной жизни). Когда М.Д. иными воскресными вечерами приходила к маме — я всегда уходил в читальню: и их разговор не стеснять, и самому не раздражаться отвлечениями. Наверно, там-то мама и жаловалась тихо. Так мы жили с мамой ещё и вместе — и уже врозь. Правда, я много помогал маме по хозяйству, по магазинам, но подумать, что сделать, изменить, чтобы маме было легче, дружественней, теплей? — не приходило в голову. Это был рок моей вечной, не мной установленной векторности, вокруг неё жёсткости, и самые близкие люди должны были испытывать это сильнее всего. Сосредоточиваясь на едином, мы неизбежно хладеем на всём другом.

Моё воздержание от выбора между двумя девушками как-то опять склонилось в пользу Наташи, с Викой не было больше поцелуев или прогулок (не последней была тут моя боязнь: а вдруг забеременеет? — тогда я считал себя обязанным жениться — и прощай моя жизнь и все замыслы!), хотя, разумеется, я написал стихотворение в честь того загородного дня и подарил Вике. А за Наташей я *ухаживал*, то в доме у неё бывал, то гуляли по улицам, в парках. И в начале июля, перед моим отъездом в следующий велопоход, — я решился (при большом напряжении) объяснить ей в любви — мало, что читала же она мои изъяснения в стихах, могла бы и знать. (Кажется, Вике я не говорил прямо «люблю»: очень высоко расценивал это слово.) Я повёл Наташу в душно-знойный вечер в обширный театральный парк, и там на скамье, в полутьме, при дальних фонарях, сказал изменившимся голосом: «Ты знаешь, как на Крещение бросаются в прорубь?» (Вряд ли она и знала, с православием не было у неё знакомства.) И это к тому, что вот — решаюсь объяснить, люблю!

И снова удивила меня Наташа: как в своё время о стихах не сказала ни полсловечка, так и теперь ответ её был — не живое движение, а скованное молчание. И уже на мои допытчивые вопросы неопределённо потянула, что — «не ожидала»... не знает, что ответить.

Не ожидала. После того, что я два года числюсь её поклонником? Вот уже целый год танцую с ней, провожаю домой? Если б у меня было хоть чуть сердечного опыта (да ведь только что вот его огонь передавала мне Вика!) — я бы хоть тут окончательно мог понять, что Наташа — деревяшка и ничего не чувствует ко мне. Но опыта такого — у меня не было, и ещё много лет не будет, и этой её природной холодности я долго-долго-долго ещё не пойму. С трудом добился, что «как-то ей всё представлялось иначе», — пойди пойми.

Но решение моё — было решением гордости. Я — охолодел, вдруг представлялась мне пустота этих двух потерянных с нею лет. Ещё мы не расста-

лись, только возвращались в онемевшем разговоре — я твёрдо решил, что я с ней кончаю. Но не грубо, не так, что в этот же самый вечер 2 июля. На 5-е у нас уже билеты на концерт Тамары Церетели, ходим. Потом — ещё через несколько дней зайду на полчаса. А 15 июля мы уезжаем на 40 дней в велопоход, и после того уже не вернусь к ней.

И 5-го пошли на Церетели. Стареющая певица пела старинные романсы, и на долгий бис:

Счастье лежит у нас на пути — не проходите мимо!

И, видимо, вот этот романс — на Наташу подействовал. На меня — уже нисколько, я был холодно решим. А 10-го, когда я зашёл к ней последний раз перед велопоходом (по Украине и Крыму) — во-первых, возник неожиданный для меня разговор, что они с мамой поедут не на Кавказ, как собирались до того, а — в Ялту, в последнюю точку, где кончался наш поход. (Когда узнала об этом позже моя мама, у неё с досадой прорвалось, что — «поехали в Ялту женихов захватывать».) А когда я уходил — Наташа, взяв с меня слово, что я не прочту прежде, чем уйду, судорожно всунула мне в ладонь записочку и убежала. И тут я ещё ничего не понял и не взволновался. Под светящими окнами угловой аптеки развернул комочек, прочёл: «Я неправду тебе тогда сказала. Я люблю тебя». Но и тут — я тоже не взволновался, не настолько уж я был туп: как это «неправду»? почему же «неправду»? почему же не сразу? Что же, полюбила за эти 8 дней? Элемент погони за упускаемым — тут был, я чувствовал. (Может, просто из гордости: страх потерять наглядного ухажёра?) И решение моё не поколебалось: между нами — кончено.

Но — Вика?? Уже была в Таганроге, по неизвестному адресу. И — дней не оставалось до велопохода. А Наташе я всё ж пообещал писать «Ялта, до востребования». А писать для меня — затрава, только возмись за перо. И — погнался я Наташе с пути письма, да длинные. (А ведь — не маме, маме и четверть того не написал?)

Здесь отступаю от текста 1985 года. Тогда — у меня и в памяти не осталось, чтобы в тех моих письмах было что стоящее внимания. Но в 1998 лежат передо мной копии моих тогдашних писем к Наташе, полученных через ЦГАЛИ, куда Наташа отдала их хранить. Ах, лучше бы мне их не видеть. Перечёт этих писем для меня теперь — невылазный, глубокий стыд. Одно — это мелкозубчатое остроумие, этот ничтожный хохотливый тон нашей тогдашней студенческой компании; а когда, в описаниях виденного, клочки знаний — то нахватанное от экскурсоводов. (Но даже спутал Владимира Святого с Владимиром Мономахом.) А главное: многостраничные письма мои изобилуют нагромождениями любовно-нежных слов и заверений — непомерно, и в резком несоответствии с тем Наташиным равнодушием и надуманностью. А мне и ответный объект как будто не важен, мне — лишь

бы кого-нибудь любить. Сквозь любовный бред свой всё-таки замечаю: в том нашем с Кокой велопоходе когда ни приду на назначенную почту спросить «до востребования» — всё нет и нет от Наташи письма. За эти сорок дней велосипедного похода с опозданиями получил два-три малозначных, мало-выразительных, и «ещё не получил ни одного от тебя письма без оправдания, почему коротко пишешь». И меня — это не вразумляет, я попрежнему изливаюсь водопадами любви — и жажду в конце похода встречи с нею в Ялте. (Ничтожной встречи, как и вся эта моя жалкая юность...)

Два больших велосипедных похода в те два лета были крупными событиями моей жизни. С детства я мечтал о больших путешествиях — и вот они открылись, через велосипеды. Бесконечно сладко было даже только вообразить прокрут-прокрут-прокрут километров не в подгородных двуконечных экскурсиях, а в однолинейном путешествии. Со середины первого курса приуниверситетское спортивное общество «Наука» обещало финансировать такой поход, но он, кроме спортивной, должен был иметь и политическую задачу — и это было: «На родину товарища Сталина», в Гори. В городской секции велосипедистов, была такая, другие опытные подсказали нам уже проверенный маршрут: Владикавказ — Военно-Грузинская дорога — Тбилиси — Гори — Боржом — Ахалцых — Батум — Сухум — Сочи. Это составляло 1750 километров, немало, от Ростова же и до Ростова поездом. Весной мы тренировались, по разным причинам некоторые участники отпали, осталось 7 человек — 6 университетских, а во главе — из партийной школы Саша Брень, очень хороший, лет 25. Туда входили мы оба с Кокой Виткевичем, наша старая школьная соученица Люля Остер (немка, и не будет другого места сказать, что со своей сестрою Эдикой была она в 1941, сразу после окончания университета, выслана в немецкой волне, боюсь, что погибла), ещё девушка с биофака, и ещё двое парней с физмата¹⁸. Все мы были настроены самоотверженно уложить себя поверх трудностей, девушки — не столь безкрайне, а советская техника могла нас подвести (и для меня едва не оборвала поход из-за покрышки, всё вылезавшей и вылезавшей из колеса). Но даже при недостатке запасных частей мы справились отлично. Везли изрядный багаж на багажниках, юноши килограммов по десять, для экономии ночевали в школах, клубах на полах, а то и в сараях, — да ведь гостиниц советская глушь почти и не знала. Физическая закалка для нас оказалась великолепна. Только пах мой больной иногда изнывал.

Но каковы же впечатления! Утренний в полутумане въезд на Военно-Грузинскую дорогу. Подъём к Дарьяльскому ущелью. Над селением Казбек загадочно высоко на горе одинокий храм. Я вечером вскарабкался туда, на кручу. (Вошёл он в память мою. А недавно, перечитывая «Путешествие в Эр-

зерум», убеждаюсь: при проезде Пушкина храм закрыт был облаками, он не видел. Читаю дальше: на обратном пути гора была открыта — и Пушкин именно его видел, о нём и написал стихотворение!¹⁹ Так!) Рано утром и нам открылось дальнее зрение — и вот он, совсем рядом, а вчера не видный — огромный белый изрезанный Казбек — ка-кое зрелище!! Подъём на Крестовый перевал. (Машины тяжелы, мы поднимаемся большей частью пешком, ведя за рули, переменных передач тогда не знали, — путь долог, но зато как запоминается, каждым извивом!) Нарзанные озерки и купание в них. Стада овец на горных кручах. Обелиск перевала. Вскоре открывается воистину бездна, но зеленеющая на дне и с домиками там, что за вид! — и по краю её, по извивам, мы очень смело съезжаем вниз 28 километров, каждую минуту рискуя сорваться с кручи, никакой велосипедный тормоз тут не удержит, нас научили тормозить каблуком о заднюю шину. И сразу — цветущая долина Арагвы у Пассанаури, и весь грузинский кулёр-локаль, *сасади́лы* (столовые) с пылающе перченой едой, хитрые управители их и вино вместо воды. На другой день — Мцхеты с монастырём (уже отменённым). Сам Тбилиси. (Если б я тогда знал, как он понадобится мне для великого князя Николая Николаевича²⁰, я бы что-то рассмотрел специально.) Гора Давида, кладбище, могила Грибоедова с поражающей эпитафией от жены: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» Грузины открыто задевают наших девочек на главной улице, нас поражают эти нравы — и надолго у меня появляется к грузинам неприязнь. Не столько мы заняты осмотром достопримечательностей Тифлиса, сколько: как попасть на футбольный матч Грузии против басков. Я тогда был очень изобретательный, напористо-нахальный (по-советски), умел и без очереди тискаться, не те талоны показывать, обманывать, и вот добываю эти недостижимые билеты в комитете физкультуры. Наслаждаемся матчем. Дальше — Гори (перед ним — горе с покрышкой, предмет для каламбура). Родина Сталина откровенно никого из нас семерых не интересуется, только чуть удерживаемся от открытого зубоскальства, но вынуждены идти осматривать избушку сапожника под мраморными пропилями. (Спустя полвека, в 1992, Кока Виткевич вдруг сочинил «Комсомольской правде», что и попасть туда было трудно, начальник похода Саша Брень будто просил разрешения в ЦК Грузии, — да зазывали под те пропили, лишь плати копеек по 20. И ещё Кока сочинил, будто наше с ним политическое сознание прояснилось именно от пустоты сталинского музея, — это вздор, я-то Сталину цену знал.)

Дальше наш путь лежит вдоль реки Агары: Хашури — Боржом — Ахалцых с заездом в Абастуман, курорт туберкулёзных, он кажется нам сказочно

¹⁹ Имеется в виду стихотворение А.С. Пушкина «Монастырь на Казбеке» (1829).

²⁰ О тифлисской ссылке великого князя Николая Николаевича в роли кавказского наместника см.: «Март Семнадцатого», гл. 356 (Собр. соч. М., 2008. Т. 13).

красивым — и в нём успеваем доехать до недоразрушенной часовни над тем местом, где упал мёртвым великий князь Георгий. (Мы настолько неграмотны все сплошь, что многие годы должны пройти прежде, чем я пойму, что это был родной брат Николая II, мы и не слышали никогда о таком.) — От Ахалцыха въезжаем в приграничную зону близ турецкой границы (и поскольку в Ростове всем нам выдали пропуска в НКВД — значит, среди нас нет политически подозреваемых — и, значит, я тоже не таков). Унылые глинистые холмы, заветный вид какой-то чужой земли: вон те холмы — уже Турция. Дружеская беседа с месхами из пограничного колхоза: Кока вывез из Дагестана тюркский язык, на котором его тут прекрасно понимают. (Эти обречённые месхи все будут выселены потом и никогда не приняты Грузией назад²¹.) После Годерзского перевала — Хулó и долинный выезд к Батуму против закатного солнца над морем. И удивительные краски батумских закатов. Чакви, чайные плантации и невиданные субтропические деревья. Труднейшее бездорожье через плавни от Поти через Анаклию и на Зугдиди. Наконец Очамчира — и прекрасное приморское шоссе до самого Сочи.

Землепроходная страсть! — вперилась в нас, и уже так легко не покинет.

Второй поход, после 2-го курса, украинский, и не предусматривает никаких железных дорог — а чистые 2500 километров на своих колёсах. Мы с помпой выезжаем по ростовской Большой Садовой улице, нас всего четверо в этот раз, я начальник похода, из прежнего похода ещё Кока, потом старшекурсники физмата Коля Жешинский и Сейка — может быть, от Моисея, а фамилию его я не вспомню. Помпа в том, что впереди едет мотоцикл с флажком спортобщества, а мы — редкой вереницей, в одинаковых жёлтых майках, медленно, а на спинах у нас пришпилено и читают ростовчане: Ростов — Киев, Киев — Одесса, Одесса — Севастополь, Севастополь — Ростов. Но, увы, наши велосипеды уже не для такого бесперебойного похода, а к тому же, распалившись на таганрогском шоссе, мы жадно пьём из холоднейшего колодца — и все простуживаем груди, я хуже всех. Весь поход — это сельская Украина (через 5 лет после голодного мора, но мы даже не знаем о нём, и на ходу ни от кого и местного не узнаешь, никто такого не расскажет проезжаем, и следов уже нет). Невыразимо, неповторимо прекрасная страна. С перехолмками, перелесками, дубравами, хуторами, и ещё почти без автомобилей, без этих туч пыли или асфальтовых шоссе — Украина, которую уже никто никогда в том виде не увидит и которую я кровно люблю, очевидно через дедушку. За 40 дней похода много мест так врезались мне в память, как будто я их глазами сфотографировал для себя навсегда. Если б я мог их описать! — уже невозможно. Если б я мог там ещё побывать! — вряд ли когда. Правда, сперва мы пересекаем унылый Донбасс с конусами пустой породы (худшего места не запомню). Успенское —

²¹ Грузины-мусульмане месхской субэтнической группы были принудительно выселены в 1944 году из региона Самцхе-Джавахети, их исторической родины, по постановлению Государственного комитета обороны СССР № 6279 от 31 июля 1944 года.

Моспино — Сталино (Юзовка) — Гришино. Под Гришино что-то случается с одним велосипедом, и я беру на совесть первое нарушение режима: от Гавриловки грузимся в поезд — и до Полтавы. Каждый такой переезд отнимает у нас деньги, которые мы не можем указать в отчёте (это наша тайна!), и, значит, надо сэкономить за счёт питания. В Полтаве чинимся, смотрим памятники — «Славе», Гоголю — сильное впечатление, и Полтава обворожительна, ни трамваев, ни автобусов, зато извозчиков сколько. (И тоже уже невозвратна та.) Но я, с большой температурой, остаюсь лежать на школьном полу, наши трое выезжают на Киев, я должен догнать их поездом. Под Пирятином они попадают под сильнейшие ливни, украинские дороги совсем непроездны, они тоже садятся в поезд. Как-то условно встречаемся в Киеве. В таком городе в школе ночевать не дадут, но по Тифлису есть опыт: добиваться университетского общежития, это мне удаётся.

Несколько дней в Киеве не могут не сотрясти русского человека, кто там ещё не бывал. Впервые я понимаю, что не Ростов — совершенство, кусок души оставляю я навсегда в Киеве. Правда, Печерский монастырь бездействует, музей атеизма, — но ещё цел Крещатик, святой Владимир с огромным крестом — не снесен, цела София (как музей) и другие соборы, стоящие вмертве, но не снесенные. Картинные галереи — русской и западной живописи — через сквер против университета. Брожу и не знаю, до чего же бы мне надо всматриваться в это всё: доходный дом Богровых; или Первая гимназия (которую убийца Богров и кончил); Купеческий сад (где он бродил с пистолетом, ища Столыпина); оперный театр — и мы там внутри на спектакле, а ведь не ведаю, что именно вот тут застрелен Столыпин²², — чудовищно наше невежество в собственной стране!

И снова мягкая Украина — Васильков, воспетая Белая Церковь²³, дальше Умань, потом Одесса. Нам предусмотрительно выданы спортобществом не все деньги вперёд, это форма контроля над маршрутом: в Киеве я получаю часть суммы, ещё в Одессе, ещё в Севастополе, в изломных точках маршрута. Однако велосипеды наши то и дело ломаются, и не хватает сил чинить их своими средствами, а мастерские только в крупных городах. Из Нико-

²² О Богрове, о месте и обстоятельствах совершенного им убийства премьер-министра Столыпина см.: «Август Четырнадцатого», гл. 63–65' (Собр. соч. 2006. Т. 8).

²³ Вероятно, автор имеет в виду строки пушкинской «Полтавы» (1828):

...Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады,
И старый замок озаряет
И тихо, тихо все кругом...

Белая Церковь упоминается и в романе Г. Сенкевича «Огнем и мечом» (1884), и в «Белой гвардии» (1923) М. Булгакова.

лаева мы должны ехать на Херсон и Перекоп — но опять поломка, а впереди — пески, и ничего не остаётся, как пожертвовать заветным (для меня) Перекопом — сесть в поезд на нелепый крюк через Днепропетровск — и прямо в Севастополь. Пошёл наш поход по пути беззакония — и оттого уже не удержишь, распадается. От Днепропетровска отпадает один наш сотоварищ, от Севастополя другой. Севастополь — ещё тот, довоенный, а значит и до-революционный, со всей самобытностью, необычной горной постройкой при море, необычной треугольной конфигурацией центральных улиц, прежде всей сталинской перестроечной пышности — обаятельный город, и не мне повторять лучшие перья, писавшие о нём. Из Севастополя мы с Кокой трогаемся всего лишь вдвоём, вот всё, что осталось от помпы выезда (а те наспинные плакаты давно спрятали). Но ещё достаётся нам вся здешняя красота. Уединённая бухта Балаклавы. Подъём к Байдарским воротам, их прорыв — и уже отгороженный недоступный для простых советских Форос (и Мухалатка, и много уже других недоступных мест, отрезанных от смертных для номенклатуры, мы прёмся туда — нас отгоняют). Алупка. Ливадия. (Тут в царском дворце — дом отдыха, тут я многое рассмотрел, это пригодится.) И спускаемся к Ялте. Отсюда — мы поплывём на пароходе, баста велосипедам, а уж как там будем отчитываться.

Эти два похода вместе с Кокой сильно укрепили нашу первоначальную, не столь близкую дружбу старших классов школы. Это уже как бы солдатская дружба, мы чувствуем себя закалёнными воинами. А здесь между нами есть и щель раздора, о которой мы оба, однако, *никогда* не сказали вслух ни слова — и это выказывает в Коке благородство и умение возвыситься над неудачей. Они ведь учатся с Наташей на химфаке в одной группе, и Кока с первых же месяцев первого курса повлёкся к ней — не говорю «влюбился», потому что такое слово не в его духе, слишком subtilно, и никогда бы он не произнёс вслух. Он даёт ей уроки шахмат, они играют, занимаются вместе, и Кока тоже нравится Наташе. И вот тут, несчастным образом (для всех троих на всю жизнь, потому что они очень подходили друг ко другу и характерами, и уровнем отношения к жизни) я встречаю со своей измышленной влюблённостью — и расстраиваю их отношения. Кока не пытается активно состязаться — у него в характере уйти в себя, замкнуться. В Ростове было на виду у всех, что мы с Наташей вместе на уроках танцев, танцуем на вечерах, иногда ходим в кино и на концерты — а никогда Кока не бросил мне упрёка, и я не ощущаю, чтобы в чём-то испортились наши отношения. Но вот теперь как же горько складывается: мы приезжаем в Ялту всего лишь вдвоём, было бы легче, если бы всей четвёркой, я уйду на вечерние встречи с Наташей — а он остаётся один в доме пионеров, где мы устроились ночевать. Мне очень тяжело, и как будто я предаю друга. И он — не упрекает меня, и даже как бы не обижается. (А через три дня поедем все вместе пароходом в Ростов — и наши с Наташей отношения будут на глазах у него.)

Итак, Наташа с матерью приехала пересечься со мною в Ялте — и тем закрепить меня... Да сбит я с толку этой её торопливой записочкой «я люблю тебя» — хотя понятно же, понятно, что не могло такое измениться за неделю. Но я себя обманываю — потому что надо же кого-то любить в 20 лет? И вот — мы опять сидим с ней, теперь на горе над Ялтой, в темноте, внизу сверкает город, порт, оглушительно на всю бухту проигрывают советские песенки, — а мы теперь? И во мне опять растёт непонятность. Тут же в Ялте я, конечно, опять пишу большущее стихотворение, а по возвращении в Ростов вручаю его Наташе: «Раз только “да” написав опрометчиво, / ты лишь играешь теперь... / Ну так не медли, зачем лицемерие, / ты не рассеешь моё недоверие, / я не останусь рабом».

Или останусь? Насколько ж отчётливо я уже понимал в стихе, — но не в жизни? Сейчас поражаюсь. Зачем я продолжал держаться за эту безжизненность и давал ей тянуть ещё год — мой 21-й — эту сухотку, изнуряющее ухаживание и безо всякого родства душ. Эту подделку любви, эти мёртвые в поцелуе губы.

Одно объяснение: ведь я считал любовь совсем не главной в жизни, а столько мне предстояло бесконечно более важного! И не вернулся к Вике? Да всё по тому же. И Вика же не такая блистательная, не играет на рояле.

Презираю эту свою тогдашнюю неразборчивость.

Физмат от курса к курсу требовал больше труда — но уже и навык был у меня. Я вполне уже осознал, что хотя на физмате при моих сплошных пятёрках мне будет открыт путь в аспирантуру — а я совсем туда не хочу, уже сыт математикой, отдавать ей жизнь не буду. Надо сказать — и преподавали нам не вдохновенно, мелькали над формулами мысли и имена великих математиков — а оставались они для нас теньями вне своего века, своих стран, своей жизни, — и никто не потянул нас почувствовать их вживе. Льются всё новые учебные предметы через мою голову — а душа моя не сопричастна им. Переводится к нам из Московского университета доцент Верченко²⁴, читает свежие курсы — теорию множеств, топологию, — я не воспринимаю душой, какой это контраст со «старой математикой», где ученики Мордухая-Болтовского²⁵

²⁴ Верченко Иван Яковлевич (1907–1995) — выпускник мехмата МГУ, аспирант академика А.Н. Колмогорова, с 1937 года — доцент Ростовского государственного университета; в 1947-м приглашен на работу в Министерство государственной безопасности СССР для исследовательской работы по вопросам анализа и синтеза машинных шифросистем, работал в закрытой лаборатории марфинской шарашки, с 1962 года — начальник кафедры высшей математики технического факультета Высшей школы КГБ, с 1963-го — начальник технического факультета. В романе «В круге первом» Солженицын описывает свою подлинную встречу с Верченко, назвав его Петром Трофимовичем Веренёвым (гл. 10: «Розенкрейцеры»).

²⁵ Мордухай-Болтовской Дмитрий Дмитриевич (1876–1952) — выпускник Санкт-Петербургского университета, профессор Варшавского университета, с которым в 1915 году эвакуировался в Ростов-на-Дону, в РГУ заведовал кафедрой математического анализа. Солженицын в той же главе «Круга» выводит его под именем Дмитрия Дмитриевича Горяинова-Шаховского.

один за другим защищают диссертации по «задачам на построение на эллиптических поверхностях»...

Однако окончить физмат надо было достойно — и даже уже создавался значительный перевес моих сил над горой материала. На 3-м курсе читал нам и знаменитый в Ростове, совсем уже старый Мордухай-Болтовской, он говорил неразборчиво, быстро, комкая фразы, не договаривая мыслей. По слабости ног садился к доске на стул, одной рукой писал, другой вскоре стирал, записать его лекций никто не мог, но мы с Милей Мазиным всё же умудрялись: сидели за первым столом, один пытался записывать только его речь, второй — только списать с доски, а время от времени давали друг другу знак, ставили его в конспекте, и это были рубежи отрезков. Потом вместе расшифровывали, дополняли — и открывали глубину и красоту. А сдав экзамен, как мы наладились, прежде срока — отдавали эти конспекты в пользование девочкам. Очень дружно, покладисто мы с Милькой работали, без единой размолвки за все пять лет Университета. Работали мы обычно в пустынной читальне Тяжпрома, на углу Большого и Малосадовой, в нашей комнатке часто никого не бывало кроме нас, мы могли и вслух разговаривать. Там мы читали и газеты, и обсуждали горячую политику тех лет, шарили по настенной карте Европы — это же годы какие были: присоединение Австрии, мюнхенская капитуляция, расхват Чехословакии, падение Польши, Югославии, Скандинавии, Франции, — а мы работаем всё в той же неизменной комнатке, судьи со стороны, а нас будто и не коснётся, как вот же не касаются и чьи-то там в городе аресты. Уже со 2-го курса мы с Милей наладились давать частные уроки по школьной математике, передавали друг другу лишние, по всему городу гоняли по ученикам. Это была большая потеря времени, но работа приятная, а — нужны были молодым людям какие-то деньги, и нельзя было дальше висеть на одиноких матерях. (И ещё прочней я усваиваю, что деньги — это наше время, наши жилы и силы, швырять деньги — значит расшвыривать невозвратимые силы. Неизбежное качество вектора: бережливость.)

Между тем на комсомольском собрании физмата выбирают меня редактором факультетской стенгазеты. Используя свои литературные и юмористические средства, и с помощью младшекурсника Лосева, тоже не бедного ими, я устраиваю стенгазетное чудо: повсюду стенгазеты пылятся несменяемые от октябрьского праздника до 1 мая — у нас весь год газета выходит еженедельно, с богатым (и не дешёвым) юмор-отделом. Все о том знают — и в понедельник перед первой лекцией все толпятся к ней, и профессора тоже. (Стенгазета эта потом прославилась на молодёжный Ростов, была премирована на городском смотре газет. А я в начале июня напечатал объявление, что в связи с началом летней экзаменационной сессии газета выходить до осени не будет. Что поднялось! Вызвали меня в партком, да как бранили! Я: но ведь все не выпускают, и даже по полгода, а я честно предупредил.

Парторг: так вот *этого* и нельзя, можешь молча не выпускать. Урок советской добродетели! — я ещё плохо в ней разбирался.)

Как-то умудряюсь — и зачем же? — не вовсе бросить и сцену: ходит на физмат артист Бродский, руководит драмкружком — я и тут, и с Валей Добродеевой, она — курсом старше, мы разыгрываем купеческие сцены из Островского. (Через 36 лет в Цюрихе получу от неё письмо; спрашивает: я может быть и переписываться не захочу, она замужем за бывшим власовцем. Оказывается, Валя ушла с немцами — вот так мы были друг от друга скрыты.)

Моё литературное сочинительство между тем кипит. По «сюжету» Вики я всё же пишу рассказ «Цыганёнок». Но вот сегодня читаю — Боже, что ж я с ним сделал! Не могу сейчас точно вспомнить Викиного рассказа, сколько я изменил и сколько добавил, — но злоключения и слабость девичьего сердца вовсе убраны, любовная история превратилась в политическую, большевицкая и ленинская гуделка вступают в мои страницы, какова ж глубина моего обмороченья! Главный сюжет — «парикмахеры», несчастные колхозники ночами стригут колоски, и я не только не задумываюсь об их нужде, но, по-советски, изображаю их злодеями, а комсомольскую «лёгкую кавалерию» героями. Читать это сейчас — мне страшно: да, я вполне мог вылупиться в корифеи социалистического реализма. Единственное живое движение: описать степь да включить пословицы, но — неумело, неумеренно напихиваю их. (Далевский сборник пословиц сохранился у меня от тёти Иры.)

И я — дарю эту повесть Вике, к какой же, наверно, грусти её! — как бесчувственно я всё разронил.

Но что! По какой дикой залётности, на какой пустой фантазии я начинаю писать детективную повесть «Ласточка», да четырёхстопным ямбом, тысячу и вторую строк, в гладком виршеплётстве: как советских моряков в Шанхае облапошивает русская эмигрантка (враг!), притворившаяся несчастной француженкой, — да кроме дешевизны замысла что ж я знаю о Шанхае, о флоте, об эмиграции? — вот вижу, прочёл дюжину книг, библиография сохранилась, и плету, плету, подсчитываю, что глагольные рифмы не превысили 11%, хорошо — и может быть только та одна там пророческая сцена, что главный персонаж на допросе в НКВД, и вечернее солнце заливают кабинет — точно, как будет потом мой последний допрос на Лубянке, когда я читал своё дело. Вот — столбики заготовленных рифм на тему. Вот с новой энергией (и какими же запасами времени?) начинаю переделывать всю повесть заново в прозу, и продолжаю её дальше.

По каким же бесплодным линиям меня заносило!

И в это же время — пишу ещё и ещё новые редакции своего детского рассказа «Николаевские». И, по своему будущему огромнейшему роману заносясь сразу в эпилог, — пишу сцену встречи в 30-е годы в парижском ресторане — успешливого коммунистического чина (Саши Ленартовича) с эми-

грантом-полковником (Воротынцевым). Русскую послереволюционную эмиграцию — я отнюдь не плоско ощущаю, у меня даже мерцающее о ней представление, как о повседневно умной и горько-возвышенной жизни героев. Вот такое — всё сразу вмещено во мне.

А что моё настоящее в этом всём: что шагу я не промину, чтоб не зацепить остро политику. От политики, хоть и дурно понятой, — я нигде не прячусь, нет. Протопав диамат, истмат, «диалектику», я теперь — убеждённый ленинец, совсем ещё не понимая, как опустошается моя душа. Но о своём писании и не слишком обманываюсь. Вот пишу в этот год — «Сомнение»: «Раньше я верил в своё назначение, / ныне не верю уже ни во что... / Плохо? Талантливо? Сильно? Посредственно?»

А между тем никак же не угасла дружба с Кириллом и наши с ним литературные мечтания. Он — в мединституте, из-за перехода потеряв год, и он тоже, попеременно с анатомической зубрёжкой, катает и катает поэмы, куда легче меня. Он записывается и меня записывает в литературный кружок при доме медработника — и так мы впервые попадаем в круг таких же ревнивых искателей литературной славы и во всю эту растравную обстановку. Руководит кружком — из областной газеты «Молот» огромный, грубый тупой детина Иван Данилович, неизвестно какое отношение имевший когда к литературе. Читая тут по очереди вслух свои произведения, мы вынуждены сносить его невежественный патронат и его заключительные, окончательные политические суждения, а он — несдвигаемо ортодоксален. (И кто бы предположил, что с приходом немцев он будет с ними сотрудничать? Вот какие неожиданности таились в советском народе перед войной!) Я отзываюсь: «Вы хотите сказать, что и темы не те, / и решать их манера иная, / Вы хотите сказать, что мой мозг в темноте, / Что мечусь я, дороги не зная!» Странно, ведь я тоже маракаю в манере соцреализма, откуда ж во мне исконно сидит это уверенное противопоставление себя — лживой советской литературе? «Нет, таким, как они, / я бы быть не хотел / <...> Лучше смерть, чем их шумный блестящий удел». (А всех символистов я осуждаю ещё отдельным стихом, они мне тоже не угодили.)

Одни — присоединяются к подавительной критике патрона, другие высказываются свободней, но мы обмениваемся и друг с другом помимо кружка, тут тлеют и слабо оппозиционные настроения; что-то из того и поддерживает, а что-то уводит от самого себя. Нужна ли для воспитания писателя литературная среда? — я уверен, что нет, это потеря возможной личности. Мы с Кириллом хаживали в этот кружок раз в неделю, пожалуй, и больше года — но ничего он нам не дал, может быть, некоторые знакомства в «Молоте», не приведшие, однако, к напечатанию ни строки его или моей. А друг другу — мы всё давали читать. Явно было, что Кирилл в стихотворстве меня далеко пересиливает. Сам он — нисколько не сомневался в своём будущем большом литературном успехе, и ничто не колебало его уверенности. Уни-

женно носили мы свои стихи на отзыв «областному поэту» Григорию Кацу²⁶, тот очень кисло отозвался — однако мы не унывали. Несколько ободрительней оценил мою прозу Я.Б. Левин из «Молота». (Или подправил меня на большевицкий путь?) Тогда затеяли мы с Кириллом послать стихи в Москву, известному теоретику литературоведения и знатоку стихосложения Леониду Тимофееву²⁷. Он отозвался довольно резко (и справедливо), что это скорей версификаторство (и у Кирилла, и у меня). Мы всё равно не унывали. Мы всё бродили с Кириллом по улицам и мечтали, как овладеем литературой. (Так и связались ростовские улицы и городской сад с этими нашими мечтательными разговорами, и проходя там и через 30 лет, и через 60 — я всё вдыхал тот аромат.)

Вдруг — ударяют меня рассказы Бориса Лавренёва. Мне кажется: вот она, та искомая умная тонкая манера, как надо писать о современности! И я пишу ему большое пылкое письмо: радость, что есть такие писатели в нашей литературе. Вдруг, сверх ожиданий, он отвечает мне — и не коротко, и даже с намёками на кого-то в советской литературе, чего я разгадать не могу. Но подбодрил меня его ответ — как рукопожатие от настоящего писателя.

А с Кокой у нас теперь своя пристрасть: отдавав в университете краткий курс истории философии, мы хотим заняться философией поглубже. В «академичке» (главной библиотеке университета) мы откладываем математику или химию, берёмся за Куно Фишера²⁸, а потом и за самого Гегеля — манит нас раскусить именно его и Канта. Впрочем, зубы быстро устают.

Всё это вместе — наши неутомимые интересы и создавшийся перевес над учебной программой университета, приводит меня к «гениальной», как мы тогда выражались, идее: отчего бы нам со следующего учебного года, продолжая университет, не поступить на заочный курс знаменитого (ставшего нам теперь известным, а школу кончали — мы и не знали о нём, да он недавно и создан) Московского историко-философско-литературного института? Правда, заочный курс предназначен для тех, кто работает, — а для тех, кто уже учится, два института сразу, параллельно — такого в СССР никто не знает. Но попробуем? Зажигаю и Кирилла (он поступит на отделение всеоб-

²⁶ Кац Григорий Михайлович (1907–1941) — поэт, переводчик, драматург, журналист. Автор (совместно с Мих. Штительманом) пьесы «Твой добрый друг» (1941). С начала войны — политрук в редакции военной газеты 19-й армии «К победе!». Погиб в октябре 1941 года под Вязьмой.

²⁷ Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — литературовед, переводчик, член-корреспондент АН СССР (1958), преподавал в Институте красной профессуры, в МИФЛИ, в МГУ, заведовал отделом советской литературы в ИМЛИ АН СССР (1941–1970).

²⁸ Фишер Куно (Fischer; 1824–1907) — немецкий историк философии, гегельянец, автор 9-томной «Истории новой философии» (1852–1877); первые 8 томов (Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) были переведены и изданы на русском в 1901–1909 годах. В советской России отдельным изданием вышел 8-й том: «Гегель, его жизнь, сочинения и учение» (М.; Л., 1933).

щей литературы), и Коку (он — на философский). А я сам — на отделение теории и истории искусства. Этот промах я делаю из-за провинциальности: мне кажется, что литература — неотрывная и надёжная часть «искусства», и, значит, я буду там изучать всеобщие законы его. (А спрашивается: зачем мне всеобщие законы хоть бы и литературы? Но и над тем не задумываюсь: а зачем мне вообще литературное образование с юности? Многознание в литературе только удавило бы всякую самобытность, только испортило бы ожидаемое писательство.) Начинаем переписку с заочным отделением МИФЛИ. Случай настолько необычный, что нам не находят отказать, а только предупреждают, что не будут оплачивать проезд и дни сессий, как обычным заочникам. А мы и не претендуем! — мы сильнее поднажмём на заработок частными уроками.

Но на первую короткую «установочную» сессию Кирилл не поехал. А с Кокой у нас другой грандиозный план: не можем же мы в это лето не провести большого похода. Велосипеды уже слабы, да и нам хочется сменить. Теперь задумано проплыть на лодке от Казани (там купить её) — до Самары или до Саратова, или даже до Сталинграда (и там продать). Спортобщество помогает нам субсидией, спасибо, хотя поездка уже вовсе выглядит частной. Итак, мы одновременно собираемся и в Москву на сессию МИФЛИ, и — со всем хозяйством, начиная от кастрюль (их в те годы в СССР и не купить) и даже запасов сухарной муки, мешков, брезента — сразу затем в Казань.

Так, в постоянном действии, незаметно пролетел 3-й курс. А что ж у нас с Наташей? А всё та же изнурительная сухотка: раз в неделю встречи, иногда проходка в концерт, и потом стояния, стояния в тёмном парадном. Я — изнемогаю, но перестаю понимать, что уже раньше понимал: что ей всякое живое чувство — ничто, что она холодна и может так простоять десять лет. Возвращаюсь домой от Наташи в час ночи — что думает мама? И что это за девица? — мама её никогда не видела, но по своей высшей тактичности не смеет расспрашивать.

А я — ни слова маме о том!.. Как я смею об этом молчать? А вот так — привык, самонадеянно, всё сам решать.

Теперь вот читаю: весной 1939, даты нет, я пишу Наташе горькое письмо: мы стали с тобой часто ссориться; это оттого, что «тормозим на полпути». Но жениться сейчас — я объясняю, почему не могу: время! сжигающее время! Мало мне физмата, мало моих писаний — теперь ещё и МИФЛИ! а добывать квартиру? а пойдёт хозяйство? ребёнок! — потонем. — Тут Наташа встре-пенулась, ответ её был в том смысле: «Ты хочешь меня бросить?» — Боже, какой ужас! да как ты могла подумать? да нет же, да нет же! И — всё осталось по-прежнему, я в 20 лет — в искателях и ухажорах...

Но тут Наташа откалывает новую выходку: она тоже хочет ехать с нами по Волге!! Кáк? с нами, с двумя парнями (и бывшими соперниками!) в одной

лодке?! Да как она не понимает, что это невозможно, нетактично, невместимо? Но она — настаивает! Однако уж как я к ней ни уступчив — этого я снести не могу: нет, ни за что! и даже Коке не скажу о таком плане.

И тогда — это Наташа! — её решение: отомстить и взять верх! Она заявляет: если я не беру её с собой в этот поход — она поедет в путешествие со своим поклонником Аркадием Репманом. (Тоже немцем и тоже, увы, обречённым на изъятие в 1941.) Я возражаю, что такая поездка — не одно и то же, неравноценно, недопустимо! Так тем более она настаивает, у неё решено.

И вот — у них билеты на пароход в Батум, они уедут раньше нас, и мы с Кокой приглашены провожать их. Наташа торжествует. (Мама спросила: «А с кем она едет?» Вот тут — я запнулся, постыдился: «С подругой...»)

Вот был момент (да уже десяток таких моментов прошло) для окончательного прозрения, образумления, разрыва! Но я не только оставался как бы непроявленным мужчиной до самого фронта, — я ещё был взращён эпохой: ведь женщины и мужчины *абсолютно* равны во всём! Какое же я имею право подавлять её волю? и я — покорно принял её решение, и даже идиотски-унизительно (всё из тех же соображений «равноправности») пошёл её провожать — такой перевес женского каприза! (На пароходе тяжёлая красная подвеска пронеслась мимо моей головы, чуть не убила. Вот так наименее, и символично, могло кончиться.) Да что там! из Ростова, в последние дни перед отъездом в волжский поход я снова пишу ей — туда, в Батум, забочусь о ней, исклялся в любви.

20 июля 1939 мы приехали с Кокой в Москву. Мы видели её первый раз — увы, уже сильно испорченной, хотя и не dokonечно. Здесь был мой другой возможный жребий, которого мама не достигла в 1922 году²⁹. Разумеется, нас поразило метро. Очаровали Сокольники, Ростокинский проезд, и до трепета — само здание МИФЛИ, где учатся самые умные и блестящие, а вот удостоились и мы. Очаровательны были секретарши заочного отделения Закржевская и Симочка Бейрак. На лекциях мы сидели обновлённые, счастливые, удостоенные. За пять дней я и не разобрался, что грубо ошибся с отделением. Да шли пока всё больше общие курсы — вот, выдвигалась первая древняя история, а ведь наше поколение никогда и не слышало о такой. С наслаждением получаем огромнейшие задания на полгода. В общежитии на Стромынке (понадобится оно мне для «Круга»³⁰) среди других заочников

²⁹ В 1922 году Таисия Захаровна решила ехать на заработки, оставив трехлетнего сына в Кисловодске на бабушку и дедушку. Выбор мог быть только между Ростовом-на-Дону и Москвой. «В Москву её тянуло гораздо больше, — пишет А.С., — но она не имела там опорных знакомств, могущих помочь приезжей одинокой женщине в большом городе» (Солженицын А.И. Детство // Солженицынские тетради. Вып. 6. С. 18).

³⁰ В романе «В круге первом» в общежитии на Стромынке происходит действие четырех глав: гл. 49 («Жизнь — не роман»); гл. 50 («Старая дева»); гл. 51 («Огонь и сено»); гл. 52 («За воскресение мёртвых!»).

дико выглядят наши с Кокой мешки, кастрюли, запасы продуктов. А вот, через пятеро суток, со всем этим скарбом мы уезжаем поездом на Казань.

И не знаю, что в один из этих пяти дней, в этой самой Москве родилась моя будущая жена Аля, моя верная спутница второй половины жизни...

Наш плав по Волге — и в холодные дни, и под сплошными дождями, и обворовывают нас, и неласково встречают хмурые волгари — прекрасное, и первое в жизни, окунание в истинное советское и природное бытие — ещё сохранившиеся грязные дебаркадеры, сельские кабаки, пустые магазины, да и базары скудные. Все невзгоды мы переносим с энтузиазмом, и для каждой стоянки или ночёвки — сочиняем и заносим в походный дневник название: Костровая бухта, Коряжий затон, Ласточкин обрыв, Пристань Благоразумия, Утёс Хорошей памяти, Подмóкли...

С Волги я продолжаю слать Наташе длинные письма, как дневники (где и сохранились теперь все подробности похода). А от неё, в условленных почтовых отделениях или не получаю ни единого, или, вдруг, в Симбирске — «нервное, непонятное, обидное». В минуты прозрения пишу ей: «Девушка, которая только переносит мои поцелуи и никогда не возвращает их», — а уж по простоте моей где б догадаться: да ведь это, наверно, и холодный (из книг вычитанный?) расчёт: чем малословней и сдержанней — тем крепче к себе привяжешь? Так и получалось... Ничего более не стыжусь к концу жизни, чем моих писем и чувств к Наташе в университетские годы, да и в военные...

Наше путешествие по Волге — и настроение наше, и быт, и пейзажи — достаточно описаны в «Дороженьке». И всё так, как было: и ночная облава в Красной Глинке, и встреча с арестантским катером. Жизнь — предупреждала нас, показывала наше будущее. Но весь-то наш вывод был, от Коки: «Появился сейчас новый Ленин — ведь его б арестовали!»

Хватило с нас проплыть до Самары: уже конец августа, пора кончать. Долго мучились с продажей лодки: давали цену с большой потерей нам. Пароходом в Сталинград мы приехали в знаменитый день³¹, потрясены: Риббентроп у Сталина, и договор с Германией! Помнится, мы одобряли: ловко! Значит — мы не воюем.

А в Ростове меня ждала от профкома на две сентябрьские, уже учебные, недели даровая путёвка в таганрогский дом отдыха. Тогда и Кока себе купил. И мы поехали продолжать: накинуться зубрить римскую историю по учебнику В. Сергеева (достали один на двоих, а Греции не достали, так потом)³². Тут застигла нас и весть о начале Мировой войны³³. Но это нас не касалось:

³¹ 23 августа 1939 года.

³² Речь идет о первых советских учебниках для вузов по истории Аничности: *Сергеев В. С.* Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. 1–2; *История Древней Греции.* М., 1934.

³³ 1 сентября 1939 года вооруженные силы Германии пересекли границу Польши. В тот же день в СССР введена всеобщая воинская повинность и призывной возраст снижен с 21 до 19 лет.

мы упоены были римской историей. (А были б мы на два курса помоложе — так тут бы и загремели в тимошенковскую армию³⁴, узнали бы что почём.)

Две недели мы так и провели: единственный на двоих учебник не отдыхал ни минуты, посменно сидели то Кока, то я, а свободный от вахты занимался латынью или ещё каким мифлийским предметом. В конце концов это уже начинало бесить избыточных там девиц: два парня в возрасте, и ухом не ведут. Стали попарно подходить к нам, задирать или приглашать, мы только отбуркивались. Нам и искренно было не до девиц, так захвачены мы были величественным разворотом римской истории. Но и, кроме того, между нами было скрытое, неназываемое (но и не разлучающее нас) натяжение — из-за Наташи. Как бы отнять её у него — при Коке я теперь никак не мог сделать шагу ухаживания ещё за кем-то. В этом доме отдыха соблазна и не было. Но совсем недавно перед тем: мы несколько лишних дней провели в Симбирске, ожидая денежного перевода от спортобщества. Зной был, мы сживали в каком-то парке близ Венца³⁵. И рабочие девки развязно и живо веселились подле нас. И я не удержался бы к ним привязаться, края терпения моего были переилены почти до потери сознания, — а вот из-за Коки не смел. Может быть, и он из-за меня, такая между нами была неоткровенность: за многие годы дружбы с ним — мы никогда не говорили о женщинах (всё из-за Наташиного клина между нами).

И когда ехали из этого дома отдыха — на таганрогском вокзале набрели на Вику с провожавшей её младшей сестрёнкой. Вика, значит, тоже ехала в Ростов — и так захотелось мне сесть рядом с ней! Но из-за Коки — не мог. И даже не дал Вике заметить себя. Так и запомнилась она мне на таганрогском перроне, как будто попрощались тогда. На самом деле ещё два года учились параллельно, но уже физики и математики разделились, и почти не было общих занятий. Потерял я Вику.

Этот четвёртый курс был для меня весьма нагруженный: уже и на физмате предстарший, а теперь ещё ИФЛИ. Очень много я занимался, — и в литературном своём архиве теперь нахожу за этот год всего маленький рассказик на волжскую тему «Речные стрелочники». Да не много потеряла на том литература, ничего бы путёвого я не написал, ведь «нет тем», как мы с Кириллом считали по отсутствию жизненного опыта.

В общем — дубиноватый я рос в это время. Но силы — переполняли меня. И я катаю стихотворный «Гимн труду»: «Все красоты искусства, наук и земли — / это пироксилин движенья!» Однако не теряю из виду: «Но живут со мной мысли иные / и иные волнуют задачи. / Тайна наших движений, секреты путей, / пониманье ушедших, живущих людей — / этот мир не беднее, — богаче».

³⁴ Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) — командарм 1-го ранга (1939), маршал Советского Союза (1940). В советско-финской войне командовал Северо-Западным фронтом, войска которого прорвали линию Маннергейма.

³⁵ Холм Венец — исторический и административный центр Симбирска.

Но чем же и разве мог помочь мне литературный факультет? Да ещё эта злосчастная ошибка с искусствоведческим отделением: теперь изучаю вопрос о происхождении первобытного искусства и пишу марксистский трактат в защиту Плеханова от современного советского автора — как это мне всё остро нужно?.. А когда в январе мы едем в Москву на следующую сессию — я должен сидеть на «анализе памятников искусства», перед нами выставляют репродукции картин и учат, как их анализировать. Я стараюсь, как могу, но всё больше впадаю в тоску: не моё это, не туда попал!

В этот зимний приезд мы живём на окраине Москвы в селе Богородском, и оно поражает своей старорусской крепкой зимой — тропинками, обледелыми колодцами, тулурами, дымами из труб избяных, — ни такого пейзажа в Ростове нет, ни зимы такой уже не стало. И я узнаю это всё — как родное, как то, к чему я должен истинно принадлежать: не там я родился, не там живу.

Что такое: я всё — не там и делаю не то?

А ещё: многие годы в Ростове я слышал легенду о необыкновенном булгаковском спектакле «Дни Турбиных». Мечтал как о недостижимом. Теперь в наши десять дней — попадает спектакль в филиале МХАТа, бросаюсь, достаю билеты на троих (ещё мало спекулируют, скоро в Москве так уже не купишь) — и идём с Кириллом и Кокой³⁶. Я — был полностью ошеломлён, другого такого сильного театрального впечатления в жизни не помню: ведь я жил постоянной тенью революции и Гражданской войны — и вдруг впервые рельефно восстанавливается *другая сторона*, белая — которой, как странно при моём марксизме, — я сердцем, оказывается, по-прежнему предан! Я вижу здесь урок и призыв: и я ведь тоже буду ту сторону описывать, вот только прогредистись мне через все науки и экзамены. И сверх того: сам дух Булгакова, сверкающая лёгкость его — как призывны, как родные мне. Первый раз я открываю писателя, до такой степени близкого мне! Ощущение — старшего брата. (И это чувство сохраняется у меня на много лет, хотя единой строчки Булгакова я всё не мог достать почитать.) Предложил друзьям: а давайте найдём адрес, проведем автора? Но постеснялись. (А это было — за два месяца до смерти Михаила Афанасьевича. В 1962 рассказал вдове Елене Сергеевне³⁷.)

А между тем на физмате — всё бóльшая специализация, выбор узкого направления, спецкурсов, руководителя курсовой работы. Я рассматриваюсь как первый кандидат в аспирантуру, но знаю, что не пойду: душа моя уже отодвинулась от математики, и даже особенно от новых направлений, вот — от топологии. (Но почему-то именно по ней беру у доцента Верченко курсовую работу «Аксиома Цермело» — спросите меня теперь, в чём эта аксиома

³⁶ О посещении 7 января 1941 года спектакля МХАТа «Дни Турбиных» см. также очерк А.И. Солженицына «Мой Булгаков» (Солженицынские тетради. М., 2013. Вып. 2. С. 5–27).

³⁷ О встречах автора с Е.С. Булгаковой и переписку с ней см. очерк «Мой Булгаков», а также публикацию «Неожиданному другу...» (Там же. С. 28–42).

состоит или что я там писал? Я выбрал эту тему за то, что там можно было пофилософствовать в духе диалектического материализма.) Вот такие у меня были отношения с физматом: отвращён — и люблю. Люблю астрономию, геофизику (очаровательный, стеснительный Алексей Алексеевич Батырев³⁸ их преподаёт). Всю жизнь не любив физику, — пристращаюсь к спецкурсу по строению атома. (В лагере это сильно повлияет на мою судьбу.) И почему-то с симпатией отношусь к такому невдохновительному предмету, как приближённый анализ. (И он меня тоже сильно выручит на рыбинской шарашке.) Вёл его Владимир Петрович Вельмин³⁹ — скромный, умный, с шаром лысой головы. Если кто из наших профессоров имел право на уважение — то он. Была в нём скрытая сила подлинной математики, ума и духа — многое-много мог бы он нам открыть.

Помню такой с ним случай: перед экзаменом по теории вероятностей он поручил мне рассчитать по дореволюционным страховым таблицам, какова вероятность смерти, при заданных условиях, человека «ну, скажем, моего возраста». Я рассчитал, принёс и доложил в ходе экзамена. Он удивился: «Великовата, вы не ошиблись?» В этот момент в аудиторию вошли и объявили: «Внезапно умер Евгений Фёдорович Богословский!» А это был профессор физики — и его ровесник.

Формально начавшись в сентябре, над Европой висела пока бездейственная Мировая война — но нами беспечно не ощущалась. Коснулась только Финская: в сгущённую многолюдную тишину «академички» вдруг вошёл комсомольский вожак и объявил: всем студентам био-гео-факов — аврал, идти на освобождение университетского здания, в 24 часа, под госпиталь. На другом краю страны велась «маленькая» война — а здесь в 24 часа ломали лаборатории, выбрасывали оборудование и коллекции — ого-го-го!

Ещё врывалась внешняя жизнь один раз в году, когда приезжали вербовщики делать комсомольский набор в училища — то авиационные, то инженерные, а то — НКВД. Очень нажимали, иногда и в райком нас вызывали, но всё же можно было устоять, большинство из нас всегда отговаривалось. Да как же бессмысленно было — вдруг посередине бросить университет! (А с парашютной вышки я прыгал, и с самолёта хотел, просился — к войне я был совсем непрочь бы.)

В декабре 1939, к 60-летию Сталина, учредили так называемые сталинские стипендии — 500 рублей в месяц (тогда как нормальная на старшем

³⁸ А.А. Батырев возглавлял в Ростовском университете кафедру теоретической механики с 1934 по 1939 год.

³⁹ Вельмин Владимир Петрович (1885–1974) — выпускник Киевского университета, затем профессор Варшавского университета, вместе с которым в 1915 году эвакуировался в Ростов-на-Дону; был ректором РГУ (1922–1924), заведующим кафедрой алгебры и теории чисел. В 1950-м году уехал в Киев, где возглавил (вплоть до 1964) кафедру высшей математики в Киевском национальном университете технологий и дизайна.

курсе не достигала 200). В начале 1940 началось выдвижение на стипендии, требовалась кроме выдающейся успеваемости также и общественная работа, какая и была у меня — из-за славы стенгазеты. От физмата выделили троих — с 4-го курса меня, а с 3-го Богарсукова и Макарову. (И вот уже который раз я должен в скобках, монотонно: они «остались при немцах», да всё о людях нерядовых. Макарова при немцах что-то делала в Ростове, может быть, всего лишь преподавала, за то потом долго была в ущемлении. А казак Павел Богарсуков просто служил в воинской части у немцев.) Сама выдача стипендий оттянулась ещё на полгода, до лета, но шумиха развернулась: в газетах писали о нас статьи. При этом (государственно нерасчётливо) поставили мне в заслугу то, что учусь сразу в двух университетах — вроде стахановца. Меня пришла снимать областная кинохроника. Но сочли, что скучно снимать около доски с формулами — и изобразили, будто я работаю на трансформаторе высокого напряжения — а я и обращаться с ним не умел, и вообще по физике моя пятёрка была шаткая, стыдно (на 1-м курсе — и тройка в одном полугодии, сказывалось всё пропущенное у нашего школьного учителя). Так и изобразили. Сыпались безопасные искры, я включал-выключал, покатили эту тухту по кинотеатрикам Ростовской области, и стал я даже получать письма от незнакомых людей, они удивлялись, как это я учусь в двух университетах одновременно. Это — и в самом деле было довольно удивительно, но вот — мы трое справлялись.

Между тем продолжалось моё сухое ухаживание за Наташей со стоянием и поцелуями в чужих парадных. Её поездку с поклонником в Батум я простил по широте воззрений, да у них там ничего и не было, всё это был только Наташин гордый жест. В наших отношениях, которые мы называли взаимной любовью, возникла уже инерция, и я поддавался ей, хотя на 22-м году жизни это было крайне противоестественно. Чтобы разорвать эту инерцию, мне надо было найти внимание, время, свободное зрение оглянуться вокруг, сменить знакомства — ничто это было невозможно в мельнице моих занятий, а важнее их я ничего не ставил, в том числе и устройство личных дел.

Теперь присуждение сталинской стипендии на полтора оставшихся университетских года меняло положение: я становился самообеспечиваем, даже без частных уроков, на которые не было уже времени. А значит — и мог жениться. А наши отношения с Наташей и были в таком тупике, что жениться либо расстаться, нельзя ж было ещё и третий год вот так изнурительно выстаивать. Наташа и вела к женитьбе, обрадовалась моему предложению. Но для меня этот шаг был так страшен, так бесповоротен. (Ах, верно внушал мне дедушка: «Не женись, Шуранчик, раньше 36 лет!» А пословица — так ещё ясней: «Не кайся, рано вставши, а кайся, рано женившись»). Сохранилось у меня где-то, что и мама — предвидя, что надвигается, — уговаривала меня подождать с женитьбой, пока я отбуду трёхлетнюю службу в армии. И до чего ж бы разумно! Да разве мне втемяшешь?)

Я не решался вот так сразу и объявить себя женатым, даже для близких. И придумал: зарегистрироваться скрытно, сперва не говорить даже нашим матерям, а тем более друзьям.

Настолько я уродливо мыслил, мне в голову не пришло: да как же можно не то что не посоветовавшись с мамой, но даже скрыть от неё? Какое оскорбление! какое унижение её! Она, одинокая, растила меня от младенчества, она всю душу и жизнь вложила в меня, рисовались же ей какие-то картины моего будущего — а я такой решающий шаг жизни делаю — и в скрыве от неё? Зверство какое-то. А мама — по своей нежности, по своему бережному ко мне чувству — никогда не посмела вмешаться напрямую...

Мать Наташи Мария Константиновна заподозрила, нашла в Наташином паспорте склеенные листы, расклеила их и обнаружила штамп ЗАГСа о браке. (После этого и я — уже из Москвы, с июньской сессии МИФЛИ, письмом, открыл маме. И никакого чувства вины перед ней при этом не ощущал! И тогда моя мама — пошла знакомиться к Марии Константиновне.)

В погожий и даже жаркий день 27 апреля мы с Наташей где-то встретились и пошли в ЗАГС. Мы пересекали шумный перекресток Садовой и Николаевского, где за минуту проходит полтысячи людей, а всего в Ростове полмиллиона — и надо же было выпасть: вот тут мы встретили Коку Виткевича! — как символ нашего смутного, никогда не названного вслух ни им, ни мною треугольника. Смущённо постояли минуту, ничего не объясняя. Среди буднего дня Наташа была в лучшем платьи. Я тоже как-то подчищен — куда мы шли, зачем? Что подумал Кока? (По линии нашей неоткровенности в личных делах и этого мы никогда, никогда потом не коснулись.)

Но и на этом не кончились символы того дня. В квартале оттуда, на Дмитриевской, вошли в ЗАГС. Торжественной процедуры тогда не бывало, всё очень канцелярски, вписали нас в регистрационную книгу и дали довольно гадкую школьную ручку — подписаться. Я подписался. Наташа, сидя против меня, взяла ручку, — обмакнула в чернильницу, и вдруг — не могу этого объяснить без нечистой силы — ручка вырвалась у неё из рук, но не на пол, а сделала сальто вверх, сорвалась с неё большая клякса, и только одна, и точно мне на лоб, у шрама, и только тогда упала ручка, больше ничего не повредив. Конечно, можно объяснить порывистым движением Наташи, — но стало мне очень неприятно на сердце. Пошёл в умывальник отмываться.

А через много лет пришлось этот миг, этот символ вспомнить, ох, вспомнить.

И почти сразу за тем Наташа с группой химичек уезжала на свою практику в Москву, наша брачная жизнь началась с разлуки, с писем (моих, пустоболтских, — а Наташа опять не писала). Мне этот месяц пошёл на обдумывание, на самоуверёние, что я не ошибся, всё правильно. (А катились мировые

события, Германия вторглась во Францию, шла на Париж, — мы жили так, будто Мировая война совсем нас не касается. Как не коснулся же и 37-й год перед тем...)

В 20-х числах июня, всё сдав в ростовском университете, мы с Кокой (Кирилл опаздывал) приехали в Москву же на сессию в МИФЛИ. Наташа остановилась на Малой Бронной у Вероники Николаевны Туркиной, очень доброй женщины, разведенной жены Наташиного дяди. Там уже подрастала прелестная молодая Вероничка — я ахнул, увидев её, и повернулось в моём сердце: ах, не поспешил ли я жениться?

В ИФЛИ, осознав свою ошибку, я теперь приступил к начальству заочно-го отделения (ещё из Ростова заявления посылал): перевести меня с искусствоведческого на отделение русского языка и литературы. Выглядело это, конечно, несолидно: о чём же я думал год назад? Но, к счастью, мне уступили. И отдался я такой русскости! — фонетической транскрипции русской речи, о каковой никогда не подозревал. Древнерусской литературе. Русскому фольклору. Какой родной мир передо мной открывался! — и всего этого я не знал, всё упускал! Да на русском отделении МИФЛИ и было бы моё правильное место сразу после школы? С завистью посматривал в читальнях, в буфете, в коридорах на студентов очного отделения, прислушивался к их умным разговорам. (А мы-то, заочники, для них — вахлаки, деревня.)

Познакомился я и с Наташиным дядей, Валентином Константиновичем Туркиным⁴⁰, профессором института кинематографии. (Я немало взял потом для себя из его учебника по киносценарному мастерству.) Это был и блестящий, и капризный, и интересный, и широкодушный, и прислужливый к советскому режиму человек. О нём можно было бы ярко написать, если б знать его ближе, в нём характерно отразился путь российской интеллигенции: гимназистом в монархическом казачьем Новочеркасске он в храме клал на блюда сборщиков — окурки вместо монет... И куда же делся этот буйный протест при советском начальстве? Он презирал этих дураков — и угождал перед ними. Ещё справедливее в тот год он мог посмеиваться над обмороченным мною: послал нас с Наташей на «Большой вальс», фильм об Иоганне Штраусе, полный музыки и жизнелюбия, в тот год шумевший по Москве, из редких тогда заграничных фильмов, — я вернулся недовольный: революция 1848 года в Вене унизительно показана, лишь как предлог любовникам погулять в парке, личная сторона раздута по сравнению с общественной. (Да у меня была своя правота, мне гудели другие гонги. Однажды гуляли с Наташей по московскому парку «культуры и отдыха», добрались до самой глухой части Нескучного сада, упёрлись в какой-то дощатый забор строительства.

⁴⁰ Туркин Валентин Константинович (1887–1958) — сценарист, теоретик кино, один из основателей ВГИКа, создатель и руководитель кафедры кинодраматургии (1928–1958). Автор ряда работ о киноискусстве, в т.ч. пособия для сценаристов «Драматургия кино» (М.: Госкиноиздат, 1938; переиздана спустя 69 лет — М.: ВГИК, 2007).

А это был начинающийся 121-й лагучасток, где через 5 лет мне предстоит *сидеть*.) Да не только это. При моей неиссякаемой тогда жизнерадостности — я не любил безоглядного веселья, совсем не любил праздничных дней, мне хотелось во всём серьёзности, я ценил состояния грусти, печали — за их неизменную плодотворность.

Туркин был женат уже третий раз, и всегда женился на 18-летних. (Его личную усталость с возрастом, быт его, новую семейную ситуацию, отношения с дочерью от первого брака, он её и не знал годами, — я описал в «Свече на ветру», — и ввёл его же в «Абрикосовое варенье».) Из лета в лето они дачничали, как это было модно среди московской интеллигенции, в Тарусе. По тогдашней провинциальной скудости, а московскому изрядному изобилию, они, как и все, везли на грузовике с утварью весь двухмесячный запас продуктов, без этого с московским комфортом в Тарусе не проживёшь. Узнав о нашей женитьбе, В.К. настойчиво предлагал нам провести наш медовый месяц именно в Тарусе. Я ещё весь июль был на сессии, Наташа съездила вперёд, сняла нам избёнку. А тут догнала меня «сталинская стипендия». С Кириллом и Кокой мы отправились на Арбат покупать закуски, вино и сладкое (до ресторана не достигало моё воображение выученика первой пятилетки), потом пировали допоздьяна в пустом классе в школе, в Богородском, на партах. Кажется, и тут я не сказал им, что мы с Наташей женаты, уже написал из Тарусы. Естественно было им обидеться. Кирилл — не помню, тогда ли сразу, но после и прямо выражал, что мы — не пара. Но не обосновывал — то ли видел он что-то, что не было видно мне, — а оказался глубоко прав. Во всяком случае, не из ревности он это говорил, потому что, на горькую его беду, он был лишён любовного влечения к женщинам. А Кока — благородно сохранил, несмотря ни на что, хорошие отношения с нами обоими.

Не имея грузовика, нам устроить свой тарусский быт было не так легко, как дядюшке: из Ростова посылками слались кастрюли и хозяйственная утварь, из Москвы продукты я вёз в двух непомерных чемоданах, иструживаясь тащить. Длинный перегон по Серпухову от вокзала до пристани сделали на извозчике. Катером доехали до Тарусы. Тут надо было переть чемоданы в крутую гору, а Наташа повела меня неверным путём, по другую сторону оврага, мы уродливо сделали лишних версты три, я изнемогал под чемоданами, заблудились, повздорили, она побежала искать дорогу, сломала каблук, босиком погнала навстречу мне тачку — и так добрались мы к темноте, к нашей первой брачной ночи.

Не знаменитостью Тарусы у москвичей (можно и двести мест найти не блеклее), а — истовостью и нежностью среднерусской природы охватило меня тут: *впервые* я жил там, где я должен жить! Я узнал эту природу, от рождения не видел её — вот оно, моё! Как же я мог жить без этого? Теперь я не мог надышаться, насмотреться, нагуляться по лесу. (А наискосок через три плёса Оки, катера ходят, — несколько вёрст до Поленова. И соблазнительно

съездить, и не собрались: мне всё некогда! Мог ли я думать тогда, что там, на горке, у села Бёхово буду выбирать место моей будущей могилы?..)

Некогда мне! на прогулки времени мало! Разве, вот, лежали мы под ближними берёзами и читали «Войну и мир». (И тоже с рабочим умыслом: моё второе перечитывание, когда уже начал работу над своим историческим замыслом — примериться.) А большую часть дня я провожу над занятиями по предметам ИФЛИ: ведь только этот август и есть у меня, он и «медовый», но он и единственный свободный, а там начнётся 5-й курс физмата, до декабря не дохнёт, а в январе ехать на сессию в Москву. Я — упиваюсь ифлийскими предметами. (Наташа ошибочно дала сведения Скэммелу⁴¹, что я там читал «Капитал», — нет, и этого не помнит.) Однако «медовость» месяца отдаётся мне горечью: Наташа справедливо недовольна, что я мало ею занят, у нас часто размолвки, недоразумения — о, только теперь я начинаю понимать, как трудно сходятся характеры мужа и жены, как сложно пригоняются друг ко другу человеческие души! Но как эту пригонку угадать раньше? Сколько ж надо этим заниматься, сколько жизни и времени на то отдать? — а их н е т у меня. Если бы не война через год — мы бы не прожили с Наташей долго: разноприродность разделила бы нас.

Это наше тарусское житьё я описал в главе «Дороженьки»⁴². Писалось то в тюрьме — и наложилась флёр тогдашнего преклонения и вины перед женой, отлучённой от меня из-за моих оступов. Но характер того месяца передан верно — и, действительно, на обратном пути такова была встреча с арестантским вагоном — да где — в Рязани, где ещё придётся столько! В символах на моём пути не было недостачи.

В Тарусе почти каждодневно таскались мы в центр пообедать в худой столовой. Там — репродуктор гудел, и из него воспринял я воздушную битву над Англией. Я был — на стороне английской (в противоречие с тогдашними советскими газетами). Но главное — охватывал величие этого боя, ясно, что исторического, и ясно, что не минет нас эта гроза. Что ж, в бой за революцию я давно уже созрел.

Так и не было у нас с Наташей никакой свадьбы. Вернулись в Ростов — теперь как жить? Ни у них, ни у нас не поместимся. Прибегли к частным квартирам, снимаемым университетом для семейных студентов, половину оплачивал университет. Досталась нам такая комнатка в Чеховском переулке, у сильно недружелюбной властной хозяйки, через чьи комнаты надо было и ходить, неприятен был каждый лишний переход на кухню, завтракали и ужинали у себя в комнате, обедали у Решетовских, оттуда же таскали

⁴¹ Скэммел Майкл (Scammell; р. 1935) — британский журналист и переводчик, редактор журнала «Index on Censorship» (1972–1980), автор биографии Солженицына (New York: Norton, 1984), изобилующей ссылками на сведения от Н.А. Решетовской.

⁴² «Медовый месяц» — глава 2 стихотворной повести «Дороженька» (Собр. соч. М., 2016. Т. 18. С. 26–37).

готовую пищу. И сколько сидели вечером дома — всё запершись, дверь на крючок.

На этой моей женитьбе, в мамины 46 лет, а в мои 22, мама меня уже, по сути, и потеряла навсегда. Среди современных мужчин довольно частая, обнаружилась и у меня такая несправедливая обидная черта: целиком передаваться, поддаваться новой семье. В новой семье было сразу пять женщин, ещё чужие мне люди, — и вот они становились мне как бы своими, а воспитавшая меня мать оставалась одна в нашей конуре и как бы отчуждалась. Чтоб хоть как-то видеть нас, она оговорила, что по воскресеньям будет кормить нас с Наташей обедами. А значит — и свой единственный день отдыха отдавая на готовку пищи в тёмной пристройке всё к той же конуре, чтобы только посидеть с нами часок. На эти обеды деньги давали мы — но и всё. (Только теперь мне приходит в голову: и никогда не додумалась Наташа в такой день помочь маме по хозяйству, уж тем более когда-нибудь придти помочь убрать? ведь Наташа была пианистка, нещечко, она приходила лишь заседать за обедом.)

Какой скорбный, одинокий весь жизненный путь моей мамы.

Что за странное свойство человека, многих: хуже всего видеть то, что происходит совсем около, вплотную к глазу. И я же — всё это чётко понял и вспомнил лишь десятилетиями спустя. Жестокость усугубилась тем, что именно летом 1940 мне присудили — до конца университета в 1941 — сталинскую стипендию. Уж я её и ждать перестал — мама известила меня в МИФЛИ телеграммой из Ростова, затем получила эти деньги в университетской бухгалтерии — по 500 рублей в месяц, а за минувшие полгода сразу 3000, ощущение моё было — немеряного богатства, в то время студенческая была 120–140. Оттого мы с Наташей могли снять хорошую тарусскую дачу и закупить, повезти с собой в тот голодный край московских продуктов. Вернулись в Ростов — ещё немало тех денег ждало нашего возвращения, и теперь же каждый месяц будет утроенная стипендия. И что ж? Догадался ли я (уж не говорю — моя молодая жена, конечно, нет), что первая и главная награда и помощь должны быть — маме моей? Ведь мама всё состояла на учёте в туберкулёзном диспансере, каждая простуда отражалась на её лёгких — не мог ли я хоть на несколько месяцев, даже на полгода? — освободить её от работы, а нам ужаться, мне — хоть и ещё погонять по урокам, — и послать маму лечиться, дать подняться из туберкулёза? Нам никому это не пришло в голову! — ни мне, ни жене, ни четырём женщинам её семьи, но естественно было, что теперь у молодой четы большой бюджет, и значит, они могут больше вносить (семье жены) за своё питание, и жена может лучше одеться. Меня не осенила, не проняла простейшая мысль: да это свалившееся «богатство» — оно ведь мамино, а не моё, — что б я был без неё?

И мама — ничего не попросила, и никогда не укорила, двадцать два года, отказав себе во втором замужестве, она одиноко тянула меня через нищету, через страшные сталинские пятилетки, надрывной работой — и вот выве-

ла к успеху, редкому в моём поколении, — а я отшагивал к жене, отделялся в особую жизнь.

В ту зиму мы только купили маме месячную путёвку в туберкулёзный санаторий в Крым. Где-то сохранялись (а теперь, за всеми перетрясками, наверно и не сохранились) групповые фотографии отдыхающих там — типично советско-санаторные, в парадных местах при пальмах, смесь выражений и простонародных, и мещанских, и мама там такая затерянная, с вытянутым лицом, с обострившимся носом, уже некрасивая, немолодая. А вот недавно нашлась и толкнула меня — единственная сохранившаяся от того месяца открытка мамина — к матери жены, Марии Константиновне. Как всё у нас, хранилась она в архиве Наташи, я беспечен был ко всем перепискам, но почему-то при разводе не попала в её жадные мемуарные руки, а попала ко мне — с оборванным углом, с образцами росчерков Наташи (пробовала на ней перо). И здесь я прочёл тихие мамины извинения, что обеспокоила мою тёщу вопросами обо мне (я уезжал в Москву на сессию ИФЛИ), а потом жалоба: «Судьба не хочет, чтобы последние дни я надышалась хорошим воздухом: после двух хороших дней сегодня снова льёт, это же убийственно!.. Какая паршивая зима в Крыму, я не знаю, почему несчастного Чехова заставляли круглый год жить здесь, на севере гораздо здоровее». Лют зимние дожди, некуда выйти из палаты, из санаторного холла, где одни и те же советско-месткомовские разговоры. Жизнь, начавшаяся избыточно богато и с такими обещаниями — студенческая Москва, Художественный театр, Балетная группа, истинная любовь — и всё смахнуто красной лапой в какое-то корыто, и 20 лет уже таких, и в заклиненной жизни единственная ниточка — сын, ускользнул из рук, утонул. Кончатся санаторные дни — и снова в продуваемую полутёмную берлогу, кусок переделанной конюшни.

Не понимал. Жёсткость вектора. Жёсткость — рядом со словом жестокость.

Верно говорит пословица: материнское сердце в детях, а детское — в камне. Да не у всех же так, не у всех!

Кажется, от года к году работа больше распирает моё существование, всё больше вмещается в меня. В нашей запертой комнатке без воздуха и с окном на сарайную крышу, в колодец городского двора, вечерняя жизнь идёт так: поужинали холодным, Наташа ложится спать, да ей и другого столика нет для работы, а я за единственным — сижу всегда до часу ночи, а то и до двух. А в семь утра мы вскакиваем, к восьми в университет, в разные кварталы города. Так в последний год я спал меньше шести часов, даже и по пять. И стала у меня постоянно болеть голова. И так дотянул я до сдачи государственных экзаменов в июне 1941 года. Но не послабил бы я себе и дальше. Свалился бы, спасла мою голову война.

Зато в зимнюю поездку в Москву я успеваю выровнять, что потерял на искусствоведческом отделении, сдав разницу для русского отделения. О, те-

перь я на желанной дороге. (Наконец в моих руках и учебник церковнославянского языка, который сдавать я должен в июне. Однако, увы, в семестр государственных экзаменов на физмате, да из которых один я тоже сдавал раньше срока, для церковнославянского не нашлось у меня времени, как я ни жаждал. Отложил на июль в Москве. А там — война. И остался я без этого языка, постыдно не знаю.)

В этот зимний приезд в Москву я в Лосиноостровске посетил Федоровских: Владимир Иванович перевёлся в московский институт инженеров транспорта, и теперь они жили здесь. «Они» ото всего их прежнего многолюдья остались двое, и уже язык сдвигается назвать их стариками. Отдались им жизненные удары. И потеря сына. Да и потеря дочери, так нескладно вышедшей за партийного карьериста, вместе с ним опустившейся, огрубевшей. И уж теперь никаких не собиралось друзей-гостей. Их домик был не слишком ухичен, трудно натапливать. По-новому переставленная прежняя мебель, так врезавшаяся в детские глаза. Очень тепло меня приняли, а ведь я больно напоминал им невыросшего сына. И я в них тоже по-прежнему чувствовал родных, родных, ведь во многом у них я и вырос. Теперь у Владимира Ивановича тоже развился туберкулёз, и Евгения Николаевна была не та, не летучая. (Он умер в войну, в эвакуации в Ташкенте, Е.Н. — вскоре за ним.)

Удивительно, как я находил время, но на 5-м курсе вновь не унимался с писанием. Написал повестушку «Кубышка» из студенческой жизни — реалистичнее прежней прозы, без дешёвых литературных штампов, довольно живой быт, диалоги, даже юмор и попытка массовой сцены, шесть человек сразу, есть и характеры, без тонкой разработки, — но общий замысел такой плоский, мелкий, прямолинейный обрубок. Нет, ощутимо я не приблизился к литературе, и не знаю: этим путём — сколько б ещё надо двигаться?

Хуже того — я пишу декларативное стихотворение «Пролетарский поэт», чуть ли не с ним выступаю на городском студенческом конкурсе самодеятельности и получаю 3-ю премию (Наташа получила 1-ю за фортепьяно). Я всё более становлюсь напичкан чужой программой и всё более безнадежен для литературы.

В эти же месяцы я написал «Заграничную командировку», с довольно острым и современным замыслом: профессор-атомщик, вдовец (рисовал его с В.И. Федоровского) едет в заграничную командировку и намерен не возвращаться в СССР, о чём объявляет единственной дочери, а она восстаёт всеми силами, в разных вариантах — от патриотических аргументов до угрозы донести в НКВД. «Атомщик» — это я опережаю (от курса по строению атома) тогдашнюю моду лет на пять, но тут и «преклонение перед Западом» (опережаю моду на 8 лет), и Америка и Европа — болото, «бесконечно умное ленинское лицо», «человечества» не существует, есть сторонники революции и враги её». О, как топорно сделано. Вместе со «Стрелочниками» этой весной посылаю рассказ Лавренёву и Федину; до войны Лавренёв не ответил, а Федин и никогда.

Между тем близкое окончание университета, отодвинувшего воинскую обязанность, теперь вдвигает её. Этой зимой, на государственном «распределении», всех девушек, не имеющих зацепки на хорошее место работы, посылают на преподавание в даль, в Сибирь (Вику — на Алтай), юношам дают Ростовскую область, в расчёте на скорый призыв. Наташу, как замужнюю, тоже в Ростовскую область, в Морозовск, только что переименованный из посёлка в город.

О близости войны — мы совсем не думаем. Теперь издали трудно поверить, но это так. Ведь даже за десять дней до войны ТАСС распространяло успокоительное заявление. А вот в мирное время прослужить три года в армии, в тупой службе погубить весь свой разгон ученья, писанья — мне казалось прямой гибелью: я веду счёт на минуты — а тут потерять три года! и весной 41-го на медицинском осмотре для военкомата неожиданным подарком было — освобождение от армии. Та потеря сознания от укола, 11 лет назад, когда я получил шрам, эти обмороки — отливы крови от головы — у меня уже несколько раз повторялись, от сильного удара коленом или локтем, ужасное побледнение и обморок. (И не сразу научили меня простому способу: что надо как можно скорей опустить голову к полу, и кровь возвращается.) И тут, при исследовании в поликлинике, у меня берут кровь из вены — и со мной случается такой же обморок. Но главное: отродное задержание одного яичка в паху, стесняющее движение (и которое даст мне потом рак), оно тоже отводило от строевой службы. И вот, я — «негоден в мирное время и ограниченно годен в военное», открыт путь для работы, писания, для окончания ИФЛИ!

Я сдаю государственные экзамены уплотнённо, 16 июня кончаю их, несколько дней занят только ИФЛИ — и еду в Москву раньше Коки и Кирилла. 22 июня утром приезжаю туда, а в полдень узнаю о начале войны.

Всё это, и несколько дней в Москве, и возвращение в Ростов, уже описаны мною («Люби революцию»), и это облегчает задачу сейчас.

Таково было моё интернационально-революционное настроение, что я теперь воспринял своё освобождение от армии как горе: ведь именно к этой войне я и готовился всегда, обречённо. Ничего не понимая ни в реальной жизни, ни тем более в бюрократии — я теперь ходил в московский военкомат, прося мобилизовать тут же на месте. (То есть уже отказывался повидаться и с женой, и с матерью. В тот первый день войны, переполненный впечатлениями, написал из Москвы два письма Наташе, а маме — ни одного, узнавай у невестки...) Меня вытолкнули прочь: не здесь прописан. Но и воротясь в Ростов, я имел не больше успеха в своём военкомате: у них шло мобилизационное развёртывание, я же был ограниченно годен и совсем некстати. А между тем сотоварищи по университету, и Кока — уехали на краткие курсы при военных академиях, я остался позорно и одиноко. Не только революционная страсть разрывала меня, но и боязнь писательски пропустить эту войну, а что я тогда буду за писатель?

Обсуждали это с Кириллом. Ему оставалось ещё кончить, хоть и ускоренно, два курса мединститута. Ещё для заработка он в этом году работал фельдшером при почтамте; туда, в его маленькую амбулаторию, я и заходил. Кирилл был настроен куда трезвей меня. К пожару «мировой революции» — не знаю, испытывал ли он ещё что-нибудь, или никогда вообще, а только чуть вид показывал в подлад нам. Но ещё в 1939 он передавал мне из третьих уст рассказы воротившихся из НКВД — о пытках, или как босиком гоняют по снегу (я почти верить не мог, да соскальзывали с меня, с моего вектора, эти рассказы — но впечатлили). А теперь он говорил, что горцы Кавказа — в гневе и готовы к восстанию. Это — сильно звучало. Может быть, Кирилл и больше мог мне сказать, да уже считал безнадежным. (Это было, видимо, самое чёткое время в его жизни.)

Между тем чуть-чуть и меня не захватила лопасть Гулага — на 10 лет. Отдельной квартиры уже не было у нас с Наташей, и жил я в их многолюдной семье, в двух комнатах с ещё четырьмя пожилыми женщинами. Три тётушки, не способные ничего добыть-достать, Мария Константиновна на работе, а Наташа всегда содержалась в охлопочках, она тем более ничего не умела, а я-то тренирован ещё с голодных лет первой пятилетки. И я взялся достать на семью хлеба, который был с бою. Для этого надо было встать часа в четыре утра, таиться в воротах, а когда по улице, в нарушение комендантского часа, начнётся стихийный бросок из разных подворотен в очередь к хлебной лавке — то бежать, и быть из первых. И я не поопасся, что в соревнователях всё были бабы да дети, а я единственный здоровый парень. И подошедший милиционер сразу выцелил меня и повёл в отделение. И хотя эпизод казался мне совсем ничтожным и диким, однако составили протокол, через день допрос — и закончено было следственное дело на паникёра, организатора хлебной очереди. Тут переполошилась Мария Константиновна: давний бухгалтер, ревизор, она достаточно имела дело с Законом и понимала, чем это пахнет, а тут и неловкость, что я пострадал ради их нехваткой семьи. Какие-то были у неё знакомства в милиции — и стала хлопотать, но сверх того вмешался отец Лиды Ежерец, Царство ему Небесное, и так погасили дело. А то не видать бы мне войны и ничтожно начать Гулаг впереमेжку с бытовиками. Совсем другая была бы моя судьба.

А жил я у Решетовских потому, что Мария Константиновна рассудила: не жить же молодым порознь, когда остались считанные месяцы до армии. И они стеснились вчетвером в большую комнату, нам с Наташей отдали меньшую. Потому ли, правда, что нависала разлука, или оттого, что выбило меня из всех занятий, стала душа больная, обожжённая — но, кажется, вот эти полтора месяца, и теперь без размолвок «медового», я только и познал сладость жить с женой.

Однако этим переездом к Решетовским я тем более расстался с мамой — а ведь для неё тоже это были последние недели. Заходил к ней, виделся —

а мысли мои были на войне. И между мамой и Наташей никогда не создалось тёплых отношений: Наташа и вообще не была тепла, а мама считала её (и как справедливо!) холодной, незаботливой, да даже и видела: вовсе не любящей. Но никогда не поговорила со мной о том в полноте, — да и что можно было исправить? И время ли менять? Судьба матери: растила, готовила сына — и отдать.

Наташа уехала по своему назначению в Морозовск — со своей тётей Ниной, без которой не чаяла справиться по хозяйству, она тогда ничего не умела. Через несколько дней и я получил назначение туда же, и ехал вслед за ней. Мама пошла меня провожать, но даже в вокзал не пускали по военному распорядку, не то что на перрон. И со стороны площади, на вокзальных ступеньках, мы расстались. Бледное, постаревшее, больное лицо. Навсегда.

Прощались — и даже в этот миг не пробрала меня вся глубина и бескрайность моей вины перед ней... Я летел по вектору жизни.

Двухмесячная жизнь в Морозовске до моего ухода в армию описана в «Люби революцию». Единственное моё тамошнее стихотворение (переданное в «Кочетовку» Зотову) начиналось:

Опостытели мне безопасность и тыл,
Книги душу свою потеряли,
И теперь даже вид тех страниц мне постыл,
Что от пламени мысли дрожали.

Ни читать, ни писать...

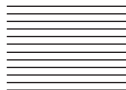
И вот в эти дни я, действительно, пытался читать «Капитал» — урод!

Но пришла и жданная повестка из военкомата.

18 октября, с заспинным мешочком (но и затасканным моим портфелем) я до рассвета вышел в военкомат.

Холодно было, темно — и Наташа не встала проводить меня на войну...

Кончается описание моей юности, с 18 до 23 лет, и надо признать: бесцветно я её прожил. И что обещало мне детство и отрочество — растерял.

А.Д. Шмелев

ДИКОСТЬ И ОДИЧАНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОЛЖЕНИЦЫНА¹

Статья посвящена использованию языковых выражений, связанных с дикостью и одичанием, в прозе Александра Солженицына. Разумеется, в первую очередь рассматривается употребление слов, относящихся к словообразовательному гнезду с вершиной *дикий*, а именно *дикий*, *дико*, *дикость*; *дикарь*, *дичь*, *дичиться*, *одичать*, *диговина*, *диговинный* во всем разнообразии их значений. Однако учитывается и встречающееся у Солженицына описание дикости и одичания без упоминания слов, относящихся к данному словообразовательному гнезду. Делается попытка кратко охарактеризовать художественную нагрузку описания дикости и одичания в прозе Солженицына. Специальное внимание уделяется релятивности *дикости*.

Представляется, что анализ должен включать описание истории слов, соотносимых с 'дикостью', и их функционирования в современном русском языке. Это позволит более ясно представить их функции в художественном мире Солженицына.

Во введении к гимназическому учебнику всеобщей истории Павла Виноградова, по которому когда-то учились мои дедушки и бабушки, говорилось, что народы подразделяются на *дикие* и *культурные*². Дикие народы довольствуются тем, что дает природа, и не стараются улучшить свой быт с помощью искусства. Так, племена, обитающие в девственных лесах Южной Америки, добывают себе пропитание охотой и не развивают своих умственных сил. В противоположность этому, культурные народы (в учебнике упоминались европейцы, индусы, китайцы) работают над окружающей природой и над собою. Они стараются подчинить себе природу, воспользоваться ею

¹ Первоначальный вариант этой статьи был написан в феврале 2016 по заказу Льва Данилкина для журнала «Prime Russian Magazine», однако статья так и не была опубликована. В данной версии текст статьи подвергся значительному редактированию и был сделан ряд дополнений.

² Виноградовъ П. Учебникъ всеобщей исторіи. 11-е изд., доп. М.: Изд. А.А. Карцева, 1910. Ч. 1: Древній міръ. С. 1.

для своих нужд, но не в меньшей мере заботятся о собственном совершенствовании — о приобретении знаний, о выработке характера, о хороших отношениях друг к другу, хотя в этой работе приходится отмечать не одни успехи, но также времена бедствия и упадка (само слово *культура* означает 'обработка'). Автор учебника специально подчеркивал, что, так как люди пошли от одной семьи (как об этом сообщается в книге Бытие), нет непреодолимых препятствий к распространению культуры даже среди теперешних диких племен, и отмечал, что, как показывает история, народы, находившиеся в неблагоприятном положении, выходят из дикого состояния и приобретают высшую культуру, когда изменяются условия их жизни³.

В настоящее время, ввиду требований политкорректности, не принято говорить о диких народах. В соответствии с современными представлениями то, что мы назвали бы дикостью, есть просто признак принадлежности к иной, чуждой нам культуре; и, возможно, аборигены Австралии сочли бы «дикостью» наше незнание принятых у них ритуалов.

Соответственно в современном употреблении использование слов гнезда *дикий* по отношению к первобытным людям и вообще людям, не затронутым современной цивилизацией, можно считать уходящим. Именно так помечены соответствующие значения слов *дикий* (*дикий* 2.1 'первобытный') и *дикарь* (*дикарь* 1.1 'первобытный человек') в «Активном словаре русского языка»⁴.

Впрочем, для слова *дикарь* это значение подается в «Активном словаре» как первое, исходное, что позволяет наглядно представить логику семантической деривации. У Солженицына слово *дикарь* в этом уходящем значении употреблено в первой же фразе Нобелевской лекции:

Как тот дикарь, в недоумении подобравший странный выброс ли океана? захоронок песков? или с неба упавший непонятный предмет? — замысловатый в изгибах, отблескивающий то смутно, то ярким ударом луча, — вертит его так и сяк, вертит, ищет, как приспособить к делу, ищет ему доступной низшей службы, никак не догадываясь о высшей.

Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаём за деньги, угождаем сильным, обращаем то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — затыч-

³ Прочитую этот учебник: «Всякій шагъ въ этомъ направленіи является великимъ дѣломъ, которое производитъ сильное впечатлѣніе на современниковъ и оставляетъ память въ потомствѣ. Историческая наука ставитъ себе главной задачей слѣдить за работой человечества надъ природой и надъ самимъ собой. Къ несчастію, ей приходится отмѣчать не одни успѣхи, а также бѣдствія и времена упадка» (Там же. С. 2).

⁴ Иомдин Б.Л. Дикарь, дикий // Активный словарь русского языка / под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 128–131.

кою или палкою, как схватишь, — для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных⁵.

Употребление слова *дикарь* в данном значении встречается и в других произведениях Солженицына, напр. в «Раковом корпусе» при описании мыслей Костоглотова во время разговора с Шулубиным:

Он сказал — «идолы пещеры», и Олегу представилась пещера: с костром посередине, вся затянутая дымом, дикари жарят мясо, а в глубине, полунеразличимый, стоит синеватый идол⁶.

Итак, хотя данное значение для слова *дикарь* можно оценить как уходящее, оно не полностью исчезло в языке, и в частности в языковой практике Солженицына, хотя, как мы увидим дальше, существенно более частым и характерным оказывается сдвинутое, метафорическое употребление, когда некто ведет себя так, как если бы совсем не был затронут современной цивилизацией. Для слова *дикий* значение 'первобытный' еще в большей степени ушло на задний план, и не случайно и в представлении «Активного словаря» оно утратило статус первого, исходного значения. Да и у Солженицына слово *дикий* по отношению к первобытным культурам практически не используется.

При этом понятие 'дикости' не только сохранилось в языке, но и развилось в целую систему ассоциаций и производных значений, и анализ языковых данных позволит выяснить, что носители языка вкладывают в это понятие, в чем сущность дикости и какие с ней связываются ассоциации.

Мы видели, что ключевым для понимания дикости оказывается его противопоставление понятию культуры, как это и видно из описания Павла Виноградова. Если мы обратимся к употреблению в русской речи прилагательного *дикий* и образованных от него слов, то увидим, что это противопоставление и здесь можно считать основополагающим: дикость предполагает первозданность и необработанность. В основном круге употреблений слов *дикий* применяется не к людям и народам, а к растениям и животным. *Дикие* растения противопоставляются окультуренным и специально выращиваемым

⁵ Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. Т. 1. С. 9. Об этом употреблении слова *дикарь* в Нобелевской лекции мне напомнила Г.А. Тюрина. Можно, кстати, заметить необычное построение фразы, когда придаточная клауза занимает целый абзац, а главная клауза начинает следующий абзац, и придаточная клауза отделена от главной не запятой, а точкой. И конечно, показательно, что этому *дикарю* уподобляемся и мы, современные «цивилизованные» люди.

⁶ Он же. Раковый корпус // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. С. 365. Далее сочинения Солженицына, кроме особо оговариваемых случаев, цитируются по этому изданию (2006– ...), в скобках номера томов даются римскими цифрами, номера страниц — арабскими.

мым (есть даже выражение *дикорастущие*); дикие животные — домашним, специально разводимым. Иными словами, *диким* называется все природное, не обработанное человеком. Когда мы читаем, что Иоанн Креститель в пустыне питался акридами и диким медом, мы понимаем, что *дикий мед* не собран на пасеке, а изготовлен дикими пчелами. *Диким* называется все то, что не затронуто, не преобразовано деятельностью людей, сохраняет свой первозданный вид: *дикая природа, дикая саванна*.

Ср. у Солженицына в крохотке «Озеро Сегден»:

Человек или дикий зверь, кто увидит эту чёрточку над своим путём — поворачивай! (I, 534)

Такое представление о дикости связано с имеющим глубокие корни разграничением своего, обжитого пространства и чужого, необжитого пространства. «Свое пространство» — это хорошо обжитое, хорошо устроенное место, где господствует порядок, согласие между людьми, и оно противопоставляется тому, что находится вне его, «дикому» пространству, где наши законы не признаются, где, может быть, законов нет вообще⁷.

Диким полем в старину называлась голая степь от Днестра до Дона, по которой бродили кочевые племена, а позднее вольные колонисты как противоположность *миру* крестьянской общины. У Солженицына в рассказе «Захар-Калита» сочетание *дикое поле* употреблено со сдвигом, уже применительно к нашему времени:

Сперва невдали от памятника мы увидели седенького старичка с двумя парнишками. Они лежали на траве, бросив рюкзак, и что-то писали в большой книге, размером с классный журнал. Мы подошли, узнали, что это — учитель литературы, ребят он подхватил где-то недалеко, книга же была совсем не из школы, а ни мало ни много как Книга Отзывов. Но ведь здесь музея нет, у кого ж хранится она в диком поле?

И тут-то легла на нас от солнца дородная тень. Мы обернулись. Это был Смотритель Куликова Поля! (I, 250–251)

⁷ Это противопоставление «своего», обжитого, «культурного» пространства и *дикого* пространства естественно связывается с описанным В.Н. Топоровым архаичным противопоставлением *мира* и *воли* (см.: Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре, III. Мир и воля // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 23–60). Характерна фраза из указов Пугачева: «...ныне я вас во-первых даже до последка землями, водами, лесами, жителями, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу и пребывайте так как *степные звери*... <...> и даю волю детям вашим и внучатам вечно» (цит. по: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 9.2. С. 682; курсив мой. — А.Ш.).

В диком поле и воздух дикий:

Посевы оборвались, на высоте начался подлинный заповедник, кусок глухого пустопорожного поля, только что не в ковыле, а в жёстких травах — и лучше нельзя почтить этого древнего места: вдыхай дикий воздух, оглядывайся и видь! — как по восходу солнца сшибаются Телебей с Пересветом, как стяги стоят друг против друга, как монгольская конница спускает стрелы, трясёт копьями и с перекажёнными лицами бросается топтать русскую пехоту, рвать русское ядро — и гонит нас назад, откуда мы пришли, туда, где молочная туча тумана встала от Непрядвы и Дона (I, 249–250).

Со словами из словообразовательного гнезда с вершиной *дикий* в указанных значениях связан целый ряд ассоциаций.

Дикие животные опасаются человека, и отсюда у слова *дикий* и его производных возникает значение нелюдимого или застенчивого поведения. Особенно это характерно для глагола *дичиться*. Ср. употребление этого глагола в «Архипелаге ГУЛАГе»:

Немудрено же, попади в любую камеру любой пересылки, послушай, разговорись — и обязательно найдёшь с однокамерниками общих знакомых. (Да что там, если Долган, в одних одиночках год пересидев, попадает после Сухановки, после рюминских избиений и больницы, в лубянскую камеру, называет себя — и шустрый Ф. сразу ему навстречу: «А-а, так я вас знаю!» — «Откуда? — дичится Долган. — Вы ошибаетесь». — «Ничуть. Ведь это вы тот самый американец Александр Долган, о котором буржуазная пресса лгала, что вас похитили, а ТАСС опровергало. Я был на воле и читал».) (IV, 515–516)

Поведение диких животных непредсказуемо и может быть опасным для человека. Отсюда употребления слова *дикий* по отношению к непредсказуемому буйному поведению человека, ничем не сдерживаемому, неукротимому: *дикая свирепость, дикие страсти, дикий нрав*. Противоположностью дикости тут предстает смирное, или в народной речи *смирненное*, поведение. Когда в стихотворении Николая Некрасова «Генерал Топтыгин» о медведе говорится: «Он у нас смиренный», — то, разумеется, медведю не приписывается христианская добродетель смирения, а имеется в виду только то, что он не представляет опасности⁸.

⁸ Возможно каламбурное совмещение этих значений, как в анекдоте: Скажите, у вас в меню есть дикая утка? — Нет, но мы можем разозлить домашнюю.

Ср. сочетание *дикая фантазия* в «Архипелаге ГУЛАГе»:

Эта новая линия Сталина — что теперь-то, после победы над фашизмом, надо сажать как никогда энергично, много и надолго, — тотчас же, конечно, отозвалась и на политических.

1948–49 годы, во всей общественной жизни проявившиеся усилением преследований и слежки, ознаменовались небывалой даже для сталинского неправоудия трагической комедией *повторников*.

Так названы были на языке ГУЛАГа те несчастные недобитыши 1937 года, кому удалось пережить невозможные, непереживаемые десять лет и вот теперь, в 1947–48, измученными и надорванными, ступить робкою ногою на землю *воли* — в надежде тихо дотянуть недолгий остаток жизни. Но какая-то дикая фантазия (или устойчивая злобность или ненасыщенная месть) толкнула генералиссимуса-Победителя дать приказ: всех этих калек сажать заново, без новой вины! Ему было даже экономически и политически невыгодно забивать глотательную машину её же отработками. Но Сталин распорядился именно так. Это был случай, когда историческая личность капризничает над исторической необходимостью (IV, 95–96).

Еще один шаг приводит к появлению у слова *дикий* и его производных значения высокой степени чего-либо (на языке современной семантики мы можем сказать, что речь идет о реализации лексической функции Magn). *Дикий* в этом понимании означает ‘переходящий границы нормального, очень сильный’, как в выражении *прийти в дикий восторг*. Особенно характерно такое понимание для наречия *дико* в разговорной речи и просторечии: *дико устал* ‘очень устал’; *дико долго длилось* ‘очень долго’; *дико извиняюсь* (просторечная усиленная формула извинения).

А в следующем примере из «Истории» Костомарова имеет место некаламбурное совмещение значений (*дико смеялся* значит ‘громко и неудержимо смеялся’, одновременно нарушая нормы человеческого поведения):

Нередко, после обеда, царь Иван ездил пытать и мучить опальных; в них у него никогда не было недостатка. Их приводили целыми сотнями, и многих из них перед глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлечение Ивана: после кровавых сцен он казался особенно веселым. Современники говорят, что он всегда дико смеялся, когда смотрел на мучения своих жертв⁹.

⁹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. М.: Олма-Пресс, 2003. Кн. 1. С. 533.

Употребление слов *дико* и *дикий* в значении высокой степени не редкость и для прозы Солженицына (при этом чаще всего речь идет о чем-то отрицательно оцениваемом), напр.:

А. Т. говорил с трудом, односложно, «ну как?», «как там?», но с интересом слушал, что ему рассказывали, был очень весел, оживлён, много смеялся (дико кашляя при этом)¹⁰.

А вот несколько примеров из первого тома «Архипелага ГУЛАГа»:

После сеанса избитый не может идти, его и не несут, а отволакивают по полу. Ягодица вскоре распухнет так, что невозможно брюки застегнуть, а рубцов почти не осталось. Разыгрывается дикий понос, и сидя на параше в своей одиночке, Долган хохочет. Ему предстоит ещё и второй сеанс и третий, лопнет кожа; Рюмин, остервенясь, примется бить его в живот, пробьёт брюшину, в виде огромной грыжи выкатятся кишки, арестанта увезут в Бутырскую больницу с перитонитом, и временно прервутся попытки заставить его сделать подлость (IV, 125).

Старый Федотов пытается разъяснить, где гибнут сотни тысяч и миллионы рублей из-за дикой спешки пятилетки: хлопок не сортируется на местах, чтоб каждой фабрике слался тот сорт, который соответствует её назначению, а шлют безалаберно, вперемешку (IV, 348–349).

Дикий напор военного коммунизма мог только претить инженерам, в бессмыслице инженер участвовать не может — и вот до 1920 г. большинство их бездействует, хотя и бедствует пещерно (IV, 356).

Дикостью мы называем открытую демонстрацию необразованности и низкого культурного уровня, а также нарушение принятых в культурном сообществе правил приличия, норм поведения и отношений между людьми. «Какая дикость!» — возмущаемся мы, когда сталкиваемся с чем-то подобным.

Ср. соответствующее словоупотребление в «Раковом корпусе» в словах Донцовой в разговоре с Костоглотовым и в ответной реплике Костоглотова:

— я тогда ничего не знал, никакой биопсии. Я лежал после операции, на мне — мешочки с песком. К концу недели стал учиться спу-

¹⁰ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 281.

скасть ногу с кровати, стоять — вдруг собирают из лагеря ещё этап, человек семьсот, называется «бунтарей». И в этот этап попадает мой смиреннейший Карл Фёдорович. Его взяли из жилого барака, не дали обойти больных последний раз.

— Дикость какая!

— Да это ещё не дикость. — Костоглотов оживился больше обычного. — Прибежал мой дружок, шепнул, что я тоже в списке на тот этап, начальница санчасти мадам Дубинская дала согласие. Дала согласие, зная, что я ходить не могу, что у меня швы не сняты, вот сволочь!.. Простите... Ну, я твёрдо решил: ехать в телячьих вагонах с неснятыми швами — загноится, это смерть. Сейчас за мной придут, скажу: стреляйте тут, на койке, никуда не поеду. Твёрдо! Но за мной не пришли. Не потому, что смиловалась мадам Дубинская, она ещё удивлялась, что меня не отправили. А разобрались в учётно-распределительной части: сроку мне оставалось меньше года (III, 68–69).

Дикость и бескультурие могут быть неразрывно связаны с отсутствием нравственных устоев. Ср. разговор Иннокентия Володина с дядюшкой Авениром в романе «В круге первом»:

— ...Воду таскать, дрова колоть, в земле копаться, если в меру, — нормальная человеческая жизнь. Скорей удушишься в этих пятиэтажных клетках в одной квартире с передовым классом.

— С кем это?

— С пролетариатом. — Ещё раз проверяюще примерился старик. — Кто домино как гвозди бьёт, радио не выключает от гимна до гимна. Пять часов пятьдесят минут остаётся спать. Бутылки бьют прохожим под ноги, мусор высыпает вон посреди улицы. Почему они — передовой класс, ты задумывался?

— Да-а-а, — покачал Иннокентий. — Почему передовой — этого и я никогда не понимал.

— Самый дикий! — сердился дядя. — Крестьяне с землёй, с природой общаются, оттуда нравственное берут. Интеллигенты — с высшей работой мысли. А эти — всю жизнь в мёртвых стенах мёртвыми станками мёртвые вещи делают, — откуда им что придёт? (II, 439)

Поэтому нравственное негодование нередко выражается в словах *дикарь* и *дикий*. В следующем отрывке из «Архипелага ГУЛАГа» начальник Лубянской тюрьмы характеризуется словами *этот дикарь*:

Да и мы с тех пор куда надмилась! — мы же знаем танковые битвы, мы же знаем атомные взрывы — что это нам за борьба, если камеры заперли на замки, а заключённые, осуществляя свое право на связь, перестукиваются открыто, кричат из окна в окно, спускают ниточки с записками с этажа на этаж и настаивают, чтобы хоть старосты партийных фракций обходили камеры свободно? Что это нам за борьба, если начальник Лубянской тюрьмы входит в камеру, а анархистка Анна Гарасёва (1926) или эсерка Катя Олицкая (1931) отказываются встать при его входе? (И этот дикарь придумывает наказание: лишить её права... выходить на оправку из камеры.) Что за борьба, если две девушки, Шура и Вера (1925), протестуя против подавляющего личность лубянского приказа разговаривать только шепотом — запевают громко в камере (всего лишь о сирени и весне) — и тогда начальник тюрьмы латыш Дукус отволакивает их за волосы по коридору в уборную? Или если (1924) в арестантском вагоне из Ленинграда студенты поют революционные песни, а конвой за это лишает их воды? (IV, 414)

Впрочем, любое отступление от принятых в том или ином обществе норм, и даже просто самостоятельное поведение может восприниматься как «дикость». В Советском союзе, где регулирование жизни достигало предела, люди, которые ехали в курортную местность без путевки, выделенной официальными инстанциями, назывались *дикарями*, а пляжи, которыми они могли пользоваться, — *дикими пляжами*. Ср. несколько парадоксальный пример, обнаруженный в Национальном корпусе русского языка, в котором оборот *жить дикарем* применен к человеку, снявшему в Крыму «комнату со всеми удобствами»:

Он снял комнату со всеми удобствами. Это теперь называлось «жить дикарем»¹¹.

Представления о норме могут различаться у разных людей, и, соответственно, они могут считать *дикими* разные вещи. Иллюстрируем это следующим примером из романа Солженицына «В круге первом»:

Что Сологдин называл иногда общество господами, Рубин понимал как результат его ушибленности двенадцатью годами тюрьмы. Нелзя ж было подумать, что нормальный человек на тридцать третьем году революции может произносить это слово серьёзно. От той же ушибленности и понятия Сологдина были извращённые во многом, Рубин старался это всегда помнить и не вспыхивать, хотя слушать приходилось вещи диковатые.

¹¹ Анчаров М. Как птица Гаруда. М.: Сов. писатель, 1989. С. 237.

(А для Абрамсона, кстати, так же дико было и то, что Рубин пировал с немцами. У всякого интернационализма есть же разумный предел!) (II, 402)

То, что дикость оказывается относительным понятием, используется Солженицыным, когда он переходит на точку зрения кого-то из персонажей (или группы персонажей). Тогда он часто сообщает, что именно этому персонажу казалось *диким*:

Точка зрения заключенных немцев, с которыми Лев Рубин отмечает Рождество (роман «В круге первом»):

Для маленького немецкого землячества, занесённого в позолоченную клетку шарашки в сердце дикой беспорядочной Москвы, единственным близким и понятным здесь человеком только и был этот майор неприятельской армии, всю войну сеявший среди них раскол и развал (II, 26).

Точка зрения заместителя главного редактора журнала «Новый мир» Кондратовича:

Взял Кондратович, и с первых же строк понял, что безымянный (подписана фамилия не была, тем я как бы замедлял враждебный ход событий) тёмный автор лагерного рассказа даже расстановки основных членов предложения толком не знает, да и слова-то пишет какие-то дикие¹².

Точка зрения самого главного редактора журнала «Новый мир» Твардовского:

...хочу забрать «Круг». «Для переделки синтаксиса»...

Не верит.

Открываюсь: не считаю надёжным их сейф.

Это дико ему — что ж может быть надёжней сейфа в официальном советском учреждении?!¹³

Дементьев уже изложил ему мои вчерашние объяснения и мои претензии к «Новому миру» — дико-неожиданные для А. Т., ибо не мыслил он претензий от телёнка к корове¹⁴.

¹² Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 25.

¹³ Там же. С. 116.

¹⁴ Там же. С. 137–138.

Точка зрения воображаемого «рачительного фермера»:

Распоряжались люди, которые не имели бы права распоряжаться, и приказывали делать то, что рачительному фермеру была дикая бессмыслица (IV, 179).

Точка зрения неопределенной группы людей, причем очевидно, что автор этой точки зрения не разделяет:

Это многим дико, а у меня инерция уже принятой работы и тянет обязательно доделывать по плану, хотя посылается единственный, может быть, случай — вот поговорить с Лакшиным, с которым никогда, почему-то, не выходило¹⁵.

По советским меркам это дико даже: он — отец родной всем рязанским деятелям идеологии, он — бессменно в Рязани, я — уже семь лет рязанский писатель и спрашиваю, кто он такой!..¹⁶

...в советское миропонимание он не мог вместить такой дикости: иметь возможность уехать к 70 тысячам золотых рублей — и не уехать¹⁷.

До чего ж круто и безповоротно напугали наш народ и отучили заботиться о тех, кто страдает. Теперь это дико. Теперь в каком-нибудь учреждении предложите устроить предпраздничный сбор для заключённых местной тюрьмы — это будет воспринято почти как антисоветское восстание! (IV, 206)

Но иногда, напротив того, некоторое явление, привычное для многих других, кажется диким автору, напр.:

Мне дико было слушать, как объясняли по радио обеспеченные, досужие, именитые писатели: какие бывают способы сосредоточиться в начале рабочего дня, и как важно устранить все помехи, и как важно окружиться настраивающими предметами. А я ещё в лагере научился складывать и писать на ходу в конвоируемой колонне, в степи морозной, в литейном цеху и в гудящем бараке¹⁸.

¹⁵ Там же. С. 189.

¹⁶ Там же. С. 246.

¹⁷ Там же. С. 386.

¹⁸ Там же. С. 14.

В «Раковом корпусе» Костоглотову кажется диким многое из того, что вполне привычно для большинства обитателей «вольного» мира. Вот его слова о том, как близкие люди навещают больных ракового корпуса:

Я — весёлый, потому что привык к потерям. Мне дико, что тут на свиданиях все плачут. Чего они плачут? Их никто не ссылает, конфискации нет... (III, 205)

Ср. также его воспоминания о смерти Сталина:

Костоглотову невозможно было вместить, что слышал он от вольных: что два года назад в этот день плакали старые, и плакали девушки, и мир казался осиротевшим. Ему дико было это представить, потому что он помнил, как это было у них. Вдруг — не вывели на работу, и барак не отперли, держали в запертых. И — громкоговоритель за зоной, всегда слышный, выключили. И всё это вместе явно показывало, что хозяева растерялись, какая-то у них большая беда. А беда хозяев — радость для арестантов! На работу не иди, на койке лежи, пайка доставлена. Сперва отсыпались, потом удивлялись, потом поигрывали на гитарах, на бандуре, ходили от вагонки к вагонке догадываться. В какую заглушку арестантов ни сажай, всё равно просачивается истина, всегда! — через хлеборезку, через кубовую, через кухню. И — поползло, поползло! Ещё не очень решительно, но ходя по барaku, садясь на койки: «Э, ребята! Кажись — Людоед накрылся...» — «Да ну???» — «Никогда не поверю!» — «Вполне поверю!» — «Давно пора!!» И — смех хоровой! (III, 269)

В рассказе «Случай на станции Кочетовка» Зотов ощущает как дикое то, чего он не может понять, в частности ход войны:

Угнетённость, потребность быть вслух была у Зотова от хода войны, до дикости непонятного. По сводкам Информбюро провести линию фронта было нельзя, можно было спорить, у кого Харьков, у кого Калуга (I, 162).

А в следующем отрывке из того же рассказа обращает на себя внимание *хохотали дружно, как-то дико*: оно подразумевает, что причины смеха собеседников Зотову не вполне понятны, но одновременно это выражение предполагает, что смех был ненормально громким:

В огромной жестоковатой мужской толчее сорок первого года его уже раз-другой поднимали на пересмех, когда он вслух рассказывал, что любит жену и думает быть ей всю войну верен и за неё тоже впол-

не ручается. Хорошие ребята, подельчивые друзья хохотали дружно, как-то дико, били его по плечу и советовали не теряться (I, 175).

Часто дикость связана с отклонением от ожидаемого, напр.:

Днём еще было в камере лёгкое оживление. Приходил начальник корпуса — или мрачный Тараканов или расположенный Макаров — предлагал бумаги на заявления, спрашивал, не хотят ли, у кого есть деньги, выписать покурить из ларька. Эти вопросы казались или слишком дикими или чрезвычайно человечными: делался вид, что они никакие и не смертники? (IV, 406)

Идея отклонения от того, что кажется обычным, чего-то необычного, странного, удивительного или экзотичного, выходит на первый план в прилагательном *дикий* и существительном *дикий*. Ср.:

Тянутся с острова на остров Архипелага тонкие пряди человеческих жизней. Они выются, касаются друг друга одну ночь вот в таком стушащем полутёмном вагоне, потом опять расходятся навеки — а ты ухо приклони к их тихому жужжанию и к ровному стуку под вагоном. Ведь это постукивает — веретено жизни.

Каких только диких историй ты здесь не услышишь, чему не посмеёшься!

Вот этот французик подвижной около решётки — что он всё крутится? чему удивляется? чего до сих пор не понимает? Разъяснить ему! а между тем и расспросить: как попал? Нашёлся кто-то с французским языком, и мы узнаём: Макс Сантер, французский солдат. Вот такой же вострый и любопытный был он и на воле, в своей *douce France*. Говорили ему по-хорошему — не крутись, а он всё околачивался около пересыльного пункта для русских репатрируемых. Тогда угостили его советские выпить, и с некоторого момента он ничего не помнит. Очнулся уже в самолёте, на полу. Увидел себя — в красноармейской гимнастёрке и брюках, а над собой сапоги конвоира. Теперь ему объявили десять лет лагерей, но это же, конечно, злая шутка, это разъяснится?.. О, да, разъяснится, голубчик, жди! (IV, 456)

Разные аспекты *дикий* представлены в следующих примерах, из которых видно, что *дикий* связана с субъективным восприятием (*дикий* — то, что представляется необычным наблюдателю):

Уже и звонок дали, и все ушли в зал, а Твардовский чего-то поджидал, или это уговорено у него было, я и не понял, — в пустом и уже полутёмном вестибюле вдруг оказались только мы двое, да кино-

операторы с диковинными подсунутыми нам микрофонами — и тут Твардовский меня повернул — а шёл через вестибюль один Хрущёв¹⁹.

Этот мой необычный — нобелевский — вечер мы с несколькими близкими друзьями отметили так: в чердачной «таверне» Ростроповича сидели за некрашеным древним столом с диковинными же бокалами, при нескольких канделябрах свечей и время от времени слушали сообщения о нобелевском торжестве по разным станциям. Вот дошло до трансляции банкетных речей. Одну передачу смазала заглушка, но такое впечатление, что моей последней фразы не было. Дождались повторения речи в последних известиях — да, не было!²⁰

Что за диковинное дерево! Сколько видим её — хвойная, хвойная, да [о лиственнице] (I, 557).

Кто из нас не наслышан об этом колоколе, в диковинное наказание лишённом и языка и одной проушины, чтоб никогда уже не висел в колокольном достоинстве; мало того — битом плетью, а ещё и посланном за две тысячи вёрст, в Тобольск, на колымаге, — и во всю, и во всю эту даль не лошади везли заклятую клажу, но тянули на себе наказанные угличане — сверх тех двухсот, уже казнённых за растерзанье государевых людей (убийц малого царевича), и те — с языками урезанными, дабы не изъясняли по-своему происшедшее в городе (I, 559).

Иными словами, диковинность тоже понятие относительное, и человеку, непривычному к нашему миру, «дикарю» могут казаться диковинными самые обычные вещи и явления нашей цивилизации, как в следующем эпизоде из «Ракового корпуса»:

А дальше попалась аптека. Аптека — тоже очень интересное учреждение! Костоготов завернул в неё тотчас же. Прямоугольники её чистых прилавков, один за другим, можно было рассматривать целый день. Предметы, выставленные здесь, были все диковинны для лагерного глаза, они десятилетиями не встречались в том мире, а какие из них Олег и видел когда-то в вольной жизни, то сейчас затруднялся назвать или вспомнить, для чего они. С дикарским почтением рассматривал он никелированные, стеклянные и пластмассовые формы (III, 414).

¹⁹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 64.

²⁰ Там же. С. 284.

Теперь мы можем вернуться к упомянутому выше описанию значений слова *дикарь* в «Активном словаре русского языка». Оно получило в словаре следующее толкование: «**дикарь 1.2** *неодобр.* ‘человек, чье поведение рассматривается как отклоняющееся от норм, принятых в цивилизованном обществе’»²¹. Однако даже иллюстрации в словаре этому не вполне соответствуют, напр.: *Современные немцы — это дикари, они даже не слышали о Генрихе Гейне* (Василий Гроссман). Представляется, что дело здесь не столько в поведении, а в необразованности: не слышать о чем-то нельзя считать способом поведения. Точнее было бы говорить в толковании не о «цивилизованном обществе», а о том, что говорящий считает культурной нормой. *Дикарем* можно назвать человека, который не знает того, что говорящий считает общеизвестным среди культурных людей. Ср.:

Шухову весело, что всё сошло гладко, кавторанга под бок бьёт и закидывает:

— Слышь, кавторанг, а как по науке вашей — старый месяц куда потом девается?

— Как куда? Невежество! Просто не виден!

Шухов головой крутит, смеётся:

— Так если не виден — откуда ж ты знаешь, что он есть?

— Так что ж, по-твоему, — дивится капитан, — каждый месяц луна новая?

— А что чудного? Люди вон что ни день рождаются, так месяцу раз в четыре недели можно?

— Тьфу! — плюнул капитан. — Ещё ни одного такого дурного матроса не встречал. Так куда ж старый девается?

— Вот я ж и спрашиваю тебя — куда?

Шухов зубы раскрыл.

— Ну? Куда?

Шухов вздохнул и поведал, шепелявя чуть:

— У нас так говорили: старый месяц Бог на звёзды крошит.

— Вот дикари! — Капитан смеётся. — Никогда не слышал! Так ты что ж, в Бога веришь, Шухов?

— А то? — удивился Шухов. — Как громыхнёт — пойдёшь не поверь!

— И зачем же Бог это делает?

— Чего?

— Месяц на звёзды крошит — зачем?

— Ну, чего не понять! — Шухов пожал плечами. — Звёзды-то от времени падают, пополнять нужно (I, 77).

²¹ Иомдин Б.Л. *Дикарь* // Активный словарь русского языка. С. 128.

В 87-главном варианте романа «В круге первом» Рубин называет Сологдина *дикарем и пещерным жителем*, полагая, что Сологдин не знает и не признает «трех законов диалектики» (в 96-главном варианте этот эпизод остался, но «обзывание» *дикарем и пещерным жителем* устраниено):

— Да ну тебя, — отмахнулся Рубин не сердито. — На зубоскальство у меня нет времени, а серьезно поспорить? Ты же — дикарь! Пещерный житель! У тебя же все в голове перевернуто! На всей планете ты один остался, кто еще не признает трех законов диалектики. А из них вытекает все!²²

Поскольку невладение какими-то сведениями в общем случае не подлежит моральному осуждению, неодобрение в слове *дикарь* может уходить на задний план или вообще стираться. Напротив того, демонстративный отказ от принятых культурных норм (*одичание*) обычно осуждается.

Можно упомянуть следующий пассаж из «Воспоминаний» Надежды Мандельштам, в котором она называет Ильфа и Петрова *молодыми дикарями* и говорит, что люди готовы издеваться над интеллигентами (в частности, над персонажем «Золотого тельца» Васисуалием Лоханкиным), потому что «одичали»:

Кто отдавал себе отчет в том, что добровольный отказ от гуманизма — ради какой бы то ни было цели — к добру не приведет? Кто знал, что мы встаем на гибельный путь, провозгласив, что нам «все дозволено»? Об этом помнила только кучка интеллигентов, но их никто не слушал. Теперь их попрекают «абстрактным гуманизмом», а в двадцатые годы над ними потешался каждый, кому не лень. Они были не в моде. Их называли «хилыми интеллигентишками» и рисовали на них карикатуры. К ним применялся еще и другой эпитет: «мягкотелые». «Хилым» и «мягкотелым» не нашлось места среди тридцатилетних сторонников «нового». Первоочередная задача состояла в том, чтобы подвергнуть их осмеянию в литературе. За эту задачу взялись Ильф с Петровым и поселили «мягкотелых» в «Вороньей слободке». Время стерло специфику этих литературных персонажей, и никому сейчас не придет в голову, что унылый идиот, который пристает к бросившей его жене, должен был типизировать основные черты интеллигента. Читатель шестидесятых годов, читая бессмертное произведение двух молодых дикарей, совершенно не сознает, куда направлена их сатира и над кем они издеваются. <...>

²² Солженицын А.И. В круге первом / [обл. Ю.П. Анненкова]. Р.: YMCA-Press, 1969. С. 442.

Но над «Вороньей слободкой» смеяться грех. Люди в этом разрушающемся доме, конечно, одичали, и женщины, имевшие хоть какую-нибудь рыночную цену, не могли не удрать от своих мужей. <...> И легче всего смеяться над тем, кто уже задушен²³.

Здесь интересна переключка с отрывком из романа «В круге первом», в котором говорится об «оболганном» Васисуалии Лоханкине (интересно, что в первой публикации — «облегченной» 87-главной версии романа — слова *оболганный* не было):

Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли «хождением в народ» и поисками той самой великой сермяжной правды, которую ещё до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин (II, 482).

В незатронутости условностями цивилизации может быть свое обаяние. Городские интеллигенты могли считать дикарями хуторян, но могли этой дикостью любоваться, как в «Августе Четырнадцатого» начальница частной ростовской гимназии Аглаида Федосеевна Харитоновна любовалась Захаром Федоровичем Томчаком:

...картинный этот хохол, с резкими чертами, мохнатыми бровями, крупным носом разляпистым, в маскарадном городском костюме с цепочкою часов на самом видном месте, — своей, однако, открытостью, юмором, но и патриархальным достоинством, а больше всего степным ветряным напором, от которого еле бумаги не срывались со стола и календарь сам переворачивался, — ошеломил Аглаиду Федосеевну и очаровал. В обществе, где она обращалась, много знали и понимали, много вздыхали и мечтали, да не было ни у кого такой энергии, такой страсти действовать сейчас же, выскочив из кресла. Томчак и разговаривать-то приличным полуголосом не умел, в кабинете начальницы едва не кричал, будто рядом арбы скрипели и прогоняли мычащий, блеющий скот, так же громко и хохотал, — но Аглаиду Федосеевну, тонную хранительницу именно полуголоса и сдержанных манер, всё это не только не покорило, но увлекло свежестью. И даже явная его прикраса, что он четыре гимназии объехал и все ему не понравились, а эта сразу нравится, с лестницы, со швейцара, — даже наивное лукавство это умилило её. И хотя четвёртый класс у Харитоновой был укомплектован, никого больше она

²³ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989. С. 310–313.

не собиралась принимать, да ещё какую-то дикую девочку, конечно недоученную, — но за десять минут она согласилась принять, и не только не указала, как умела насупленно, что ждут её другие занятия, а поддалась простодушию весёлого хохла, стала о нём самом расспрашивать и велела подать кофе (VII, 47).

Ср. продолжение этого эпизода, когда Захар Федорович предложил, чтобы его дочь Ксенья пожила у Аглаиды Федосеевны:

Как это было ни дико, ни нахраписто, но после всего разговора, дружелюбия и смеха уже невозможно было вернуться к той первоначальной нерастопляемой ледяности, которою Аглаида Федосеевна умела отпугивать. Она вразумляла хохла, объясняла, почему нельзя, так не делают, ученица не может жить у начальницы на квартире, она свою собственную дочь учила не у себя, а в казённой, чтоб не было и тени благоприятствования, — ничего этого хохол не усваивал, сыпал свои прибаутки да пытался её растрогать: «А тоді куды ж мэни ййи? Чужим людям нэ оставлю. Назад, та за овцами ходыть. А дивчына шибко розумна». — «А я вам кто? не чужой человек?» — «Вы? — ни! вы — своя людына, зовсим своя!» — так уверенно, радостно наседали хохол, что начальница и понять не успела, в чём же они с этим дикарём такие свои? (VII, 47)

Сама Ксенья, приобщившись к городской культуре, стала оценивать привычную ей хуторскую жизнь как дикость, *первобытность* и стала стыдиться ее:

И с каждым полугодием, каждым месяцем этих четырёх гимназических лет мир прежней Ксеньиной жизни развивался ей как дикий тёмный угол. Да каким позором была одна развязность отца — предложить начальнице взять дочь на постой! Приезжая домой на каникулы, Ксенья в ужас приходила от густоты домашней невоспитанности. Однажды привозила она с собой Соню Архангородскую и её глазами ещё острее увидела всю эту первобытность, и сгорела от стыда (VII, 49).

Из самого глупого, что велось в доме Томчаков, были посты. И сколько! Один бы Великий — ладно, можно понять, привозят священника, и сплошную неделю в экономии служба, говенья, причастия, всю прислугу, всех работников спешат очистить до начала посева. На Великий пост Ксенья всегда в отъезде, и Роман уезжает в столицы, возвращается только к Пасхе. Но едва минует Троица, как начинается

совсем уже бессмысленный Петровский пост. И едва минует Петровский — заряжает Успенский. А чтоб до святок весёлых добраться, ещё надо с постной миной проходить Рождественский. А ещё ж на каждой неделе среда и пятница! Не обидно поститься бедняку. Но с такими деньгами, с таким выбором вкуснейшего, что только есть на свете, — и полжизни увечить себя постами? Совершенная дикость (VII, 37–38).

Это отношение к хуторской жизни объединяло ее с братом Романом:

Сестру и брата то и объединяло, что только двое они во всей семье имели критические, передовые взгляды. Остальные были дикари, печенег (VII, 38).

Но все же Ксенья сохранила к этой жизни и некоторую привязанность и могла находить в ней нечто приятное:

Правда, эта жизнь осудительная, в ней опускаешься, о ней не будешь подробно хвалиться подругам, тут многое плохо и дико, — а всё равно хорошо! Что-то есть такое хорошее, что только тут, только ты и твои семейные понимают — а подруги и не могут понять. Московские радости, конечно, несравненны: танцевальные занятия, театры, диспуты, публичные лекции, да, ещё ж и курсы! — всё головокружительно, а тут с утра проснёшься — лежи, сколько хочешь. Побарствовать всё-таки очень приятно (VII, 35).

А вот Русанов в «Раковом корпусе» относится к людям, с которыми он вместе лежит в больнице, только с презрением и мысленно именует их *дикарями*:

И наконец, набрав воздуха и стараясь его удерживать, Павел Николаевич вступил в уборную. В этой уборной, без кабин и даже без унитазов, он особенно чувствовал себя неотгороженным, приниженным к праху. Санитарки убирали здесь много раз в день, но не успевали, и всегда были свежие следы или рвоты, или крови, или пакости. Ведь этой уборной пользовались дикари, не привыкшие к удобствам, и больные, доведенные до края. Надо бы попасть к главному врачу и добиться для себя разрешения ходить во врачебную уборную (III, 172).

Совсем иначе читается именование *дикарями* в реплике Костоглотова, когда он глядит на современный мир и принятые в нем методы лечения как бы из будущего:

Если мне уж очень нужен виноградный сахар — так давайте мне его в рот! Что это придумали в двадцатом веке: каждое лекарство — уколом? Где это видано в природе? у животных? Пройдёт сто лет — над нами, как над дикарями, будут смеяться (III, 73).

Вообще, для Костоглотова характерно умение посмотреть на себя как бы со стороны, так что ему может казаться диким то, что он говорит или делает сам, и это создает определенную стереоскопичность взгляда:

Особенно он отвык от выступления сразу перед многими, как вообще от всяких собраний, заседаний, митингов. И вдруг стал оратором. Это было Костоглотову дико, в забавном сне. Но, как по льду с разгону уже нельзя остановиться, а летишь — что будет, так и он с весёлого разгона своего выздоровления, нечаянного, но, кажется, выздоровления, продолжал нестись (III, 125).

Иной тип стереоскопичности представлен в таких сочетаниях, как *дико посмотрел*. В них одновременно выражается и то, что смотрящему нечто кажется диким, и то, что это отражается внешне, так что окружающие могут оценить его взгляд как дикий. Ср. в «Раковом корпусе»:

— Инвалидность? — Прошка диковато на неё посмотрел. — Та на якэ мэни лыхо инвалидность? Як я на ии жить буду? Я ще молодой, я робыть хочу (III, 104).

А наверху грек прохрипел ему страшным шёпотом:

— Слушай, браток! А тут — всех вылечивают? Или умирают тоже? Русанов дико посмотрел на него — и при этом движении остро почувствовал, что уже не может отдельно поворачивать головой, что должен, как Ефрем, поворачиваться всем корпусом. Страшная прилепина на шее давила ему вверх на челюсть и вниз на ключицу (III, 172).

Возвращаясь к одичанию, можно упомянуть интересный парадокс, который ярко проявился в 2020–2021 годах в период ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Как уже говорилось, *дикие* животные противопоставляются *домашним*. «Активный словарь русского языка» толкует первое значение слова *дикий* как «не являющийся домашним» [о животных]»²⁴. Соответственно, одичание животных — дедоместикация — противоположный одомашниванию (доместикации) процесс приспособления одомашненного вида к жизни в дикой природе.

Однако, когда говорят о людях, *дикими* часто называют нелюдимов, тех, кто избегает общения и все время сидит дома.

Ср. переносные употребления слова *дикарь*:

Он слыл дикарем, на улице почти не появлялся²⁵

...вы ужасным дикарем живете, ни с кем не видите²⁶.

Соответственно, в противоположность животным, одичание у людей иногда бывает связано с тем, что человек перестает выходить из дому и пребывает вне контакта с дикой природой. Ср.:

Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти²⁷.

Я никогда не оставляла дома Алексея Абрамовича, но мне кажется, что можно лучше жить даже в деревне; иногда мне невыносимо тяжело с ними, — или я одичала, сидя все одна?²⁸

Бакунин одичал, сделался нелюдимом, не исполнял службы и дни целые лежал в тупе на своей постели²⁹.

Говорю вам, совсем одичала. В театр изредка в воскресенье схожу — и будет!³⁰

Соответствующие значения и у слова *дикий*, и у слова *дикарь* помечены в «Активном словаре...» как уходящие. Однако во время карантинных ограничений 2020–2021 годов слово стало активно употребляться: многие люди стали рассказывать, что они вынужденно сидят дома и совсем *одичали*³¹.

У Солженицына тема одичания тоже поднимается (сами слова *одичать* и *одичание* могут не использоваться), но это совсем другое одичание. Оно бывает вызвано сознательным или бессознательным отступлением от принятых культурных норм.

²⁵ Он же. Дикарь // Активный словарь русского языка... С. 129.

²⁶ Толстой Л.Н. Казаки // ПСС: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 6. С. 90.

²⁷ Гоголь Н.В. Мертвые души. I // ПСС: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. С. 28.

²⁸ Герцен А.И. Кто виноват? // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4. С. 48.

²⁹ Он же. Былое и думы // Там же. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. С. 43.

³⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Мелочи жизни // Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 16, кн. 2. С. 111.

³¹ См., напр.: Woman.ru. URL: <https://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/5249221/> (дата обращения: 11.10.2021).

Типичный пример одичания — это поведение революционных масс. Одичание революционных солдат и матросов при открытии и происшедшем в тот же день разгоне Учредительного собрания красочно описывает тверской дядюшка Авенир — персонаж романа Александра Солженицына «В круге первом»:

Что в Таврическом? — *охлос*, толпа. Оглушу тебя трёхпалым свистом... Мат стоял громче и гуще ораторов. Прикладами грохали об пол, надо, не надо. Ведь — охрана! Кого — от чего?.. Матросики и солдатики, половина пьяных — в буфете блевали, на диванах спали, по фойе лужгали семечки... Нет, ты стань на место какого-нибудь депутата, интеллигента, и скажи — как с этими стервами быть? Ведь даже за плечо его потрогать нельзя, ведь даже мягко нельзя ему говорить — это будет наглая контрреволюция! оскорбление святой охлократии! Да у них пулемётные ленты крест-накрест. Да у них на поясах гранаты и маузеры. В зале заседаний Учредительного они и среди публики сидят с винтовками и в проходах стоят с винтовками — и на ораторов наводят, целятся в виде упражнения. Там про какой-то демократический мир, про национализацию земли — а на него двадцать дул наведено, мушка совмещена с прорезью прицела, убьют — дорого не возьмут и извиняться не будут, выходи следующий!.. Вот это надо понять: оратору винтовкой в рот! — в этом их суть! Такими они Россию взяли, такими всегда были, такими и помрут! В чём другом, в этом — никогда не переменятся... А Свердлов рвёт звонок у старейшего депутата, отталкивает его, не даёт открыть. Из ложи правительства Ленин посмеивается, наслаждается, а нарком Карелин, левый эсер — так хохочет!! Ума ж не хватает, что дорого — начать, через полгода и ваших передушат... (II, 446–447)

Так проходил день открытия Учредительного собрания — говоря словами дядюшки Авенира, «единственный день единственного русского свободного парламента — на пятьсот лет назад, на сто лет вперёд» (II, 445).

Можно было бы возразить, что революционные солдаты и матросы и ранее не обладали высокой культурой, потому говорить об одичании нет оснований. Однако прежде они все же были способны к дисциплине, подчинялись приказам вышестоящих чинов, а это представляет собою составную часть культуры поведения в войсках. Одичание наступило и расцвело вместе с революцией. Случилось то, что образно предсказывал Петр Струве в разговоре с Шингаревым:

...это не свобода будет, а нашествие гуннов на русскую культуру (XI, 245).

Произошло и общее расшатывание нравственных устоев, или, как пишет Солженицын, *уклон народного характера к порче*:

Об этих паразитах народного страдания за советские десятилетия, всех видов воров, грабивших не государство, а частных людей, почти не написано, почти не обдуманно — а какой это был уклон народного характера к порче — и насколько они отяжеляли жизнь!³²

А вот пример, в котором по отношению к советским читателям эксплицитно используется причастие от глагола *одичать*:

У Лакшина тесная преемственность с русской критикой XIX века. И в том, что статьи его обычно не содержат собственно художественного анализа, а состоят из анализа социального, дотолкуют сюжет, нравственно доясняют персонажей (что очень полезно и потребно одичавшему советскому читателю). И в том, что он прочно начитан в предшественниках, немало и к месту цитирует их. И в приёмах живого разговора с читателем, в приверженности неторопливой, очень *вкусной* манере изложения, отчего самый процесс чтения лакшинских статей доставляет удовольствие, а это важное достоинство всякого литературного произведения всегда, — хотя по темпу и по плотности мысли такое замедленное изложение уже не поспевает за нашим временем³³.

Необходимо подчеркнуть, что в одичании как таковом нет ничего специфически русского. По-видимому, одичание почти с неизбежностью сопровождается насильственную революцию. Почти такое же одичание происходило во время Великой французской революции. Достаточно вспомнить сентябрьскую резню 1792 года. Напомню ход событий. 2 сентября началась «очистка» тюрем: шайка злодеев, набранных из подонков общества, всего-навсего человек 200, проникла в тюрьмы и начала поголовное избиение «изменников» и «аристократов», не разбирая ни возраста (в ходе резни было убито множество детей), ни пола, ругаясь над жертвами, устраивая пьяные оргии в промежутках между убийствами. Затем убийцы отправились в провинции и стали продолжать свое дело. Вскоре жертвами революционного террора стали так называемые жирондисты, которые оставались верными идеалам революции, но были слишком порядочными людьми, чтобы сочувствовать грабежу и убийствам. Впрочем, как мы знаем, многие вожаки

³² Солженицын А.И. Школа // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2019. Вып. 7. С. 11.

³³ Он же. Бодался телёнок с дубом. С. 224.

убийц через какое-то время сами оказались жертвами. Горячая поклонница жирондистов Шарлотта Корде заколола полоумного и кровожадного журналиста Марата, который прославился своей проповедью насилия и разбоя. А в дальнейшем в ходе революционного террора были казнены и Дантон, оправдавший сентябрьскую резню словами «народ расправился» (хотя народ был ни при чем в этих злодеяниях), и Робеспьер, оставшийся в памяти как один из самых кровавых тиранов в истории человечества и оказавшийся предтечей Ленина, Сталина и Гитлера. В этом тоже можно видеть некую закономерность: те, кто направляет и подогревает революционное одичание, сами не застрахованы от того, чтобы из разряда палачей перейти в разряд жертв.

Ср. данное Солженицыным описание революционного разложения армии (и тем самым одичания военных) во время Французской революции и аналогичного процесса во время Февральской революции в России:

Доселе существует ложное мнение, будто революции вдохновляют армии. Как раз наоборот: они разлагают их. Отначала малоспособная французская армия сквозь первые три года революции — разлагается. Мы видим неподчинения приказам о передислокации (например, возглавленное будущим маршалом, а тогда лейтенантом Даву, Шампанский полк, весна 1790), затем во многих полках — издевательства над офицерами, грабеж их, и бунты до полного разложения, крупное восстание гарнизона Нанси (август 1790).

Сходный процесс, только бурно-быстрый, охватывает и российскую армию. За начальным мятежом петербургского гарнизона его наглое требование о невыводе на фронт (ему покорно уступает Временное правительство, как и Шампанскому полку Учредительное Собрание). Тут же — мятежи в соседних тыловых гарнизонах, и вестники мятежей под защитной сенью революционной свободы отправляются беспрепятственно разлагать фронтовые части. В первые же недели это уже сказывается на фронтах, ближайших к Петрограду, и подражательно разливается по всем тыловым гарнизонам России³⁴.

И общее описание озверения нравов (т. е. одичания) при революции:

Революция всегда есть пылающая болезнь и катастрофа. Это размах (крушение) от больших высоких надежд и ограниченности первичных задач — до полного разорения страны, всеобщего голода, обесценивания денег, упадка производства, народной усталости, тошнотного равнодушия, и хуже — к озверению нравов, к атмосфере всеобщей не-

нависти, разнузданию зависти, жадности к захвату чужих имуществ (у большевиков открыто сформулировано: “грабь награбленное!”), прорыву самых первобытных инстинктов, к разложению национального характера и порче языка. К распаду семьи (легкости одностроннего развода), неуважению к старшим, неуважению и к смерти и к похоронам. Это размах от лозунгов самой неограниченной свободы — уж не скажем к гильотине и подвалам ЧК, но к парламентским депутатам, высылаемым в железных клетках (Фруктидор), а затем к государству куда более централизованному, чем предреволюционное, — и даже в короткий срок. И еще непременно: всякая революция насыщена сгущенным числом отвратительных фигур, она как бы взмучивает их с морального дна, притягивает из разрозненности и небытия, а некоторых таких даже и обожествляет — после смерти (как Марат, Ленин), а то и при жизни (Робеспьер, Сталин). Открывает революция черные пропасти и в таких людях, которые без нее прожили бы вполне благопристойно³⁵.

И остановить одичание и вернуть утраченную культуру и тем самым свободу не так просто:

Попытки же пресечь революцию — тяжело болезненны и с повторными кризисами. Но если во Франции в конце концов установилась свобода, то именно благодаря попятным шагам революции. (Как — вот недавно — в Испании, Португалии.) У нас не было попятных шагов от пропасти — и нет свободы.

Хорошо видна болезненность революционного процесса при всех вариантах: сотрясенные нравы не возвращаются так просто к нормальной жизни, но проявляются в безумных, вызывающих и мрачных крайностях. Так, после Термидора мы видим годами: вихри веселья, разгул до садизма, «балы жертв», танцы на Гревской площади, танцы на кладбищах, безумные траты, игрища, наглость роскоши. (Слабое подобие того мы видим в СССР у энпманов, что лишний раз указывает на коренные свойства и ограниченность человеческой натуры.) И рядом с этим — обнищание масс, голод, отчаяние³⁶.

Иногда одичанию удается противиться силою. Так, одичание, проявившееся в ходе пугачевского бунта, удалось устранить, поскольку бунт был подавлен правительственными войсками (вспомним роль известного военачальника Александра Суворова).

³⁵ Там же. С. 536–537.

³⁶ Там же. С. 534.

И Солженицын, не сочувствуя насилию как таковому, признает его необходимость в противостоянии революционному террору и сопутствующему одичанию:

Посыпались газетные статьи, речи, письма (и от Льва Толстого), что нельзя сметь казнить вообще никого, даже и самых зверских убийц, что военно-полевые суды не могут обновить нравственного облика общества (как будто террор обновлял его), а лишь содействовать одичанию (как ещё того успешнее — террор). Гучков, осмелевший открыто поддержать введение военно-полевых судов (они, де, лучше, чем расстрелы озлобившейся полицией или войсками), был захлестнут левой травлей. Да даже всякая телеграмма сочувствия пострадавшим должностным лицам вызывала либеральное негодование. Всякий, кто не одобрял громко революционного террора, понимался русским обществом сам как каратель (VIII, 162).

И Солженицын заключает:

А между тем, одичание не одичание, странно: тотчас по введении военно-полевых судов террор ослаб и упал (VIII, 162).

Именно о том, что иногда, чтобы самим не одичать, бывает необходимо активно противостоять революционному одичанию и *одичалым волкам Гоббса*, которые стали называть друг друга «товарищами», говорит Варсонофьев в разговоре с Саней Лаженицыным и Ксеньей Томчак в «Апреле Семнадцатого»:

— Что же — делать, Павел Иванович?

— А вот — вы мне скажите, что делать?

— Я думаю... я думаю... Простой человек ничего не может больше, чем... выполнять свой долг. На своём месте.

— Это б — хорошо было. Через это бы мы спаслись. Но сегодня не любят таких слов, как «долг», «обязанность», «жертва».

Помолчали.

Чего-то, чего-то Саня хотел не упустить?... А! —

— Павел Иванович! А вы прошлый раз нам сказали, что строй отдельной человеческой души важнее государственного строя. Так если так — тогда что бы нам революция? Переживём. Лишь бы самим не одичать.

Варсонофьев качнул, повёл головой.

— Сказал так? Это — не совсем осторожно. В мирные эпохи — пожалуй что так. Но когда государство разваливается — нет, нет, надо его спасти (XVI, 531).

Но в целом противостояние одичанию может быть только личным. Человек, не поддающийся всеобщему одичанию, оказывается победителем, даже если озверевшие дикари отнимут у него жизнь. Но и шансы выжить в эпоху одичания больше, если пытаться сохранить элементы культуры. Бруно Беттельгейм, выживший в нацистском концлагере, занялся там научным исследованием, изучая болезненное психологическое состояние заключенных. В концлагере запрещалось иметь карандаш и бумагу, делать записи, и Беттельгейм писал книгу, посвященную психологии заключенных, «в уме» — он заучивал наизусть создаваемый текст, работая лопатой или перетаскивая камни. Мы знаем, что потом таким же образом создавал лагерные поэмы Александр Солженицын. Варлам Шаламов оставил незабываемые картины расчеловечивания в советских лагерях уничтожения на Колыме. В стихотворении «Поэту» он писал: «Я ел как зверь, рыча над пищей... я пил, как зверь, лакая воду...»). Но там, «среди притворства и растлевающего зла» он повторял про себя стихи Бориса Пастернака, к которому обращено стихотворение (он пишет: «...я шептал их как молитвы»), и они помогли ему выжить и сохранить свою личность³⁷.

Тем более важно не отказываться от культуры вне таких экстремальных условий. Это единственный способ сохранить свою личность и противостоять одичанию.

³⁷ Шаламов В.Т. Собр. соч.: в 6 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 3: Стихотворения. С. 73–74.

Р. Темпест

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ЭРОС¹

«Раковый корпус» — самое сокровенное произведение Солженицына, характеризующееся накалом и нежностью любовных сцен. Пространства ташкентской клиники населены изуродованными и умирающими телами, но для нескольких персонажей она становится сосредоточьем страсти и желания. Гуманитарный эрудит и исследователь плотской любви Жорж Батай: «...Тревога, открывающая нас уничтожению и смерти, всегда связана с эротизмом; наша сексуальная активность окончательно приковывает нас к тревожному образу смерти, а познание смерти углубляет бездну эротизма»². Онкологический опыт Олега Костоглотова подтверждает верность этого наблюдения.

Если *мертвый* к добру, *мертвящий* партийными штампами родной язык, одержимый страхом *смерти* Павел Русанов несет печать Танатоса, то Костоглотова и двух женщин, которых он по-мужски вожделеет — медсестру Зою и доктора Веру Гангарт — осеняет Эрос.

Главный герой ложится на больничную койку в полном ожидании, что там он закончит свои дни, но вскоре начинает идти по пути выздоровления, в то же время познавая мужское томление и чувственный восторг. С двадцатитрехлетней Зоей его связывает взаимная, яркая, но непродолжительная

¹ Данная публикация представляет собой отрывок из 6-й главы моей книги «Слово над хаосом. Художественные миры Александра Солженицына» (*Tempest R. Overwriting chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's fictive worlds*. Boston: Academic Studies Press, 2019). Тема исследования — творчество Солженицына в контексте современной и классической, русской и западной литературы. В центре внимания находится Солженицын-художник как вдохновенный творец исторически обрамленных, искусно выписанных планет воображения, которые населены своим малым человечеством, состоящим из вымышленных и реально существовавших персонажей. Своей задачей я ставил выявление непрочитанных смыслов в произведениях писателя, как, например, его склонности к литературным загадкам и играм в стиле Набокова и даже Борхеса; эротических мотивов; и полемической связи с западной культурой, от учения Платона о предметном и идеальном и доктрины Ницше о суверенной личности, до искусства авангарда и шумовых эффектов рок-музыки. Книга содержит ряд ранее неизвестных фактов биографии Солженицына, а также тексты интервью, которые я провел с ним в 2003–2007 годах.

В настоящее время я подготавливаю русское издание книги для издательства «Время».

² Батай Ж. История эротизма. М.: Логос, 2007. С. 65.

влюбленность, тогда как Вера, которая лишь тремя годами моложе Олега, становится его избранницей, в высшем смысле слова. Потаенная, щемящая тяга Олега к Вере и Веры к Олегу постепенно создает между ними эмоциональную и духовную близость, исполненную безмолвного эротического напряжения.

Эрос торжествует над Танатосом, но решение Костоглотова остаться самодержавным властелином своей судьбы — прав он в этом или не прав — перебарывает Эроса.

Взятые вместе, портреты двух женщин, ставших Олегу близкими, образуют этюд в контрастных тонах. Зоя, чье имя на греческом значит «жизнь», как она любит сообщать окружающим, — практичная, привлекательная блондинка с тугими, округлыми формами крестьянки. Изящная, кареглазая Вера предстает как воплощение умной и интроспективной женственности. Ее культурные горизонты гораздо шире Зоиных: если светловолосой сестре нравятся саундтреки Болливуда, то Вера наслаждается классической музыкой, а ее любимый композитор — Чайковский.

Эта повесть о мужчинах и женщинах, жизни которых пересекаются внутри одного и того же институционального пространства и которые *свободно* общаются друг с другом и днем, и ночью, стала новым этапом в творчестве писателя. Хотя три главные героини, Зоя, Вера и доктор Донцова, ориентированы на эталонные архетипы женственности — подругу, супругу, мать, — они выписаны как сильные, сложные личности, обладающие качествами профессионализма, самообладания и умения полагаться на саму себя. Веру и Зою можно назвать фигурами толстовского порядка в смысле, предложенном американской исследовательницей Катрин Фойер. Она называет женские образы, выведенные в «Круге» и «Корпусе», «чудесно индивидуализированными героинями, присутствие которых в романах проявляется, однако, наиболее ярко, когда они превращаются в источник соблазна, нежности или спасительной любви для мужчин»³. При этом, замечает ученый, в своих отношениях с любимыми мужчинами героини выступают в чуждой толстовской прозе «роли кураторов», как «медсестры, врачи или офицеры МГБ»⁴.

В «Круге первом» действует формула $(2 + 1) + (2 + 1) = 6$: две пары женских персонажей, Надя и Серафима и Дотнара и Клара, движутся по четко очерченным сюжетным орбитам вокруг парных протагонистов произведения, Нержина и Володина соответственно. Зато героини «Ракового корпуса» выказывают более высокую степень текстуальной независимости. Образы Веры и Зои отнюдь не обусловлены вошедшим в их жизнь мужчиной, а доктор Донцова вообще полностью автономна как действующее лицо, несмо-

³ Feuer K. Solzhenitsyn and the legacy of Tolstoy // Solzhenitsyn: Essays and materials / ed. J. Dunlop, R. Haugh, and A. Klimoff. P. 133.

⁴ Ibid.

тря на свой статус замужней женщины и матери. Даже озороватая Ася представляет собой самодостаточный персонаж: на протяжении ее присутствия в повести именно влюбленный Дима оказывается сюжетно привязанным к бойкой старшекласснице, а не наоборот.

Солженицын подчеркнуто, вдохновенно мужеский писатель, и Олег Костоготов самый по-мужски страстный и даже одержимый его герой. Видалый фронтовик и экс-заключенный, ныне оправляющийся от смертельного недуга, он исполнен жадой любви и любовной улады. В его жизни нет ничего более важного, чем женщины, доверяет он хирургу Льву Леонидовичу. Но бушующее желание Олега — это не просто эффект восстанавливающихся физиологических функций его организма. Оно становится стихийным утверждением его личностного статуса, в противоположность ГУЛАГу, где мужчины и женщины были переформатированы в биологический инструментарий производственного процесса или, попросту говоря, обращены в рабство. Вспомним, что внутри тех размеченных колючей проволокой квадратов Эрос мог лишь «метаться»⁵. Если люди существа избирающие, то решение героя отказаться от гормонотерапии является одним из двух главных его поступков в повести. «После семи лет армии и семи лет лагеря — дважды семи лет, дважды сказочного или дважды библейского срока — и лишиться способности выживать, где мужчина, где женщина, — эта цена не лихо ли запрошена?»⁶ — пишет он Кадминым.

А в «Волшебной горе» Т. Манна *семь лет*, проведенные героем романа Гансом Касторпом в туберкулезном санатории, становятся для него «неким мифически-живописным временным телом»⁷.

Цифры и мифы медицинских пространств.

В Костоготове есть что-то от первопроходцев и золотоискателей в романах Джека Лондона, которыми Саня Солженицын зачитывался в детстве. Подобно лондоновскому Смоку Беллью, который, пережив полярную зиму с ее волками, выюгами и леденящим белым безмолвием, шатающейся походкой выходит из тайги, с тем чтобы вновь вкусить все наслаждения жизни, Олег алкает и вожделеет. Но героя манит не только податливость и жар женского тела. Как человек, который неизменно восстает против любой над собой властью — партийной, медицинской, даже любовной, — стремясь остаться господином своего бытия, он лишь иногда и лишь с Верой готов разделить этот суверенитет над личным и телесным. Не менее эротичной, чем сладость и нега слияния мужского с женским, представляется ему возможность предстать перед любимой женщиной в полной своей незащищенности и уязви-

⁵ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. III–IV // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 5. С. 195.

⁶ Он же. Раковый корпус // Там же. М.: Время, 2012. Т. 3. С. 255.

⁷ Манн Т. Волшебная гора. URL: https://librebook.me/the_magic_mountain (дата обращения: 10.10.2020).

мости. Если Костоглотов собственник самого себя в нищезанятном смысле, то он хотел бы разделить это право собственности с Другой. Когда Олег ближе узнаёт Веру, он открывает, что «в том и была главная слабость для его вечно подозрительного внимания: довериться, отдаться доверию»⁸. В то же время протагонист, чей шарм отчасти основан на противоречиях его натуры, вовсе не склонен отказаться от патриархального представления о том, что «только с мужиками и могут быть долгие ровные нормальные отношения»⁹.

В период работы над «Раковым корпусом» Солженицын решил для себя, что как художник он нуждался в «особо женской точке зрения»¹⁰, которой в силу обстоятельств жизни и склада характера он до сих пор был лишен. Выявив эту лаку в мировосприятии, писатель поступил так, как всегда поступал, когда сталкивался с нехваткой знаний о каком-то предмете: занялся его систематическим изучением. Своим информантом в вопросах женственности и женскости он избрал сотрудницу Института мировой литературы Миру Петрову. В Пятом Дополнении к «Телёнку» Солженицын рассказывает, впрочем, довольно сдержанно, о влиянии, которое их беседы оказали на творческий процесс, вспоминая, что Петрова выступала «то против недостаточной высоты в изображении женщины, то против недостаточной плотскости»^{11, 12}.

Как бы то ни было, по сравнению с предыдущими произведениями автора внутренняя жизнь героинь и их внешний облик выписаны с новой степенью тонкости. Мы наблюдаем, как женщина двигается или жестикулирует, смотрит на привлекательного мужчину или ощущает свое физическое естество. Во время первого своего разговора с Костоглотовым Зоя поправляет причёску, бессознательно прихорашиваясь, а потом исподтишка бросает на собеседника взгляд, которым последовательно прослеживает контуры его тела характерно женским образом: «Костлявые плечи, руки — но это от болезни»¹³. Позже в тексте присущая ей сенсуальность восприятия дает о себе знать в памятном, исполненном модернистской стилистикой пассаже. Почти влюбленная в Олега медсестра метафорически выворачивает самую себя наизнанку, пальпируя его чресла и торс: «Прижатая к нему и всем лоном ощущая его, она всем лоном хотела угадать: он ли?»¹⁴

⁸ Там же. С. 280.

⁹ Там же. С. 317.

¹⁰ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 492.

¹¹ Там же. С. 493.

¹² Н.Д. Солженицына комментирует: «Еще постоянным критиком “недостаточной высоты” выступала “Ева”, Н.И. Столярова, — впрочем, больше на просторах “Архипелага”; это уже при мне, а Мирины замечания — до».

¹³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 209.

Вера более духовная, более вечно-женственная натура, чем телесная, заземленная Зоя, но как литературный персонаж она представляет собой не менее правдоподобный образ, в котором интеллект, эмоции и плоть сосуществуют в динамическом равновесии. Тело героини текстуализировано с той же анатомической точностью, что и Зоино: так, например, Вера сидит в кресле «подобрав под себя бочком лёгкие ноги»¹⁵, благодаря присущей женщинам и неизменно озадачивающей мужчин гибкости тазобедренного сустава. Как многие застенчивые люди, очаровательная целительница весьма проницательна, причем даже в отношении самой себя. Одно время она собиралась усыновить мальчика или девочку, но потом, после долгих и серьезных раздумий, отказалась от этого намерения: «Она не могла полюбить ребёнка вот так сразу — от решимости, от безвыходности. Опаснее того: она могла разлюбить его позже. Ещё опаснее: он мог вырасти совсем чужой»¹⁶.

Упомяну также утонченную уборщицу Елизавету Анатольевну, которая разговаривает с доктором Донцовой, «чуть изгибаясь в извинение, как это бывает у повышенно вежливых людей»¹⁷, подобно тому, как благовоспитанная Анна Модестовна в рассказе «Как жаль» отвечает на вопросы патрульного милиционера, «немного изгибаясь или немного кланяясь»¹⁸.

В моем прочтении штрихи в портретах Веры и Зои отсылают нас к двум женским персонажам антиутопического романа «Мы» (нап. 1920) Евгения Замятина, относившегося к числу любимых писателей Солженицына. Своей «тугой затянутой кругловатостью» и губами «цвета светлого огня»¹⁹, которые она имеет привычку «скруглять»²⁰, Зоя напоминает юную О-90, велением Единого Государства ставшую сексуальным партнером Д-503, главного героя замятинского романа. О-90 составлена «вся из окружностей»²¹, от контуров тела до «розового О — рта»²². Грациозная же Вера похожа на «тонкую», «упрямо-гибкую»²³ революционерку I-330, возлюбленную Д-503, хотя кареглазая врачевательница не обладает ее любовным и политическим бесстрашием. Математик Д-503 видит лицо I-330 как «два треугольника»: «...Высоко вздернутые у висков темные брови — насмешливый острый треугольник, обращенный вершиною вверх — две глубокие морщинки, от носа к углам рта»²⁴. В глазах геодезиста Костоглотова Верина фигура становится суммой

¹⁵ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 296.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ Солженицын А.И. Рассказы и крохотки // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 263.

¹⁹ Он же. Раковый корпус. С. 150.

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Замятин Е.И. Мы. М.: Современник, 1989. С. 208.

²² Там же. С. 206.

²³ Там же. С. 208.

²⁴ Там же. С. 235.

тех же математических метафор, «двумя треугольниками, поставленными вершина на вершину: снизу треугольник пошире, а сверху узкий»²⁵.

В рассказе «Пасхальный крестный ход» авторский голос неодобрительно отзывался о «линиях искривлённых и сочетаниях треугольников и квадратов»²⁶, при помощи которых авангардное искусство воссоздает предметы и лица. В повести Солженицын прибегает к тому же приему, причем, следует сказать, весьма изобретательно.

И еще. За два тысячелетия до того, как кубисты разобрали и разложили живописное изображение на двухмерном пространстве полотна в виде тех самых треугольников, а Замятин и Солженицын придали своим героиням родственную треугольную конфигурацию, Платон сочинил красивейшую из легенд. Когда-то, писал античный философ, мир был населен андрогинами — предками человека, которые «сочетали в себе вид и наименование обоих полов — мужского и женского»²⁷. По велению Зевса Аполлон разрезал каждое андрогинное существо пополам вдоль протяженности тела:

«Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу. Итак, каждый из нас половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину»²⁸.

Формой камбала напоминает два соприкасающихся основаниями треугольника.

В платоническом смысле треугольные силуэты женственных героинь романа «Мы» и повести «Раковый корпус» — это биологически актуализированные формы, знаменующие сказочное единение и слияние двух полов, которого так страстно желают герои, проецируя его на тело желанной женщины; а их избранницы отзываются и отвечают взаимностью на мужской эротический импульс.

Костоглотов и Д-503 похожи, как братья. Два эти персонажа — сверстники, приблизительно возраста Христа, 34 и 32 лет соответственно, окружены математическими формулами и ассоциациями, маскулинны и волосисты, находятся в образной связи с приматами — ср. «обезьяны»²⁹ руки замятинского героя, — и на лицах их присутствует особая примета: у Костоглотова — глубокий шрам, у Д-503 — «как шрам — вертикальная морщина»³⁰.

²⁵ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 196.

²⁶ Он же. Рассказы и крохотки. С. 264.

²⁷ Платон. Пир. URL: <https://librebook.me/symposium/vol1/5> (дата обращения: 21.09.2020).

²⁸ Там же.

²⁹ Замятин Е.И. Мы. С. 208.

³⁰ Там же. С. 240.

Лабиаально одержимый протагонист Замятина считает, что «все женщины губы, одни губы»³¹. В переводе на язык филологии, целюбельные синекдохи (синекдоха = целое, носящее название одной своей составляющей). Автор статьи об эротических мотивах в прозе Солженицына отмечает, что в ней «объектом повышенного внимания <...> становятся <...> чаще всего именно груди и губы»³².

Итак, Зоя и Вера.

Уста медсестры фигурируют в одной из авангардных метафор повести: «Она одними только алчными огневатыми губами протасила его <Костоглотова> сегодня по Кавказскому хребту»³³. В романе «Мы» рот бунтарки I-330 похож на алое сечение: «...Кровь — разрез острым ножом — губы»³⁴. Для Костоглотова Верины губы «отзывчивы» и «легки»³⁵, хотя недоброжелательный Русанов находит их слишком тонкими.

Любопытно соотнести перечисленные здесь примеры оральной образности с физиогномическим кодом, согласно которому в русской культуре традиционно вычитывается символизм лица, и в частности ротовой щели. Эта занимательная тема достойна отдельной главы или даже книги, но я ограничусь несколькими цитатами. Они принадлежат чете мыслителей, современников Замятина, которые писали о духовном смысле, сквозящем в устах и чертах женщин и мужчин. Василий Розанов считал, что «губы — начало цивилизации» и «нужны, чтобы один человек нежил другого, лелеял другого, ласкал другого»³⁶; улыбка есть нечто райское, «край Неба»³⁷. Павел Флоренский был согласен, что губы «чувствительнейшие из частей нашего тела»³⁸, но подчеркивал «стыдливость рта, свойственную восточным народам»³⁹ и противопоставлял целомудренную улыбку Софии — Премудрости Божией «улыбке греха, соблазна и прелести» Моны Лизы, провозглашающую «отпадение от Бога»⁴⁰.

³¹ Замятин Е.И. Мы. С. 247.

³² Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями: писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 378.

³³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 210.

³⁴ Замятин Е.И. Мы. С. 247.

³⁵ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 65.

³⁶ Розанов В.В. Возрождающийся Египет // Собр. соч.: в 30 т. М.: Республика, 2002. Т. 14. С. 209.

³⁷ Там же. С. 210.

³⁸ Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 380.

³⁹ Он же. Пути и средоточия // У водоразделов мысли. Т. 1. URL: http://hotkovo.net.ru/library_view.php?id=41&mode=1 (дата обращения: 22.09.2020).

⁴⁰ Он же. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. [Приложение к журналу «Вопросы философии»]. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 174.

Вопрос о том, является ли русский мир частью Востока, — действие в повести происходит именно в тех далеких и древних краях, — еще ждет вердикта истории или МИДа. Впрочем, что касается поэтики лица, Костоглотову ближе «восточные» представления, о которых говорил Флоренский. Пример: герой размышляет о том, что Вере не следовало бы красить губы: «Это было грубовато для неё, это нарушало её тонкость»⁴¹.

Студентка медицинского института и медсестра по совместительству, Зоя родом из Смоленска, откуда в начале войны девочкой была эвакуирована в Ташкент, где и осела. Мать ее умерла, отец пропал много лет назад, и она живет вместе с бабушкой в коммунальной квартире. Когда Костоглотов познакомится с ней ближе, он даст Зое прозвище «пчёлка с чёлкой»⁴², ибо светло-русая героиня замечательно трудолюбива: качество, которое неизменно привилегировано в произведениях Солженицына. Впрочем, в отличие от докторов Донцовой и Гангарт, медсестра не одержима медициной или даже учебой и в свободное время любит повеселиться. Зоины мечты чисто семейного порядка: муж, дом, дети. В том же русле советской обыденности, интеллектуальный кругозор ее сужен. Когда Костоглотов, семья которого погибла в ленинградской блокаде, намекает, что Сталин не менее повинен в трагедии осажденного города, чем Гитлер, она находит это соображение поразительным. Зоя не имеет представления о масштабе ГУЛАГа и происходивших там жестокостях.

Но при всей своей относительной ординарности круглолицая медсестра отзывчива и *милосердна*. Ухаживая за таким трудным пациентом, как Русанов, она подавляет в себе чувство раздражения, ибо обладает чуткостью к чужому страданию. Но прежде всего — превыше даже этого опорного качества эмпатии — героиня воплощает радость молодости и восторг биологического бытия, подобно самым памятным персонажам Толстого: «...Зоя вслушивалась в себя, как сама она была чиста и здорова до последнего нюхоточка и кожной клеточки»⁴³. Она наслаждается ощущением плотской — плотной — фактуры своих грудей и тем, как «они наливались тяжестью, когда она наклонялась над койками больных, и как они подрагивали, когда она быстро шла»⁴⁴. Фигуристая медсестра, быть может, самая эротичная героиня Солженицына. Зоя столь сексапильна, что даже понурый Павел привстает на своей койке, когда она входит в палату. Интересно, что ее образ, как и образ Костоглотова, впервые представлен через восприятие кадровика: «приятный женский голосок», «плотненькая, подобранная», «золотистые волосы»⁴⁵,

⁴¹ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 194.

⁴² Там же. С. 39.

⁴³ Там же. С. 143.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 22.

чуть выпуклые глаза. Своим «безкорыстным <...> любованием»⁴⁶ Русанов оказывает нам, читателям, услугу, ибо при последующих появлениях сестры в тексте эти понравившиеся ему черты будут упомянуты снова и снова, причем с дополнительными подробностями. Так, мы узнаём, что округлые Зоины глаза обрамлены золотистыми ресницами.

Хотя светленькая сестра совсем не кокетка, она умеет улыбаться, играть глазами и рисоваться так, чтобы понравиться мужчине. У нее было несколько романов, которые приучили героиню держать страсти под контролем. В этом обществе первичного социализма и свободных нравов, где способы предотвращения беременности остаются на средневековом уровне, молодой незамужней женщине приходится быть осмотрительной. Поэтому если Зоя идет на вечеринку в один из своих «опасных» дней, она «держ<ится> с оглядкой, как сапёр между зарытых мин»⁴⁷: еще один военизированный образ, но на сей раз не принадлежащий Костоглотову.

В своих отношениях с Зоей герой играет традиционную мужскую роль зачинателя и ухаживателя. Когда они не флиртуют или милуются, он разговаривает с медсестрой как с «младшенькой»⁴⁸. С самого начала их связь пронизана эротическим волнением, приумноженным обменом запретной информацией и тихим, вполголоса ее обсуждением. Зоя одалживает Костоглотову, который хочет понять природу своей болезни, медицинский учебник, хотя пациентам запрещен доступ к подобного рода материалам. Рассказав медсестре о некоторых реалиях советской карательной системы, Олег предупреждает, что она должна хранить молчание, иначе сама может оказаться за колючей проволокой. Позже Зоя откроет другу, что прописанная ему гормонотерапия лишит его способности стать отцом. Так этот мужественный персонаж сталкивается с выбором: фармакологическое оскопление или возможность смертельного исхода.

Романтическая дружба Олега и Зои начинается с эпизода, где пациент и сестра уединяются в комнате врачебных заседаний, или «гостиной»⁴⁹, как называет ее домовитая Зоя. Они делятся подробностями своих жизненных обстоятельств и личных планов, и лишь стенгазета «Онколог», «выпущенная к седьмому ноябрю»⁵⁰, — момент авторской иронии — свидетельствует о том, что разговор происходит в стенах медицинского учреждения. Этот этап их отношений аналогичен первому свиданию, когда познакомившиеся на работе мужчина и женщина решают получше узнать друг друга попозже, в часы досуга.

⁴⁶ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 138.

⁴⁸ Там же. С. 152.

⁴⁹ Там же. С. 143.

⁵⁰ Там же. С. 144.

Под тяжелеющим взором разлегшегося в покойном кресле Костоглотова Зоя прохаживает перед ним семенящей плавной походкой, «как манекенщица»⁵¹, а затем пританцовывает в стиле бурлеска, хотя эти рожденные в СССР персонажи никогда не видели такого шоу. Упоенная удовольствием от движений молодого тела и пробуждающимся чувством к мужественной фигуре, пристально следящей за каждым ее движением, Зоя напевает песенку из модного индийского фильма, сопровождая ее вызывающим покачиванием бедер, симитированным с того же музыкального номера. Момент очарования нарушен. Суровый Костоглотов шокирован столь нескромным зрелищем и рассержен рекламой преступного образа жизни в понравившейся Зое кинокартине. Он рассказывает, как «социально-близкие»⁵² гэбистам уголовники зверствовали над другими зеками, и заключает: «Блатарей — я не считаю за русских»^{53, 54}.

Действующие лица, населяющие миры писателя, не могут избежать прикосновения истории даже в самые сокровенные минуты.

Кульминационным событием в изложенной истории Олега и Зои становится их следующее свидание. Обстоятельства этой встречи остаются сугубо больничными, причем даже в более явной степени, чем когда они провели те предвечерние часы в комнате врачей. Герой и сестра спускаются в коридор, где Зоя должна наполнить кислородную подушку для умирающего от рака легких средних лет мужчины. Его койка находится неподалеку, в углу лестничной площадки. Этот несчастный остается анонимным на всем протяжении сцены: когда Зоя называет его имя, одержимый Эросом Олег пропускает слова сестры мимо ушей. Детали внешности пациента на площадке обобщенно морбидны: «жёлтенький», «обвостривший нос», «съёженный»⁵⁵. Безличность описания отражает восприятие Костоглотова или, вернее, отсутствие у него такового. Исполненный страстью к светловолосой девушке, он почти не замечает деталей обстановки.

Первый поцелуй длится «два столетия»⁵⁶ — метафора, передающая замедленное восприятие опьяненного хмелем чувственности героя. Зоина рука остается на кране цилиндрического = фаллического баллона, контролируя поступление живительного газа в подушку. У любовников занимается дух, как у того агонизирующего больного. Олег и Зоя целуются еще раз. Это повторное слияние губ сродни нырку на дно океана пловца, который

⁵¹ Там же. С. 150.

⁵² Там же. С. 152.

⁵³ Там же. С. 153.

⁵⁴ Здесь герой непосредственно выражает авторскую мысль. Вспомним, что Солженицын долгое время отказывался слушать Высоцкого из-за того, что ассоциировал барда с блатной тематикой.

⁵⁵ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 207.

⁵⁶ Там же. С. 208.

находит там драгоценный перл: эротическая образность поэтического извода.

Николай Гумилев. «Искатели жемчуга»:

От зари
Мы, как сны;
Мы цари
Глубины.

Сон глубин,
Радость струй
За один
Поцелуй⁵⁷.

Моментом позже метафорическая география сцены перекидывается из морских пучин в горную высь, когда Костоглову чудится, что Зоины губы провели его по хребту Кавказа. Любовники шепчут друг другу нежности, и он зовет ее к себе в Уш-Терек.

И тогда медсестра открывает ему правду о гормональных уколах.

Олег и Зоя поднимаются на площадку, где задыхается легочный больной, «не держась за руки, но держась за подушку, надутую, как футбольный мяч, и толчки ходьбы одного и другой передавались через подушку»⁵⁸. Распухшая подушка и ее ритмичные подрагивания завершают развернутую последовательность сенсуальных ассоциаций.

В конце главы мы узнаём, что умирающий человек на лестничной площадке «уже не кашлял, а бился головой о поднятые колени, головой с остатками благоприличного пробора...»⁵⁹. Бытийный ужас, сравнимый с самыми тревожащими пассажами Достоевского. Мы становимся свидетелями экстремальной, смертельной безысходности. Беззащитный след, когда-то оставленный расческой в волосах больного, вызывает в памяти трогательный пучок на голове юрливой Марии в «Бесах», а размеренные удары лбом заставляют думать об избитой проститутке в «Записках из подполья», которая сидит на каменных ступенях и механически бьет по ним мертвой рыбой.

Культуролог-трансгрессор Батай рассматривал половой акт как уникальный момент биологического времени, когда физиологическое, чувственное и эмоциональное состояние любовников становится, даже если лишь на мгновение, смерть принимающим или даже смерть утверждающим:

⁵⁷ Гумилев Н.С. Искатели жемчуга // Электрон. собр. соч. URL: <https://gumilev.ru/verses/320/> (дата обращения: 26.10.2020).

⁵⁸ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 211.

⁵⁹ Там же.

Смертельная мука не обязательно ведет к чувственному наслаждению, но мы ощущаем это наслаждение более глубоко, когда нас объемлет смертельная мука. <...> От страха перед смертью у нас перехватывает дыхание, и мы так же задыхаемся в момент оргазма. <...> ...Содрогания плоти требуют не только согласия, но тишины и отстранения духа. Как ни странно, физическое влечение чуждо человеческой жизни и дает о себе знать безотносительно к ней, при условии, что она хранит молчание и остается в стороне. Существо, которое отдается этому влечению, перестает быть человеком, а вместо этого, подобно зверю, становится игрушкой разворачивающихся слепых сил и утопает в слепости и забвении⁶⁰.

Хотя между Олегом и Зоей нет еще физической близости в полном смысле, в эпизоде с баллоном мы можем проследить материализацию и взаимодействие каждого из организующих элементов эротической схемы Батайя. Они образно воплощены и повествовательно распределены вдоль пересекающихся осей любовного вожделения и телесного страдания, внутри единого, суженного пространства — больничного коридора. Продолговатое помещение превращается в подмостки — сцену для пантомимного спектакля о любви и смерти. Во время одного из поцелуев перед нами даже является дорогой Батайю зверь: «И [Костоглов] увидел близко-близко, невероятно близко, наискос, два её жёлто-карих глаза, показавшихся ему хищными»⁶¹. Без ведома любовников, без ведома его самого, умирающий человек на площадке становится участником свидания и носителем его рокового аспекта. Это он испытывает *смертельную муку и страх перед смертью и задышается*, когда Олег и его подруга сходятся в любовном клинче и отдаются влечению плоти, которое *чуждо человеческой жизни*, в данном случае жизни этого сокрытого от их взгляда и забытого ими Другого, корящегося на своей койке.

Из последующих глав становится ясно, что Олег и Зоя продолжают свои тайные встречи, хотя они остаются неописанными в тексте. Позже сварливая сплетница из женской палаты сообщает Вере Гангарт о том, что происходит по ту сторону Корпуса: «Вот этот лохматый, что ремнём подпоясан, — как ночное дежурство, так Зойку, медсестру, тискает!»⁶² Момент злоречия, который приводит к отчуждению между Верой и Костогловым, причина которого остается ему непонятной, ибо он не знает, что Вера *знает*.

Вслед за сим над романом между круглолицей медсестрой и ссыльным сержантом опускается занавес. «И то, что нарастало между ними, такое тугое, напряжённое, как кислородная подушка, которую они несли когда-то

⁶⁰ Bataille G. Death and sensuality: A study of eroticism and the taboo / trad. M. Dalwood. N. Y.: Walker & Co, 1962. P. 105.

⁶¹ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 208.

⁶² Там же. С. 299.

между собой, — вдруг стало тихо опадать. И превратилось в ничто»⁶³, — читаем мы в 33-й главе. Заповедный фалло-медицинский мотив повести звучит здесь в последний раз, причем слово «вдруг» вбирает в себя все промежуточные и завершающие этапы любовных отношений Олега и Зои. Так автор искусно связывает концы с концами или подушку с подушкой, ибо во второй части повести Костоглотов отдает сердце другой.

В отличие от жизнерадостной, домовитой Зои, Вера Гангарт выписана как уединенная личность со скрытным и даже замкнутым складом характера. Вера сверстница Костоглотова и ровня ему интеллектуально, хотя в письме Кадминым он снисходительно отзывается о ее «молодости» и «школярстве»⁶⁴. Олег не желает признаться самому себе, а тем более близким ему людям, как много значит для него эта женщина. На самом деле кареглазая целительница вовсе не такая инженту, как он полагает. Война и ГУЛАГ, эпические испытания, через которые прошел герой повести, определили и ее судьбу. Брат Веры был арестован еще до вторжения вермахта и умер в заключении, жених погиб на фронте. Сокрушенная горем мать Веры ненадолго пережила сына. Трагические переживания героини усугублены подозрением, которое ее этническое происхождение привлекает к себе в этом обществе группового мышления. Русанов не доверяет Вере из-за ее немецкой фамилии, но по крайней мере он не использует свою «авторучку со скрытым пером, нового фасона»⁶⁵ для того, чтобы настроить на нее донос в местный филиал КГБ.

В глазах героя Вера загадочна, пленительна, а порой даже немного пугающая, что бы он ни писал Кадминым. Чувство Олега к ней разительно отличается от того вибрирующего влечения, которое находило выражение в его уверенных указаниях Зое, как она должна одеваться и красоваться. Течение беспокойной, невысказанной любви Олега и Веры позволяет нам заключить, что их натуры чудесным образом совместимы, даже по шкале личной хронологии: *его* «одна пустыня <...> жизни» (фронт) и «вторая пустыня <...> жизни» (лагерь)⁶⁶ образно тождественны *ее* «четырнадцати пустыням»⁶⁷, начавшимся для героини после гибели суженого.

Даже когда Олег лежал в изнеможении на полу больничного вестибюля, он уже был очарован этой женщиной с глазами цвета кофе. «Её ноги, ноги её газели, он заметил ещё в первый раз, в первый раз»⁶⁸: мужской взор, откладывающийся потухнуть при приближении тьмы. Причем, в отличие от сексапильной Зои, Веру окружает особый ореол непорочности. Когда Костоглотов наблюдает за темноволосой врачевательницей во время медоб-

⁶³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 393.

⁶⁴ Там же. С. 253.

⁶⁵ Там же. С. 129.

⁶⁶ Там же. С. 285.

⁶⁷ Там же. С. 296.

⁶⁸ Там же. С. 202.

хода, внутренний мужской голос подсказывает ему, что Вера целомудренна и даже, быть может, девственна. (В действительности после гибели жениха у нее был один, неудачный, роман.) Недаром Верина комната в ветхой коммуналке напоминает «келью-камеру»⁶⁹. Окно ее покрыто решеткой, а на стене висит картина с изображением Петропавловской крепости, зловещей темницы, в казематах которой томилось столько мятежников и мечтателей.

При этом мужские качества, представляющиеся Вере ценными, — «внимательная нежность и ощущение безопасности с ним — прикрытости, укрытости»⁷⁰ — ничем не отличаются от тех, которые привлекают золотоволосую медсестру.

С именем, которое Костоглотов дает Вере, связаны ключевые мифологические и музыкальные смыслы. Он называет ее — но только про себя — Вегой, в честь самой яркой звезды в созвездии Лиры, которое символизирует кифару Орфея, спустившегося в Гадес, дабы вернуть оттуда свою супругу Эвридику. Когда легендарные любовники почти дошли до выхода из царства теней, Орфей, вопреки предупреждению Аида, оглянулся на следовавшую за ним жену и этим обрек ее навечно остаться в сумеречном обиталище мертвых. Однако в стихотворении «Возращение к звёздам», написанном Солженицыным сразу же после освобождения, «кипящая, немыслимо белая Вега»⁷¹ знаменует надежду⁷². (И сам Костоглотов говорит любимой, что «Вега — ослепительно белая»⁷³.)

Утонченная целительница ассоциируется с произведениями искусства — источник, откуда она черпает свое понимание мужчин, женщин и существующих между ними связей. Сидя в своей одинокой комнате, она размышляет об экстравагантно маскулинных героях Хемингуэя и хищной женственности Кармен из оперы Бизе. Красавица-цыганка, думает Вера, «это — лже-женщина, это — переодетый мужчина»⁷⁴.

Мысль о том, что Кармен на самом деле мускулистая дрэг-квин, не лишена остроумия. Мы можем представить себе улыбку на лице автора, когда он решил одарить героиню этим соображением.

В 25-й главе Вера приходит домой, в принадлежащий ей кусочек коммунальной квартиры, где занимается легкой уборкой и танцует, как балерина. Сцена, заслуживающая подробного анализа. Как я показал в моем разборе

⁶⁹ Там же. С. 290.

⁷⁰ Там же. С. 292.

⁷¹ Солженицын А.И. Возвращение к звёздам // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2016. Т. 18. С. 241.

⁷² Н.Д. Солженицына комментирует: «...При освобождении у АИ за спиной, в отличие от Орфея, уже не было жены, выходил из ада один, так и свет впереди если был — то для него одного».

⁷³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 201.

⁷⁴ Там же. С. 292.

романа «В круге первом», когда солженицынские героини удаляются в свое особое, отделенное от внешней социальной среды пространство, недоступное подглядывающему мужскому оку, они совершают тайные обряды женственности. Обитательницы комнаты на Стромынке гладили, выкладывали друг другу душу или позировали перед зеркалом, надежно сокрытые в своем сегрегированном женском мире, островке пудры, или пудры в середине сталинского мегаполиса.

Пленительная, даже эфирная целительница умеет извлекать удовольствие из собственного физического я, хотя телесное наслаждение для нее фильтруется через музыку, даже когда она вытирает пыль: «И каждый этот переброс Вера делала с удовольствием, как изменяющиеся в танце па»⁷⁵. Если задорная Зоя ритмически извивается перед аудиторией, состоящей из одного вождедеющего ее мужчины, то Вера выполняет свои пируэты лишь для себя, внутри своей «кельки». Кончив убираться, приуставшая героиня откидывается на спинку кресла, ставит музыку из «Спящей красавицы» и думает об Олеге: «Она хотела представить, как должен был это адажио слушать с балкона оперного театра вымокший под дождём, распираемый болью, обречённый на смерть и никогда не выдавший счастья человек»⁷⁶. Под аккомпанемент мелодий Чайковского молодая женщина чувствует, пока только полусознанно, движение новой любви. Она берет в руки фотографию погибшего жениха: «...Это мальчишески чистенькое лицо; незащищённая светлость ещё ничего не выдавших глаз; первый в жизни галстук на беленькой сорочке; первый в жизни костюм на плечах...»⁷⁷ Уменьшительные «чистенькое» и «беленькая» гармонируют с аурой мальчишескости и даже детскости, окружающей лицо на карточке. На лацкане пиджака Вериного нареченного значок с профилем Ленина. Появление в данном отрывке большевистского вождя, пусть и опосредствованное, лишено демонизма: и костюм, и значок суть курсоры сокровенного воспоминания. Постепенно на странице проступают юношеские черты самого автора, ибо этот пассаж содержит экфрасис, или художественное описание, студийной фотографии Солженицына-студента, которая часто фигурирует в биографических исследованиях. Схожий момент присутствует в «Круге», где портрет Нержина в начале 6-й главы — «русые волосы его, с распадом на бока, были густы...»⁷⁸ — представляет собой словесную кальку с известного снимка писателя, сделанного в шарашке.

Вечереет. Хозяйка «кельки» разглядывает драгоценную карточку при зеленоватом мерцании шкалы радиолы. Художник по свету Солженицын при-

⁷⁵ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 290.

⁷⁶ Там же. С. 291.

⁷⁷ Там же. С. 292.

⁷⁸ Солженицын А.И. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 3. С. 34.

думал хитрый спецэффект, способный вызвать у читателя необычные и запоминающиеся зрительные ассоциации. Вера отдается мечтаниям, а тем временем глаза автора следят за ней с маленького, шесть на девять, прямоугольника, который она держит в пальцах. В нерассказанном прошлом этого художественного мира очаровательная героиня стала суженой погибшего на войне юноши, и автор придал ему черты собственного отроческого я.

Первой любовью Веры был Солженицын.

И сам автор, тайный соперник своего героя Олега Костоглотова, тоже любит ее.

В матрицах текста сокрыты заповедные авторские смыслы, при помощи которых внимательный читатель может расшифровать природу отношений между произведением и его создателем, осознавая при этом условный, *сочиненный* статус и того, и другого.

Прецедент этим текстуальным тонкостям следует искать в одном из шедевров Толстого. По ходу действия Анну Каренину несколько раз посещает странный фантом, взъерошенный мужичок, бормочущий по-французски и обдeldывающий при этом кусок железа. Умирая под чудовищными чугунными колесами, она на мгновение видит ту же загадочную фигуру. Но кто же этот спорадичный спутник Анны, являющийся перед ней в образе Гефеста, Вулкана или Велунда ее личного бессознательного? — Конечно же сам писатель, галлицизированный аристократ, одевавшийся как крестьянин и любивший заниматься ручным трудом, который время от времени навещает свою обворожительную, сбившуюся с пути героиню, дабы ее остеречь и защитить.

Вера знает, что «неотменимы законы тканей, законы гормонов, законы возраста»⁷⁹. Ее романтические понятия кончаются там, где начинается биология и физиология. Во всяком случае, так было до того, как дружеская симпатия между Олегом и Верой начала перерастать в нечто большее.

«Я верю только в научные схемы, испытанные на практике»⁸⁰, — чинно выговаривает доктор Гангарт, когда находит в тумбочке Костоглотова настойку с иссык-кульским корнем. Врач и пациент выходят из здания Корпуса, и Олег торжественно выпораживает пузырек с таинственной тинктурой. Этот акт становится обрядом, совместным возлиянием, совершенным героем и героиней, матери сырой земле, богине древних славян, даже если в данном случае земля не русская, а азиатская. Впрочем, и мандрагора — дар Азии.

Случай с флаконом предвосхищает сцену, где целительница с глазами цвета миндаля делает Костоглотову переливание крови. Здесь мы видим как мастерски Солженицын выписывает и соотносит друг с другом тела

⁷⁹ Он же. Раковый корпус. С. 294.

⁸⁰ Там же. С. 199.

персонажей, их индивидуальное восприятие и происходящие вокруг них физические явления, в едином отмеренном пространстве. Причем последнее является всецело и, с точки зрения героя, обескураживающе феминизированным.

За стенами Корпуса в разгаре теплая ташкентская весна, а здоровье Костоглотов явню идет на поправку. Неизвестная ему молодая женщина-врач с «багряными»⁸¹ (как у вампира!) щеками вызывает его в кабинет переливаний для еще одной гемотрансфузии. Следуя ее инструкциям, герой раздевается и ложится на кушетку, но очень неохотно. Он разделяет предрассудки других больных о «старой крови» и «плохой крови»⁸², которую клиника якобы использует в трансфузионной терапии, — трогательный признак волшебного мышления у этой уверенной в себе, рационалистического склада личности. Но самое главное, Олег с самого начала испытывает инстинктивную неприязнь к медицинской незнакомке с ее полными, розовыми, пупыристыми «руками, заголёнными до локтя»⁸³: на каком-то глубоко личном уровне восприятия эти бугристые пунцовые конечности вызывают у него отвращение чисто мужского порядка.

Лежа на кушетке, Костоглотов бездумно смотрит в потолок.

«Солнце уже завернуло на сторону перевязочной. Прямо сюда оно не попадало, но два окна светились ярко, а ещё часть потолка была занята большим световым пятном, отразившимся от чего-то»⁸⁴.

В этот момент в комнату входит доктор Гангарт, и герой дает согласие на переливание, приободренный тем, что наклейка на ампуле с кровью датирована 5 марта — второй годовщиной смерти Сталина.

Кесаря-кровопийцы нет больше в живых, если не в нежитях.

Пока темноволосая врачевательница устанавливает оборудование для переливания с помощью молодой сестры-узбечки, Олег впадает в нечто похожее на транс, изнуренный десятками сеансов рентгенотерапии и утихомиранный утешительным присутствием Веры. Толстовские тексты нередко завернуты в ажурные ткани сна. Николай Ростов дремлет в снях, несущих его по заснеженной Москве, когда он возвращается домой после Аустерлицкой битвы, а Анна Каренина грезит в купе поезда, держа в руках недочитанный английский роман, пока она едет из Москвы в Петербург. В этом пограничном состоянии гипнагогии, или полузабытья, сознание персонажа отступает за кайму повествования и смещается коллажем из отрывочных мыслей и смутных сенсорных восприятий.

⁸¹ *Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 276.*

⁸² Там же. С. 277.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 278.

«Большое слабо-солнечное, кружево-солнечное пятно на потолке заливало неровный круг. И это пятно, неизвестно от чего отражённое, тоже было ласково ему сейчас, украшало чистую тихую комнату»⁸⁵.

Уже несколько недель Костоглотова тяготит мысль об оскопляющем эффекте гормональных уколов. Он упрекает Веру за то, что она скрывает от него правду. Смущенная героиня ничего не отвечает, но в одном из фаллоцентричных пассажей, которые иногда змеятся по тексту, ее пальцы гладят резиновую трубку, несущую консервированную кровь в вену Олега.

Продолжая хранить молчание, Вера отходит в сторону, и Костоглотов больше ее не видит.

«Но так как он не должен был шевелиться, то осталось в его окоёме: стойка с приборами; ампула с коричневой кровью; светлые пузырьки; верхи солнечных окон; отражения шестиклеточных окон в матовом плафоне лампы; и весь просторный потолок с мерцающим слабо-солнечным пятном»⁸⁶.

Каталог деталей, имеющих визуальные параметры и смыслы: углы зрения, падения и отражательной способности.

Герой размышляет вслух: «Сперва меня лишили моей собственной жизни. Теперь лишают и права... продолжить себя. Кому и зачем я теперь буду?.. Худший из уродов! На милость?.. На милостыню?..»⁸⁷ Слова, являющиеся самым откровенным выражением костоглотовского я на протяжении всей повести, адресованы очень женственной Вере.

Нет, он не желает стать новым Абельяром, подразумевает Олег.

Тем временем —

«...Это пятно на потолке — оно почему-то иногда вздрагивало: пожималось краями, что ли, или какая-то морщина переходила по нему, будто оно тоже думало и не понимало. И становилось неподвижным опять»⁸⁸.

Изменчивый световой силуэт над Костоглотовым, открытый лишь его взгляду, напоминает детский рисунок — солнечный круг, небо вокруг и т. д., — хотя *этот* лучезарный лик имеет вид скорее задумчивый, нежели веселый. Озадачивающие героя отсветы и высверки представляют собой отражение чего-то, но чего именно, мы не ведаем, как не ведает и он сам.

Прерывающимся от волнения голосом, все еще оставаясь вне поля зрения Костоглотова, Вера говорит, что не может с ним согласиться. В свою очередь Олег делится мыслью, что любовь нельзя свести к физическому соитию.

⁸⁵ Там же. С. 281.

⁸⁶ Там же. С. 284.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

Диалог двух персонажей у трансфузионного аппарата становится обменом невысказанными признаниями, тайным выражением растущего между ними чувства. Это — единение личностей, а не тел, в отличие от страстных касаний и ощупываний, которыми Олег и Зоя занимались рядом с другим медицинским устройством, кислородным баллоном.

Минутами позже Вера поправляет подушечку, поддерживающую локоть пациента, и ее пальцы снова поглаживают трубку. То уже не клинические манипуляции лечащего врача, а пленительно женственные жесты, даже если руки целительницы ни разу не касаются самого Олега.

А что происходит с мистическим кругом света?

«Странное бледно-солнечное пятно на потолке вдруг зарябило, где-то сверкнуло ярко-серебряными точками, и они побежали. И по этой бегущей ряби, по крохотным волнышкам понял наконец Олег, что загадочная возвышенная туманность на потолке была просто отблеском лужи, не высохшей за окном у забора. Преображением простой лужи. А сейчас начал дуть ветерок»⁸⁹.

Лучи света, испускаемые солнцем — звездой, подобной сверкающей Веге, — падают на скопление дождевой воды рядом со стеной клиники, которое проецирует их на белый потолок-экран. Светопреломляющий аппарат глаза формирует на сетчатке миниатюрное перевернутое воспроизведение потолочной проекции, откуда по зрительному нерву окулярные сигналы поступают в мозг. Слово «туманность» нюансирует зыбкий, расплывчатый характер световых узоров, в то же время ассоциируясь с туманностью Андромеды, великой спиральной галактикой в одноименном созвездии, которая является одним из самых далеких космических объектов, различимых невооруженным взглядом.

Так через небесные коннотации и астеризмы этот пассаж перекликается с легендой о Персее, герое, спасшем прикованную к скале Андромеду, дочь царя Кефея и царицы Кассиопей, от страшного Кита. Тот же мотив спасителя-воина и спасенной царевны присутствует в балете «Спящая красавица», одним из объединяющих символов героя и героини повести.

Впрочем, в сцене с трансфузией топос избавления инвертирован. Медицинская забота, проявляемая Верой-Вегой по отношению к бывшему *солдату* Олегу Костоготову, который *обездвижен* соединяющей его с трансфузионным аппаратом эластичной трубкой, ныне делает спасительницей *ее*.

Комната переливаний превратилась в планетарий воображения.

Платон. VI книга «Государства»:

«...Возьми линию, разделенную на два неравных отрезка. Каждый такой отрезок, то есть область зримого и область умопостигаемого, раздели опять таким же путем, причем область зримого ты разделишь по признаку боль-

шей или меньшей отчетливости. Тогда один из получившихся там отрезков будет содержать образы. Я называю так прежде всего тени, затем отражения в воде и в плотных, гладких и глянцевых предметах — одним словом, все подобное этому»⁹⁰.

Световая геометрия Костоглотова, с ее оптическими осями и векторами и астрономическими величинами и аллюзиями, отсылает нас, читателей, к иной, надзвездной реальности. Где-то за зенитом небосвода, беспредельно выше данного нам в ощущениях мира тел и телесных желаний существует иной, сверхбиологический, сверхматериальный — даже сверххудожественный — мир. Ибо душа «устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает»⁹¹, — говорит Платон, который сравнивает процесс постижения разумом истинной причины вещей со способностью человека видеть свет, исходящий от божественного Солнца.

Так любовь Костоглотова к прелестной целительнице и ее ответная любовь к нему возносят эту чету персонажей к озаренным светом знания высшим сферам, о которых писал античный философ. С той горней перспективы вопрос о том, соединят ли Олег и Вера свои тела и жизни в данной им физической реальности, представляется *воистину* несущественным.

⁹⁰ Платон. Диалоги. Государство. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos06.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

⁹¹ Там же.

И.А. Есаулов

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК»

В ТВОРЧЕСТВЕ СОЛЖЕНИЦЫНА:

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В рамках этой статьи хотелось бы преимущественно сосредоточиться на самых, пожалуй, известных персонажах Александра Исаевича, которых можно причислить к подобному типу: именно они и увековечены на московском памятнике А.И. Солженицыну — Иван Денисович и Матрёна. В том контексте, который обозначен в названии предлагаемой работы.

Уже в перестройку, в октябре 1987 года, Асир Сандлер в «Собеседнике» заявил: «“Один день Ивана Денисовича” Солженицына я не принял после первого прочтения категорически... Солженицын описал и тем самым в немалой степени *типизировал* лагеря того времени. И главной персоной оказался Иван Денисович, человек с минимальными духовными запросами, замкнутый на своих сиюминутных заботах, но которого Солженицын подал как образ, символ русского народа. А подлинных пролетариев, которые в двадцатые годы кончали рабфаки, а потом промакадемии и становились масштабными людьми, подлинную интеллигенцию во всех сферах науки и культуры он соизволил не заметить. Хотя именно она и была главной, основной массой репрессированных, начиная с тридцать седьмого года»¹. В сущности, Сандлер лишь повторил, подытожил те упреки, которые были обращены к Солженицыну, начиная уже с самой первой публикации «Одного дня...»: не та «главная тема», не о тех, не они главные жертвы советского тоталитарного режима.

Леонид Жуховицкий, рассуждая о Матрёне Солженицына в 1964 году в «Литературной России», так истолковал смысл произведения: «...независимо от первоначальных намерений художника рассказ показал бессмысленность, обреченность и даже аморальность праведнической морали, несмотря на прекрасные душевные качества самой Матрены. <...> Сколько зла

¹ Цит. по: Алексеев А. Сто лет вместе: Александр Солженицын в цитатах современников // Коммерсант. 2018. 11 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826618#id903315> (дата обращения: 11.10.2021).

на планете творится послушными руками таких вот праведников! Сколько жуликов и подлецов привычно рассчитывают на их смиренную покорность и неразборчивую доброту! Рассказ убедительно показал, что в борьбе за счастье ее и сотен миллионов других Матрен земного шара лучше рассчитывать не на праведников, а на обычных, “грешных” людей².

Стало уже общим местом, когда пишут о Солженицыне, отмечать, что «в его прозе переплелись традиционные темы: тема “маленького человека” и тема очищения через страдание»³. Действительно, у Солженицына неизменно чувство симпатии и уважения к третируемым фактически, хотя и превозносимым советским официозом «простым» людям. Как замечает Л.И. Сараскина, «...это был поворот к личности, которая в советской иерархии унижена и подавлена в наибольшей степени, но которая в наименьшей степени живет по лжи. Это был личный протест уже понятого обмана оттепели, с ее интеллектуальной трусостью и дозированным свободомыслием»⁴.

Не будем приводить многочисленные суждения критиков насчет того, что к «маленькому человеку» Ивану Денисовичу автор относится «лучше», чем, к примеру, к «образованному» Цезарю Марковичу⁵. Но является ли покорный Иван Денисович («терпила», как подобных людей называют на нынешнем молодежном сленге) вполне субъектом (личностью)?

Вопрос сложный. Все мы помним финал солженицынского текста: «Засыпал Шухов, вполне довольный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножевкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый»⁶.

Немыслимый — как будто — для сколько-нибудь уважающей себя личности — «минимализм» солженицынского персонажа, на первый взгляд, склоняет к выводу о практически угасшей субъектности (особенно горько —

² Цит. по: Там же.

³ Рыклин М. «Проклятый орден»: Шаламов, Солженицын и блатные // Отечественные записки. 2008. № 2. Цит. по: URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/2/proklyaty-orden-shalamov-solzhenicyn-i-blatnye> (дата обращения: 11.10.2021).

⁴ Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2009. С. 464.

⁵ Ср.: «Когда Цезарь Маркович, увлеченный “образованным разговором”, берет миску с кашей из рук Шухова так, будто она сама к нему приехала по воздуху, а Иван Денисович, повернувшись, тихо уходит от него, спорящего с другим лагерником об “Иване Грозном” <...> кажется, что и автор разворачивается и уходит вместе с Шуховым и идет прочь от лукавого празднословия» (Там же).

⁶ Художественные тексты А.И. Солженицына цит. по изданию: Солженицын А.И. Малое собр. соч.: в 7 т. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 3: Рассказы. С. 111. Далее страницы указываются в скобках.

в авторском сарказме — последнее: «*почти* счастливый»). Такого рода эстетизация подобной покорности кажется тем более странной, если вспомнить неукротимый бунт против «системы» самого писателя. Или, скажем, его особые симпатии к личности Столыпина, который воплощает ведь совершенно иной человеческий тип, нежели Иван Денисович.

Мы здесь не касаемся также многократно обсуждаемого в критике вопроса, что Иван Денисович с каким-то особым рабочим азартом, если не сказать — удовольствием, словно бы гоголевский Акакий Акакиевич переписывая бумаги, строит, кажется, еще одну тюрьму для своего же брата, ээка (хотя свой собственный мир, в котором живёт гоголевский персонаж, загруженный работой, было бы крайне любопытно сопоставить с аналогичным стремлением персонажа Солженицына одухотворить казенный и враждебный ему лагерный порядок): «Мастерком захватывает Шухов дымящийся раствор — и на то место бросает и запоминает, где прошел нижний шов (на тот шов серединой верхнего шлакоблока потом угодить). Раствора бросает он ровно столько, сколько под один шлакоблок. И хватает из кучки шлакоблок (но с осторожкою хватает — не продрать бы рукавицу, шлакоблоки дерут больно). И еще раствор мастерком разровняв — шлеп туда шлакоблок! И сейчас же, сейчас его подровнять, боком мастерка подбить, если не так: чтоб наружная стена шла по отвесу, и чтобы вдлинь кирпич плашмя лежал, и чтобы поперек тоже плашмя. И уж он схвачен, примёрз» (62). Так увлечен Шухов этой подконвойной работой, что «аж взопрел» (61), он *подгоняет* своих столь же подневольных товарищей: «Подносчикам мигнул Шухов — раствор, раствор под руку перетаскивайте, живо! Такая пошла работа — недосуг носу утереть <...> Они ни на миг не останавливались и гнали кладку дальше и дальше <...> Бригадир от поры до поры крикнет: “Раство-ору!” И Шухов свое: “Раство-ору!”... он сейчас и брата родного по трапу с носилками загонял бы» (63).

Но что это, если говорить об историко-литературной перспективе (или ретроспективе), за *тип* героя — Иван Денисович, Матрёна, некоторые другие персонажи Солженицына? Считается, что фраза «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя», авторство которой приписывали то Ф.М. Достоевскому (в беседе с М. де Вогюе), то самому Вогюе, акцентирует несомненный приоритет изображения «маленького человека» для новой русской литературы, по крайней мере с 40–60-х годов XIX века. Хотя, например, И.С. Шмелев, тоже отдавший дань в раннем своем творчестве изображению «маленького человека», позже подчеркивал, что и новая русская литература вышла не из гоголевской «Шинели», а «из духовной сущности русского народа, из томлений его по “правде Божией” на земле...»⁷.

⁷ Шмелев И.С. Творчество А.П. Чехова // Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 7 (доп). С. 543.

Современный исследователь В.Н. Захаров утверждает, что в художественном мире Достоевского нет ни «лишних», ни «маленьких» людей: «У него каждый человек велик. Даже Макар Девушкин, социально ничтожный герой первого романа Достоевского...»⁸ Действительно, добавим от себя, Достоевский художественно убедительно показал и тем самым доказал, что и «маленький» человек может быть и добрым, и злым, и талантливым, и бездарным. Он только лишь не может быть, собственно, «маленьким» (а может только лишь *казаться* таковым — особенно в сознании полуобразованного человека, из той самой «образованщины», особенности жизненных установок которой весьма убедительно проанализировал Солженицын). Однако можно ли утверждать, что такой подход к человеку присущ исключительно Достоевскому? По-видимому, он характеризует русскую литературу как таковую — в ее вершинных проявлениях.

Здесь не место полемизировать с тенденцией одномерного понимания этого «маленького человека», который будто бы и символизирует «гуманизм» классической русской литературы. Ведь если мы вспомним истоки возникновения темы «маленького человека», то сам историко-литературный материал будет сопротивляться подобной одномерности: например, не только же у Достоевского, но и у Пушкина «маленький человек» Самсон Вырин, помимо понятного читательского сочувствия, обнаруживает некую многомерность (и даже своего рода тиранство, будучи не готов «отпустить» свою «заблудшую овечку», не желая принимать ее собственного счастья с Минским). Гоголевский же Акакий Акакиевич из безропотной «жертвы» социума посмертно словно бы превращается в сурового мстителя. И так далее. Примеры можно было бы легко умножить.

Другое дело, что и пушкинская, и гоголевская «линия» была не только позднейшими исследователями, но уже и современниками Пушкина и Гоголя, а затем и писателями 40–60-х годов XIX века, да и, пожалуй, позже, характерным образом редуцирована. В результате этой редукции «маленький человек» был призван стать своего рода иллюстрацией жестокого социума, жертвой «недолжной» русской действительности, вечным укором «царизму». При этом сам герой лишался как пушкинской, так и гоголевской многомерности, объективировался и овнешнялся, из *субъекта* художественного мира он превращался в *объект* для всевозможных, преимущественно социологических, манипуляций.

Само понятие «критический реализм», сквозь призму которого десятилетиями рассматривалась и тем самым объективировалась русская литература, является навязанным ей и внешним — по отношению к глубинной основе русской культуры, негодным инструментарием, лишь по известным,

⁸ Захаров В.Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб., 2008. Вып. 24. С. 44.

далеким от всякой «научности» обстоятельствам долгие годы монополизировавшим изучение русской словесности.

Понятие *христианского реализма* куда более адекватно для русской классической литературы. Его уже пытались обосновать при изучении русской литературы; в том числе, пытался и я — в цикле своих работ⁹. Однако воз и ныне там. Хотелось бы подчеркнуть, что само понятие христианского реализма — явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма): речь идет о трансгисторическом *творческом принципе*, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры.

Вершинные произведения русской классики базируются именно на этом творческом принципе. В творчестве Пушкина множество чудесных совпадений и чудесных развязок (вспомним хотя бы «Повести Белкина», «Капитанскую дочку»). Но как относиться к подобным сюжетным построениям? Как к наследию авантюрной традиции? как к новеллистическим особенностям? как к издержкам романтических представлений о мире?

Однако совершенно иное научное объяснение вытекает из признания *реальности* чуда. Если чудо — как свобода Бога — вполне реальный факт, а именно так и считали подавляющее большинство русских писателей, то многие события, кажущиеся на поверхностный взгляд неправдоподобными либо фантастическими в художественном мире русской классики, могут быть охарактеризованы как проявления христианского реализма. Тогда понятен скепсис В.М. Марковича, который усомнился в том, что «основой реализма является социально-исторический и психологический детерминизм»¹⁰, ведь именно чудо — как раз та духовная реальность, которая «отменяет» любой плоский детерминизм.

Русская литература создает шедевры, которые как в тексте, так и в подтексте наследуют трансгисторической христианской традиции в понимании мира и человека. В этих произведениях память этой традиции живет в давно уже секулярном мире, но эта секулярность все-таки так или иначе помнит о своих христианских истоках.

Поэтому — в вершинных произведениях отечественной классики — до тех пор, пока русская литература в своем культурном бессознательном наследует христианской традиции, — и «маленький человек» не может быть вполне объективирован, овнешнен, т.е. как бы выведен за пределы христианского представления о человеке.

⁹ См.: Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип Пушкина и Гоголя // Четвертые Гоголевские чтения: Гоголь и Пушкин. М.: Книжный дом «Университет», 2005. С. 100–108; Он же. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. Калининград: РГУ имени И. Канта, 2007. С. 9–20.

¹⁰ Маркович В.М. Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX века // Изв. РАН. Отд. лит. и яз. 1993. № 3. С. 27.

Толстовский Пьер Безухов «...в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной»¹¹. До плена толстовский персонаж «...во всем близком, понятном <...> видел одно ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное» (т.е. то, что Асир Сандлер и увидел в Иване Денисовиче. — И.Е.), потому что «не умел видеть — прежде — великого, непостижимого и бесконечного ни в чем». Теперь же Пьер «испытывал чувство человека, нашедшего искомое у себя под ногами»¹². Это движение Пьера от «дальнего» к «ближнему» (своему), от масонских абстракций к житейской конкретике, как известно, вполне созвучно и самому Толстому, который позже — с некоторым чисто толстовским радикализмом — и сформулировал это отношение к «простоте» тех, кого считали, даже и в буквальном смысле, «маленькими» людьми: «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят».

В русской литературе — в ее магистральном векторе — «маленький человек» вовсе не является «простым», т.е. одномерным существом, которое, будучи вполне объективировано, словно бы лишено божественного Лица. Как же обстоит с этим у Солженицына?

Читая и перечитывая Солженицына, можно убедиться, что он наследует именно этой традиции — это не расплывчатая традиция «гуманизма» — несколько покровительственная по отношению к «маленькому человеку», а традиция — христианская. Даже в том социуме, где персонажи, как подчеркивается в тексте «Одного дня...», уже не помнят, какой рукой креститься — правой или левой. Однако автор показывает, что в культурном бессознательном этих людей — хотя бы некоторых из них — остались не выкорчеванными с корнем некоторые доминантные особенности русской культуры — именно те, которые дошли до XX века — с Крещения Руси.

И ладный Иван Денисович, и несуразная Матрёна из «Матрёнина двора» сохраняют в себе ту же самую личностность, которая появляется в русской культуре с христианской эпохи и которую нельзя выкорчевать никаким насильственным принуждением.

Эти «простые люди» — такие персонажи, по Солженицыну, о которых вполне можно сказать знаменитыми завершающими строками «Матрёнина двора»:

«Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город. Ни вся земля наша» (145).

Эти строки запоминают все, кто прочел рассказ Солженицына. Но обращу внимание на неоднородность, сложность образа Матрёны: ведь до этого

¹¹ Толстой Л.Н. Война и мир // Собр. соч.: в 20 т. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. С. 234.

¹² Там же.

финала автор замечает: «*И только тут* — из этих неодобренных отзывов золовки — выплыл передо мной образ Матрёны, какой я не понимал ее, даже живя с нею бок о бок» (145). Ранее «не понимал»: иными словами, Матрёна не является одномерным по своей сущности предметом сочувственно-гуманистического покровительственного отношения¹³. Напротив, сложность ее личности, не понятой ни мужем, ни сестрами, ни золовками, ни — поначалу — даже и самим автором — проступает только как откровение, как чудо — после постигшей ее катастрофы. Так что фраза автора в середине повести — «так в тот вечер открылась мне Матрёна сполна» (132) — все-таки не окончательный, а промежуточный итог, ибо выражение «открылась... сполна» ранее опредмечивало и овнешняло героиню.

«Открылась» Матрёна и читателю, и автору¹⁴ все-таки не в «тот вечер», а уже после. После ее смерти. И первый шаг к такому — истинному — христианскому пониманию — *раскаяние* самого автора за то, что он в последнем слове своем упрекнул Матрёну: «И в день последний я укорил ее за телогрейку» (138). Героиня и в самом деле «провинилась»: «Тут заметил я, что она в моей телогрейке, уже измазала рукава о льдистую грязь бревен, — и с неудовольствием сказал ей об этом <...>. Так я в первый раз рассердился на Матрёну Васильевну» (135). Авторское «Ах, Матрёна-Матрёнушка» (138) контрастирует с прагматически-бесдушным отношением «тёти Маши», той «полувековой подруги», «единственной, кто любил Матрёну в этой деревне» (139), озабоченной после смерти Матрёны ее «вязаночкой серой» в сундуке, которую та «прочила Таньке» (138), не забывшей забрать эту «вязаночку» из сундука покойницы, пока еще не «налетела» родня... Это раскаяние (покаяние) «Игнатича» (alter ego самого автора) вполне в духе православной традиции, а потому и «законнические» упреки как Н.Н. Старыгиной¹⁵, так и И.П. Карпова¹⁶, обращенные к Солженицыну, уличающие его, так сказать, в «недостаточно» христианских установках (и даже в прямо нехристианском характере мировоззрения), характеризуют, скорее, постсоветское филоло-

¹³ Ср.: «...Главным оплотом (а по сути — маленьким островком) христианской России в произведении Солженицына является дом (двор) Матрёны...» (Урманов А.В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. С. 523). В работе Урманова справедливо подчеркивается, что, «называя свою героиню праведницей, Солженицын возвращает этому слову его первоначальный — православно-христианский смысл» (Там же. С. 537).

¹⁴ Сложный вопрос о соотношении автора и рассказчика, обстоятельно изученный в цитируемой выше работе А.В. Урманова (с. 328–336), мы оставляем за пределами нашего рассмотрения.

¹⁵ См.: Старыгина Н.Н. Праведник: образ-понятие и образ-персонаж (по рассказу «Матрёнин двор» А.И. Солженицына) // «Матрёнин двор» А.И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: сб. науч. трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 1999. С. 128–139.

¹⁶ См.: Карпов И.П. Авторское сознание Солженицына (авторологические аспекты) // «Матрёнин двор» А.И. Солженицына. С. 140–174.

гическое «законничество»¹⁷, нежели способствуют адекватному пониманию «Матрёнина двора».

В целом же, по-видимому, хотя «объектность» некоторых персонажей Солженицына и повышена (сравнительно с персонажами не только Достоевского и Толстого, но и Пушкина с Гоголем), что можно объяснить дискретностью русской культуры в послереволюционную эпоху¹⁸, но все-таки нельзя сказать, что эта объектность стала доминантной: в этом смысле Солженицын в изображении человека наследует именно доминантному вектору русской литературы.

Таким образом, при всей само собою понятной разнице своих творческих установок, идеологических пристрастий и предубеждений, общественных надежд и социальных утопий, Толстой, Достоевский, а позднее и Солженицын в изображении «маленького человека» все-таки наследуют той глубинной традиции, которая органична для русской культуры и базируется на христианском отношении к *ближнему своему*. Одна из существенных особенностей отечественной литературы состоит в том, что в ее вершинных произведениях «маленьких людей» нет. Не только Толстой и Достоевский, но и — ранее — Пушкин и Гоголь художественно показали неисчерпаемость любой человеческой личности. В русской культуре эта многомерность обусловлена ее православным основанием.

Эта христианская традиция многомерна и многоцветна, ее недопустимо объективировать. Русские писатели осваивают в своем художественном творчестве различные ее грани, более им близкие, в том числе и в чрезвычайно неблагоприятных исторических условиях.

¹⁷ См.: Есаулов И.А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015. С. 483–531.

¹⁸ См. подробнее: Он же. Структуры повседневности и творческий эксперимент: К постановке проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. Электронный источник: URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/703> (дата обращения: 11.10.2021).

Г.А. Тюрин

«ОН СКАЗАЛ О СЕБЕ “ОЧЕРКИСТ”...»: ФЕДОР КРЮКОВ — ГЕРОЙ «КРАСНОГО КОЛЕСА»¹

150-летие Федора Дмитриевича Крюкова (1870–1920) совпадает со 100-летием его гибели, обстоятельства которой остаются невыясненными по сей день². До сих пор не определилось место писателя в пантеоне отечественной культуры, различны оценки масштаба его дарования и плодов творческой работы. Кто-то не видит в Крюкове крупного писателя, кто-то считает, что именно он должен быть отмечен Нобелевской премией, как подлинный автор «Тихого Дона»³. Это последнее — проблема авторства «Тихого Дона» — доминирует в едва ли не любом разговоре о Крюкове, отодвигая в тень его литературное творчество как целое⁴. Причины такого положения дел очевидны: история создания донского эпоса остается нерешенной загадкой. Вопреки широко транслируемому в околонулевой и совсем ненауковой литературе мнению (затрудняемся указать, кто первый его сформулировал), Александр Солженицын не был убежденным сторонником версии о крюковском авторстве «Тихого Дона». Это произведение Солженицын любил, о его истинном создателе писал так: «Автор “Дона”: был сердечно предан

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного 14 февраля 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения Федора Дмитриевича Крюкова.

² В опубликованных исследованиях и обсуждениях в интернете нет достоверных сведений о кончине Ф.Д. Крюкова. При всем разнообразии версий специалисты предпочитают и сегодня цитировать в качестве самого авторитетного свидетельства поэтические строки: «Казалось, что наше казачье дело уже проиграно, а потому и не выдержало чуткое сердце крупного писателя и большого казачьего патриота». Филимонов С. Воспоминания о Ф. Крюкове: (к 5-летию со дня смерти. 1920–1925) // Казачий путь. Прага. 1925. 14 марта. № 53. С. 5.

³ На интернет-портале А.Ю. Чернова, горячего поборника версии авторства Ф.Д. Крюкова, обильно размещена актуальная информация по этой теме, в частности, опубликованы попытки реконструкции первых двенадцати глав протографа «Тихого Дона». См.: www.nestoriana.wordpress.com.

⁴ Актуальные результаты исследований библиографии Ф.Д. Крюкова см. в трудах Л.У. Вороковой, А.А. Зайца, М.Ю. Михеева. Опубликованы на упомянутом интернет-портале А.Ю. Чернова.

Дону, страстно любил казачество и имел собственные мысли о судьбе края. Он ни в чём не проявил бесчестия, не выказывал безнравствия, а как художник был превосходно высок»⁵. Отказывая в авторстве М.А. Шолохову, Солженицын первым публично призвал на помощь специалистов для научного исследования, направленного на выявление посторонних вмешательств в первоначальный текст, освобождение книги от «сумбурной наслоенности вставок, искажений, опусков» и возвращения ей достоинства «неповторимого и неоспоримого свидетеля своего страшного времени»⁶. Опубликованный в 1974 году фрагмент неоконченного труда И.Н. Медведевой-Томашевской «Стремя “Тихого Дона”» с предисловием Солженицына стал отправным пунктом для целого направления в литературоведении⁷. Точка в жарких дискуссиях вокруг этой проблемы до сих пор не поставлена⁸.

Федор Крюков вошел в поле зрения Солженицына в середине 1960-х годов именно как возможный автор «Тихого Дона». Примечательно, что в Ростове-на-Дону, где Солженицын провел детство и юность, он никогда о Крюкове не слышал: ни в разговорах друзей матери, которые касались самых разных сторон культурной жизни (именно тогда Солженицын впервые услышал о плагиате Шолохова⁹), ни в литературно-театральной среде. Солженицын узнал имя Федора Крюкова, когда уже был написан «Архипелаг ГУЛАГ», и мысль о трагической судьбе художника естественно оказалась созвучной одной из главных смысловых линий «опыта художественного исследования»: «О, сколько же гинуло в этом здании замыслов и трудов! — целая погибшая культура. О, сажа, сажа из лубянских труб!! Всего обидней, что потомки сочтут наше поколение глупей, бездарней, бессловеснее, чем оно было!..»¹⁰

⁵ Солженицын А.И. По донскому разбору // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. Т. 3. С. 220.

⁶ Он же. Невырванная тайна: Предисловие к публикации // Д*. Стремя «Тихого Дона». Загадки романа. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 13. Последующие издания этой книги имеют указание полного имени автора, И.Н. Медведевой-Томашевской.

⁷ О работе Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской (1903–1973), первой предпринявшей в начале 1970-х годов критический анализ текста «Тихого Дона», см.: Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 610–622; «Мне предстоит нелегкое с Вами состязание»: Из переписки И.Н. Медведевой-Томашевской и А.И. Солженицына (1967–1973) // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2014. Вып. 3. С. 247–270.

⁸ Из всего многообразия публикаций назовем издание, включившее наиболее значительные работы: Загадки и тайны «Тихого Дона»: Двенадцать лет поисков и находок. М.: АИРО–XXI, 2010.

⁹ Первая книга «Тихого Дона» увидела свет в 1928 году. «...Тогда же по стране поползли слухи, что роман написан не тем автором, которым подписан, что Шолохов нашел готовую рукопись (по другим вариантам — дневник) убитого казачьего офицера и использовал его. У нас, в Ростове-на-Дону говорили настолько уверенно, что и я, 12-летним мальчиком, отчетливо запомнил эти разговоры взрослых» (Солженицын А.И. Невырванная тайна... С. 6).

¹⁰ Он же. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 4. С. 134.

В советские годы Федор Крюков и его творчество были начисто выманы из истории литературы. Настолько основательно и целенаправленно, что появившееся было напоминание о нем в 1965-м сразу было изглажено¹¹. Прочитав очерки и рассказы Крюкова, Солженицын признал его самым крупным донским писателем начала XX века. В его произведениях было и немало близкого литературной работе Солженицына: в сюжетах, стиле, языке. И главное — в центре внимания обоих художников был общий объект, *народная жизнь*. Для Солженицына, погруженного в историю русской революции, значимо было и то, что Крюков — деятельный участник этой истории, воин, вставший на защиту родного края¹². Неотвратимость вовлечения творческого наследия донского автора в работу Солженицына стала очевидной в конце 1969-го, когда часть архива Крюкова, оставленная им в марте 1917 года в Петрограде, была передана на хранение «невидимкам» (передача архива возможного автора «Тихого Дона» обернулась многосложной конспиративной операцией)¹³. Конец 1960-х – начало 1970-х — время поистине боевое для Солженицына: недавно исключенный из Союза писателей, по сути уже полностью запрещенный на родине, невзирая на труднодоступность источников, он работал над своим главным произведением, эпопеей «Красное Колесо». К ее созданию Солженицын шел три десятилетия: через войну, тюрьму, лагеря, ссылку «навечно», смертельную болезнь, опыт многолетнего конспиративного писательства и противостояния свирепой власти. Ему, пронесшему заветный замысел сквозь годы и испытания, было нетрудно поставить себя на место писателя, у которого украли и изуродовали роман всей жизни. Он очень сочувствовал настоящему создателю «Тихого Дона»: «А уж за несчастного закланного истинного автора как обидно: как все обстоятельства в заговоре замкнулись против него на полвека!» — писал Солженицын в середине 1970-х. «Хотелось той мести, которая называется возмездием, которая есть историческая справедливость. Но кто найдет на неё сил!»¹⁴ В «невыносимой плотности» жизни, под «гнетом потаённости и опасностей»¹⁵ Солженицын взял на себя часть этой миссии: организовал хранение архива Крюкова, обеспечил помощь в исследовании

¹¹ Примечательно, как это было сделано. На публикацию в провинциальной ростовской газете под названием «Об одном незаслуженно забытом имени» (Молот. 1965. 13 авг.; автор В. Моложавенко) после основательной подготовки отозвалась центральная «Советская Россия», озаглавив свой материал «Об одном незаслуженно возрожденном имени» (1966. 14 авг.).

¹² Приветствовавший поначалу Февральскую революцию на посту члена редакционного комитета журнала «Русское богатство», в марте 1917 года Крюков покинул Петроград и вернулся на Дон. С августа 1917 года он секретарь Войскового круга Всевеликого войска Донского, умер во время отступления Донской армии к Новороссийску.

¹³ См. посвященный этому сюжету фрагмент очерка «Стремя “Тихого Дона”»: Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. С. 614–616, 622.

¹⁴ Там же. С. 611.

¹⁵ Там же. С. 610.

И.Н. Медведевой-Томашевской, предложил *свое* видение решения историко-литературной задачи. Сделав Крюкова прототипом одного из персонажей «Красного Колеса», Солженицын вернул ему голос, которого донской писатель был лишен почти полвека.

Линия Фёдора Ковынёва (под этим именем Крюков появляется на страницах эпопеи) решает в Повествование несколько важных задач. В первую очередь, этот герой — проводник весьма существенной для Солженицына донской темы¹⁶. Глазами Ковынёва, коренного донца, любовно показана жизнь казацкой вольницы до революции, вместе с Ковынёвым читатель переживает крушение вековых основ станичного быта. Очерки и рассказы Крюкова стали для автора «Красного Колеса» замечательным историческим источником. Не только их содержание, но и язык, стиль, живое чувство автора к родному краю нашли отражение в тексте Солженицына. Донские главы почти полностью сотканы из строк сочинений Крюкова, однако это не прямое цитирование (о «фрагментной» главе речь пойдет ниже). Анализ творческой работы Солженицына с текстами Крюкова — сюжет отдельного исследования (такому изучению может быть подвергнута буквально каждая строка «ковынёвских» глав). Заметим лишь самое общее: язык Ковынёва родственен языку Крюкова, сохраняет его дыхание и цвет, но все же он другой — это язык будущего автора большой донской Поэмы (таким замыслом наделяет своего героя автор «Красного Колеса»).

Сплотка четырех «ковынёвских» глав в «Октябре Шестнадцатого» (14–17 главы второго Узла, первая встреча читателя с этим персонажем) раскрывает его личность во впечатляющей полноте: используя разнообразную палитру художественных средств, Солженицын вмещает в небольшой объем живой портрет героя, его биографию, обзор литературного творчества, систему взглядов, характер, отношения с людьми, сомнения и страсти, внутреннюю работу писателя. Опираясь на реальные факты жизни Федора Крюкова, Солженицын оставляет за собой право на художественный вымысел, доля которого, впрочем, невелика. Сознательно отступая от строгой историчности, писатель получает «большую свободу угадываемых, предполагаемых личных деталей, некоторое их (небольшое) перемещение»¹⁷ (этим Солженицын объясняет и изменение фамилии, большей частью исторические личности присутствуют в его текстах под подлинными именами).

Герой появляется в Повествование в самом характерном для его прототипа месте — в вагоне поезда. Это яркий штрих характеристики персонажа, скрывающий множество смыслов. С железной дорогой жизнь

¹⁶ «...Дон был не только детским моим воспоминанием, но и неперменной темой будущего романа» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. С. 611).

¹⁷ Из «Замечаний автора ко второму Узлу». См.: Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 2 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10. С. 531.

Крюкова была связана очень крепко. С юности он регулярно курсировал между родной станицей и крупными городами (Петербург, Орел, Тамбов, Нижний Новгород, Москва, Брянск и др.), в годы работы в газетах и журналах Крюков — любитель путешествий по провинциям, заинтересованный наблюдатель нестоличной жизни, с осени 1914-го — контролер санитарных поездов на южном направлении фронта, с марта 1917-го — странник, исколесивший, по его признанию, за несколько месяцев «чуть ли не всю Россию» (маршрут легко можно составить, читая его очерки 1917–1919 годов)¹⁸. В 1917-м пространство железнодорожного вагона стало местом, где Крюков пытался осмыслить то, что происходило с ним и вокруг: «Вот я — почему я сейчас здесь, в уголке вагона?.. Почему я бросил свою комнату, письменный столик, приличную работу и устремляюсь сейчас на некий съезд, оттуда — на другой? И вот уже два месяца езжу из края в край по России — как будто и дело делаю, может быть, и нужное, а может быть, ненужное — не знаю... А в конце концов — ощущение беспокойного, фантастического сна и бессильное желание протереть глаза и оглянуться. Все существенно, все реально, а понять не могу: что за голоса за стенами, рядом, почему такие пестрые звучат в них ныне отголоски русской жизни — что-то старое, мило-привычное и тут же новое, унылое и смешное, тревожное и досадное?..»¹⁹

Сродненность с железной дорогой — одна из многих точек соприкосновения Крюкова и Солженицына. В первой «ковынёвской» главе «Красного Колеса» находим настоящий «гимн» железной дороге, растворенный в размышлениях полковника Воротынцева, часто выступающего в тексте как alter ego автора: «...Стучит, стучит поезд, в свой отрешающий ритм убирая, укладывая, успокаивая торопливую душу, нетерпеливые замыслы. Не выскочишь, не опередишь. <...> Где ещё такие долгие переезды, как в России? Уже слабеют связи с прошлым, ещё не выступили связи с будущим, и сегодняшние реальные люди — только кондуктор, предлагающий выплеснуть светлое тяжёлое полотно простыни на бархатный диван... да спутник-чудак с большой записной книжкой, чуть отвернёшься, а он уже записывает или в коридор с ней выходит»²⁰. Спутник-чудак с записной книжкой здесь Фёдор Ковынёв, но запечатленное в тексте (разделяемое

¹⁸ Эта часть публицистики собрана в издании: Крюков Ф.Д. Обвал: Смута 1917 года глазами русского писателя. М.: АИРО–XXI, 2009.

¹⁹ Крюков Ф.Д. Новым строем // Там же. С. 97–98.

²⁰ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 9. С. 161.

С почтением говорит о службе на железной дороге и Ковынёв: «Пассажирских машинистов да ещё на Николаевской дороге — молодых не бывает. <...> Долгая выслуга. Начинает смазчиком, потом кочегаром, потом помощник машиниста, потом машинист маневрового, потом товарного, только потом — пассажирского» (Там же. С. 166).

двумя попутчиками!) состояние присуще самому Солженицыну: любовь к поездам, неременная записная книжечка, наблюдательность и внимание к случайному попутчику²¹.

Поместив героя в особенное, словно бы выделенное из жизни пространство, Солженицын поступательно раскрывает его образ (ритм этого движения в тексте соразмерен ритму движения поезда), находя для этого самую естественную форму — «подселяет» к нему попутчика, полковника Воротынцева. Возможно, сам Крюков подсказал эту мизансцену: упоминание о подобной встрече находим в одной из его статей (впрочем, путешествие в одном купе с офицером было в годы войны вполне штатной ситуацией)²². Внешность Ковынёва, его манеру поведения, систему взглядов читатель узнает по впечатлениям, что возникают у Воротынцева (вся глава — повествование от его лица, его видение и размышления). При этом портрет персонажа создается малыми, но точными и выразительными штрихами. «Спутник, поднявшийся поклониться, оказался ниже среднего роста, скромный, совсем не по требованиям “международного” вагона — и костюм простенький, и галстук наброшен не так»²³. Чуть позже читатель узнает, что «лицо его было не слишком интеллигентное, даже весьма простецкое и скуластое. Коротко стриженные густые-прегустые чёрные волосы — вразброд, так и не нашли себе достойной укладки»²⁴. Такой тип лица уже встречался в эпопее: от простоты, здоровья и недостаточной интеллигентности «страдала» Ксения Томчак, степнячка-печенежка, подобно Крюкову втянутая в водоворот столичной жизни от естественного, упорядоченного южнорусского уклада (прототип героини — мать писателя Таисия Захаровна Щербак, другие характерные черты этого типажа —

²¹ Привычным и ему с детства железным дорогам Солженицын посвятил немало страниц в своих произведениях. Один из самых поэтичных пассажей — в рассказе об арестантском этапе: «Оглянись — вокруг тебя люди. Может быть, одного из них ты будешь всю жизнь потом вспоминать и локти кусать, что не расспросил. И меньше говори — больше услышишь. Тянутся с острова на остров Архипелага тонкие пряди человеческих жизней. Они вьются, касаются друг друга одну ночь вот в таком стучащем полутёмном вагоне, потом опять расходятся навеки — а ты ухо приклони к их тихому жужжанию и к ровному стуку под вагоном. Ведь это постукивает — веретено жизни» (*Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 4. С. 456*).

²² В уже упомянутом очерке «Новым строем» Крюков пишет: «Из первого купе выглянул господин в черной феске, в рубаше, подпоясанной шелковым шнуром, бородатый, большой, мягкий, с солидным животом. За ним — студент в путевой тужурке. В соседнем отделении сидел батюшка с окладистой бородой льняного цвета, с Георгиевским наперсным крестом. В коридоре у окна стоял небольшой, сухой, с орлиным носом артиллерийский полковник». *Крюков Ф.Д. Новым строем. С. 96*.

²³ *Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 151*.

²⁴ Там же. С. 152.

в образе любимого Солженицыным деда Захара²⁵). Это важный и дорогой для Солженицына момент, и в описании внешности Фёдора Ковынёва (несомненно, составленного по узнаваемым фотографиям Крюкова) сквозят авторские теплота и симпатия. Усиливает такое отношение и указания на приверженность героя к родному краю и работе на земле: «на сенокос, на уборку, за садом ухаживать — домой езжу»²⁶.

По мере общения с Воротынцевым «земность» Ковынёва проявляется то и дело: «Расслабил галстук, развёл высокий крахмальный воротник — стесняют его заметно», а вскоре и «вовсе отнял крахмальный воротник. Шеей посвободнел, видно, что так ему по-свойски»²⁷. Впечатление, производимое Ковынёвым на собеседника, постепенно меняется, углубляясь от первой «дежурной улыбки» к искренней симпатии (вслед за Воротынцевым проникается ей и читатель): «В улыбке он был прелесть и такой открытый, не в лад со своими тревожными словами», затаенный «смех в зелёных глазах», «чудачок-простачок», «комичное что-то, отчасти котовье: от круглости лица при усах, от зеленоватых глаз», «комичное, но и сердечное. Не важничал он нисколько», «взгляд его был остёр, пытлив, ничего комичного нет, откуда показалось?», «уже не просто они были чужие люди, просталось между ними взаимное расположение»²⁸.

Взаимное расположение влечет за собой доверие, обусловившее развитие разговора до важнейших для автора эпопеи тем. Близость взглядов Крюкова и Солженицына по многим ключевым вопросам русской жизни облегчает диалог героев, освобождая его от громоздких «исторических» пояснений: «Вслух произнести офицеру больше нельзя, но больше и не надо от русского к русскому понимающему человеку»²⁹. Устами этих персонажей Солженицын ведет обсуждение реальной народной жизни, подлинного положения вещей на фронте, и не только: «Куда-то в другое место вёз Воротынцев свои рассказы, кому-то другим, очень важным людям он должен был высыпать из груди свои горящие уголья, — конечно же не в вагонном купе случайному, забавному спутнику»³⁰, однако же именно в разговоре с Ковы-

²⁵ См. посвященные им главы Первого Узла эпопеи. Напр.: «Круглое, румяно-смуглое, слишком простоватое лицо — хохлушки, степнячки, “печенечки”, как дразнил Ярик в гимназические годы, и это очень её задевало. <...> Ненормально здоровый вид, совсем нет бледности, надо выработать бледность... Круглолицесть неумная, деревенская, безнадежно степное лицо!» (Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 1 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 7. С. 39).

²⁶ Он же. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 168.

²⁷ Там же. С. 154, 155.

²⁸ Там же. С. 154–158, 165.

²⁹ Там же. С. 157.

³⁰ Там же. С. 160–161.

нёвым у него рождаются ключевые для автора эпопеи мысли: «Разве такая всеобщая порча — у нас была?»; «О, да! О, да! Твёрдой-то честной власти и нужно. Твёрдая власть, а главное — не бездействующая. Ах, как нужна — для спасенья страны!»³¹

При этом Воротынцев и Ковынёв — очевидные антагонисты. Воротынцев — вояка, не слишком уважающий пишущую братию, Ковынёв — писатель, автор газетных статей, стесняющийся в этом признаться собеседнику. Отчасти потому, что Воротынцев уже высказался с долей презрения об этой извечной проблеме: «Да ведь и задача газет — какая? <...> Если бы — осведомить в полноте. Нет — выворачивать мозги как нужно их направлению, каждому»³². Но не только. При всей симпатии Воротынцев замечает (и это наблюдение тоже углубляется на протяжении главы): «...Лицо — неуверенное, немного обиженное, будто жизнь ему подсовывала всё не то, чего он ожидал»; «Что-то неудачливое было в нём или обречённое... При его всезнании и уверенных доводах — что-то неуверенное. И неумение в себя уйти, обрезать, замолчать — у независимого человека какая-то зависимость ото всех и всего»³³. Итог наблюдений: «Мягкий, приятный человек. Но — не энергичный и в себе не уверенный, офицер бы из него не вышел, упущения да промахи: прикажет — отступится, скажет — оговорится»³⁴.

В чем же Солженицын, изучивший жизнь и наследие Федора Крюкова, обнаружил его неуверенность и неудачливость? Не только в обстоятельствах жизни, трудностях отношений с другими людьми (кроме свидетельств современников, Солженицыну были доступны фрагменты переписки Крюкова). Эти интонации присутствуют в голосе донского писателя во многих его произведениях (особняком стоят очерки послереволюционных лет, где неуверенность и сомнения уступают место безнадежности до отчаяния). «Мягкий» — эпитет, который Солженицын находит для своего героя. Этот же атрибут он использует, говоря о самом Крюкове³⁵. При искреннем сочувствии к его личности, признании творческого дара, по мнению автора «Красного Колеса», именно «мягкость» не позволяет Федору Крюкову быть не только офицером (по версии Воротынцева), но и создателем значительного литературного произведения. Во время работы над ковынёвскими главами Солженицын пишет И.Н. Медведевой-Томашевской, убежденной, что «Ти-

³¹ Там же. С. 163.

³² Там же. С. 157.

³³ Там же. С. 157, 167.

³⁴ Там же. С. 155.

³⁵ Солженицын упоминает его, рассказывая о первых результатах работы И.Н. Медведевой-Томашевской: «Поначалу вывод, что автор “Тихого Дона” — мягкий Крюков, разочаровывал. Ожидалась какая-то скальная трагическая фигура» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 616).

хий Дон» написан Крюковым: «Федор ли Дмитриевич? Противопоставлений пока почти нет. Всё, что я знаю о его мировоззрении, склонностях и жизненном опыте, вполне приложимо к автору “Тихого Дона”. И всё-таки — 100% уверенности тоже нет. Я много прочел его опусов...: отдельные места у него есть огромной силы, но никогда не встречал я сплошной художественной плотности, всегда — или разводнение, или, в авторской речи, даже дешевая сентиментальщина, “красивости”. Конечно, человек растёт и к 40-летнему возрасту, да ещё в такие бурные годы может возвыситься вдвое и втрое, — а всё-таки?...»³⁶

В тексте «Октябрь...» Воротынцев формулирует ту же мысль короче: Ковынёв — замечательный свидетель времени, «без напряжения памяти, таскать не перетаскать», однако: «Рассказчик тягучий, в другое время не дослушаешь. Но в поезде — вполне сносно»³⁷.

Предоставляя читателю возможность самому убедиться в красоте и силе таланта Крюкова, Солженицын собрал выдержки из его произведений в отдельную главу, — совсем особенный случай обширного цитирования в «Красном Колесе» художественного текста. И.Н. Медведева-Томашевская нашла этот прием удачным: «Эта [глава] — просто прелесть и чудо. <...> Вам удалось из дебрей записных книжек взять ярчайшее и характерное, так что выявилась его палитра — ярко-переливчатой, своеобразной и сильной»³⁸.

«Ослепительными» назвал эти экстракты сам Солженицын³⁹. Для читателя фрагментная глава — отдых от напряжения перипетий личных отношений героев, которые составляют основное содержание Второго Узла эпопеи. Рассмотрим вкратце, что именно было выбрано Солженицыным (по сути, обсуждаемая глава — этюд из будущей «Литературной коллекции», вправленный в художественный — повествовательный — контекст). Некоторые кусочки избранного поражают не только писательским мастерством, но и переключкой с текстами Солженицына, подтверждая единство русской литературной традиции: «Сизая степь с низкими холмами и буерачками. Низкорослый дубнячок по балкам и по мелкой Медведице. Низенькие курени, пахнущие кизячным дымком. Облупленная станичная церковь. Вспомнил, как в лаптишках любил бегать к вечерне, в полупустоту. А ещё больше — кругозор с колокольни, когда пускали»⁴⁰ (так и слышится отзвуком солженицынское «Путешествие вдоль Оки»). Впрочем, такие сближения наблю-

³⁶ «Мне предстоит нелегкое с Вами состязание»... С. 265.

³⁷ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 155.

³⁸ «Мне предстоит нелегкое с Вами состязание»... С. 266.

³⁹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 616.

⁴⁰ Он же. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 172.

даются и в не вошедших в главу «Октябрь...» произведениях Крюкова. Так, зачин Второго Узла (пейзаж на позициях бригады Сани Лаженицына) стилистически и интонационно похож на фрагменты военного очерка Крюкова «Группа Б», написанного в 1916 году в Закарпатье (к слову, в этом же тексте встречаем вариант памятного присловья Ивана Денисовича Шухова: «Легкие деньги, они легко и проходят»⁴¹).

Мог ли автор этих фрагментов быть автором большого романа? Чтобы высветлить этот вопрос, в 16-й главе «Октябрь...» Солженицын передает слово самому Ковынёву. Его размышления о своей творческой биографии даны в свойственной Крюкову форме очерка (повышенная плотность текста выдает, однако, авторство Солженицына с головой). «Он сказал о себе “очеркист”, постеснявшись как истинно думал: “писатель”. Для уха нелитературного, как у этого полковника, который вот не читает ни газет, ни журналов, а может и книг? и ни с какой стороны не знает имени Фёдора Ковынёва, — “писатель” звучало бы смешно, с надутой претензией. Да Ковынёв был и очеркист: уже не двадцать ли скоро лет, как всё окружающее, а особенно свою родную станицу — с неё начав и более всего её — он без отказа и без отсева втягивал через глаза и уши, жадно подхватывая все диковины просторечия и простомыслия, и тотчас же вгонял мелким наклонным почерком в очередную из многих записных книжек. Коллекция этих записных книжек становилась как вторым вместилищем его души, так что, потеряв бы вдруг свои записные книжки, Ковынёв оказался бы обокраденным на всю прошлую жизнь и почти без смысла на будущую, как при смерти сразу»⁴².

В рассуждениях Ковынёва (писателя — героя эпопеи) почти всегда слышен и голос Солженицына (писателя-автора). Так, в пассаже о романе, стилизованном (весьма, впрочем, умеренно) под интонацию Крюкова, различаем его особенно отчетливо: «Внутреннее, тайное, удивительно сообщаемое нам едва ли не в ребяческом возрасте, отчего и путь этот выбран, по нему поплёлся. Странное дрожащее предчувствие: как высоко ты способен подняться, как душезадевательно когда-нибудь написать. И вот уже в последние годы что-то, кубыть, переливается из заготовок в формы: главные лица, и эпизоды, и целые главы — так ли? хорошо ли? Границы точной нет, всё колышется, не застынет: роман не роман, а может Поэма в прозе, и с названьем, наверно, самым простым — “Тихий Дон”, потому что через всё растекаются — Дон да кормящие запахи любушки-земли. Да первая часть и готова, но Федя по робости не осмеливается предложить публике:

⁴¹ «Легкие деньги — они и не весят ничего, и чутья такого нет, что вот мол, ты заработал. Правильно старики говорили: за что не доплатишь, того не доносишь» (Он же. Один день Ивана Денисовича // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 1. С. 37).

⁴² Он же. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 183.

ведь ещё что из того выйдет? <...> Главные помехи — не супротивники или завистники, а ты сам...»⁴³

О таинственной связи писателя и его творения Солженицын размышлял в «Дневнике Р-17», который стал вести задолго до начала непрерывной работы над эпопеей: «Я понимаю, во что я вступаю, — в Храм. И только если Бог благословит — я могу справиться с этим непомерным. Этот Роман, ещё не написанный, всегда был величайшей любовью моей жизни. Ничего на свете я не любил до такого обмирания сердца. Все эти четверть века, хотя ни одной взрослой строчки в нём нет...»⁴⁴

Опираясь на опыт собственных душевных движений в ходе работы над эпопеей, Солженицын «реконструирует» (поэтически домысливает) сходные импульсы для творчества Крюкова⁴⁵. Сильное подспорье для развития этого сюжета Солженицын нашел в письмах Крюкову его бывшей ученицы Зинаиды Румницкой, прежде никому не известных. Драматичный роман с этой женщиной мог бы, по мысли Солженицына, стать мощным творческим толчком для Крюкова, стряхнуть с него неуверенность и сомнения перед постройкой большого здания-романа. Датировавшая первую книгу крюковского романа 1916 годом (см. примеч. 45) И.Н. Медведева-Томашевская находила этот сюжет излишним. Между тем любовная линия Ковынёва органично вписалась в концептуальное решение Второго Узла. Было замечено, что «Октябрь Шестнадцатого» наиболее близок к «роману» в традиционном смысле, Второй Узел «Красного Колеса» «тесно и многопланово соотносен... с самым романным из трех... больших сочинений» Л.Н. Толстого «Анной Карениной»⁴⁶. Узел строится на «постоянном взаимопроникновении двух ос-

⁴³ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 186. Обращает на себя внимание слово «поплёлся», уже в самом начале творческого пути проявлялся, по мнению Солженицына, нерешительный характер Крюкова. О себе Солженицын пишет «бодрее»: «...Почему-то, откуда-то, никем не подсказанное, не навязанное, ничем не обоснованное, во мне к девяти годам взросло ясное убеждение, что я должен стать писателем и буду им. Зачем, почему? Для честолюбия? — нет. Прославиться я скорее хотел бы на поле боя, и даже смертью своей... Сказать что-нибудь важное людям? Но у меня ничего такого не было в душе. Однако сознание возникло — и мне остаётся это удивительным» (Солженицын А.И. Детство // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 29).

⁴⁴ Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями: 1998–2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 2005. С. 10.

⁴⁵ И.Н. Медведева-Томашевская была убеждена, что в октябре 1916-го первая книга «Тихого Дона» была у Крюкова уже готова. Она писала Солженицыну: «Как и когда получилось, что вся несметность разрозненных наблюдений жизненных, исторических, психологических — вдруг однажды вошла в русло и пригнана была к огромной стройке? С моей точки зрения, процесс этот закономерен и заметен не только в самой постройке, но и в давних заготовках. Кажущаяся россыпь объединена изначально существовавшей направленностью» («Мне предстоит нелегкое с Вами состязание»... С. 266).

⁴⁶ Немзер А.С. Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения. М.: Время, 2019. С. 357.

новых, то почти сливающихся, то резко контрастирующих мелодий — личностной (а суть человека всего яснее проступает в любовно-семейной сфере) и исторической, предрекающей торжество революции (и отрицание всего человеческого)»⁴⁷. В изображении *человеческого* перед началом его стремительного крушения Солженицын отвел линии Ковынёва и Алтанской особую роль. Причем Зинаида «перетянула» на себя внимание автора. Живое чувство, которым горят письма Румницкой к Крюкову, сделало героиню более значимой, чем «мягкий» Ковынёв. Восхождение и покаяние Зинаиды в финале Узла ставят точку в философско-религиозном диалоге Солженицына с Толстым в этой части эпопеи⁴⁸.

Добавим несколько слов о 17-й главе «Октября...», где излагается история отношений Ковынёва с Зинаидой. По сути, эта написанная от первого лица глава — исповедь героя. В конструкции Узла она, несомненно, находится на одной оси с воскрешающей исповедью Зинаиды, но «с другим знаком». Это исповедь без раскаяния, приносимая не священнику в церкви, а случайному попутчику. Ее итог — не возвышенный гимн Любви отца Алония, а молчание «катящегося с горы» Ковынёва и «глухое чувство упущенного» невольного свидетеля этой исповеди Воротынцева, которому «слушать его было — страшновато»⁴⁹. Это не таинство, а какой-то его неживой слепок, лишенный божественной вертикали, не возвышающий душу, а приводящий ее в смятение. «Поразила — эта женщина. <...> Не приведи, конечно, Бог, с такою крученою связаться, но неужели так бывает? Такие — бывают?»⁵⁰ Аллюзия на произведение любимого Солженицыным Булгакова о трагедии и тайне художника, пишущего свое главное произведение, о борющихся его силах и открывающихся ему путях спасения становится тем явственнее, чем плотнее сгущается тьма в купе и за окнами поезда во время рассказа Ковынёва. Ни в чем в тот момент еще не раскрывающаяся героиня возникает неожиданно, но мчится неотступно за повествованием: «Из наружной тьмы, из вихря, через двойное стекло окна не может вступить плоть. Но — за ними вдогонку, за поездом, со скоростью их, не отставая — летит! И может быть втягивается в купе позябливающей струйкой!»; «...Или вдруг: а вы можете себе вообразить — бесовский полёт? Все оковы сброшены за миг полёта! <....> ...Из тёмного окна девчénка эта дальняя — как нависала, висала в их купе — неслась за поездом через тёмное пространство — ногами? крылья-

⁴⁷ Там же. С. 355–356.

⁴⁸ Всестороннее освещение этой темы см.: Эрикссон-мл. Э. «Ничего нет выше любви»: Религиозная составляющая «Октябрь Шестнадцатого» // Жизнь и творчество Александра Солженицына на пути к «Красному Колесу: Материалы международной научной конференции. Москва, 7–9 декабря 2011 года. М.: Русский путь, 2013. С. 223–232.

⁴⁹ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 206.

⁵⁰ Там же.

ми? метлой?..»⁵¹ Размышляя о литературной судьбе «мягкого» Феди Ковынёва, Солженицын открывает перед ним таинственную бездну, погрузиться в которую неизбежно каждому большому художнику.

Впрочем, этим вихревым моментом завершается в эпосе Солженицына история Ковынёва — возможного автора «Тихого Дона». В следующих Узлах, «Марте...» и «Апреле Семнадцатого», он выступает лишь в качестве хроникера и летописца. И хотя в тексте присутствует упоминание о портфеле Ковынёва с рукописью поэмы и в его памяти всплывает хрестоматийная сцена встречи Григория и Аксиньи, во все ускоряющемся кружении событий «Марта...» эта линия явно уходит на задний план. Донские главы, свободные от дополнительной смысловой нагрузки, — простор для изучения сочинений Крюкова как исторического источника «Красного Колеса». Так, значительная часть 97-й главы «Апреля Семнадцатого» — переработанный Солженицыным очерк «Новым строем» (1917). Сохранено даже указание места публикации: «Об этом — уж непременно Фёдор Дмитрич напишет в “Русские ведомости”, не стерпит»⁵². К «рыхлости» стиля Крюкова Солженицын беспощаден, он стягивает пространные изложения, уничтожает повторы, опускает кажущиеся излишними эпитеты, оставляя сочность языка источника. Так, пространный пассаж очерка Крюкова о весеннем паводке вплетен Солженицыным в размышления Ковынёва: «Сливаются образы наводнения и революции. И, как наводнение, сколько же обломков и мусора нанесёт, сколько оставит ям развороченных. Использовать в очерке»⁵³. В описании казачьего съезда в Новочеркасске мы видим «конспект» текста Крюкова, лишенный повторов и избыточных деталей.

К чему Солженицын никогда не прикасался, но сохранял с особой тщательностью — неизменно сердечная интонация Крюкова в обращении к родной земле, доброта и ироничность, с которыми тот описывал своих героев. Любовь к земле и людям, несмотря на неуверенность, сомнения, невезучесть, он не утратил даже в годину тяжелых испытаний и гибели.

«Жизня моя, ежели мне про неё начать, то целая библия. Сколько я перенёс на своей груди, то в Волге воды столько не найдётся.

— А именно что же?

— Мало ли!.. Раз калоши новые у меня украли и самовар новый невладанный — в один день»⁵⁴.

⁵¹ Там же. С. 201.

⁵² Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел IV: Апрель Семнадцатого. Кн. 2 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2009. Т. 16. С. 49.

⁵³ Там же. С. 48.

⁵⁴ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. С. 174.

Н.А. Егорова

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ ПАШИНЫХ (ПАСХИНЫХ) В БИБЛИОТЕКЕ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ им. А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Библиотека Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (ДРЗ) — хранилище, в котором собраны книги, альманахи, журналы, газеты, бюллетени, выпускавшиеся в XX веке на русском языке по всему миру. В собрании, насчитывающем более 150 000 единиц хранения, эти издания составляют около 80% фонда¹. Гордость библиотеки — коллекция книг с владельческими знаками и дарственными надписями (более 3000 экземпляров). Наиболее интересные автографы долгое время были представлены в Доме на выставке «Росчерки эпохи», а некоторые украсили постоянную экспозицию Музея русского зарубежья².

В составе фонда имеются коллекции книг, принадлежавшие организациям (Старческому дому Земгора в Ганьи под Парижем, русской библиотеке г. Южина (Франция)); собранные поэтами русского зарубежья, в частности Владимиром Алексеевичем Смоленским (1901–1961) и Владимиром Федоровичем Мансвотовым (1909–1974). Большой интерес представляют семейные собрания, которые, как правило, содержат книги с автографами и экслибрисами. Например, 46 книг из личной библиотеки супругов Константина Петровича (1913–1977) и Марины Юрьевны (1918–2018) Григоровичей-Барских³; 82 книги из личного собрания супругов Николая Сергеевича и Елены Анатольевны Пашиных⁴. Коллекция Пашиных примечательна во многих отношениях: редкие издания, за-

¹ Данные на 1 января 2021 года.

² Музей на базе Дома русского зарубежья им. А. Солженицына открыт в 2019 году.

³ Об этом собрании см.: *Егорова Н.А.* Экслибрисы и другие владельческие знаки на книгах из собрания М.Ю. и К.П. Григоровичей-Барских: по фондам библиотеки Дома русского зарубежья им. А. Солженицына // *Экслибрисы в библиотеках литературных музеев России*. М.: МСК, 2018. С. 48–64.

⁴ *Пашин* (Пасхин) Николай Сергеевич (8/21 апреля 1908, Чернопенье Костромской губ. – 7 февраля 1976, Пало-Алто, Калифорния, США), писатель, публицист, переводчик, профессор русской литературы и языка в Стэнфордском университете (1961–1976). Псевдонимы — Лунев, Витов. Фамилия Пасхин была заменена на Пашин во время оформления документов на выезд из Германии в США. *Пашина* Елена Анатольевна (урожд. Павлова; 12 декабря 1923 – 29 марта 2007).

частую с непростой литературной судьбой, наличие маргиналий и инскриптов, биографии самих владельцев, их круг общения в эмиграции, в том числе знакомство с Александром Исаевичем и Наталией Дмитриевной Солженицыными.

«За эти дни в Гувере мы подружились с симпатичной парой “вторых” эмигрантов — Николаем Сергеевичем Пашиным (братом писателя Сергея Максимова⁵), профессором русской литературы и языка Стэнфордского университета, и харьковчанкой Еленой Анатольевной, работавшей как раз в Гуверовском институте и обещавшей мне на будущее всяческое содействие. (И оно очень-очень потом пригодилось!) <...> Пашины свозили нас и на океанский пологий берег, южнее города»⁶. Эти воспоминания относятся к концу мая 1975 года, когда Солженицыны после посещения Аляски прилетели в Сан-Франциско и неделю работали в Гуверовском институте войны, революции и мира⁷ с мемуарами и изданиями по истории русской революции.

Николай Сергеевич был первым русским профессором, открывшим семинары по изучению произведений Солженицына, им написано несколько работ о творчестве писателя⁸. В доме Н.С. Пашина Александр Исаевич жил два месяца в период своей работы над документами в архиве Гуверовско-

⁵ *Пашин* (Пасхин) Сергей Сергеевич (1/14 июня 1916, Чернопенье Костромской губ. – 11 марта 1967, Лос-Анджелес, Калифорния, США), писатель, поэт и драматург. Псевдонимы — Максимов, С. Широков. В современных справочниках и статьях встречаются разночтения и приводятся ошибочные варианты фамилии (Паншин, Паршин) и даты смерти (12 и 13 марта). Мы принимаем дату, указанную в кн.: *Любимов А.А. Между жизнью и смертью: Судьба и творчество писателя Сергея Максимова* // Новый журнал. 2009. № 257. С. 268. В дальнейшем мы во многом опираемся на работы этого исследователя, внесшего большую лепту в изучение литературного наследия писателя Сергея Максимова и возвращение памяти о нем. Андрей Любимов с 1992 года проживает в США. Он встречался с вдовой Николая Сергеевича Пашина — Еленой Анатольевной, раскрывшей ему много неизвестных страниц биографии Сергея Сергеевича, рассказавшей о деятельности братьев на литературном поприще. Материалы из личного архива Максимова легли в основу цикла статей о писателе, опубликованных в 2007–2009 годах в «Новом журнале» (Нью-Йорк): *Любимов А.А. Возвращение* // Новый журнал. 2007. № 246. С. 217–225; *Он же. Из дневников «пропавшего без вести»: [вступление]* // Там же. 2012. № 268. С. 255–256; *Он же. Костромское Поволжье «Дениса Бушуева»* // Там же. 2008. № 250. С. 332–336; *Он же. Между жизнью и смертью: Судьба и творчество писателя Сергея Максимова* // Там же. 2009. № 254. С. 185–210; № 255. С. 177–191; № 256. С. 160–174; № 257. С. 251–282. См. также: *Агеносов В.В. Максимов Сергей Сергеевич* // Восставшие из небытия: антология писателей ди-пи и второй эмиграции / Ассоц. исследователей рос. о-ва (АИРО–XXI). М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетейя, 2014. С. 371–377; *Самарин В. Одиссея русского писателя: (ко второй годовщине кончины Сергея Максимова)* // Возрождение. 1969. № 207. С. 115–121.

⁶ *Солженицын А.И. Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978)* // Новый мир. 1998. № 11. С. 125–126.

⁷ Гуверовский институт войны, революции и мира (англ. Hoover Institution on War, Revolution and Peace) — политический исследовательский центр в США, входит в систему Стэнфордского университета, расположенного близ города Пало-Альто (южнее Сан-Франциско).

⁸ См.: *Любимов А. Из дневников «пропавшего без вести»: [вступление]*. С. 255–256.

го института в апреле–мае 1976. Вот когда пригодились упомянутое «содействие»:

«В Пало Альто я останавливаюсь у Елены Анатольевны Пашиной. Муж её, Николай Сергеич, вот недавно горячо бравшийся мне помогать, редкий образованный представитель Второй эмиграции, нашей самой закадычной, и с живым советским опытом и русской по сердцу, — умер только что, в феврале; так и обрываются наши жизни на чужбине, хотя каждый теплит надежду, что вернётся. Е.А., сохранно-русская душой, в завет умершему мужу чудесно и тихо мне помогает: возит из своей гуверской библиотеки домой всё, что нужно, — и книги, и целые газетные подшивки. И это даёт мне возможность первые три недели из восьми вообще не открываться, что я приехал: а то руководство Гувера тоже сразу потянет на банкеты, на речи, на встречи.

Начинается упоительный двухмесячный лёт по материалам Февральской революции. Разверзаются мои глаза, как и что это было такое.

Да в Союзе — разве допустили бы меня вот так во всю ширь и глубину в Февраль?...»⁹

Обращаясь к биографии Николая Сергеевича Пашина, должно сказать и о его младшем брате Сергее, ибо их жизни и судьбы неразрывно связаны и очень схожи. Оба пережили сталинские репрессии, аресты, немецкий плен, тяготы эмигрантской жизни сначала в Германии, а затем в США.

Родились братья на Волге в старообрядческом селе Чернопенье Костромской губернии в крестьянской семье. Их родители — уроженец села Ульянова Ульяновской волости Зубцовского уезда Тверской губернии Сергей Николаевич Пасхин и его жена Александра Ивановна (урожд. Широкова) родом из Чернопеня. Известно, что отец «был сельским учителем, а дед со стороны матери, Иван Васильевич Широков, — лоцманом; жил он с размахом и имел на берегу Волги большой дом»¹⁰. В семье были еще брат Борис¹¹ и сестра Татьяна (даты рождения и смерти неизвестны).

В 1919 году, после подавления Ярославского мятежа полковника А.П. Перхурова, в котором Пасхины принимали участие, семья переехала в Кострому, а затем, в 1923-м переехала в Москву и поселилась в Кропоткинском переулке¹².

У всех трех братьев Пасхиных рано проявился литературный талант. Их рассказы и очерки публиковали столичные журналы и газеты. Сергей с 15 лет печатался в журналах «Мурзилка», «Смена», «Еж», «Огонек». Некото-

⁹ Солженицын А.И. Угодило зернышко... С. 153.

¹⁰ Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 186.

¹¹ Пасхин Борис Сергеевич (28 апреля 1909, Чернопенье Костромской губ. – 1969), журналист. В 1930-х годах был арестован и вскоре освобожден. Работал в московских газетах. Во время Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом. После войны вновь подвергся аресту. После освобождения работал в газете «Вечерняя Москва».

¹² См.: Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 186.

рое время Николай с Сергеем при поддержке еще нескольких заинтересованных соседей по дому выпускали стенгазету.

Сергей имел способность к рисованию, в 1934 году он поступил в Текстильный институт на художественное отделение¹³. Учеба продолжалась всего два года. 10 апреля 1936 года Пасхин был арестован органами НКВД и обвинен в антисоветской деятельности. После допросов, пыток и скорого суда Сергея приговорили к пяти годам лишения свободы. Срок он отбывал в Севжелдорлаге на Печоре, где «среди политзаключенных было немало видных, известных тогда или ставших позднее, людей. Это иммунобиолог Л.А. Зальцберг, профессор медицины Данишевский, детская писательница Гернст, дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон, будущий премьер-министр Израиля М. Бегин, дочь расстрелянного маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского Светлана, дочь другого расстрелянного советского военачальника И.П. Уборевича и многие другие»¹⁴.

Николай в 1934 году поступил в Вечерний рабочий литературный университет (с 1936 — Литературный институт им. А.М. Горького) во второй набор. Он учился вместе с известными в будущем писателями — К. Симоновым, С. Михалковым. В круг его университетских друзей входили прозаик Виктор Авдеев, поэт Сергей Васильев, переводчик Николай Габинский.

Николай Сергеевич окончил Литературный институт в 1938 году и поступил в аспирантуру¹⁵. Как и брат, он не избежал ареста. О том, когда и сколько времени Николай провел в ГУЛАГе, неизвестно. В 1941 году Н.С. Пасхин ушел на фронт. В одном из боев под Вязьмой подразделение, в составе которого он воевал, попало в окружение. Пасхин оказался в плену, прошел ряд лагерей, последним из которых к концу войны стал концлагерь в Кенигсберге¹⁶.

На сайтах Министерства обороны «ОБД Мемориал» и «Память народа» представлены документы, в которых Н.С. Пасхин занесен в списки погибших. В них присутствуют разночтения.

Согласно одному донесению, от 12 июля 1946 года, красноармеец Николай Сергеевич Пасхин, призывавшийся Фрунзенским РВК г. Москвы 20 июня 1941, пропал без вести в сентябре 1941¹⁷. Согласно донесению от 31 июля 1946 года сержант Пасхин Николай Сергеевич, призывавшийся Фрунзен-

¹³ См.: Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 189. Есть информация, что С.С. Пасхин учился в Литературном институте им. А.М. Горького; см.: Агеносов В.В. Максимов Сергей Сергеевич. С. 371.

¹⁴ Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 191.

¹⁵ См.: Он же. Возвращение. С. 219.

¹⁶ См.: Пашин Н.С. Из дневников «пропавшего без вести» // Новый журнал. 2012. № 268. С. 256–261.

¹⁷ ЦА МО. Ф. 58. Оп. 18004. Ед. хр. 219 (Именной список безвозвратных потерь личного состава Красной армии по заявлениям, поданным во Фрунзенский РВК г. Москвы). В другом документе указана дата призыва 22 июня 1941, остальные данные совпадают (см.: ЦА МО. Ф. Замоскворецкий РВК, г. Москва. Оп. 1946. Ед. хр. 14 т. Т. 8. Л. 132–132 об.).

ским РВК г. Москвы 7 июля 1941, пропал без вести в октябре 1941¹⁸. В документах также указан его московский адрес (пер. Кропоткинский, д. 5, кв. 4) и имя жены: Пасхина Тамара Васильевна. Остался в Москве и маленький сын Сережа, родившийся 12 марта 1940 года.

Во Фрунзенский РВК Москвы дважды направлялись извещения на имя Т.В. Пасхиной о том, что ее муж пропал без вести. В одном документе — в ноябре 1941¹⁹, в другом — в декабре 1941²⁰. В «Книге памяти» Москвы указано, что он пропал в декабре 1941²¹.

Сергей Сергеевич был освобожден из лагеря весной 1941 года с разрешением проживать только в провинции. Прибыв в Москву тайком, он смог провести с семьей всего две ночи, после чего переехал в Калугу, где его и застала война. Выбравшись из занятого немцами города, Пасхин пешком дошел до Рославля и жил там какое-то время. К маю 1942 года оказался в оккупированном Смоленске, работал корректором в основанной немцами газете «Новый путь» (первоначально «Смоленский вестник»), под псевдонимом Сергей Широков печатал стихи и рассказы, издал несколько книг, в том числе сборник стихотворений и повесть «Сумерки».

В Смоленске Пасхин был арестован гестапо по обвинению в работе на советскую разведку и шесть месяцев провел в заключении. Выбраться на свободу ему помогла невеста Софья Спиридоновна Спицына. Вскоре после освобождения, 14 января 1943 года, Софья и Сергей поженились. Со временем супруги перебрались в Берлин. Здесь С. Пасхин сотрудничал с Восточным отделом министерства пропаганды «Винета»²² и с русской эмигрантской газетой «Новое слово» (Берлин), писал рассказы на темы лагерной жизни, подготовил к печати сборник рассказов о сталинских лагерях «Алый снег», но тираж его, вышедший в Лейпциге в 1944 году, погиб во время бомбардировки города.

Еще в Смоленске Сергей получил письмо от редактора берлинской газеты «Новое слово» Владимира Михайловича Деспотули²³ с сообщением, что

¹⁸ ЦА МО. Ф. 58. Оп. 18004. Ед. хр. 349 (Именной список безвозвратных потерь личного состава Красной армии по заявлениям, поданным во Фрунзенский райвоенкомат гор. Москвы); ЦА МО. Ф. Замоскворецкий РВК, г. Москва. Оп. 1946. Ед. хр. 14. Т. 14. Л. 337–337 об.

¹⁹ ЦА МО. Ф. Замоскворецкий РВК, г. Москва. Оп. 1946. Ед. хр. 14. Т. 8. Л. 132–132 об.

²⁰ Там же. Т. 14. Л. 337–337 об.

²¹ Книга памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов / Пр-во Москвы. М.: Центр по изданию Книги памяти Москвы, 1994. Т. 10: Осонов – Ревзин. С. 138.

²² Об организации «Винета» см.: *Петров И.Р.* «И дух Ленина исчез с очень странным звуком»: Учреждение «Винета» и нацистская радиопропаганда против СССР // *Неприкосновенный запас*. 2016. № 4. С. 206–223.

²³ *Деспотули Владимир Михайлович* (1895–1977), участник Белого движения, в эмиграции в Чехословакии, затем в Германии. Занимался журналистикой, в 1934–1944 годах — редактор берлинской газеты «Новое слово». После поражения Германии был арестован советскими властями и в течение 11 лет находился в лагерях. После освобождения жил в Германии.

его разыскивает брат Николай²⁴. О том, что Сергей жив, Николай узнал совершенно случайно, подобрав с пола в лагерном бараке обрывок газеты. На сохранившемся клочке бумаги он прочитал имя автора публикации — Сергей Широков, а содержание опубликованного рассказа оказалось ему знакомо со слов брата. В январе 1944-го Николай был освобожден из лагеря. Братьям удалось воссоединиться. Сначала они жили в Берлине²⁵, а 1 марта 1945 года переехали в Гамбург²⁶, вскоре вошедший в английскую зону оккупации Германии. Пасхины опасались насильственной репатриации и понимали, что на родине их, скорее всего, ждет смерть.

В Германии в 1941–1945 годах Н.С. Пасхин вел дневник, который был опубликован в нью-йоркском «Новом журнале» в 2009-м²⁷, при этом записи, относящиеся к 1941 году, взяты из дневника 1944-го²⁸. В дневнике подробно описана полная тягот и лишений жизнь в Гамбурге 1945-го, представлена картина быта русских «дипийцев»²⁹. Немало добрых слов Николай Сергеевич посвятил своей второй жене — Елене Анатольевне, ставшей ему поддержкой и опорой в это сложное время.

«Мужество этой хрупкой телом, несокрушимой духом женщины поистине достойно уважения. Я действительно горжусь тем, что судьба дала мне ее в спутницы в самое трудное время, как наше. В ее жилах течет здоровая, алая кровь, и запас энергии в ее душе неистощим, если он иногда, под тяжестью слишком уж жестоких испытаний и ослабевает, то только для того, чтобы возобновиться вскоре с новой силой. Отдавая все на то, чтобы сделать нашу жизнь изгнанников удобной и спокойной, она находит в себе силы помогать своей семье, да еще поддерживать других. Она и хозяйка, и сиделка, и критик моих “произведений”, и наш постоянный переводчик, и ходатай за

²⁴ См.: Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 195.

²⁵ 25 января 1944 года Н.С. Пасхин прибыл в Берлин и поселился у брата и его жены. См.: Пашин Н.С. Из дневников «пропавшего без вести». № 268. С. 265.

²⁶ См.: Там же. С. 271.

²⁷ Пашин Н.С. Из дневников «пропавшего без вести» / публ., коммент. А. Любимова // Новый журнал. 2012. № 268. С. 254–274; № 269. С. 120–156; 2013. № 270. С. 237–271; № 272. С. 224–256; № 273. С. 284–314; 2014. № 274. С. 235–279; № 275. С. 221–275; № 276. С. 246–275; № 277. С. 152–188; Пашин Н.С. Из лагерных дневников «пропавшего без вести» / публ. Андрей Любимов // Там же. 2015. № 279. С. 230–258.

²⁸ См.: Там же. № 268. С. 256.

²⁹ «Перемещенные лица» (англ. «displaced persons»), в сокращенной форме «ди-пи» (англ. «D-P»), дипийцы. «К категории ди-пи следует относить военнопленных, иностранных принудительных рабочих, а также гражданских беженцев разных национальностей, насильственно или добровольно перемещенных в силу военных действий Второй мировой войны и находящихся вне границ своих государств, не имеющих возможности вернуться на родину без сопровождающей помощи или по политическим мотивам» (Кулен Е. Судьба русских «перемещенных лиц» в американской зоне оккупации в Баварии: к вопросу о возникновении второй волны русской эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк, 2019. № 295. С. 196).

других. Она отличается от меня тем, что ее сочувствие никогда не бывает бесплодным и жалость — сентиментальной, они всегда практичны и потому действенны, непрактичной она иногда бывает лишь по отношению к самой себе. И при всем том она интересна и умна, и я часто поражаюсь ее вкусу. “Судьба послала мне тебя в награду за мои страдания”, — часто говорю я ей, и говорю действительно, что думаю»³⁰.

Из-за язвенной болезни Николай остался с женой в Гамбурге, а Сергей с Софьей переехали в лагерь перемещенных лиц Менхегоф под Касселем³¹, где в 1945 году было основано издательство «Посев». С. Пасхин стал сотрудничать в еженедельнике с тем же названием (с 1968 — ежемесячный журнал), он стоял у истоков журнала «Грани», который издательство начало выпускать во Франкфурте-на-Майне, с 1946 года входил в редколлегию журнала. В 1947-м супруги переселились сначала в Лимбург, а затем в маленький городок Камберг.

Николай Сергеевич также сотрудничал в журналах «Грани» и «Посев», публиковался в газетах «Новое слово» и «Воля народа» (Берлин). Он много писал еще в немецком лагере. В 1945 году Н.С. Пасхин опубликовал в газете «Воля народа» очерк «История одного села», в котором под вымышленным названием описал место своего рождения — село Чернопенье.

После войны Сергей Сергеевич написал свое первое большое произведение — роман «Денис Бушуев», ставший значительным литературным событием в эмигрантских кругах. Сначала роман был опубликован в журнале «Грани»³² под псевдонимом Максимов, а затем издательство «Посев» выпустило первый том в виде книги³³. Роман был тепло встречен и русской эмигрантской, и иностранной критикой³⁴. О «Денисе Бушуеве» положительно отозвались М. Алданов, И. Бунин, И. Елагин, Б. Зайцев, М. Карпович. Так, Бунин в письме С. Максиму писал: «Мой дорогой молодой собрат, я прочел первую часть Вашего романа “Денис Бушуев”. Вы, несомненно, талантливы, в романе Вашем много страниц интересных, своеобразных...»³⁵ Проходили творческие вечера автора³⁶, роман был переведен на немецкий язык и издан в 1949 году в Германии, в 1951-м книга вышла в английском переводе («Restless Heart») в Англии и США, в 1963-м в Барселоне в коллективном сборнике был опубликован испанский перевод «Дениса Бушуева».

³⁰ Пашин Н.С. Из дневников «пропавшего без вести». № 272. С. 246–247.

³¹ См.: Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 196.

³² Максимов С.С. Денис Бушуев: роман в трех частях: ч. 1 // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1948. № 4. С. 3–62; Он же. Денис Бушуев: [в 3 ч.] // Там же. 1949. № 6/7. С. 3–353.

³³ Он же. Денис Бушуев: роман: Т. 1. Лимбург: Грани, 1949. 356, [2] с. [На обл.: год издания — 1950, издательство — Посев.]

³⁴ См.: Издательство имени Чехова. Предисловие // Максимов С.С. Бунт Дениса Бушуева. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1959. С. 7.

³⁵ Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 208.

³⁶ См.: Он же. Возвращение // Новый журнал. 2007. № 246. С. 217.

Со временем братья перебрались в США, Сергей переехал с женой в 1949 году, Николай со своей семьей — в 1950-м. При оформлении документов на выезд из Германии фамилия *Пасхин* у всех была заменена на *Пашин*.

Николай Сергеевич в Америке получил место преподавателя русского языка в Военной школе³⁷ в городе Монтерее в штате Калифорния. Там он трудился с небольшими перерывами с 1951-го по 1962 год. В 1957–1959 годах работал в Германии инструктором по языку в Американском университете Мэриленда в г. Гейдельберге, сотрудничал с русскими изданиями. Перед приездом Н.С. Пашина в Германию журнал «Грани» опубликовал его (совместно с В. Горевым) перевод романа Д. Оруэлла «1984»³⁸. С 1961 года до своей кончины Н.С. Пашин преподавал в Стэнфордском университете в должности профессора.

Сергей Сергеевич первоначально поселился в Нью-Йорке. Он получил место преподавателя русского языка в Фордхемском университете, где его роман «Денис Бушуев» был включен в программу по русской литературе. С. Пашин много писал и публиковался как в русских, так и в американских периодических изданиях, в том числе в эмигрантских: журнале «Народная правда» (Париж, 1948–1951; Нью-Йорк, 1952), газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк). В «Издательстве имени Чехова» у него вышел сборник рассказов «Тайга»³⁹, в котором автор описал свою жизнь в заключении; сборник «Голубое молчание»⁴⁰, куда вошли повесть «В сумерках», рассказы, поэмы и пьесы разных лет; книга «Бунт Дениса Бушуева»⁴¹ — продолжение романа «Денис Бушуев», написанное уже в Америке. С. Пашин неоднократно получал предложения из Голливуда о возможности снять художественный фильм по его роману, но этот проект не состоялся. Осенью 1953-го предполагалось начать съемки на частной киностудии кн. И.Б. Мещерского недалеко от Нью-Йорка, но и этому плану не суждено было осуществиться⁴².

С конца 1950-х С.С. Пашин не имел определенных занятий, практически остался без средств к существованию, последние годы жизни серьезно болел. Он жил то на Толстовской ферме, то у брата в Монтерее, то в разных городах: Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Вашингтоне, Ричмонде. Сергей Сергеевич умер в Лос-Анджелесе 12 марта 1967 года, похоронен на Сербском кладбище

³⁷ Военная языковая школа (англ. Army Language School) в 1963 году переименована в Военный институт иностранных языков (англ. Defense Language Institute) — учебное и научно-исследовательское заведение Министерства обороны США, основанное в 1941 году как секретная школа по изучению японского языка. С 1946 года штаб-квартира расположена в городе Монтерей.

³⁸ Орвелл Д. 1984: роман / пер. В. Андреева, Н. Витова // Грани. Франкфурт-на-Майне, 1955. № 27/28. С. 3–67; 1956. № 30. С. 3–78; 1956. № 31. С. 3–49. В. Андреев — псевдоним В. Горевго, Н. Витов — псевдоним Н.С. Пашина.

³⁹ Максимов С.С. Тайга: сб. рассказов. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 207 с.

⁴⁰ Он же. Голубое молчание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 232 с.

⁴¹ Он же. Бунт Дениса Бушуева. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 415 с.

⁴² См.: Янгиров Р. «Рабы Немого»: очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом, 1920–1930-е годы. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Русский путь, 2007. С. 372.

в окрестностях Сан-Франциско. В СССР имя писателя Сергея Максимова оказалось неизвестным.

Николай Сергеевич редактировал тексты многих произведений Сергея Сергеевича, после смерти брата занимался вопросами, связанными с его творческим наследием, в 1974 году стараниями Н.С. Пашина в издательстве «Посев» был переиздан роман «Денис Бушуев». Николай Сергеевич считал своим долгом сохранить память о брате и рассказать о нем, передать потомкам архив писателя Максимова, намеревался написать его подробную биографию, но не успел. Умер он от сердечного приступа в своем доме в Пало-Альто 7 февраля 1976 года, похоронен в Сан-Франциско, на том же Сербском кладбище, что и брат.

Выше представлены основные вехи биографий Николая и Сергея Пашиных. Более подробно их жизнь и творчество освещены в статьях исследователей русского литературного зарубежья⁴³; в дневнике Н.С. Пашина⁴⁴.

Обратимся к книгам из собрания Н.С. и Е.А. Пашиных, оказавшихся в библиотеке ДРЗ. Коллекция включает эмигрантские, советские и зарубежные издания, вышедшие в 1944–2004 годах в разных городах мира: Айова-Сити, Бельмонт, Вашингтон, Кембридж, Лос-Анджелес, Миннеаполис, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Эванстон (США), Гамбург, Гrefенхайнихен, Менхегоф, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, Шонбах (Германия), Париж, Лондон, Мадрид, Москва, Иркутск. Из них 57 — на русском, 25 — на иностранных языках.

Преимущественно это художественная литература. Более половины собрания, в том числе все зарубежные издания, составляют книги А.И. Солженицына (35 экз.) и о нем (9 экз.). Среди них — 6-томное собрание сочинений писателя, вышедшее в 1969–1970 годах во Франкфурте-на-Майне в издательстве «Посев»⁴⁵; 3-й том первого издания «Архипелага ГУЛАГа» на русском языке⁴⁶ и трехтомное издание на английском⁴⁷; книга «Бодался телёнок с дубом»⁴⁸.

⁴³ Агеносов В.В. Восставшие из небытия: антология писателей ди-пи и второй эмиграции / Ассоц. исследователей рос. о-ва (АИРО–XXI). М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 734 с.: ил.; Бабичева М.Е. Русские писатели в эмиграции: творческий путь С.С. Максимова // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 712–719.

⁴⁴ Пашин Н.С. Из дневников «пропавшего без вести». См. примеч. 27.

⁴⁵ Солженицын А.И. Собр. соч.: в 6 т.: с прилож. крит. ст. о тв-ве автора и докум. по так называемому «делу Солженицына» / [обл. А.В. Русака; ред. А.Н. Артемовой]. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969–1970.

⁴⁶ Он же. Архипелаг ГУЛаг, 1918–1956: Опыт художественного исследования. Р.: YMCA-Press, 1975. Т. 3, ч. V–VI–VII. 583 с. Изд. стандартного формата, в мягк. обл.

⁴⁷ Solzhenitsyn A.I. The Gulag Archipelago, 1918–1956: An experiment in literary investigation. N. Y.; Evanston; San Francisco; L.: Harper & Row Publ., 1974–1978. Vol. I, Part I–II / transl. by T.P. Whitney. 1974. XII, 660 p.: ill. Vol. II, Part. III–IV / transl. by T.P. Whitney. 1975. VI, 712 p., 3 p. ill. Vol. III, Part V–VII / transl. by H. Willetts. 1978. X, 558 p.: ill.

⁴⁸ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. Р.: YMCA-Press, 1975. 629 с.

Все книги поступили в библиотеку в качестве дара. Принадлежность собранию Пашиных определяется владельческими знаками и дарственными надписями, адресованными членам семьи. В коллекции 62 книги с экслибрисами владельцев (Н.С. Пашина (56), Е.А. Пашиной (7), обоих супругов (1)); 3 — с владельческой надписью карандашом «N. Pashin»; 4 — со штампами («Printed in Soviet Union» (3)⁴⁹, «Printed in the Soviet Union» (1)⁵⁰); одна книга⁵¹ с оттиском, в который от руки вписаны номер и цена: «SOLD BY THE BOOK DEPARTMENT ARMY LANGUAGE SCHOOL PRESIDIO OF MONTEREY, CALIFORNIA NO. 7414 PRICE: 1.55»; одна книга⁵² с оттиском на 3-й странице обложки: «ДАР ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ЧЕХОВА при Восточно-Европейском Фонде». В семи книгах А.И. Солженицына («Бодался телёнок с дубом», «В первом кругу» (*так!*), томах 1–4, 6 Собрания сочинений 1969–1970) имеются многочисленные пометки в тексте простым карандашом.

Четырнадцать книг содержат дарственные надписи известных представителей культуры русского зарубежья, преимущественно второй волны эмиграции в США: литературоведа и критика Глеба Струве, писателей Родиона Березова, Аллы Кторовой, Татьяны Фесенко, поэтов Ивана Елагина, Николая Моршена, Александра Неймирока, мемуаристки Елены Скрябиной, литератора и журналиста Натальи Белинковой-Яблоковой. Автографы позволяют обрисовать круг знакомств, дружеские и творческие связи Пашиных, дают дополнительную информацию о дарителях. Это и своего рода дневник встреч: часто надписи содержат указание даты и места, в основном — Монтерей, где жили и Пашины, и многие дарители. Все эти, порой немногословные, послания заслуживают внимания и специального изучения.

Дарственные надписи адресованы как Николаю Сергеевичу, так и его брату Сергею Сергеевичу, а также Елене Анатольевне или обоим супругам сразу, как, например, инскрипт поэта и библиографа Т.П. Фесенко⁵³: «Милейшей чете Пашиных на память о теплой калифорнийской встрече, от автора. Окт. 1972» на ее книге «Повесть кривых лет»⁵⁴.

Татьяна Петровна описала в этой книге свой путь от довоенного Киева до лагерей ди-пи. Перед войной она окончила аспирантуру на факультете

⁴⁹ Мунблит Г.Н. Рассказы о писателях. Маленькая повесть. М.: Сов. писатель, 1968. 190 с., 9 л. фотогр.; Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1968. 496 с.; Дымшиц А.Л. Звенья памяти: Портреты и зарисовки. М.: Сов. писатель, 1968. 427 с. ил.

⁵⁰ Зелинский К.Л. На рубеже двух эпох: литературные встречи: 1917–1920 / оформл. В. Добера. 2-е изд. М.: ГИХЛ, 1962. 308 с., 13 л. фотогр.

⁵¹ Терапиано Ю.К. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 206 с.

⁵² Гуль Р.Б. Конь Рыжий. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 286 с.

⁵³ Фесенко Татьяна Петровна (урожд. Святенко; 7 ноября 1915, Киев – 12 июля 1995, Вашингтон).

⁵⁴ Фесенко Т.П. Повесть кривых лет. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1963. 223 с.

иностранных языков Киевского университета, работала над составлением англо-украинского словаря в Институте языкознания Академии наук СССР. 1 сентября 1941 года вышла замуж за Андрея Владимировича Фесенко⁵⁵. С матерью и мужем Т.П. Фесенко была вывезена немцами на принудительные работы в Германию, после войны супруги жили в лагере для перемещенных лиц в американской оккупационной зоне в Западной Германии, где издали учебник английского языка «First steps»⁵⁶ для перемещенных лиц украинского происхождения.

В 1947 году супруги Фесенко перебрались в Америку, с 1951-го работали в Библиотеке Конгресса США. Андрей Владимирович прошел курс библиотковедения в Католическом университете, работал на разных должностях, занимался украинской книгой в Европейском отделе Библиотеки, уволился в 1986 году. Татьяна Петровна до 1963 года работала над составлением каталогов, описала коллекцию редких русских книг XVIII века⁵⁷, в которую вошло приобретенное Библиотекой в 1906 году частное собрание сибирского купца, промышленника и библиофила Геннадия Васильевича Юдина. Это приобретение стало крупнейшей коллекцией книг на русском языке за пределами России.

После ухода из Библиотеки Конгресса Т.П. Фесенко устроилась в издательский отдел книжного магазина Виктора Камкина. Татьяна Петровна работала сценаристом на радио «Свобода», почти три десятка лет публиковала статьи и рецензии в нью-йоркских эмигрантских изданиях — газете «Новое русское слово» и «Новом журнале», — была научным сотрудником и библиографом в Гуверовском институте, где работала и Елена Анатольевна Пашина.

В соавторстве супруги Фесенко написали труд «Русский язык при Советах»⁵⁸. Эта книга из собрания Пашиных на титульном листе содержит автограф одного из авторов, к сожалению без подписи: «Глубокоуважаемому Николаю Сергеевичу Пашину на память о встрече в Вашингтоне, где интересный и содержательный доклад о языке Солженицына был заслушан с большим вниманием авторами этой книги. 24 мая 1972 г.» На нумерованной странице [223] в конце книги тем же почерком написано: «Продолжение этой работы: “Характерные особенности русского языка последнего десятилетия” (Новый журнал, № 89, Дек. 1967, стр. [244] – 262.)».

⁵⁵ Фесенко Андрей Владимирович (11 декабря 1915, Одесса – 26 июня 2000, Вашингтон), филолог.

⁵⁶ Fessenko A.V. First steps = Pershi kroky: [pidruchnyk z anhliis'koï movy] / A. and T. Fessenko. [Bamberg, Germany: s. n.], 1950. 124 p.

⁵⁷ Fessenko T. Eighteenth century Russian publications in the Library of Congress: A catalog / prep. by T. Fessenko. Washington: Slavic and Central European Division, Reference Department, Library of Congress, 1961. XVI, 157 p.: ill.

⁵⁸ Фесенко А.В. Русский язык при Советах. Нью-Йорк: [б. и.], 1955. 222 с.

В дарственных надписях часто можно встретить обращение «Ляля», адресованное Елене Анатольевне Пашиной. Это имя употребляет и Николай Сергеевич в своих воспоминаниях⁵⁹.

Писательница Алла Кторова⁶⁰ на своей книге⁶¹ написала: «Милым Николаю Сергеевичу и Ляле Пашиным с большой благодарностью за заботу и надеждой на будущие встречи от любящей их Аллы Кторовой. 31.5.75 г. США».

Ляле подарена Натальей Александровной Белинковой-Яблоковой книга ее супруга Аркадия Викторовича Белинкова⁶²: «Дорогой Ляле от Наташи Белинковой — сестре одной судьбы. Монтерей 1976 N. Bel».

Именно эта книга о Юрии Олеше, по словам Н.А. Белинковой, «завела автора дальше, чем тот предполагал, — в эмиграцию»⁶³. Написанная в СССР, она вышла на Западе через шесть лет после смерти автора, в 1976 году, в котором и была подарена Е.А. Пашиной.

Аркадия Белинкова называют первым эмигрантом третьей волны⁶⁴, в 1968 году он с супругой бежал из Советского Союза. На родине его литературная судьба складывалась трагически. За свой первый роман «Черновик чувств», в котором автор противопоставил социалистическому реализму литературную теорию «необарокко», в 1944-м он был приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. За произведения, написанные в лагере, осужден еще на 25 лет. В общей сложности Белинков провел в заключении почти 13 лет, впоследствии был реабилитирован. Для поколения шестидесятников имя писателя с непримиримой антисоветской позицией являлось знаковым. Инакомыслящая интеллигенция зачитывалась изданной книгой «Юрий Тынянов» (М., 1961) и текстами, ходившими в самиздате.

В США А.В. Белинков читал лекции в Йельском и Индианском университетах о взаимоотношениях творческой личности и тоталитарного государства, в том числе два курса об А.И. Солженицыне; печатался в «Новом журнале» и «Новом русском слове», в американском журнале «Russian review»;

⁵⁹ Пашин Н.С. Из дневников «пропавшего без вести». 2012. № 269. С. 125, 129, 146; 2013. № 270. С. 237, 241, 253, 257; № 272. С. 234, 239, 240, 244–247; № 273. С. 284, 313.

⁶⁰ Кторова Алла (наст. фам. Шандор (Sandor), урожд. Виктория Ивановна Кочурова, р. 29 декабря 1926, Москва), писатель, с 1958 года живет в США. Преподавала русский язык в Университете Джорджа Вашингтона, международную лексику в магистратуре Университета Джона Хопкинса, работала на радио «Голос Америки» под именем Минодора Михайлова.

⁶¹ Кторова А. Экспонат молчащий и другое / [обл. Н.Э. Сафонова]. München: A. Neimanis Buchvertrieb — Verl., 1974. 468 с.

⁶² Белинков А.В. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / подгот. к печати [Н.А. Белинковой-Яблоковой]. Мадрид: [б. и.], 1976. 687 с. Наталья Александровна Белинкова-Яблокова (урожд. Дергачева, р. 1930, Москва). Белинков Аркадий Викторович (29 сентября 1921, Москва – 14 мая 1970, Нью-Хейвен, Коннектикут), писатель, литературовед.

⁶³ Цит. по: «Нужно быть мужественным человеком, чтобы иметь талант» // Литературная газета. 1997. 5 февр. С. 12.

⁶⁴ Зубарев Д.И. Белинков Аркадий Викторович // Ист.-просветит. центр «Мемориал». URL: <http://old.memo.ru/history/diss/belinkov.htm> (дата обращения: 19.07.2021).

выступал на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода»; частично подготовил к изданию альманах «Новый колокол»⁶⁵, куда вошли и его работы, в том числе об А.А. Ахматовой и А.И. Солженицыне.

А.В. Белинкова волновала проблема творческой независимости и морального выбора. Он предполагал осуществить литературоведческую трилогию о писателях с различным отношением к власти: лояльное (Ю. Тынянов), приспособленческое (Ю. Олеша) и оппозиционное. Изначально предполагалось, что позицию писателя, противостоящего власти, в исследовании Белинкова займет Ахматова, но позднее автор остановил свой выбор на А.И. Солженицыне. Книга об Александре Исаевиче осталась незаконченной.

В собрании Пашиных есть книга Светланы Аллилуевой⁶⁶. В послесловии автор пишет, что первую часть рукописи прочитали А.В. и Н.А. Белинковы.

Вдова писателя Белинкова-Яблокова живет в Калифорнии. В США она работала лектором в Йельском университете, преподавала там же русский язык, выступала с лекциями в других университетах, в том числе и за границей, активно занималась журналистикой. Только на рубеже веков Наталья Александровна получила возможность ознакомиться со следственными делами покойного мужа и снять копию. Московский архив и лагерные тетради А.В. Белинкова прибыли в Америку уже после его смерти. О перипетиях возвращения рассказала Ирина Уварова-Даниэль. В постскрипуме этой главы ее книги сказано: «Но неисповедимы пути Господни, когда московский архив Белинкова был вывезен в Монтерей, я по просьбе Наташи отправилась к ней помочь расшифровывать лагерные тетради. В Калифорнию — из Москвы, где архив и тетради пролежали долгие годы нашего вынужденного необщения»⁶⁷. После получения архива вдова занимается публикацией литературного наследия писателя.

Обращение Ляля по отношению к Елене Анатольевне, а также «кума» и «кум» по отношению к обоим супругам употребляет в дарственных надписях поэт Николай Моршен⁶⁸. Так, в сборнике «Перекрестки»⁶⁹ на 10-й странице, где

⁶⁵ Новый колокол: лит.-публ. сб. Лондон, 1972. 480 с.; То же [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/novyj_kolokol_1972_text.pdf (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁶ Аллилуева С.И. Только один год. N. Y.; Evanston: Harper & Row, Publ., 1969. 383 с.

⁶⁷ Уварова-Даниэль И. Не оглядывайся!: главы из книги // Звезда. 2011. № 2. С. 150; То же [Электронный ресурс]. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1560> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁸ Моршен Николай Николаевич (наст. фам. Марченко; 8 ноября 1917, с. Бирзула Ананьевского уезда Херсонской губернии (ныне г. Котовск Одесской обл.) – 31 июля 2001, Монтерей, Калифорния, США), поэт. Выпускник физического факультета Киевского университета. С 1943 года в Германии, с 1950-го — в США. Преподавал русский язык в Военной школе в Монтерее (Калифорния, США), профессионально занимался переводами на русский язык для журналов «Америка» и «Диалог» и для выставок Информационного агентства США (USIA) в Советском Союзе. Публиковался в журнале «Грани», автор поэтических сборников «Тюлень» (1959), «Двоегочие» (1967), «Эхо и зеркало» (1979).

⁶⁹ Перекрестки: альм. 1978. № 2 / [обл. С.Л. Голлербаха]. Филадельфия: Crossroads, 1978. 70 с., 9 л. ил.

начинается публикация стихотворений Моршена, содержится надпись: «Куме на память Штучка — невелика, но все же... Ляле от Ник-Ника. Н. Моршен. 28.1.1980», а на авантитуле сборника стихотворений Моршена «Двоеточие»⁷⁰: «А вот Вам, кум-Сергеич, и второй сборник на память. Это с Вашей легкой руки! Н. Моршен 7 авг. 1967 Монтерей». Третья надпись Моршена на его сборнике стихотворений «Тюлень»⁷¹, название которого он обыгрывает: «Тюленьему куму от тюленя. Н. Моршен. 2.IV.59».

Домашние обращения — Ляля, кум-Сергеич, Ник-Ник, тюлень — свидетельствуют о дружеских отношениях. Н.Н. Моршена и Н.С. Пашина связывала давняя дружба, оба принадлежали к гамбургской колонии эмигрантов. В Гамбурге Моршен, тогда еще Марченко, зарабатывал деньги грузчиком на пристани, там же он начал печататься. В гамбургских дневниковых записях Пашина неоднократно упоминается Марченко (Моршен). Вот один эпизод:

«Вчера вечером на квартире у Н.Н. Марченко состоялся первый среди задуманных нами “литературных субботников”. Дело в том, что в силу разных причуд эвакуации из Берлина вышло так, что здесь, в Гамбурге, оказалась довольно значительная группа литераторов, которые, как только пришли в себя, снова взялись за перо. Марченко-младший⁷² кропает стишки, Сережа⁷³ написал примерно половину “Побега” — 2-й части книги “Алый снег”; Марченко-старший⁷⁴ ударился, по его выражению, “в мистику” и пишет серию рассказов, объединенных одной общей мыслью; бездельничаю только я. Ввиду того что никакой трибуны у нас сейчас нет, мы и затеяли эти “субботники”, с тем чтобы удовлетворить свое авторское честолюбие и обменяться мнениями о написанном»⁷⁵.

В США Н.Н. Моршен и Н.С. Пашин снова оказались в одной русской колонии. Вот как ее характеризует Ольга Матич: «Монтерейская русская колония тех лет воспроизводила стандартную социальную структуру эмигрантских общин в больших европейских, американских и китайских городах после революции. Только, в отличие от них, русские находились здесь на небольшом

⁷⁰ Моршен Н. Двоеточие. Вашингтон: Изд. Русского книжного дела в США: Victor Kamkin Inc., 1967. 68, [1] с.

⁷¹ Он же. Тюлень: стихи / предисл. В. Маркова. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959. 54 с. (Русская зарубежная поэзия; 4).

⁷² Имеется в виду Николай Николаевич Марченко (Моршен).

⁷³ Имеется в виду Сергей Сергеевич Пашин (Пасхин).

⁷⁴ Марченко Николай Владимирович (26 июня/8 июля 1887, Бессарабия – 3 октября 1969, Монтерей, Калифорния, США), писатель, автор «Нового журнала», отец Николая Николаевича Марченко (Моршена). Из Германии переехал в г. Монтерей (Калифорния, США). Автор романов «Мнимые величины», «Могу». Литературный псевдоним — Нароков.

⁷⁵ Пашин Н.С. Из дневников «пропавшего без вести» / публ. Андрей Любимов // Новый журнал. Нью-Йорк, 2013. № 273. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2013/273/iz-dnevnikov-propavshego-bez-vesti-4.html> (дата обращения: 19.07.2021).

пространственном участке, в особенности в начале пятидесятых, когда почти все жили в маленьком военном поселке под названием Ord Village, прямо по соседству или в пяти минутах ходьбы друг от друга. Были свои аристократы, которых, как мне кажется, было непропорционально много, бывшие дворяне из интеллигентских и военных кругов, дети купцов и мещан и представители советской интеллигенции. Имелось несколько поэтов и прозаиков, композиторов и других представителей артистических профессий»⁷⁶.

До выхода на пенсию в 1977 году Н. Моршен, как и Н.С. Пашин, преподавал в Военной языковой школе. Оба были активными участниками литературной жизни в Монтерее: «В 1950 году Владимир Федорович»⁷⁷ организовал у себя на квартире в Ord Village литературный кружок, в основном состоявший из пишущих представителей второй эмиграции, молодые авторы читали свои произведения и переводы: Марков — из «Турилевских романсов», Моршен — из «Тюленя», отец Моршена Н.В. Нароков (псевдоним) — из «Мнимых величин», романа о сталинском НКВД; Н.С. Пашин (под псевдонимом Витов) — из русского перевода «1984», над которым он как раз в то время работал; брат Пашина С.С. Максимов (псевдоним), автор только что нашумевшего «Дениса Бушуева», — из новых рассказов. Потом шли обсуждения, иногда слушали классическую музыку с комментариями Владимира Федоровича»⁷⁸.

Лаконичен в своих дарственных надписях другой представитель гамбургской колонии эмигрантов, друг Н.Н. Моршена и Т.П. Фесенко еще со времен немецкой оккупации Киева, поэт второй волны — Иван Елагин⁷⁹. В США у него вышло шесть книг, две из них представлены в собрании Пашиных и содержат размашистые дарственные надписи: «Николаю дружески И. Елагин» на книге «Косой полет»⁸⁰ и «Николаю и Ляле с дружеским приветом И. Елагин» на обороте обложки сборника «Дракон на крыше»⁸¹.

⁷⁶ Матич О.Б. Русская эмиграция в Калифорнии // На рубеже двух столетий: сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / сост. В. Багно, Д. Малмстад, М. Маликова. М.: Новое литературное обозрение; СПб.: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 400. Матич Ольга Борисовна (урожд. Павлова; р. 1940), литературовед, культуролог, профессор русской литературы Калифорнийского университета в Беркли (США).

⁷⁷ Марков Владимир Федорович (24 февраля 1920, Петроград – 1 января 2013, Брентвуд, Калифорния, США), американский славист, историк русского модернизма, публицист, поэт, переводчик второй волны русской эмиграции, литературовед, преподаватель, специалист по творчеству Велимира Хлебникова.

⁷⁸ Матич О.Б. Русская эмиграция в Калифорнии. С. 407.

⁷⁹ Елагин Иван Венедиктович (наст. фам. Матвеев; 1 декабря 1918, Владивосток – 8 февраля 1987, Питтсбург, США), русский поэт, переводчик и педагог второй волны эмиграции.

⁸⁰ Елагин И.В. Косой полет: стихи / [обл. С.Л. Голлербаха]. Нью-Йорк: Новый журнал, 1967. 128 с.

⁸¹ Он же. Дракон на крыше: стихи / [обл., рис. С.Л. Голлербаха]. [Б. м.: Victor Kamkin Inc.]. 159 с.

В коллекции Пашиных есть и автограф Глеба Петровича Струве⁸², автора известного труда «Русская литература в изгнании». Нью-йоркское издание этой книги⁸³ из собрания Пашиных содержит экслибрис владельца, а написал Глеб Петрович свой единственный сборник стихотворений «Утлое жилье»⁸⁴: «Николаю Сергеевичу Пашину с сердечным приветом от автора Глеб Струве».

Г.П. Струве преподавал в Калифорнийском университете в Беркли. Он часто приезжал в Монтерей навестить А.Д. Билимовича⁸⁵, а после его смерти дочь Билимовича Татьяну Александровну Павлову⁸⁶. «Как и Владимир Марков, Боб писал диссертацию у Г.П. Струве, часто приезжавшего к нам в Монтерей навестить моего деда. Когда дед умер, Струве приезжал к маме, с которой был знаком еще в России»⁸⁷.

Один автограф в собрании Пашиных принадлежит писателю Родиону Березову⁸⁸ на его авторском сборнике стихотворений «Радость»⁸⁹: «Николаю Сергеевичу Пашину — в знак мира и благодарности Р. Березов 6–I–54 г.» Слова «в знак мира», скорее всего, относятся к одному неприятному эпизоду. В 1948 году Березов опубликовал в нью-йоркском «Новом русском слове» заметку о Сергее Максимове «Умирает талантливый писатель»⁹⁰, после которой последнему стали присылать посылки и письма с соболезнованиями:

⁸² Струве Глеб Петрович (19 апреля/1 мая 1898, Санкт-Петербург – 4 июня 1985, Беркли, Калифорния, США), поэт, литературный критик, литературовед, переводчик, профессор славистики в Калифорнийском университете в Беркли.

⁸³ Струве Г.П. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 414 с.

⁸⁴ Он же. Утлое жилье: избранные стихи 1915–1949 гг. [München]: Inter-Language Literary Associates, 1965. 124 с., 1 л. портр. авт.

⁸⁵ Билимович Александр Дмитриевич (25 мая 1876, Житомир – 21 декабря 1963, Монтерей, Калифорния, США), экономист.

⁸⁶ Павлова Татьяна Александровна (урожд. Билимович, 1907, Киев – 1995, Монтерей, Калифорния, США).

⁸⁷ Матич О.Б. Записки русской американки: Семейные хроники и случайные встречи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 161–162. Владимир Марков — Владимир Федорович Марков (см. примеч. 77); Боб — Роберт Хьюз, американский филолог, известный в России и на Западе исследователь русской литературы, один из крупнейших знатоков жизни и творчества Вл. Ходасевича; дед — Александр Дмитриевич Билимович (см. примеч. 85); мама — Татьяна Александровна Павлова, с 1951 года преподавала русский язык в Военной языковой школе в Монтерее (см. примеч. 86).

⁸⁸ Березов Родион Михайлович (наст. фам. Акульшин; 27 марта/8 апреля 1896, с. Вилатовое Самарской губернии (ныне Кинель-Черкасский район Самарской области) – 25 июня 1988, Ашфорд, Коннектикут, США), поэт, прозаик. Во время Второй мировой войны оказался в Германии, затем в США.

⁸⁹ Березов Р.М. Радость: стихи. Лос Анжелос: [б. и.], 1953. 104 с.

⁹⁰ Он же. Умирает талантливый писатель // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1948. 20 июля. С. 3.

«Страсти по поводу выходки Березова скоро улеглись, но этот случай навсегда испортил отношения между двумя писателями»⁹¹.

В книгу вложено два листа с машинописным текстом — письмо Р. Березова Н.С. Пашину от 6 января 1954 года с подписью автора и отзыв в стихах епископа Иоанна на книгу Р. Березова «Радость».

Приведем текст письма Р. Березова:

«Уважаемый Николай Сергеевич!

Спасибо за уплату всего долга Сергея Сергеича. Простите меня, если своими письмами я причинил Вам огорчение: все мы со слабостями, хотя и стремимся к миру и дружбе. Не откажитесь принять на память мой последний сборник стихов. Когда будет время, прочтите его. Посылаю Вам копию отзыва о книге Епископа Иоанна.

Сейчас я решил устроить себе творческий отпуск: бросил временно работу и приехал в Берклей, где с большим увлечением работаю над прозой (статьи, очерки, рассказы, повести).

Сердечный привет Вашей жене и сыну.

Поверьте, что у меня к Вам всегда было хорошее отношение.

Книгу стихов я издал на деньги, собранные предварительной подпиской. Мне было прислано 535 долларов, а все издание стоит 590 долларов, так что своих я доплатил только 55 долларов.

В Чеховское издательство послал еще весной книгу: «Русская деревня» (50 рассказов о деревне). Ответа до сих пор нет.

Недавно купил словарь Даля, издание 1882 года, всего за 25 долларов. Это совершенно необходимое пособие каждому пишущему.

Желаю всей Вашей семье в Новом Году крепкого здоровья и благоденствия.

Искренно уважающий Вас

Р. Березов

6 января, 1954 г.»

Отзыв епископа Иоанна, о котором идет речь в письме Р. Березова:

«ДУХОВНАЯ РЕЦЕНЗИЯ»

Раздается в мире звон:
Снова пишет Родион.

Родионовы стихи,
Это — песни от сохи.

⁹¹ Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 203.

Бороздой своей идет
Родион и все поет.

Он поет теперь о том,
Что для мира стало сном.

О великой красоте,
О Спасителе Христе.

Пахарь милый, не молчи,
О святой любви кричи,

Но, зовя всех смертных в рай,
Медом их не поливай,

Чтоб полынью не взошла
Человечья похвала.

Лучше слов припрятать нить,
Смертных слишком не хвалить,

Вправив к радости своей
Осторожность в жизни сей!

Певцу Родиону спасибо за присылку
хорошей книги «Радость».
«Работайте Господеви со страхом
И радуйтесь Ему с трепетом»
(Пс. 2,11)
Епископ Иоанн
12 декабря,
1953 г.
Сан Франциско.

На книге Р. Березова «Далекое и близкое»⁹² из собрания Пашиных также имеется автограф, но без подписи: «Дорогому Сергею Сергеевичу Максиму-ву... Сегодня вспомнился Смоленск... садик... 3 сентября 1952 г.» Почерк отличается от почерка Р. Березова. В надписи, видимо, имеются в виду события 1942 года в Смоленске, когда будущая жена Сергея Максимова Софья помог-

⁹² Березов Р.М. Далекое и близкое: рассказы / [посвящ. И.Д. Англезии]. San Francisco, Cal: Дело, 1952. 116 с.

ла выбраться на свободу не только своему жениху, но и еще несколькими людьми, в том числе Р. Березову⁹³.

Не менее интересна и дарственная надпись Елены Скрябиной⁹⁴ на ее книге «В блокаде: (дневник матери)»⁹⁵: «Многоуважаемому Николаю Сергеевичу от поклонницы таланта Вашего брата Елены Скрябиной 18 июля 1968 г. Мюнхен». В книге-дневнике, подаренной через год после смерти С.С. Пашина, Елена Александровна описывает пережитое ею в пору блокады Ленинграда — она находилась в осажденном городе с матерью и двумя детьми. Потом были эвакуация в Пятигорск, немецкие рабочие лагеря в Польше и Германии, эмиграция в США, где Е.А. Скрябина защитила докторскую диссертацию, стала профессором в Университете Айовы и долгие годы преподавала там русскую литературу.

Бесценным бриллиантом сверкает в коллекции Пашиных маленький поэтический сборник Александра Неймирока⁹⁶, написавшего вверху страницы номер 5 над стихотворением «Правитель»: «Дорогому Ник. Сергеевичу на память и для отклика. Автор. 12–VI–46. Менхегоф». Книга ценна не только автографом поэта, но и сама по себе, как редкое издание, вышедшее в лагере Менхегоф в 1946 году⁹⁷. Предисловие написал первый редактор «Посева» Б.В. Прянишников⁹⁸. На последней странице обложки значится разрешение на печать Военной американской власти в Германии (УНРРА)⁹⁹: «Approved by U.N.R.R.A. Team 505». 23 августа 1945 года Менхегоф перешел в ведение УНРРА, и все печатаемое в лагере проходило проверку. Занималась проверкой Александра Дюмениль, офицер УНРРА, имевшая русские корни и свободно говорившая по-русски¹⁰⁰.

⁹³ См.: Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 195.

⁹⁴ Скрябина Елена Александровна (урожд. Горсткаина, 13 февраля 1904 (по др. свед., 26 февр. 1906), Нижний Новгород – 22 октября 1996, Айова-Сити, Айова, США), мемуаристка, профессор русской литературы. Супруга Константина Дмитриевича Скрябина (1895–1946), двоюродного брата композитора А.Н. Скрябина (25 декабря 1871 / 6 января 1872) – 14/27 апреля 1915).

⁹⁵ Скрябина Е.А. В блокаде: (дневник матери). Iowa City: изд. авт., 1964. 103 с., 1 л. портр.

⁹⁶ Неймирок Александр Николаевич (1911, Киев – 1973, Мюнхен), поэт, член НТС, с 1920 года в эмиграции (сначала в Югославии, затем в Германии), с 1945-го по 1949 год находился в лагере Менхегоф, где участвовал в основании журналов «Посев» и «Грани» и сотрудничал в них. Псевдоним — А. Немиров.

⁹⁷ Неймирок А.Н. Стихи / под ред. Б. Серафимова. Менхегоф: Посев, 1946. 50 с.

⁹⁸ Прянишников Борис Витальевич (21 июля 1902 – 19 июля 2002, Силвер-Спринг, Мэриленд, США), общественно-политический деятель русской эмиграции, журналист и редактор ряда русских зарубежных газет и журналов, основатель и первый редактор журнала «Посев». Литературные псевдонимы — Б.В. Серафимов, А.(В.) Лисовский.

⁹⁹ Аббревиатура по первым английским буквам — United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA), (рус. Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций).

¹⁰⁰ См.: Полчанинов Р. «Посев» и подпольные издания НТС в 1945–1951 гг. // За свободную Россию. 2005. № 65. URL: <https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/r-polchaninov-underground-editions/> (дата обращения: 19.07.2021).

Эта первая книга стихов Неймирока, тираж которой составил не более 100 экземпляров, на сегодняшний день является библиографической редкостью. В библиотеке ДРЗ имеется два экземпляра. Один экземпляр хранится в Российской государственной библиотеке, один — в московском Доме-музее Марины Цветаевой, один — в Библиотеке Университета Северной Каролины (г. Чапел-Хилл, штат Северная Каролина, США) в составе коллекции Андрея Савина¹⁰¹, один — в коллекции Михаила Дроздова (Шанхай), председателя Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом¹⁰².

Неймирок печатался в журнале «Грани». В 1947 году С. Максимов, не разделявший взгляды солидаристов, к которым относился Неймирок, написал о нем критическую статью, после чего главный редактор «Граней» Е.Р. Романов стал отказывать Сергею в публикациях¹⁰³.

В собрании Пашиных есть и другие редкие издания, вышедшие в Германии в конце 1940-х, например: *Черный А.М.* Ослиный тормаз. Мюнхен, 1946; *Пфэртнер М.* Русское путешествие. Гrefенгайнхен, 1944; *Iwanowsky Gr.Al., de.* Бессмертие. Шонбах, 1947. На обороте титульного листа книги А.М. Черного значится разрешение на печать УНРРА: «Approved by UNRRA Team 568». На задней обложке сборника Ивановского «Бессмертие» напечатано: «Printed under permission of Control Branch Military Government for Great Hessen»¹⁰⁴. Издания эти без автографов, но со знаками владельца. В коллекции прослеживается наличие на книгах либо владельческого знака, либо автографа дарителя.

Книжный знак Пашиных — шрифтовой экслибрис круглой формы, выполненный простым конгревным тиснением. Он содержит имя, фамилию и инициалы владельца, между двух окружностей по кругу размещен текст: «EX LIBRIS NIKOLAI S. PASHIN». В центре — инициалы владельца: «NSP». Ана-

¹⁰¹ Савин Андрей Владимирович (1946, Париж – 1999), сын эмигрантов первой волны, коллекционер редких изданий, архивных материалов и документов, имевших отношение к культуре русского зарубежья. С 1972-го по 1979 год работал в книжном магазине «УМСА» в Париже, где основал и затем возглавил букинистический отдел. В 1979 году открыл букинистический магазин «Le Bibliophile Russe». В 2002 году Университет Северной Каролины приобрел его коллекцию, присвоив ей название «Коллекция Андрея Савина». Это собрание содержит свыше 60 000 экземпляров, включая книги, периодические издания, рукописи и другие архивные документы.

¹⁰² Неймирок А. Стихи. Менхегоф, 1946 // Коллекция русского шанхайца: сайт. 2020. URL: <http://russianemigrant.ru/collection/neymirok-aleksandr-stihi-menhegof-1946> (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁰³ См.: Любимов А.А. Между жизнью и смертью. № 254. С. 199.

¹⁰⁴ Отпечатано с разрешения Контрольного отделения Военного правительства Большого Гессена (англ.). Greater Hesse (нем. Groß-Hessen) — временное название части территории Германии, созданной военной администрацией США в конце Второй мировой войны. Образован 19 сентября 1945 года, стал современной немецкой землей Гессен 1 декабря 1946 года.

логичен экслибрис Е.А. Пашиной, отличающийся только текстом: «LIBRARY OF HELEN A. PASHIN», инициалы в центре — «НАР».

Экслибрис Пашин проставлял обычно на титульном листе книги и последней странице с текстом. Исключение составляет книга А. Кторовой «Лицо Жар-Птицы» (Вашингтон, 1969) с экслибрисом только на титульном листе. После смерти Николая Сергеевича так стала действовать и Елена Анатольевна. Например, на книге Георгия Гребенщикова «Чураевы» (Иркутск, 1982) экслибрис проставлен на титульном листе и странице 101. А вот книга А.В. Белинкова «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша» содержит экслибрис и Н.С. Пашина (на титульном листе), и Е.А. Пашиной (на титульном листе и странице 687).

Пашины и сами выступали в качестве дарителей. В библиотеке Дома русского зарубежья есть издание с их дарственной надписью. Это книга С.С. Максимова «Денис Бушуев» (Франкфурт-на-Майне, 1974) из собрания супругов К.П. и М.Ю. Григоровичей-Барских. На форзаце автограф, в котором употреблено дружеское прозвище Константина Петровича Григоровича-Барского — Кот: «Милым добрым друзьям — Марочке и Коту — в память Сережи 8/VII 75 от Коли и Ляли»¹⁰⁵.

Частные книжные собрания являются ценнейшим материалом для изучения личности их владельцев и книжной культуры своего времени. Коллекция Пашиных — яркий образец эмигрантской писательской библиотеки. Это своеобразное отражение истории исхода второй волны, судеб перемещенных лиц в Германии, оказавшихся в США.

¹⁰⁵ *Сережа* — Сергей Сергеевич Пашин (Пасхин); *Коля* — Николай Сергеевич Пашин (Пасхин); *Ляля* — Елена Анатольевна Пашина.

Д.Дж. Махони

ПРИЛИВ СИЛЫ И СВЕТА: АМЕРИКА ВНОВЬ ОТКРЫВАЕТ СОЛЖЕНИЦЫНА

В англоязычном мире возрождается и обновляется интерес к жизни и наследию Александра Солженицына. В статье пойдет речь лишь о некоторой части обширного и разнообразного материала, опубликованного в последнее время, с упором на подходы, что представляются автору наиболее глубокими и плодотворными. Там, где это целесообразно, я ссылаюсь на некоторые неанглоязычные работы, которые помогают прояснить важные обсуждаемые темы.

Возрождение внимания к Солженицыну совпало с публикацией издательством «University of Notre Dame Press» привлекательных и хорошо подготовленных новых изданий — воспоминаний Солженицына о жизни на Западе («Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» в двух томах, где описываются события 1974–1994 годов) и остававшихся непереведенными томов «Красного Колеса», начиная с четырех книг, составляющих Узел «Март Семнадцатого». Предваряя публикацию второго тома «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»¹, существенные выдержки из этой книги появились в ряде периодических изданий — «Claremont review of books», «Hudson review», «American conservative», «New criterion», «National review», «Wall Street journal» и др. Ежедневник «Times Literary Supplement» поместил 7 декабря 2018 года обстоятельную и уважительную рецензию на эти «недавние» (для англоязычного читателя) труды, написанную Стивеном Коткиным, видным биографом Сталина, а в журнале «New York review of books» скоро выйдет сравнимая с рецензией Коткина статья русиста и литератора Гэри Сола Морсона, который сыграл важную и конструктивную роль в нынешнем возрождении интереса к Солженицыну. (Лишь все более «прогрессивная» и политкорректная «Нью-Йорк таймс», делая вид, будто Солженицына никогда не было, не рецензирует и не устаивает упоминаний новые издания книг этого писателя. Ну что ж, так тому и быть.)

¹ См. совсем свежее издание: *Solzhenitsyn A. Between two millstones. 2: Exile in America, 1978–1994 / transl. C. Kitson and M. Moore; Foreword to book 2 by D.J. Mahoney. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2020.*

Несомненно значимым событием стало появление объемной «провокативной» книги Ричарда Темпеста², в который автор задался целью исследовать «художественные миры» Солженицына со всей возможной полнотой. Демонстрируя ясность изложения и эрудицию, Темпест старается показать, как Солженицын использовал многочисленные экспериментальные модернистские приемы, чтобы защитить и оживить реалистическую традицию в литературе — традицию, в которой добро и зло реальны и в высшей степени ощутимы, в которой действуют жизнеподобные персонажи, в которой автор, верный истине, проникнутый сознанием ответственности, мужественно противостоит хаосу и нигилизму новейшей эпохи. Возможно, Темпест отдает слишком большую дань постмодернистской теории, но он вполне сознает причины, по которым Солженицын отвергал «взвопивший», по его выражению, экзистенциализм и модные, но морально и культурно вредоносные доктрины, заявляющие о «смерти автора»³. Солженицын отказывался играть на лире, глядя на горящий Рим.

Из двух капитальных трудов Солженицына — двух огромных «литературных соборов», по выразительной формулировке Жоржа Нива, — в англоязычном мире гораздо лучше знают и выше ценят «Архипелаг ГУЛАГ» (хотя такое положение, возможно, постепенно меняется). Этот труд известен сейчас главным образом по авторизованному сокращенному изданию, подготовленному в 1980-х годах покойным Эдвардом Э. Эриксоном, мл. В «опыте художественного исследования», как метко определил свой труд Солженицын, моральные и политические воззрения писателя выражены наиболее полно. Эти воззрения в конечном счете основываются на безусловном разграничении истинного и ложного и беспощадной критике идеологической Лжи, локализующей зло исключительно в «подозрительных» социальных группах и классах (эксплуататоры и «враги народа» подлежали репрессиям вплоть до физического истребления) и противоположной трезвому и реалистическому взгляду на драму добра и зла, происходящую в каждом человеческом сердце. Если ранние интерпретации этого грандиозного произведения были, пожалуй, слишком узкополитическими, сводящими его единственно или прежде всего к мощной критике бесчеловечного режима и его идеологии (эта критика, бесспорно, мощно представлена в «Архипелаге...» на одном из уровней текста), то позднейшее восприятие книги отличается гораздо большей чуткостью к ее этическим, философским и духовным составляющим.

Автор этих строк, к примеру, следуя по пути, проложенному Джоном Б. Данлопом, уделил особое внимание многообразным способам, которыми Солженицын, философ и поэт, распознает в людях то, что он сам называет

² *Tempest R. Overwriting chaos: Solzhenitsyn's fictive worlds*. Boston: Academic Studies Press, 2019. Глава из книги Р. Темпеста публикуется в наст. изд. — *Ред.*

³ См.: *Tempest R. Overwriting chaos...*, в особенности: Р. 541–555, 572.

светом души, различаемым в лагере «сквозь обезличенную приниженную наружность»⁴. Проскакивающая между людьми «душевная искра» обладает силой, которую способна верно воплотить только литература. Как очень удачно сформулировал в 1970-х годах Данлоп, «Архипелаг ГУЛАГ» — прямо-таки «персоналистское пиршество». Именно они, эти душевные искры, о которых говорит Солженицын, чудесным образом выдержали натиск идеологии. Для Солженицына, как я писал, человеческая натура — на поверку «более мощная сила, чем идеология. А Божья благодать — более мощная сила, чем несовершенная человеческая натура»⁵. Подлинный реализм видит в человеческой натуре не только худшее, но и лучшее, особенно — когда человек открывает себя неиссякаемым источникам совести, Божьему милосердию и благодати.

«Архипелаг ГУЛАГ» теперь снова доступен в Соединенных Штатах в полном первоначальном виде, в трех томах⁶, вышли и два новых издания сокращенного текста, опубликованного Эриксоном в 1985 году⁷. Второе сокращенное издание, подготовленное Наталией Солженицыной для старших классов российских школ, вышло в 2010 году, в 2014-м опубликовано в переводе на французский, а в 2017 и 2019-м вышли два разных (в Португалии и в Бразилии) перевода на португальский. В содержательном предисловии к сокращенному изданию⁸, доступном и в переводе на английский⁹, Наталия Солженицына прекрасно формулирует суть этого труда. Она солидарна с одним из ранних критиков в его попытках определить жанр «Архипелага...»: что это? — историческое исследование? личные мемуары? политический трактат? философское размышление? — нет, скорее — «сплав всех этих жанров, где целое значительнее суммы отдельных его составляющих»¹⁰. В сущно-

⁴ Mahoney D.J. Judging Communism and all its works: Solzhenitsyn's *The Gulag Archipelago* reconsidered // Solzhenitsyn and American culture: The Russian soul and the West / ed. D.P. Deavel and J.H. Wilson. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2020; в особенности: P. 223–227.

⁵ Mahoney D.J. Judging Communism... P. 224–225.

⁶ Solzhenitsyn A. *The Gulag Archipelago, 1918–1956: An experiment in literary investigation* / transl. Th.P. Whitney and H. Willetts. N. Y.: Harper Collins, 2007.

⁷ Solzhenitsyn A. *The Gulag Archipelago, 1918–1956: An experiment in literary investigation* / transl. Th.P. Whitney and H. Willetts; abridged by E.E. Ericson Jr. N. Y.: Harper Collins, 2007; *Idem*. *The Gulag Archipelago, 1918–1956: An experiment in literary investigation* / transl. Th. P. Whitney and H. Willetts; abridged by E.E. Ericson Jr. L.: Vintage, 2018.

⁸ Солженицына Н.Д. Дар воплощения // Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования. Сокр. изд. М.: Просвещение, 2010. С. 5–16.

⁹ См.: Solzhenitsyna N. *The gift of incarnation* / transl. A. Klimoff // Mahoney D.J. *The other Solzhenitsyn: Telling the truth about a misunderstood writer and thinker*. South Bend, Indiana: St. Augustine's Press, 2014; переизд. — 2020. P. 206–230 (Appendix 1). Первая английская публикация (в сокр.): Solzhenitsyna N. *Returning to «The Gulag»* / transl. A. Klimoff // *New criterion*. 2012. Sept. P. 4–12.

¹⁰ Малиа М. Война на два фронта: Солженицын и «Архипелаг ГУЛАГ» // Солженицын: мыслитель, историк, художник: Западная критика (1974–2008). М.: Русский путь, 2010. С. 392.

сти, «Архипелаг ГУЛАГ» — эпическая поэма, воссоздающая великую и непреодолимую драму противоборства между добром и злом в человеческой душе. Все мы должны активно бороться со внешним злом, каковым тоталитаризм был и остается, но превыше всего — наша обязанность противостоять злу в наших собственных сердцах и душах. процитирую самого себя: «Нельзя отрицать, что “Архипелаг ГУЛАГ” — самая мощная антитоталитарная книга из когда-либо написанных. Книга эта политическая в самом благородном и возвышенном смысле слова. Но в конечном счете, как пишет госпожа Солженицына, “Книга эта — о восхождении человеческого Духа, о единоборстве его со злом. Вот почему, закрывая ее, помимо боли и гнева читатель чувствует прилив силы и света”¹¹». ¹². Опыт художественного исследования споспешествует духовному восхождению читателя.

В 2018 году лондонское издательство «Vintage» вновь выпустило текст «Архипелага...», сокращенный Эриксоном, снабдив его новым — ярким и поучительным — предисловием Джордана Б. Питерсона¹³. Питерсон — довольно известная и спорная фигура в Северной Америке. Канадский психолог и университетский преподаватель юнгианской школы, он завоевал множество приверженцев в разных странах, протестуя против принуждения у себя на родине к использованию невообразимо абстрактных, сюрреалистических местоимений и оборотов речи, рьяно насаждаемых сторонниками «гендерной теории». Он, кроме того, автор насыщенных информацией бестселлеров, в которых защищает концепцию личной ответственности от разнообразных интеллектуальных течений и психологических теорий, пропагандирующих культ виктимизации и отрицание человеческой свободы воли. Ненавидимый «прогрессивными» элитами, Питерсон пользуется громадной общественной поддержкой.

Питерсон великолепно характеризует «Архипелаг ГУЛАГ» — «один непрерывный, протяженный крик негодования» — как произведение «парадоксально блистательное, горькое, скептическое и проникнутое благоговением — благоговением перед силой, проявляемой лучшими из нас в худшей из мыслимых ситуаций». Эта нота надежды, нота уверенности в целительной мощи человеческого духа, который открывается для восприятия действительности во всей ее полноте и для Бога, сотворившего и поддерживающего нас, отличает «Архипелаг...» от всех форм нигилизма и отчаяния.

В основе идеологического зла, по мнению Питерсона, лежит сознательный отказ от идей прощения, раскаяния и искупления. Когда человека воспринимают как «непоправимо испорченного самой его классовой принадлежностью, диктующей этическую необходимость его уничтожения», мы по-

¹¹ Солженицына Н.Д. Дар воплощения. С. 14.

¹² Mahoney D.J. Judging Communism... P. 227.

¹³ Далее цитируем предисловие Джордана Б. Питерсона по изданию: London: Vintage, 2018. P. xiv–xxxiii.

лучаем «самое настоящее бракосочетание Ада и Небес»¹⁴. При таком идеологическом смещении действительности «самые темные и губительные из всех возможных мотивов могут получать наивысший моральный авторитет!» Во внедряемой идеологии, как ее описывает Солженицын, Питерсон видит не морально чистое стремление «к братству, достоинству и избавлению от нужды», а высвобождение «смертельной ярости сотен тысяч библейских Каинов, каждый из которых нацелен на то, чтобы замучить, уничтожить, принести в жертву своего личного Авеля». «Другого способа объяснить все эти трупы просто-напросто нет», — совершенно справедливо добавляет Питерсон. Своеобразные и яркие формулировки Питерсона и сделанные им выводы верно истолковывают критику, которой Солженицын подвергает основы идеологической Лжи и ее тиранические — губительные — следствия.

В противоположность идеологическому манихейству, с неоправданной легкостью разграничивающему угнетателей и угнетаемых, Солженицын, как напоминает Питерсон, «углубленно настаивает», что «линия, разделяющая добро и зло <...> проходит через каждое человеческое сердце — и через все человеческие сердца»¹⁵. Мы все потенциальные угнетатели — и в то же время потенциальные жертвы. Даже наилучшие людские побудительные мотивы могут быть загрязнены «завистью, ненавистью и тягой к разрушению».

По ходу дела Питерсон критикует доктрины групповой идентификации, которых сейчас в западном мире великое множество, — будь то идентификация расовая, классовая или «гендерная», — за отрицание *личной* вины и ответственности, за отказ проявить милосердие к тем, кого в одностороннем порядке объявляют угнетателями, и за нежелание увидеть в своем собственном сердце или поступках реальное или потенциальное зло или безнравственность. Этим цензурирующим Тиранам — или тем, кто вполне может ими стать, — остро не хватает смирения и знания самих себя.

Часть работы по обновлению интереса к мысли, творчеству, личности Солженицына в западном мире проделывают слависты — такие как Темпест, — но большую роль здесь играют философы, политологи, теологи, литературоведы — и публичные интеллектуалы, которые либо изначально близки к Солженицыну по мировосприятию, либо обращаются сейчас к его трудам, чтобы обрести руководство для противостояния новым всплескам идеологизированного мышления, политической активности и фанатизма. Важный образец такого рода сочинений — вдохновленная Солженицыным книга Рода Дреера «Жить не по лжи»¹⁶, где автор критикует набирающий

¹⁴ Несомненно, аллюзия на книгу Уильяма Блейка «The marriage of Heaven and Hell» (1793).

¹⁵ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 5. С. 496 (Ч. 4, гл. 1: Восхождение). — Примеч. ред.

¹⁶ Dreher R. Live not by lies: A manual for Christian dissidents. N.Y.: Sentinel, 2020.

силу на Западе мягкий тоталитаризм. Этот бестселлер привлекает к произведениям Солженицына новых читателей.

Лучший из славистов, обративших внимание на Солженицына благодаря появлению новых переводов его произведений на английский язык, — Гэри Сол Морсон из Северо-Западного университета (Northwestern University, Evanston, Illinois). Видный исследователь Толстого, Достоевского и Бахтина, харизматичный педагог (на его обзорный курс классической русской литературы, как правило, записывается порядка восьмисот студентов), публичный интеллигент с отточенным пером, регулярно пишущий на русские темы как для журналов правоцентристского направления («First things» и «New criterion»), так и для более левых «New York review of books», Морсон в последние годы вновь открыл для себя Солженицына и делится своим открытием с осязаемым энтузиазмом.

В великолепной статье «Соборы Солженицына», которая первоначально появилась в «New criterion», а затем была перепечатана в сборнике «Солженицын и американская культура: русская душа на Западе»¹⁷ (к нему я еще вернусь), Морсон дает впечатляющий обзор главных тем и идей «Архипелага...» и «Красного Колеса». «В России, — пишет Морсон, — история слишком важна, чтобы отдавать ее на откуп историкам». Поэтому «Красное Колесо» сосредоточено «на великом поворотном моменте новой российской — да и мировой — истории: на российской революции». Эта революция «положила начало чему-то совершенно новому и неповторимо ужасному» — тоталитаризму. «Архипелаг ГУЛАГ» подхватывает тему там, где заканчивается «Красное Колесо»: «опыт художественного исследования» повествует о том, что происходит, когда бесчеловечная идеология насильственно навязывается народу. В противоположность многим нынешним академическим течениям Морсон недвусмысленно солидаризируется с Солженицыным (и Достоевским, и Толстым) в том, что «великий писатель не может быть легкомысленным и тем более не может быть моральным релятивистом, он должен верить в добро и истину и должен служить им».

На Морсона особое впечатление произвело замечание Солженицына в «Архипелаге...» (Ч. 1, гл. 3: Следствие): «...если бы чеховским интеллигентам, всё гадавшим, что будет через двадцать-тридцать-сорок лет», рассказали о пытках и жестокостях, которым подвергнутся десятки миллионов советских граждан, то «ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом». Сопоставление сочинений Достоевского и Солженицына привело Морсона к выводу: не может быть ни осмысленного сравнения, ни морального равенства между советскими лагерями и каторгой времен империи. Несоизмеримо велика разница в масштабах и жестоко-

¹⁷ Все цитаты из Гэри Сола Морсона взяты из его эссе «Solzhenitsyn's cathedrals» в сборнике: Solzhenitsyn and American culture: The Russian soul in the West. P. 135–147.

сти. Например, советские узники ГУЛАГа постоянно страдали от голода, «и никакой другой писатель так хорошо не описывает голод, как Солженицын». Беглое сопоставление «Записок из Мертвого дома» Достоевского с «Архипелагом ГУЛАГом» Солженицына делает разницу между царской и советской каторгой вполне очевидной.

Морсон останавливается на судьбоносной встрече Солженицына в 1945 году, в начале его срока, с другим заключенным — евреем Гаммеровым. Когда зашла речь о молитве президента Франклина Рузвельта, Солженицын, тогда еще во многом думавший по-советски, высмеял эту молитву, назвав ее проявлением ханжества. Гаммеров не согласился с атеистической догмой: почему, спросил он, «вы не допускаете, что государственный деятель может искренно верить в Бога?». Так забрезжила для Солженицына «великая истина» о верховенстве морали и совести, впоследствии побудившая его вернуться к вере отцов.

На Морсона особое впечатление произвела мысль Солженицына, в которой он увидел главную и сквозную идею всего «Красного Колеса»: «сворот головы налево, обязательный для радикалов [либералов] во всем мире». Отказываясь сотрудничать со Столыпиным — величайшим российским государственным деятелем, — фальшивые либералы, примыкая к революционерам, регулярно подрывали необходимые реформы и отказывались осуждать революционный террор, поскольку не могли себе позволить увидеть каких-либо врагов на левом фланге. «Осудить террор? Никогда! Это была бы моральная гибель партии!..» Так восклицает Петрункевич, патриарх конституционных демократов (кадетов), и Морсон вместе с Солженицыным особо выделяет эти слова. Урок ясен: проблема российских либералов состояла в том, что настоящими либералами они никогда не были. Внимательному читателю должно быть понятно, в каком смысле это приложимо сегодня и к России, и к Западу.

Завершая свое эссе, Морсон пишет, что «в конечном счете “Красное Колесо” — роман не столько политический, сколько антиполитический». Морсон, несомненно, прав, замечая, что «самые умные персонажи книги знают», что сводить все к политической власти — это «прокладывать дорогу к тоталитарной катастрофе». Солженицын, указывает Морсон, безусловно симпатизирует мудрому «звездочету» Варсонофьеву, который в критическую минуту спрашивает себя:

«Пять десятков? шесть десятков? семь десятков лет? надо прожить, чтобы понять, что жизнь общества не сводится к политике и не исчерпывается государственным строем.

Время, в котором мы живём, имеет бездонную глубину. Современность — только плёнка на времени».

По моей оценке, однако, называть антиполитическим грандиозное «Красное Колесо» — «историю, претворенную в драму», по выражению

Алексея Климова, — это все же чересчур. Как написал в блестящей статье, озаглавленной «Солженицын — политический мыслитель»¹⁸, французский политический философ Пьер Манан, Солженицын, писатель и искатель правды, в своем втором великом «художественном исследовании», не будучи ни политическим философом, ни публицистом, ни даже историком как таковым, «мобилизовал некие ресурсы, взятые из всех трех этих дисциплин, особенно из политической истории». Манан справедливо видит в Солженицыне превосходного политического историка, пусть и «любителя» (в лучшем смысле слова), и искусного вожатого, прокладывающего путь к пониманию истинной политической ответственности. Солженицын обрел положение исторически и морально деятельного человека, свободного даже в самых страшных, трагических обстоятельствах. Признавая критическую роль в человеческих делах случая и свободы воли (или осознанного выбора), он продемонстрировал ложность детерминистских представлений об исторической предопределенности.

«Умопостигаемость» истории не означает, что события не могли бы пойти по иному руслу, если бы те же или другие люди принимали более ответственные решения. Чуткость Солженицына к «узлам» — к «определенным промежуткам времени», когда наступает пора «решающих поступков или отказа от них», — еще один пример его обостренного внимания к «политическому, к (свободно избираемому) поведению участников политической жизни, которые, по его мнению, во многом определяют судьбу обществ». Никто, замечает Манан, так сурово не критикует пассивность и малодушие последнего российского царя — хорошего христианина и семьянина, однако «предавшего» тех, кого он перед Богом поклялся защищать. Для Манана Солженицын — убежденный христианин, чуткий к требованиям совести в общественной жизни и в жизни души. Однако «к вопросам политического устройства» Солженицын обращается не как моралист толстовской складки. По великолепному выражению Манана, «он убежден, что существует мораль, присущая политическому устройству, — мораль политической ответственности. Исконный долг участника политической жизни, государя, государственного деятеля — ставить на первое место насущные нужды общего блага и не уклоняться от риска, неотделимого от любой инициативы и от любого использования власти». Манан уловил недостаточно изученную составляющую размышлений Солженицына о политике, морали и повседневной жизни. Эта тема играет первостепенную роль и в моей работе.

В менее специализированной литературе о Солженицыне видна тенденция рассматривать его как решительно христианского, более того — специфически православного писателя и мыслителя. В недавно опубликованном

¹⁸ *Manent P. Soljénitsyne penseur politique // Soljénitsyne et la France: Une œuvre et un message toujours vivants / ed. G. Nivat. P.: Librairie Arthème Fayard, 2021.* Все цитаты из Манана взяты из этого текста.

под редакцией Дэвида П. Дивела и Джессики Хутен Уилсон сборнике статей¹⁹ в посмертную честь Эдварда Эриксона, сделавшего трудом своей жизни вдумчивое разъяснение «моральной философии» Солженицына, этот подход проявляет себя весьма плодотворно. Статьи неизменно вдумчивы, пусть даже некоторые авторы применяют к сочинениям Солженицына такие богословские категории, как *кенозис* и *теозис*, не играющие, по сути дела, большой роли в системе его моральных и художественных взглядов²⁰.

Позиция, выраженная в моих недавних книгах и статьях, ближе к позиции Ричарда Темпеста, который видит в Солженицыне мощного и прозорливого противника большевистского «проекта богоубийства в масштабе страны», человека, мыслителя и писателя, чья вера в Божественное Провидение непоколебимо тверда. Как пишет Темпест, «на том или ином уровне авторского восприятия или веры высшая сила присутствует во *всех* рассказах и романах Солженицына»²¹. И Темпест, и я склонны воздержаться от того, чтобы назвать Солженицына христианским писателем в чистом виде. Но мы оба придаем огромное значение диалогу (напоминающему диалоги Платона и «Три разговора» Соловьева) между Саней Лаженицыным и отцом Северьяном в двух волнующих и поразительно глубоких по мысли главах в начале «Октября Шестнадцатого». Они разговаривают и спорят о гуманистическом искажении христианства у Толстого, о границах пацифизма, о том, почему война — не самый подлый вид зла, о природе истины, о жестоком обращении со старообрядцами, о том, что напрасно «каждое исповедание настаивает на своей исключительности и единственной правоте», и, как пишет Темпест, «мысли, которыми два человека делятся на протяжении дюжины страниц, это явно мысли самого Солженицына»²².

Этот диалог — важнейшее введение в то, что я называю в книге «Идол нашего века» философским христианством Солженицына²³. Солженицын — в одно и то же время и простодушно верующий человек (как драгоценная тетя Ирина, которая помогала его растить в детстве), склоняющий голову перед справедливыми и всевидящими Высшими Силами, и христианин с философским складом ума, без колебаний задающий вопросы и выдвигающий

¹⁹ Solzhenitsyn and American culture: The Russian soul and the West / ed. D.P. Deavel and J.H. Wilson. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2020.

²⁰ См. в особенности: Wood R.C. The distinctively Orthodox character of Solzhenitsyn's literary imagination // Solzhenitsyn and American culture. P. 94–119. См. также содержательное исследование глубокой и мощной критики Солженицыным политизированного атеизма с опорой на Достоевского, выполненное Ли Конгдоном: Congdon L. Solzhenitsyn: The historical-spiritual destinies of Russia and the West. Dekalb, Illinois: NIU Press, 2017.

²¹ Tempest R. Overwriting chaos. P. 26–27.

²² Ibid. P. 420–422.

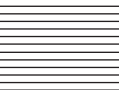
²³ Mahoney D.J. The idol of our Age: How the religion of the humanity subverts Christianity. N. Y.: Encounter Books, 2018. P. 77–90. На этих страницах я довольно подробно рассматриваю диалог между Саней Лаженицыным и отцом Северьяном.

возражения, и приверженец Русской Православной Церкви с ее богатыми духовными традициями. На мой взгляд, следует отдать должное всем трем граням.

Завершу статью еще одним наблюдением Ричарда Темпеста: ключевые фразы, обороты речи Солженицына сейчас широко представлены в публичном дискурсе в Соединенных Штатах²⁴. основополагающая истина «Архипелага ГУЛАГа» — что «линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, — она проходит через каждое человеческое сердце» — известна и его почитателям, и его критикам, на эти слова ссылаются и те и другие. Мало-мальски образованные люди теперь знают, что такое ГУЛАГ и что стоит за этим словом, пусть оно пока еще употребляется не так часто, как холокост или Шoa. И в то время, когда на Западе набирают силу новые формы идеологического фанатизма, все больше и больше защитников традиционных западных гражданских и моральных ценностей вдохновляются страстным призывом Солженицына: «Жить не по лжи!» Для многих на Западе в наши дни Солженицын остается таким же воодушевляющим образцом, каким он был в классическую эпоху идеологии.

Перевод с английского Л.Ю. Мотылева

²⁴ См.: *Tempest R. Overwriting chaos*. P. 5.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ЛАУРЕАТЫ (1998–2019)

1998

Топоров Владимир Николаевич, *филолог*

За исследования энциклопедического охвата в области русской духовной культуры, отечественной и мировой литературы, соединяющие тонкость специального анализа с объёмностью человеческого содержания; за плодотворный опыт служения филологии национальному самопознанию в свете христианской традиции

1999

Лиснянская Инна Львовна, *поэт*

За прозрачную глубину стихотворного русского слова и многолетне явленную в нём поэзию сострадания

2000

Распутин Валентин Григорьевич, *писатель*

За пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни в сращённости с русской природой и речью; душевность и целомудрие в воскрешении добрых начал

2001

Воробьёв Константин Дмитриевич, *писатель (посмертно)*

Носов Евгений Иванович, *писатель*

Двум писателям, чьи произведения в полновесной правде явили трагическое начало Великой войны, её ход, её последствия для русской деревни и позднюю горечь пренебрежённых ветеранов

2002

Бородин Леонид Иванович, писатель

За творчество, в котором испытания российской жизни переданы с редкой нравственной чистотой и чувством трагизма; за последовательное мужество в поисках правды

Панарин Александр Сергеевич, философ

За книги «Реванш истории» (1998) и «Искушение глобализмом» (2000) — с их глубоким осмыслением нового мирового порядка, места в нём России и её ценностного самостояния

2003

Кублановский Юрий Михайлович, поэт, публицист

За языковое и метафорическое богатство стиха, пронизанного болью русской судьбы; за нравственную точность публицистического слова

Седакова Ольга Александровна, поэт, филолог, эссеист

За отважное устремление простым лирическим словом передать таинственность бытия; за тонкость и глубину филологических и религиозно-философских эссе

2004

Бортко Владимир Владимирович, кинорежиссёр

За вдохновенное кинопрочтение романа Ф.М. Достоевского «Идиот», вызвавшее живой народный отклик и воссоединившее современного читателя с русской классической литературой в её нравственном служении

Миронов Евгений Витальевич, артист

За проникновенное воплощение образа князя Мышкина на экране, дающее новый импульс постижению христианских ценностей русской литературной классики

2005

Золотуский Игорь Петрович, критик

За масштабность художественно-критических исследований современной словесности и глубинное постижение гения и судьбы Гоголя; за верность, в независимом поиске, традициям и нравственному достоинству русской литературы

2006

Варламов Алексей Николаевич, писатель

За тонкое исследивание в художественной прозе силы и хрупкости человеческой души, её судьбы в современном мире; за осмысление путей русской литературы XX века в жанре писательских биографий

2007

Бочаров Сергей Георгиевич, литературовед

За филологическое совершенство и артистизм в исследовании путей русской литературы; за отстаивание в научной прозе понимания слова как ключевой человеческой ценности

Зализняк Андрей Анатольевич, лингвист

За фундаментальные достижения в изучении русского языка, дешифровку древнерусских текстов; за филигранное лингвистическое исследование первоисточника русской поэзии «Слова о полку Игореве», убедительно доказывающее его подлинность

2008

Екимов Борис Петрович, писатель

За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка

2009

Астафьев Виктор Петрович, писатель (посмертно)

Писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изувеченных судьбах природы и человека

2010

Янин Валентин Лаврентьевич, археолог, историк

За выдающиеся археологические и исторические открытия, перевернувшие представления о нашей ранней истории и человеке Древней Руси

2011

Чуковская Елена Цезаревна, литературовед

За подвижнический труд по сохранению и изданию богатейшего наследия семьи Чуковских; за отважную помощь отечественной литературе в тяжелые и опасные моменты ее истории

2012

Павлов Олег Олегович, писатель

За исповедальную прозу, проникнутую поэтической силой и состраданием; за художественные и философские поиски смысла существования человека в пограничных обстоятельствах

2013

Амелин Максим Альбертович, поэт, переводчик, издатель

За новаторские опыты, раздвигающие границы и возможности лирической поэзии; за развитие многообразных традиций русского стиха; за обширную просветительскую деятельность во благо изящной словесности

2014

Роднянская Ирина Бенционовна, литературовед

За преданное служение отечественной словесности в ее поисках красоты и правды; за требовательное и отзывчивое внимание к движению общественной мысли на фоне времени

2015

Женовач Сергей Васильевич, театральный режиссер

За преданное служение русскому театру и вдохновенный перевод на язык сцены сокровищ мировой литературной классики; за воспитание зрителей в духе требовательной любви к Театру и Книге

2016

Кружков Григорий Михайлович, поэт, переводчик

За энергию поэтического слова, способного постичь вселенную Шекспира и сделать мир англоязычной лирики достоянием русской стихотворной стихии; за филологическое мышление, прозревающее духовные смыслы межкультурных связей

2017

Енишерлов Владимир Петрович, литературовед

За тридцатилетнее руководство журналом «Наше наследие» со дня его основания; за огромную культурную и просветительскую работу по разысканию и изданию забытых произведений русской словесности и философской мысли; за высокочеловеческие экспертные усилия в деле спасения и сохранения музеев, исторических, архитектурных и природных памятников

2018

Бритвин Виктор Глебович, художник-иллюстратор книги

За выдающиеся по качеству и выразительности иллюстрации к сказкам и мифам народов мира; за глубокое и взволнованное прочтение русской лагерной прозы взглядом художника-графика

Любаев Сергей Викторович, художник-иллюстратор книги

За преданную любовь к литературной классике и ее конгениальное книжное оформление; за богатейший изобразительный язык, превращающий книгу в дизайнерский шедевр

2019

Водолазкин Евгений Германович, писатель

За органичное соединение глубинных традиций русской духовной и психологической прозы с высокой филологической культурой; за вдохновенный стиль художественного письма

ПРЕМИЯ 2020

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына 2020 года решением жюри от 31 января 2020 года присуждена двум выдающимся деятелям культуры —

Наталье Ивановне Михайловой за вдохновенное служение гению русской поэзии Александру Сергеевичу Пушкину; за создание музея Василия Львовича Пушкина;

Сергею Михайловичу Некрасову за многолетнее подвижничество на ниве русской культуры; за создание музея Гавриила Романовича Державина.

Павел Басинский

Борис Любимов

Виктор Москвин

Валентин Непомнящий

Людмила Сараскина

Александр Солженицын

Наталья Солженицына

О лауреатах

Наталья Ивановна Михайлова — главный научный сотрудник Государственного музея А.С. Пушкина, доктор филологических наук, академик РАО, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ, лауреат премии журнала «Наше наследие» им. Александра Блока. Родилась в Москве. Окончила Московский университет им. М.В. Ломоносова. Кандидатскую диссертацию посвятила прозе А.С. Пушкина, докторскую — теме «А.С. Пушкин и ораторская культура его времени». В книгах Н.И. Михайловой «Собрание пестрых глав» (М., 1994, 2-е изд. — М., 2009), «Витийства грозный дар» (М., 1999), «Бумажный амур» (М., 2005), «А.С. Пушкин. Московские сюжеты» (М., 2013) нашел свое место дядя поэта

В.Л. Пушкин. Статьи о В.Л. Пушкине и А.С. Пушкине печатались в научных и научно-популярных изданиях (более 400 статей). В.Л. Пушкину посвящены книги Н.И. Михайловой «Парнасский мой отец» (М., 1983), «Поэма Василия Львовича Пушкина “Опасный сосед”» (М., 2005, 2-е изд. — СПб., 2011), «Василий Львович Пушкин» (М., 2012. Серия ЖЗЛ). В «Онегинской энциклопедии» (в 2 т. М., 1999–2004), где Н.И. Михайлова была руководителем издательского проекта и автором около 100 статей, ее любимой статьей была статья «Дядя».

Дом-музей В.Л. Пушкина на Старой Басманной открылся 6 июня 2013 года — в день рождения А.С. Пушкина. Во время пребывания в нем дяди Пушкин неоднократно бывал в этом доме, его здесь любили и радушно принимали. Недалеко отсюда он родился — в доме на перекрестке Госпитального переулка и улицы Малой Почтовой. Именно к своему «парнасскому отцу» поэт приехал сразу после ссылки в 1826 году. Василий Львович был известным литератором и стихотворцем. Его произведение «Опасный сосед» столичные жители переписывали вручную. Он был весьма образованным человеком, в совершенстве владел французским — первый перевел стихи племянника, издал в Париже русские народные песни. В его доме бывали выдающиеся люди того времени — князя Вяземский и Шаликов, барон Дельвиг, Адам Мицкевич, Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков и др.

Сергей Михайлович Некрасов — директор Всероссийского музея А.С. Пушкина. Родился 4 сентября 1947 года в г. Пушкин Ленинградской области. Историк, культуролог, сценарист. Доктор культурологии, профессор. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2005). Член Союза кинематографистов и Союза российских писателей. Член Пушкинской комиссии Российской академии наук. Почетный гражданин города Пушкин. Автор 20 книг и многочисленных статей по проблемам музееведения, истории русской культуры и общественной мысли XVIII — начала XIX века. В течение 20 лет в странах Европы и США, в частных собраниях потомков лицейстов сумел обнаружить многочисленные рукописные и изобразительные материалы, свидетельствующие о жизни лицейского зарубежья. Они легли в основу таких книг, как «Куда бы нас ни бросила судьбина», «Лицейская лира», а впоследствии были представлены в появившемся к 200-летию Императорского Царскосельского лицея издании «Лицейская энциклопедия», ответственным редактором, автором предисловия и ряда статей которой является С.М. Некрасов. Автор сценариев более 30 научно-популярных кино- и телефильмов, телевизионных программ, посвященных А.С. Пушкину, его современникам и потомкам, Царскосельскому лицей и его воспитанникам.

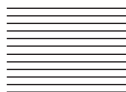
В монографии С.М. Некрасова «Музей Г.Р. Державина и русской словесности его времени» изложены основные принципы реконструкции держав-

винской усадьбы и создания на ее основе музея. С 1988 года по инициативе С.М. Некрасова была начата работа по созданию Державинского музейно-культурного центра на набережной Фонтанки, 118 и создан уникальный Музей Г.Р. Державина и русской словесности его времени, стали проходить ежегодные Праздники русской поэзии XVIII века и традиционные научные конференции «Державинские чтения», а в 1994 году в курдонере державинского особняка был установлен бюст Г.Р. Державина.

ОТ ОРГКОМИТЕТА

Церемония вручения премии была намечена на 28 апреля 2020 года, но была отложена ввиду ограничений, связанных с пандемией. Оргкомитет премии планирует провести церемонию награждения лауреатов 2020 года весной 2022 года в Москве, в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Имя следующего лауреата жюри предполагает объявить весной 2023 года.

Е.Я. Жукова, Г.А. Тюрина

СОЛЖЕНИЦЫНЫ И ЩЕРБАКИ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ К ИСТОРИИ СЕМЬИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

«Они выехали из станицы прозрачным зорным утром, когда при первом солнце весь Хребет, ярко белый и в синих углубинах, стоял доступно близкий, видный каждым своим изрезом, до того близкий, что человеку непривычному помнилось бы докатить к нему за два часа»¹. Большой Кавказский хребет, царственный повелитель юга России, суровый край земли — гигантский магнит, притягивающий к себе взоры поэтов и писателей разных эпох. В эпопее «Красное Колесо» описание *сверхмыслимого Хребта и звенящей, вспархивающей, щебечущей степи* служит прологом Повествования об исторической катастрофе начала XX века². Картины исчезнувшей мирной крестьянской жизни Солженицын воссоздает через историю своей семьи, вплетая в многообразие связанных с разными персонажами сюжетов рассказы о судьбах своих родных. Прототипы братьев Лаженицыных, членов семейства Томчаков, соседей Мордоренко — «ближний круг» автора, с которого он начинает движение Повествования. Действие первых глав разворачивается на хуторе в Сабле, где родился и жил отец писателя, в экономии деда по материнской линии под Армавиром. На протяжении всех четырех Узлов семейная история продолжается, не растворяясь в круговерти «больших» событий. Все «биографические» главы, в особенности посвященные московской встрече Сани и Ксении в «Апреле Семнадцатого», отличает особая интонация — вслед за «общим памятником всем замученным и убитым»³ Солженицын создал еще один литературный монумент — своей семье, разделившей судьбу страны в самые страшные ее годы.

¹ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 1 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 7. С. 11.

² О символической наполненности зачина «Красного Колеса» см.: Немзер А.С. Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения. М.: Время, 2019. С. 300–303.

³ Так назвал Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ». См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 4. С. 12.

На долю родных писателя выпали, кажется, почти все испытания того времени: война, разорение созданных собственным трудом хозяйств, нищета, ссылка, гибель в тюремных стенах... Но не только: по прошествии десятилетий, уже давно покойные, эти люди снова стали гонимыми, разделив судьбу своего потомка. В годы запрета Солженицына в Советском Союзе его деды и родители стали объектом спекуляций «агитаторов», всеми силами старавшихся дискредитировать и опорочить писателя⁴. Вместе с его книгами уничтожалась и память о нем и его семье: в 1970-х стерт с лица земли дом, в котором он родился⁵; архивные документы, имеющие хоть какое-то отношение к писателю, были отправлены в спецхран и оставались засекреченными до самого последнего времени. Восстановление семейной истории стало главным направлением изысканий сотрудников Музея Александра Солженицына в Кисловодске — экспозиция, посвященная корням писателя на Ставрополье, развернута в мемориальных стенах дома Марии Захаровны Гориной (урожд. Щербак)⁶.

В настоящем обзоре представляем лишь общие контуры этой работы: корпус документов, выявленных за последние годы, огромен, а подавляющее большинство материалов не известно специалистам. Помимо уже обозначенной причины — намеренного утаивания документов — есть еще одна, обусловившая их долгую недоступность для исследователей: состояние соответствующих архивных фондов. Значительная доля документов Ставрополья XIX — начала XX века утрачена в годы Гражданской и Великой Отечественной войн; то, что не погибло, перемещалось в центральные государственные архивы; какая-то часть рассредоточилась по местным хранилищам — зачастую совершенно непредсказуемо. Так, несколько исповедных росписей селения Сабли Пятигорского уезда Ставропольской губернии⁷ XIX века (источник знаний о роде Солженицыных) оказались в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве, а уцелевшие метрические книги Космодамиановской церкви (не более десяти за все позапрошрое столетие) находятся в Государственном архиве Ставропольского края.

⁴ Впервые «информацию» о семье Солженицына напечатал журнал «Штерн» в 1970 году, материалы об этой публикации присутствуют в сборнике документов ЦК КПСС «Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне» (М., 1994). Ложь и наветы на своих дедов и родителей в очередной агитке, инспирированной КГБ, Солженицын разоблачил в 1979 году в статье «Сквозь чад».

⁵ Дом находился в Кисловодске, на Шереметьевской улице, 3.

⁶ Информационно-культурный центр «Музей А.И. Солженицына» в Кисловодске — филиал Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля.

⁷ С 1832 года станица Саблинская подчинена военному ведомству: сначала Хоперскому, а затем 1-му Волгскому полку Кавказского линейного казачьего войска, потом приписана к Терскому казачьему войску. Гражданский статус село Саблинское получило в 1873 году, войдя в состав Александровского уезда Ставропольской губернии. См.: Административно-территориальное устройство Ставрополья с конца XVIII века по 1920 год. Ставрополь, 2008. С. 605.

Это лишь малые, случайные «осколки» архива канцелярии Владикавказской епархии, к которой принадлежала эта местность до революции (епархия до конца XIX века подчинялась Грузинскому экзархату). Такими же рассеянными крупными собирается история хозяйствования дедов писателя, Солженицына и Щербака. Так, подробное описание экономики Захара Федоровича Щербака с планами и размерами строений, составленное в 1909–1913 годах страховым обществом в Ростове-на-Дону, обнаружилось в Центральном государственном архиве города Москвы. Лишь счастливой случайностью можно объяснить сохранность части архива женской гимназии А.Ф. Андреевой в Государственном архиве Ростовской области (в середине 1960-х множество дореволюционных документов были списаны из фондов ГАРО в связи с истечением 50-летнего срока хранения). На этом фоне вполне благополучной представляется ситуация со студенческими и военными документами Исаакия Солженицына, в значительном объеме выявленными в историческом фонде Московского университета и центральных военных архивах. Определение круга хранилищ, где могут находиться документы по истории семьи Солженицына, — еще не решенная до конца задача.

На сегодняшний день постоянная поисковая работа проводится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)⁸, Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Российской государственной библиотеке (РГБ), Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы) (Москва), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российской национальной библиотеке (РНБ) (Санкт-Петербург), Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) (Ставрополь), Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), Архиве Южного федерального университета и Донской государственной публичной библиотеке (Ростов-на-Дону), Архивном отделе администрации города Армавира (Армавир), Государственном архиве Запорожской области (Запорожье). Очевидно, список должен быть продолжен.

Нет нужды оговаривать, что подавляющая часть фондов инвентаризована в самом общем виде, а потому выявление искомых документов предполагает сплошной просмотр. Так, в уже упомянутом ставропольском архиве документы, в которых присутствуют имена Солженициных и Щербаков, обнаружены в фондах Ставропольской духовной консистории (Ф. 135), Ставропольской губернской чертежной (Ф. 299), Ставропольского окружного суда (Ф. 398), Ставропольской казенной палаты (Ф. 459) и др. Зачастую «встреча» с важнейшими источниками происходит случайно. Так, исключительно важным оказалось освоение Архивного отдела администрации города Армавира (Краснодарский край): в этом учреждении, призванном обслуживать

⁸ Новым выявлением в ГА РФ посвящена публикация в данном выпуске «Солженицынских тетрадей». См. с. 176–242 наст. изд. — *Ред.*

сегодняшние нужды населения и не имеющем специального исторического фонда, сохранились как дореволюционные церковные книги («забытые» при перемещении части фонда в центральный архив края в Краснодаре), так и документы 1919–1920-х годов. В их числе — относящиеся к селению Кубанскому (в советское время Новокубанскому), вблизи которого находилась экономия Щербака. В ходе просмотра выявлен, в частности, перечень «живого и мертвого инвентаря» хозяйства Щербаков, составленный в 1920 году, когда отнятая экономия со всеми службами ставилась на учет канцелярией утвердившейся в крае власти⁹. Изучение материалов Новокубанского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов позволило выявить множество дореволюционных документов, которые в условиях отчаянного дефицита бумаги использовались как писчий материал для ведения делопроизводства: советские декреты и постановления выписывались на оборотах счетов, расписок, свидетельств предшествующей исторической эпохи — в новой реальности иной ценности они не имели. Среди таких «оборотов» — бланки столичных и местных банков, торговых ведомств, страховых контор с автографами местных предпринимателей и землевладельцев, в том числе — персонажей «Красного Колеса». (Есть и персоналии неожиданные, однако в нашем сюжете не случайные: например, братья Нобели, ведшие дела со здешними предпринимателями.) Самые красивые «оборотки» — документы барона Штейнгеля, чьи поместье и заводы были образцами для подражания менее именитых хозяев¹⁰ (делопроизводство у Штейнгеля велось на прекрасной бумаге с водяными знаками и типографской печатью, выполненной с большим вкусом, — свободного места на таких бланках оставалось много, так что из одного «старого» документа выходило по нескольку советских постановлений). По примеру Штейнгеля фирменные бланки (поскромнее) имели и братья Николенко, чьи лошади, в полном соответствии с текстом «Красного Колеса», были победителями

⁹ Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 33. Ведомость учета имущества, инвентаря и скота в имениях бывших помещиков волости за 1921 год. Л. 3, 3 об.

¹⁰ Штейнгель Владимир Рудольфович (1871–1927), сын Рудольфа Васильевича Штейнгеля (1841–1892), инженера, строителя нескольких железных дорог, в том числе Владикавказской. Имение Владимира Рудольфовича «Хуторок» было крупнейшим на Кубани: площадь составляла 20 тысяч десятин, численность построек превышала 600, функционировали водопровод, канализация и телефонная связь. Винокурный и кирпичный заводы, пекарня, конюшня, тысяча голов крупного рогатого скота, стадо овец-мериносов и пасека обеспечивали ежегодный оборот в 3 миллиона рублей. В 1900 году «Хуторок» был участником Всемирной Парижской выставки, получил большую золотую медаль за общее ведение хозяйства. Штейнгель много занимался благотворительностью, в частности построил единственную в округе больницу, был главой Общества попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа. В 1920 году арестован, вскоре отпущен. Смог уехать в Париж, где и умер. О нем см.: Головин П.А. Бароны фон Штейнгель в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект, XVIII–XX вв. СПб.: МАЭ РАН, 2014. Вып. 8. С. 279–314.

престижных европейских скачек¹¹, — чистые оборотные стороны их счетов были весьма востребованы в 1920-х. Захар Щербак тоже присутствует в этой истории, его собственноручная «неграмотная» подпись встречается на нескольких расписках и счетах, использованных в качестве «оборотов», при этом исходные документы значительно повреждены. Так, не удается воссоздать весьма любопытный отчет о трате средств на нужды некоего опекаемого лица, от старой расписки осталась лишь одна строка с итогом и подписями: «Деньгами наличными на руках 44 рубля 23 копейки. В остатке после дополнительных получений и расхода имеются на лицо 4977 рублей 66 копеек. Опекуны *Прокофий Николенко и Захар Щербак*»¹².

Диссонанс лицевой и оборотной сторон этих документов оглушает: корявые, безграмотные, зачастую буквально «нацарапанные» предписания новой власти разместились на обрывках и клочках стремительно ушедшей в небытие цивилизации искусных писарей-каллиграфов и любящих свое дело предпринимателей. Постановления об аресте барона Штейнгеля или регулярном взятии в заложники многочисленных членов семьи Николенко в 1920 году зафиксированы на оборотах их же деловых документов прежних лет. Захар Щербак оставил свою экономию, не дожидаясь, пока семью возьмут в заложники. Его сахарный завод и цех по производству кирпича были быстро взяты в оборот новыми хозяевами¹³.

Нет нужды говорить о важности этих открытий для создания документированной хроники рода писателя (и сегодня терпящего нападки «оппонентов», бессовестно искажающих факты).

Весьма важна соотнесенность обнаруженных документов с текстом «Красного Колеса». Сегодня мы располагаем автографами Захара Федоровича Щербака, его сына Романа и невестки Ирины, дочери Таисии, ее наставницы Александры Федоровны Андреевой и старшей подруги Евгении Николаевны Федоровской, собственноручными фронтовыми донесениями Исаакия Сол-

¹¹ История семьи Николенко похожа на историю Щербаков: обе принадлежали к числу «тавричан-овцеводов», осваивавших Ставрополье в конце 1860-х. Время было весьма благоприятное — завершена крестьянская реформа, кончилась Кавказская война, принят ряд законов, в том числе «Указ о дозволении русским подданным невоинского сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» (1868). Овцеводство, скотоводство и разведение лошадей приносили Николенко колоссальную прибыль, которая вкладывалась в новые виды сельскохозяйственного производства. В «Красном Колесе» представлена одна из нескольких семей рода Николенко (в тексте — Мордоренко): вдова и сыновья Фомы Акимовича. О них см.: *Жданова Л.А.* «Не выпустить из рода Николенкова»: неизвестные страницы биографии купцов-благотворителей Николенко // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 813–817.

¹² Архивный отдел администрации города Армавира. Ф. Р–58. Оп. 1. Д. 34. Л. 131 об.

¹³ Как и производственные мощности их соседей. Примечательно, что все эти заводы и цеха продолжают работать по сей день: конезавод Николенко под советским названием «Восход» является главной местной достопримечательностью (не функционирует сейчас только винокуренный завод Штейнгеля, неудачно перепроданный в начале 2000-х).

женицына. Почти ничего из этого Александр Солженицын во время работы над эпопеей не видел. Главным источником семейных глав были для него рассказы матери и тети Иры, а также собственные детские впечатления¹⁴. При этом детали семейной истории, представленные в эпопее, подтверждаются документами поразительно точно. Да и характеры персонажей просматриваются в автографах их прототипов: в широкой, не вмещающейся в границы-линейки, подписи Захара Федоровича; в летящем, «быстроногом» почерке юной Таисии; в строгой «учительской» манере письма Андреевой; в прямой, величественной подписи Ори. Исследователю, который возьмется за изучение этих документов в сопряжении с текстом «Красного Колеса», обеспечены годы творческой работы. Здесь мы ограничимся характеристикой лишь нескольких источников, расширяющих знания о самом начале этой истории, *ad fontes*.

«Дед Ефим, когда жив был, рассказывал, что на его пращура Филиппа напустился царь Пётр — как смел поселиться инде без спросу, и выселил, и слободу их Бобровскую сжёг, так осерчал. А дедова отца сослали из Воронежской губернии сюда за бунт, несколько их было, тех мужиков, однако тут кандалов не надели, и не в солдатское поселение, и не под крепость, а распустили по дикой закумской степи, при казачьей Старой линии, и так они жили тут, никто никому, не жались по безземелью, на полоски степь не делили, где пахали-сеяли, а где гоняли на тачанках да стригли овец. Окоренились»¹⁵.

Выстроенная по документам генеалогическая цепочка предков писателя по линии отца достигает середины XIX века. По-видимому, именно в это время «дедов отец» был выслан из-под Воронежа в область Кавказской линии — эта местность с конца XVIII века заселялась отставными военными¹⁶. В 1830–40-х годах к этому контингенту добавились крестьянские семьи из средней России. Село Саблинское с 1832 года входило в Пятигорский округ Кавказского линейного войска и до 1873-го числилось по военному ведомству (впоследствии приобрело гражданский статус и вошло в состав Александровского уезда Ставропольской губернии¹⁷). В сохранившихся исповедных росписях Космодамиановской церкви Саблинского за 1828-й и 1830 годы фамилия Солженицыных не встречается¹⁸. Самое раннее ее упоминание — в исповед-

¹⁴ Воспоминания Солженицына о детских годах недавно опубликованы: Солженицын А.И. Детство // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 5–34.

¹⁵ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 1. С. 23.

¹⁶ Система пограничных укреплений русских войск до конца XIX века. Солженицын называет ее «Старой линией» — так именовались первые форпосты, основанные по приказу Екатерины II А.В. Суворовым.

¹⁷ См. выше. примеч. 7.

¹⁸ РГВИА. Ф. 14877. Исповедные росписи. Оп. 1. Д. 5159.

ной росписи за 1848-й (РГВИА); заголовок документа: «Ведомость Пятигорского округа 1-го вольного казачьего полка станицы Саблинской Космодамианской церкви обретающимся при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людям, со изъявлением против коегождо имени о бытии их в Святую Четыредесятницу у Исповеди и Святых Таин причастия, и ктож исповедался токмо, а не причастился, и ктож не исповедался в 1848 году»¹⁹.

В ведомости, подписанной священником Петром Пономаревым и диаконом Михаилом Пасевкиным, зафиксированы 156 дворов казаков: 515 мужчин и 442 женщины, 214 детей. Среди поименованных — 43-летний Ефим Устинович Салжаницын²⁰, его жена Марья Игнатовна и двое сыновей, Федот и Гаврил.

Число (порядковые номера)			Казачьего звания	Лет от рождения		Показания действа		
Домов или дворов	Людей			Мужеска пола	Женска пола	Кто были у исповеди и Святого Причастия	Ктож исповедались только, а не причастились, и за каким винословием	Которые у исповеди не были
	Мужеска пола	Женска пола						
29 ²¹	107		Ефим Устинов Салжаницын	43		Исповедовались и причащались Святых Таин		
		109	Жена его Марья Игнатова		33			
	108		Дети их Федот	13				
	109		Гаврил	8				

Сын Семен, будущий дед Александра Солженицына, родился в 1850-м. Это следует из наличествующей в том же фонде РГВИА исповедной росписи Саблинского за 1854 год — кроме четырехлетнего Семена, в составе семьи Ефима Устиновича в этом документе прибавилась жена старшего сына Федота²².

Примечательно, что и в последующие годы сыновья со своими женами и детьми фиксируются в исповедных росписях как члены одной семьи с Ефи-

¹⁹ Там же. Д. 706. Л. 363.

²⁰ Этот вариант написания фамилии наиболее часто встречается в документах XIX века. Другие варианты: Салженицын, Саложеницын, Салжаникин. Солженицыным Александра Исаевича записали при получении паспорта.

²¹ Здесь и далее в текстах документов на типографских бланках сведения, вписанные от руки, выделены курсивом.

²² РГВИА. Ф. 14877. Исповедные росписи. Оп. 1. Д. 2048. Л. 963.

мом во главе, т.е. живут вместе, одним двором. В 1861 году семья Салжаницына прирастает дочерью Ефима — Агриппиной, детьми Федота — Натальей и Дионисием, женой Гаврила — Прасковьей²³.

Отец писателя, Исаакий Семенович Салжаницын (1891–1918), родился в той же станице. Свидетельство о рождении, выданное ему для поступления в Харьковский университет в 1911 году, сохранилось в архиве А.И. Солженицына и уже публиковалось²⁴. Ныне выявлен первоисточник — метрическая книга, «данная из Ставропольской духовной консистории причту Космодамиановской церкви села Саблинского Ставропольской губернии для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1891 год», из которой была сделана выпись для свидетельства²⁵.

Не решенным до конца остается вопрос, где именно располагалось хозяйство Солженицыных: проживая в Сабле на протяжении нескольких десятилетий, они арендовали разные участки земли, несколько строений для организации торговли и т.д. Важным источником для уяснения этого вопроса являются карты, которые регулярно составлялись для нужд соответствующих ведомств. Среди «Циркуляров управления межевой частью Департамента государственных имуществ» обнаружена карта Ставрополя, представляющая для исследователей «Красного Колеса» особый интерес: она была составлена в 1913 году для обозначения распределения землеустроительных работ. Имеющиеся на карте пометы свидетельствуют о том, что для этих целей она же использовалась и в 1916-м. Путь, который проделал Саня Лаженицын в августе 1914-го на минераловодский вокзал, восстанавливается по этому источнику с детальной точностью.

Масштаб хозяйственной деятельности Солженицыных в полной мере пока определить не удастся: связанных с ней документов найдено очень мало. Так, нет свидетельств, что Солженицыны владели земельными участками, по-видимому, они арендовали наделы у более состоятельных родственников. Наемных рабочих не имели, обходились силами семьи (в работах проходили и летние студенческие каникулы Исаакия Солженицына). При этом оборот средств Семена Ефимовича Салжаницина в «Алфавите плательщиков раскладочного и процентного сборов с прибыли Александровского раскладочного присутствия за 1909 год» составляет 12 000 рублей (больше, чем у других лиц, присутствующих в этом списке)²⁶. По воспоминаниям нынешних жителей села Саблинского, главным занятием Солженицыных было животноводство — селекционная порода гусей, выписанная ими для разведения и

²³ РГВИА. Ф. 14877. Исповедные росписи. Оп. 1. Д. 3711. Л. 1034 об.

²⁴ См., напр.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ имени А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014]. М.: Русский путь, 2013. С. 54–56.

²⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1209. Л. 21 об., 22.

²⁶ Там же. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4596. Л. 119 об, 120.

продажи, и сегодня является гордостью здешних мест (вместо научного названия используется укоренившееся в народе «гуси Солженицына»).

Гораздо большая ясность достигнута в отношении другого деда Солженицына, Захара Федоровича Щербака (1858/1859–1932)²⁷. Помимо уже упомянутых «обрывков» свидетельств в армавирском архиве, выявлен весьма презентативный корпус документов, освещающий жизнь его семьи с момента переселения на Ставрополье. Самая ранняя выявленная запись датирована 1845 годом: в метрической книге Вознесенской церкви селения Ново-Николаевки Мелитопольского уезда Таврической губернии дед Захара Федоровича, государственный крестьянин Семен Щербак (ум. не ранее 1852), указан как восприемник при крещении своего односельчанина. В Ставропольскую же губернию первым перебрался его сын, Федор Семенович (1828(?) – 1908). Об этом свидетельствует документ, датировка которого определяется сопоставлением с другими источниками довольно широко — середина 1860-х – конец 1870-х годов. «Вопросные листы о поселениях, расположенных на землях, не входящих в состав сельских обществ»²⁸ Третьего стана Ставропольского уезда сообщают, что крестьянин Мелитопольского уезда Таврической губернии Федор Семенович Щербак вместе с тремя другими лицами арендовал 500 десятин пахотной земли у ставропольского купца Попова в Безопасненской волости Ставропольского уезда.

Ныне мы располагаем данными о дальнейших передвижениях Федора Семеновича и его самого активного сына Захара Федоровича по Ставрополью. Основной источник — объявления о купле-продаже (или дарении) земли и недвижимого имущества в периодическом издании «Санкт-Петербургские Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам». В 1879–1915 годах здесь опубликованы 25 объявлений о земельных сделках Щербаков, которые постоянно осваивали новые виды сельскохозяйственного производства. В 1880-м крестьянин Федор Семенович Щербак купил более 750 десятин земли в Баталпашинском уезде Кубанской области²⁹. В 1888-м он продал часть этого участка и купил 785 десятин в Лабинском отделе Ново-Михайловской волости, в 1890-м купил постройки в селе Армавире (в 1895 продал), в 1901 году распределил свою собственность между дочерью Матреной и детьми рано умершего сына Лукьяна³⁰, в 1908 утверждено его завещание³¹. Его сын Захар Федорович начинает самостоятельную деловую жизнь в 1894 году — покупает 2061 десятину земли в Прасковейском уезде Ставропольской губернии, возле

²⁷ До настоящего времени существовала лишь одна научная статья на эту тему: Гангур Н.А., Жданова Л.А. Кубанское имение пятигорского купца З.Ф. Щербака: историко-культурный экскурс // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4. С. 7–13.

²⁸ ГАСК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1772. Л. 372.

²⁹ Санкт-Петербургские Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. СПб., 1879–1882. С. 254.

³⁰ Там же. Июль, август, сентябрь 1902. С. 375.

³¹ Там же. Январь, февраль, март 1909. С. 183.

селения Маслов Кут (в 1905-м продал)³². В 1904 году совместно с крестьянином Н.Я. Омельяненко (о нем никаких сведений установить не удалось³³) покупает 6036 десятин земли в том же Лабинском отделе по реке Кубани — то самое место, где вскоре вырастет экономия, описанная в «Красном Колесе»³⁴. В 1911-м Захар Федорович дарит своему сыну Роману 214 десятин земли. В том же году Роман Захарович приобретает с торгов еще 200 десятин в том же районе близ Гулькевичей — вероятно, у одного из своих двоюродных братьев Лукьяновичей. В 1911-м и 1913-м Захар Федорович дважды покупает плановые места в Армавире.

Армавир в те годы, хоть и значась в документах «селом», был значимым промышленным и торговым центром (об этом можно получить представление, читая местную периодическую печать, в частности газеты «Отклики Кавказа», «Голос Кубани» и др.). Именно в Армавире родилась и была крещена Таисия Захаровна Щербак (1894–1944). Об этом свидетельствует метрическая книга Николаевской церкви за 1894 год: 7 октября родилась, а 11-го крещена, родители — «крестьянин Захар Федоров Щербак и законная жена его Евдокия Григорьевна, оба православные, восприемники — Владимир Трофимов Прозоров и мещанская жена Матрона Александрова Лисоконенко»³⁵.

«Официальный» переезд семьи Щербака из Таврической губернии на Ставрополье состоялся в 1903 году. Соответствующая документация выявлена в деле «О причислении крестьянина Захара Федоровича Щербака в купцы 2 гильдии города Пятигорска» в фонде Ставропольской казенной палаты³⁶. В деле несколько документов:

- 1) прошение З.Ф. Щербака в Ставропольскую казенную палату о принятии в купеческое сословие,
- 2) увольнительная из Таврической губернии,
- 3) определение Министерства финансов Ставропольской казенной палате о взыскании пошлины за делопроизводство,

³² Санкт-Петербургские Сенатские объявления... Июль, август, сентябрь 1894. С.9 32.

³³ Все же сделаем предположение, что этот человек тоже был выходцем из Ново-Николаевки Мелитопольского уезда (в метрических книгах эта фамилия встречается неоднократно). После отмены крепостного права осваивать плодородные земли Ставрополья отправилась чуть не половина этого села.

³⁴ В заметке об этой сделке указано, что землю продали вдова генерал-майора графиня А.А. Граббе и графы Д.М. и П.М. Граббе. См.: Санкт-Петербургские Сенатские объявления... Январь, февраль, март 1905. С. 121.

Этот факт был известен автору «Красного Колеса»: «Когда Томчак вместе с Чепурным покупали в Петербурге у братьев-графов Граббе шесть тысяч десятин кубанской земли — размахнулся Захар Томчак: “Угостим графьев? Да нэ як вони угощають, дрэбэдэнькой”, — но чем же именно угощать, так и не мог придумать в ресторане Палкина, а велел нести побольше да подороже» (Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 1. С. 34).

³⁵ Архивный отдел администрации города Армавира. Ф. 55. Оп. 1. Д. 5. Л. 108 об., 109.

³⁶ ГАСК. Ф. 495. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–10.

4) сношение с Таврической казенной палатой, к которой Щербак был прикреплен прежде,

5) резолюция о принятии Щербака в пятигорские купцы со второй половины 1903 года,

6) рапорт МВД от 1 сентября 1903 года о выполнении резолюции,

7) расписка З.Ф. Щербака в получении документов.

Не приводим эти документы полностью — они содержат многочисленные повторы: в феврале 1903 года Щербак получил у Пятигорской городской управы промысловое свидетельство на торговое предприятие 2-го разряда, в связи с чем ему было выдано купеческое свидетельство 2-й гильдии³⁷, и потому он получил право просить перевести его из таврических крестьян в пятигорские купцы.

По запросу Ставропольской казенной палаты было выправлено «Увольнительное свидетельство»³⁸:

«Настоящее увольнительное свидетельство выдано от Терпеньевского волостного старшины, Мелитопольского уезда Таврической губернии, крестьянину села Ново Николаевки Терпеньевской волости Захару Федорову Щербаку 44 лет в том, что на перечисление его с женою Евдокией Григорьевной 43 лет и детьми Романом, родившимся 18 ноября 1881 года и Таисией 9 лет в общество купцов города Пятигорска Терской области препятствий не имеется; статья 134 общего положения о крестьянах выполнена в точности и в назначенный срок, никаких заявлений о препятствии к увольнению никем не сделано. Увольняемый под судом и следствием не состоит и требования 130 статьи общего положения им выполнены.

Вышеизложенное подписью и приложением печати свидетельствую. 1903 года мая 31 дня.

Волостной старшина Мелешко»

Об успешном окончании дела свидетельствует расписка, написанная от имени Захара Щербака рукой писаря Стародубского волостного правления Прасковейского уезда (место жительства семьи Щербака в то время).

«Расписка»³⁹

1903 года августа 31 дня. Я, нижеподписавшийся, даю настоящую расписку Стародубскому волостному правлению в том, что предписание Ставропольской казенной палаты от 21 августа с/г за № 32324 о причислении меня с семейством со 2-й половины 1903 года в число купцов 2-й гильдии города Пятигорска мне сего числа объявлено, а также получено мною на руки и свидетельство за № 162, в том и подписуюсь,

2-й гильдии купец города Пятигорска *Захар Щербак*»

³⁷ ГАСК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3521. Л. 6, 6 об.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ ГАСК. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3521. Л. 10.

Подпись новоиспеченного купца сделана особенно старательно. В купеческом сословии Щербак с семьей пребывали до 1911 года. В документах 1911–1912 годов Захар Федорович выступает как мещанин, с 1913-го — крестьянин. Возможно, это связано с изменением рода его деятельности: в 1911 году было закончено строительство дома в экономии в Кубанском (об этом свидетельствует страховой договор, содержащий подробнейшее описание хозяйства с точными размерами всех построек)⁴⁰, налажены сельскохозяйственные и производственные мощности — торговлей в Пятигорске Щербак больше не занимался. Переходы деда из сословия в сословие в «Красном Колесе» отражения не нашли. Возможно, Таисия Захаровна не рассказывала об этом сыну из-за опасности любого обсуждения «сословных вопросов» в советские годы (хотя и документально подтвержденное крестьянское происхождение не оградило ее от нападков). Любопытно, что Роман и Ирина с 1911 года и до упразднения дореволюционных сословий оставались мещанами (этот факт в эпопее не отражен).

Документы Романа Захаровича (1881–1944) и в особенности Ирины Ивановны (1889–1980) Щербак имеют важное значение. В том числе и потому, что дом, в котором в 1918 родился Александр Солженицын, принадлежал именно тете Ире. Обнаруженные документы во многом подтверждают рассказ о ней в «Красном Колесе», но и вносят некоторые уточнения в эту личную историю. Так, выявлен полный текст завещания отца Ирины Ивановны, сделавшего незаконнорожденную дочь наследницей немалого состояния⁴¹. Из этого документа мы узнаем детали жизни Ирины в родном селе с красивым названием Благодарное, где в 1908 году состоялось ее венчание с Романом Щербаком, о чем свидетельствует выпись из метрической книги, выданная два года спустя причтом Александро-Невской церкви села Благодарного⁴² Ставропольской губернии:

«Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха, и которым браком *Города Пятигорска, Терской области купеческий сын Роман Захарович Щербак православный холост*

Лета жениха 26

Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, и которым браком Села Благодарного Ставропольской губернии крестьянка Ирина Гунченкова (по усыновлении Ирина Иванова Ефимова)

Лета невесты 18

Кто были поручители

Купеческий сын города Пятигорска, Терской области Яков Афанасьев Карпушин и учитель церковно-приходской одноклассной школы Прокопий Филиппов Корнеев. По невесте мещанин города Св. Креста Петр Фомин Шиловский и крестьянин Леонтий Васильев Москвичев.

⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. 311. Оп. 1. Д. 3002. Л. 12–17.

⁴¹ ГАСК. Ф. 398. Оп. 50. Д. 1168. Л. 4–5.

⁴² Село Благодарное находилось в том же Прасковейском уезде, где жили в то время Щербаки.

Точность настоящей выписи с подлинной записью причт подписом и приложением церковной печати удостоверяет. *Декабря 3 дня 1910 г. С. Благодарное Священник Владимир Иванов Попов. Псаломщик Николай Ивкин*⁴³.

Вероятно, выпись была сделана в связи с отъездом в новый дом в экономии Щербака — прежде, по-видимому, молодые жили в Благодарном, где Ирине принадлежал унаследованный отцовский большой дом. Выйдя замуж, она оставила ведение дел, связанных с наследством, за собой⁴⁴: ряд документов в Ставропольском окружном суде и других казенных ведомствах связаны с этим сюжетом⁴⁵.

Жизнь экономии Щербака — отдельная большая история. Сегодня значительную часть ее изложения в «Красном Колесе» можно проследить по привременным документам и публикациям. Обнаруживаются и факты, неизвестные Солженицыну. Например, он не знал (если бы знал, непременно отразил бы факт в эпоее), что с началом войны Захар Федорович, как и другие экономисты, оплачивал уход за ранеными. Заметку с этой информацией находим в разделе «Хроника» армавирской газеты «Голос Кубани»:

«По официальным источникам, во всем Лабинском отделе количество лазаретов, открываемых на частные (местные) средства, чуть ли не в 10 раз превысило предположенное.

Приводимые ниже цифры, хотя и взяты из официальных источников, но далеко нельзя считать полными, так как заявлений об открытии новых лазаретов поступает так много и так часто, что нет возможности сейчас все это регистрировать. <...>

В Гулькевичах имеются следующие лазареты:

1. Я.Ф. Николенко — 15 кроватей для офицеров.

2. Больница Акционерного общества «Фома Николенко» — 10 кроватей.

Ст. Кубанская, З.Ф. Щербак — 10 кроватей, которые теперь будут поставлены в Армавирском купеческом лазарете»⁴⁶.

Местная периодическая печать — богатый источник, отразивший необратимый ход изменений жизни региона, начавшихся в 1914 году. Подшивки газет «Отклики Кавказа», «Новая заря», «Голос Кубани» и др. в значительном объеме сохранились в отделах периодики разных хранилищ. Весьма любо-

⁴³ ГАСК. Ф. 398. Оп. 50. Д. 1168. Л. 6 об., 7.

⁴⁴ Это утверждение несколько расходится с повествованием в «Красном Колесе»: «...Оря покорно признала невыбранного мужа. Весь наследный капитал отдала ему без дележа, без оговорочной записи. Вся сегодняшняя независимость, невылазное богатство, досужность, свободные вояжи по столицам и за границам — всё досталось Роману от ориного отца, не от своего...» (Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 1. С. 30).

⁴⁵ Напр., см.: ГАСК. Ф. 398. Оп. 50. Д. 1168. Л. 2–9. Дело 1915 года Ставропольского окружного суда по иску И.И. Щербак с П.Е. Капишникова о возвращении денег по заемному письму, выданному отцом И.И. Щербак.

⁴⁶ Лабинский отдел — раненым // Голос Кубани. 1914. 31 окт.

пытно соотнести, например, газетные сообщения об этапах мобилизации в регионе или ежедневные отчеты о сельскохозяйственном съезде 6–10 октября 1916 года с описанием этих событий Солженицыным⁴⁷.

Возвращаясь к довоенному времени, укажем на еще одно яркое свидетельство о жизни семьи — гимназические документы Таисии Захаровны, сохранившиеся в архиве ростовской женской гимназии А.Ф. Андреевой (ГАРО)⁴⁸. Рукой начальницы подписана копия ее блестящего аттестата:

«Предъявительница сего, ученица VII класса Ростовской-на-Дону женской гимназии, сод<ержащейся> А. Андреевой, *Щербак Таисия*, как видно из документов, дочь *крестьянина, православного* исповедания, имеющая от роду 17 лет, поступила по экзамену в 5-й класс женской гимназии, сод<ержащейся> А. Андреевой, в 1909 году и, находясь в ней до окончания полного курса учения, в продолжение всего этого времени вела себя *отлично* и была переводима по испытаниям в высшие классы, а именно: из V в VI в 1910 году, из VI в VII в 1911 году.

В настоящем году, при окончании курса гимназии, познания ее в обязательных предметах были аттестованы следующими баллами:

- 1) В Законе Божиим 5 (*пять*)
- 2) В русском языке с церковно-славянским и словесности 5 (*пять*)
- 3) В математике 5 (*пять*)
- 4) В географии всеобщей и русской 5 (*пять*)
- 5) В естественной истории 5 (*пять*)
- 6) В истории всеобщей и русской 5 (*пять*)
- 7) В физике и математической и физической географии 5 (*пять*)

Из всех сих предметов получила в общем среднем выводе отметку 5,00.

Затем чистописанию и рукоделию обучалась с *отличными* успехами.

Сверх того из необязательных предметов гимназического курса она обучалась французскому языку с *отличными*, немецкому языку с *отличными*, рисованию с *отличными* успехами.

⁴⁷ Последнее особенно примечательно. Присутствие корреспондента газеты «Голос Кубани» на съезде упоминается и в тексте эпопеи: «...Хозяев и гостей более всего удивил — корреспондент! Да, самый настоящий корреспондент екатеринодарской газеты! Никто его не ждал, никто его звать не догадался, а просто был он в Армавире, от кого-то пронюхал про совещание (верней — что покушать можно будет по-экономически) и приехал — поездом, со станции пешком. <...> Роман сразу его оценил: вот то, что и нужно, как же сам не догадался? Очень был с ним любезен, внимателен. И за большим столом совещания, по которому раскатано было синее сукно, наметил ему место рядом с собой. А экономисты — аж ёжились: как держать себя при таком человеке? ведь пропишет. Хоть и рта не раскрывай вовсе» (*Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 2 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10. С. 285*).

⁴⁸ Частная гимназия в Ростове-на-Дону. В 1899–1909 годах — прогимназия. В 1909-м был открыт набор в 8 классов гимназии. Несмотря на наличие архивных документов, биографические сведения об Александре Федоровне Андреевой и сегодня берут из текста «Красного Колеса» (в эпопее — Аглаида Федосеевна Харитоновна).

Почему, на основании установленных правил, она, *Щербак Таисия* удостоена звания ученицы, окончившей полный курс учения в женской гимназии, с распространением на нее прав и преимуществ, предоставленных ст. 45 Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения, высочайше утвержденного 24 мая/8 июля 1870 года и ст. 12 мнения Государственного совета по вопросу о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения, утвержденного 22 апреля 1868 года.

В удостоверение чего и дан ей *Щербак Таисии* сей аттестат, по определению Педагогического совета Ростовской-на-Дону женской гимназии, сод<ержащейся> А. Андреевой, состоявшемуся июня 1 дня 1912 года. Г. Ростов-на-Дону 11 июня 1912 года.

*Награждена золотою медалью*⁴⁹

Окончив столь успешно основной курс, Таисия взяла VIII дополнительный класс — его проходили выпускницы гимназий, хотевшие приобрести квалификацию домашнего учителя⁵⁰. Выбрав в качестве профилирующего предмета математику, на итоговых экзаменах Таисия сдавала педагогику, алгебру и арифметику, геометрию и тригонометрию. Ведомость экзамена по педагогике целиком заполнена рукой А.Ф. Андреевой. Выпускное испытание состояло из двух частей, письменной и устной, и в обеих графах против фамилии Щербак стоят отличные оценки⁵¹. По результатам учебы Таисия получила свидетельство⁵²:

«Дано от Педагогического совета Ростовской-на-Дону женской гимназии, сод. А. Андреевой, дочери *крестьянина Щербак Таисии* вероисповедания *православного* окончившей полный курс в названной женской гимназии и прослушавшей, существующий при ней, специальный курс, в том, что на основании §§ 44-го высочайше утвержденного положения о женских гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения изд. 24 мая/5 июня 1870 г., девица *Таисия Щербак* как получившая одобрительный аттестат об окончании общего курса в гимназии и награжденная *золотою медалью* пользуется правом получения свидетельства на звание *домашней наставницы по предмету математики*. Пробные уроки вышеозначенной девицей *Щербак Таисией* даны *очень хорошо* письменные работы ею исполнены *очень хорошо* гигиене и подаче первоначальной врачебной помощи в несчастных случаях обучалась.

В чем надлежащими подписями и печатью удостоверяется.

Ростов на Дону, июня дня 1913 года».

⁴⁹ ГАРО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 25. Л. 13, 13 об.

⁵⁰ Там же. Д. 151. Л. 1 об.

⁵¹ Там же. Л. 6 об.

⁵² Там же. Д. 25. Л. 10.

На верхнем поле рукописная помета: «Свидетельство и аттестат и документы вручены 11 июня 1913 г. Е.Н. Федоровской для передачи по принадлежности». К документу приложена расписка: «Документы Щербак Таисии получила 11-го июня 1913 года. Е. Федоровская»⁵³.

Через три дня Таисия пишет своим летящим почерком заявление о зачислении на агрономические курсы:

«Его Высокородию господину директору Высших женских сельско-хозяйственных курсов в Москве.

Окончившей 8 классов Ростовской-на-Дону женской гимназии А.Ф. Андреевой Таисии Захаровны Щербак

Прошение

Покорнейше прошу зачислить меня в число слушательниц Высших женских сельско-хозяйственных курсов, учрежденных княгиней С.К. Голицыной. При сем прилагаю: метрическое свидетельство за № 43, аттестат об окончании 7-ми классов гимназии за № 86, свидетельство об окончании 8-го класса за № 55, почтовую квитанцию на посланные переводом 75 рубл. (взнос за право учения в 1-е полугодие) и 2 почтовых марки для заказного ответа.

14 июня 1913 года. Таисия Щербак

Станция Кубанская Владикавказской железной дороги»⁵⁴.

В архиве Голицынских курсов сохранилось как личное дело слушательницы Т.З. Щербак, так и расписание занятий, зачетные и экзаменационные ведомости. Приведем перечень учебных дисциплин: ботаника, зоология, физика, химия (неорганическая, органическая, аналитическая, агрономическая), геодезия, анатомия животных, метеорология, энтомология, пчеловодство, политическая экономия, статистика, сельско-хозяйственная экономия, геология, почвоведение, общая зоотехния (так!), общее земледелие, учение об удобрении, сельско-хозяйственное машиностроение, лесоводство, садоводство и огородничество, частное земледелие, частная зоотехния, ветеринария, молочное хозяйство, технология, сельско-хозяйственное законоведение, занятия по хозяйству, строительное искусство, физиология животных, физиология растений⁵⁵. Освоение большинства предметов предусматривало практические занятия. Читателю «Красного Колеса» памятно, что знакомство Ксении Томчак с Саней Лаженицыным

⁵³ ГАРО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 25. Л. 12. Евгения Николаевна Федоровская, старшая дочь А.Ф. Андреевой, на пять лет старше Таисии Щербак, стала ее самой близкой подругой в тяжелые годы после революционного разорения. Солженицын писал: «Семья Федоровских в дошкольные два года была мой единственный выход в большой мир, и первый в моей жизни мирок вне моей семьи, там же и мой первый друг-сверстник, Миша. А для мамы они были — роднее родных, весь духовный мир и вся дружеская поддержка» (Солженицын А.И. Детство. С. 23).

⁵⁴ ЦГА Москвы. Ф. 453. Оп. 1. Д. 582. Л. 1.

⁵⁵ Перечень взят из зачетной ведомости Т.З. Щербак: ЦГА Москвы. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1479. Л. 30.

произошло после изнурительного дня практики на далекой — тогда! — окраине Москвы⁵⁶.

День этого знакомства точно установить пока не удалось — основным источником здесь являются военные документы Исаакия Семеновича Солженицына (в документах — Салжаницына). Он перевелся из Харьковского университета в Москву в 1913 году. Его личное дело в фонде Московского университета в ЦГА Москвы⁵⁷ сохранило всю документацию, от зачисления на историко-филологический факультет в сентябре 1913-го до увольнения 8 октября 1914 года в связи с поступлением охотником в действующую армию (последний документ опубликован⁵⁸). Известно, что, подступая к работе над «Красным Колесом», Александр Солженицын изучал фонды 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады (1ГАБ), в которой служил его отец. Учетная читательская карточка А.И. Солженицына в ЦГВИА (ныне РГВИА), открытая 27 января 1964 года, сама стала единицей хранения этого архива⁵⁹. Тема исследования, внесенная в карточку рукой Солженицына: «История отдельных частей русской армии в период 1914–1918». Из этого документа мы узнаем, какие материалы оказались в 1964 году в распоряжении писателя — всего 29 дел: приказы, книги входящих и исходящих телеграмм, записи наблюдений, журналы военных действий⁶⁰. Сведения об Исаакии Салжаницыне присутствуют лишь в пяти из этих дел. Ныне круг связанных с его ратным путем документов значительно расширен — военная биография отца писателя, за исключением нескольких лакун, восстановлена в деталях⁶¹. Так, мы знаем, что в распоряжение 3-й батареи 1ГАБ вольноопределяющийся Салжаницын прибыл 30 декабря 1914 года с запиской от бригадного адъютанта Викторевского:

⁵⁶ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел IV: Апрель Семнадцатого. Кн. 1 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2009. Т. 15. С. 603.

⁵⁷ Ф. 418. Оп. 327. Д. 1997.

⁵⁸ См.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 6. Вклейка между с. 32 и 33.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 800. «Российский государственный военно-исторический архив». Оп. 4. Личные дела исследователей, занимавшихся в читальном зале архива. 1918–1951. Д. 3543. Личное дело А.И. Солженицына.

⁶⁰ Ныне все эти документы находятся в фонде 3673 (Оп. 1 «1-я гренадерская артиллерийская бригада. 1805–1835 гг., 1882 г., 1895–1911 гг., 1914–1917 гг.»).

⁶¹ В предыдущих выпусках «Солженицынских тетрадей» опубликованы некоторые новые архивные материалы: «Мы все милостью Божью пока живы и здоровы, а там как Бог даст»: Новые сведения о фронтовом пути И.С. Солженицына, отца писателя (1914–1918) / публ., подгот. текста, предисл. и примеч. Г.А. Тюриной // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 253–279; «Он предпочел во всем разделять жизнь своей команды»: Письмо И.П. Скрябина к А.И. Солженицыну с воспоминаниями об отце писателя / публ., подгот. текста, предисл. и коммент. В.А. Астанкова // Там же. М.: Русский путь, 2016. Вып. 5. С. 249–254.

«По приказанию командующего бригадой сообщаю, что охотник Салжаницын назначен в Вашу батарею»⁶². На следующий день приказом по бригаде был переведен канониром (нижний чин) на правах вольноопределяющегося⁶³. Свою первую боевую награду, уже будучи младшим фейерверкером, он получил в сентябре 1915-го: Георгиевская медаль 4-й степени вручена за то, что «в бою 30 апреля у деревни Коломань будучи выслан передовым наблюдателем под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем нашел неприятельский пулемет и корректируя стрельбу, привел его к молчанию»⁶⁴. Орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом прапорщик Салжаницын награжден в августе 1916-го⁶⁵, а 5 мая 1917 года последовал приказ о награждении орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом⁶⁶. Помимо назначений и награждений, в документах бригады присутствуют сведения о характере боевой работы Салжаницына, его командировках в другие части, пребывании в госпитале, выявлены написанные его рукой отчеты в тетрадах наблюдений⁶⁷. Об уважении, которым Салжаницын пользовался среди батарейцев, говорит неоднократное присутствие его имени в комиссии по проверке денежной отчетности; в июне 1917 года он был избран действительным членом в Бригадный комитет и запасным членом в дисциплинарный суд 3-й батареи.

Ни одно из упоминаний Салжаницына в военных документах не датировано апрелем 1917-го, когда герой «Красного Колеса» Саня Лаженицын находится в отпуске в Москве. Пока выявлен только один приказ об отпуске Салжаницына с фронта, датированный октябрём 1916 года: награжденный недавно орденом Святого Станислава, он был отпущен на четыре недели⁶⁸. Автору «Красного Колеса» этот факт известен не был — Саня Лаженицын во Втором Узле эпопеи неотлучно находится на позициях в безрадостном Дряговце. Поскольку награждение часто сопровождалось предоставлением возможности увидеться с родными⁶⁹, получение подпоручиком Салжаницыным ордена Святой Анны весной 1917 года могло повлечь еще один отпуск. Рискнем предположить, что потому Исаакий и поехал весной в Москву, что свою семью в Сабле он навестил совсем недавно, в октябре, и пробыл там довольно долго.

⁶² РГВИА. Ф. 3673. Оп. 1. Д. 135. Полевая книжка бригадного адъютанта штабс-капитана Викторовского. Л. 9.

⁶³ Там же. Д. 139. Л. 168.

⁶⁴ Там же. Д. 289. Л. 24 об.

⁶⁵ Там же. Д. 292. Л. 12 об.

⁶⁶ Там же. Д. 366. Л. 5.

⁶⁷ См., напр., автограф И.С. Солженицына: Там же. Д. 285. Л. 1, 7 об, 8.

⁶⁸ Там же. Д. 296. Л. 17.

⁶⁹ Так, в «Октябре Шестнадцатого» Саня Лаженицын хлопочет об отпуске своего подчиненного Арсения Благодарева, отмеченного недавно вторым Георгием. См.: *Солженицын А.И. Октябрь Шестнадцатого*. Кн. 1. С. 21.

Из документов весны – лета 1917 года мы узнаем несколько примечательных фактов. 5 марта подписан приказ о назначении подпоручика Салжаницына ответственным за обучение офицеров действиям противотанковых орудий⁷⁰. В полевой книжке подпоручика Свербутовича в записи от 6 марта отмечено, что Салжаницын в числе других офицеров (в их числе поручик Скрябин) поднимался на аэростате⁷¹. В приказах июня и июля его имя встречается несколько раз, в частности в отчете о проверке ведения заградительного огня с наблюдательного пункта 3-й батареи⁷². С 1 по 19 августа он находился в командировке в расположении 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка. 23 августа 1917 года в расположении своей артиллерийской бригады он сочетался законным браком с девицей Таисией Щербак — запись об этом, сделанная рукой бригадного священника Алексея Илларионова, присутствует на обороте единственного документа, бывшего у Исаакия при себе на фронте, свидетельства о рождении⁷³.

Это событие — последнее точно датированное в военной истории Исаакия Солженицына. Документация действующей армии последних месяцев 1917 года отчаянно беспорядочна и требует глубокой проработки. Мы надеемся, что еще удастся установить детали возвращения Исаакия с фронта и, возможно, хотя бы некоторые обстоятельства жизни на хуторе Солженицыных в весенние месяцы 1918 года — последние перед гибелью отца писателя и крушением дореволюционной крестьянской цивилизации на Ставрополье.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 3673. Оп. 1. Д. 364. Л. 3.

Этот факт был Солженицыну известен: «Саня стал как бы специалист по выдвинутым вперёд одиночным орудиям против ожидаемой новинки — “танков”, железных передвижных чудовищ, которые у англичан уже в деле, а у немцев вот-вот должны появиться. Танков ни разу ещё не было, но в январе Саня стрелял с передней линии по прожекторам, по нему отвечали — а он продолжал стрельбу и заставил прожекторы погаситься, — светили немцы потом ракетами, кострами, а прожекторов больше не зажгли. А потом еле укатили орудие, немцы дали по тому месту смертоносный огонь».

С того вечера подпоручика Лаженицына и признали окончательно — по противотанковым орудиям» (Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Кн. 4 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2008. Т. 14. С. 33).

⁷¹ РГВИА. Ф. 3673. Оп. 1. Д. 351. Л. 39 об.

Любопытное дополнение к публикации «“Он предпочел во всём разделять жизнь своей команды”: Письмо И.П. Скрябина к А.И. Солженицыну с воспоминаниями об отце писателя». См. выше. примеч. 61.

⁷² РГВИА. Ф. 3673. Оп. 1. Д. 303. Л. 8.

⁷³ Запись опубликована. См., напр.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии. С. 55–56.

ДОКУМЕНТЫ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Публикация, подготовка текстов,
предисловия и примечания В.А. Астанкова*

«ЖЕЛАНИЕ УВИДЕТЬ ЦАРЯ»

*Об одной неожиданной «встрече»
семейства Щербаков и императора Николая II*

Общеизвестно, что одним из основных «невыдуманных» персонажей «Красного Колеса», который присутствует на страницах всех без исключения Узлов «Повествования в отмеренных сроках», является император Николай II. Во второй книге «Августа Четырнадцатого» А.И. Солженицын особо посвящает государю еще и большую обзорную главу (74-ю), первоначально названную «Этюд о монархе». Рассказывая о жизни цесаревича, а затем и императора Николая Александровича, Солженицын, разумеется, не минует событий, связанных с Русско-японской войной 1904–1905 годов, и, будучи чрезвычайно внимателен в своем «этуде» к внутренней душевной и духовной составляющей поступков Николая II как человека и государя, не упускает из виду горячее желание царя видеть и лично напутствовать воинские части, отправляющиеся из Европейской России на Дальний Восток, к театру военных действий. Как отмечает писатель, у императора «возникла счастливая большая мысль: что в руках монарха есть способ воздействия на войну высший, нежели доступно генеральским штабам или зависит от снабжения, снаряжения, провианта. Способ этот: прямо передать войскам ту благодать, которой обладает помазанник»¹. Несмотря на беремен-

¹ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в четырёх Узлах. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 2 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 8. С. 356. (Далее, в предисловии и в комментариях к документам, произведения Солженицына (если не оговорено иное) цитируются по этому изданию (2006–...); номера томов (римские цифры) и страниц (арабские цифры) даются в тексте в скобках.) Ср. со словами самого государя из его письма к дяде, великому князю Сергею Александровичу, от 26 апреля 1904 года, вскоре после того, как была задумана первая из таких поездок: «За эти последние дни у меня явилось непреодолимое желание увидеть ухо-

ность государыни и рождение 30 июля 1904 года долгожданного сына-наследника, «не сиделось на месте безучастно к войне, и Николай снова и снова ездил в дальние поездки — благословлять иконами отходящие на Восток войска, целые дивизии или стрелковые бригады, верхом выезжая в лагеря с ближних станций, где встречали его депутации дворян, депутации крестьян. <...> Да если бы не Аликс, не маленький, и вообще не обязанность руководить министрами и политикой, — Николай, может быть, и сам бы отправился туда, на Восток. Болело его сердце, что он не разделяет тяжкого дальнего жребия своей армии, ничто не было ему так по душе, как находиться при армии» (VIII, 360)².

Многочисленные и длительные поездки государя в различные губернии европейской части империи³ на протяжении почти всего первого года войны сопровождались, как справедливо замечено в «Этюде о монархе», встречами с местными обывателями. П.А. Столыпин, организовывая встречу императора на железнодорожной станции в Кузнецке, тогда уездном городе Саратовской губернии, столкнулся с тем, что «все хотят попасть в депутацию». 26 июня 1904 года Петр Аркадьевич писал супруге: «Даже дамы чуть ли не дерутся. А я всех пустить не могу. Я приказал выбрать депутацию от Думы (городской. — В.А.), а они выбрали сами себя — всю Думу. Все, мол, хотим царя видеть, это раз в сто лет!» На следующий день Столыпин вновь сообщал Ольге Борисовне: «Все хотят видеть царя и осаждают меня. Хотя допускаются только депутации, но как отказывать людям, которые никогда государя в жизни не увидят?»⁴ О всеобщем энтузиазме тот же Столыпин свидетельствовал в письме к жене из Кузнецка от 29 июня 1904 года, после проезда Николая II, приводя такие факты: одна из дам «после рукопожатия государя сейчас же надела перчатку, чтобы как можно дольше не мыть руки, а к жене предводителя подошел студент, прося поцеловать руку, которую по-

дящие на войну части войск, и поэтому я решил съездить на юг до Полтавы и напутствовать сперва 10-й корпус, а затем 17-й корпус на возвратном пути» (Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб.: Алетей, 2009. С. 677).

² «Нынешнюю неделю провожу в одиночестве, поскольку мой муж отправился попрощаться с войсками, уходящими на войну, — сообщала императрица Александра Федоровна 4 мая 1904 года в письме к своей подруге юности Маргарите фон Пфульштейн. — Раз уж, как бы ему того ни хотелось, он не может им сопутствовать, для него утешение — хотя бы увидеть их» (Alix an Gretchen: Briefe der Zarin Alexandra Feodorowna an Freiin Margarethe von Fabrice aus den Jahren 1891–1914. [S. I.]: Herausgeber: Graf von Sprenki, [s. a.] S. 147). Саратовский губернатор П.А. Столыпин, сопровождавший императора во время одной из поездок, отмечал в письме к жене от 2 июля 1904 года, что «на всех станциях, где были встречные эшелоны, идущие на войну, государь даже поздно вечером выходил и говорил с солдатами» (П.А. Столыпин: Переписка. М.: Росспэн, 2004. С. 534).

³ «За все мои поездки по России в этом году я провел 24 ночи в вагоне и сделал почти 17 тысяч верст, то есть мог доехать до Владивостока и обратно», — сообщал Николай II в письме к матери 22 сентября 1904 года, не совершив еще к тому времени всех своих выездов к войскам, которые должны были затем влиться в действующую армию (Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Федоровной, 1894–1917. М.: Индрик, 2017. С. 516).

⁴ П.А. Столыпин: Переписка. С. 527, 528.

жал государь»⁵. Как бы подытоживая встречи не только с войсками, но и с представителями всех слоев населения, император в те же дни признавался Столыпину: «Когда видишь народ и эту мощь, то чувствуешь силу России»⁶.

Среди тысяч, а возможно, десятков тысяч подданных государя, получивших благодаря его поездкам по России вовсе не призрачную возможность хоть раз воочию увидеть царя и желавших этой возможностью воспользоваться, оказалось и семейство Щербаков, родных А.И. Солженицына по линии матери, Таисии Захаровны, в девичестве Щербак. Сделавшись впоследствии, как и сам Николай II, героями «Красного Колеса» (лишь под измененной фамилией Томчаки), Щербаки едва не встретились с императором в жизни и очутились вместе с российским самодержцем на листах архивных документов, а не только на страницах знаменитой эпопеи.

Посланная в конце ноября 1904 года телеграмма, в которой Роман Захарович Щербак, будущий дядя автора «Повествования в отмеренных сроках», пытался разузнать о времени приезда государя в Армавир для смотра отправляющихся на Дальний Восток войск, неожиданно возбудила подозрения заведующего Пятигорской почтово-телеграфной конторой. Телеграмма была задержана, переслана в Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел, которое в свою очередь сочло необходимым вмешательство высшего органа политической полиции Российской империи — Департамента полиции Министерства внутренних дел. Возбужденная в связи с этим зашифрованная телеграфная переписка, представленная в настоящей публикации, сохранилась в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Департамента полиции в делопроизводстве его Особого отдела (ОО)⁷.

При подготовке этой и остальных частей настоящей публикации учтены методы издания исторических документов, изложенные в наиболее авторитетном из существующих в настоящее время научно-публикаторских пособий⁸ (в частности, в текстах телеграмм выполнены недостающие союзы и предлоги).

Для составления кратких биографических справок о деятелях политического сыска, упоминаемых в публикуемых документах, использованы материалы фонда Департамента полиции (Ф. 102) и фонда Штаба Отдельного корпуса жандармов (Ф. 110), хранящихся в ГА РФ. О ряде лиц сведений выявить не удалось.

⁵ П.А. Столыпин: Переписка. С. 530.

⁶ Там же. С. 534. В «Августе Четырнадцатого» Николай II размышляет об этом так: «По пути на станциях народу было масса, такие приветливые весёлые люди. Нет, непобедима Россия! Не оставит нас Бог никогда» (VIII, 357).

⁷ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904 г. Д. 755 («О поездке государя императора в местности, в коих объявлена мобилизация войск»). Вопреки названию, собранная в деле переписка Департамента полиции с местными органами политического сыска посвящена не одной, а целому ряду поездок Николая II по империи на протяжении 1904 года.

⁸ Правила издания исторических документов в СССР. М.: Главное архивное управление при Совете министров СССР, 1990.

1. Телеграмма заведующего Пятигорской почтово-телеграфной конторой Левковича в Главное управление почт и телеграфов Министерства внутренних дел. 23 ноября 1904¹

Из Пятигорска.

№ 309.

Принята 23.XI.1904 г.

Поступила телеграмма в Гулькевичи² из Воронцово-Александровского³ следующего содержания: «Гулькевичи. Григорию Ковалю⁴. Отвечай, когда государь прибудет в Армавир. Роман Щербак»⁵.

Испрашиваю разрешения дальнейшей передачи.

Заведывающий конторою *Левкович*

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904 г. Д. 755. Л. 82. Писарский автограф. Карандаш.

¹ На телеграмме помета карандашом: «На разрешение. Департамент полиции». Департамент полиции (с 1880 по 1883 — Департамент государственной полиции) Министерства внутренних дел Российской империи — центральный орган управления политической (в 1880–1917) и уголовной (в 1908–1917) полицией. Возглавлялся директором, который непосредственно подчинялся товарищу министра внутренних дел, заведовавшему полицией. В основные задачи департамента входили разработка мер по охране государственного строя и общественного порядка и нормативно-правовых документов по организации политической и уголовной полиции, наблюдение за дознаниями по политическим делам, контроль за выдачей паспортов российским подданным и видов на жительство иностранцам, утверждение уставов общественных и политических организаций, разрешение общественных мероприятий, перлюстрация частной корреспонденции, негласный надзор за лицами, занимавшимися противоправительственной деятельностью, организация охраны императора и высших чиновников. На местах учреждениями Департамента полиции являлись губернские (областные) жандармские управления, охранные отделения в крупных городах, районные охранные отделения, объединявшие деятельность нескольких губернских (областных) жандармских управлений, жандармские полицейские управления железных дорог и временные розыскные пункты в небольших городах. Подробнее см.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М.: Росспэн, 2013. С. 29–72.

² *Гулькевичи* — поселок в Лабинском отделе Кубанской области при одноименной станции Владикавказской железной дороги (на линии Ростов-на-Дону — Владикавказ), ныне город, районный центр Краснодарского края. С Гулькевичами была тесно связана семья Щербаков, здесь же в детские годы жил и А.И. Солженицын. После революции, в середине 20-х годов, как вспоминал Александр Исаевич, «дедушка с бабушкой, гонимые бездомностью, нашли приют на хуторе под Гулькевичами у дедушкиного племянника Михаила Лукьяновича Щербака, тоже поджато от прежних своих, хотя и небольших, хуторских владений. И приют-то совсем неукрывный, в двух железнодорожных перегонах от дедушкиной экономии у станции Кубанской». По словам Солженицына, который про-

вел в Гулькевичах два лета («это были мои 7-й и 8-й годы»), «жизнь в Гулькевичах была деревенская — для меня первые впечатления деревни и на много-много лет вперёд, увы. Простая природа, простое хозяйство, простые люди, но кубанского, а не среднерусского колорита, и не дали мне предчувствовать русскую деревню» (*Солженицын А.И. Детство // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 19, 20).*

³ *Воронцово-Александровское* — село в Прасковейском уезде Ставропольской губернии, в 1963 году объединено с близлежащим селом Новогригорьевским в село Советское, с 1965-го — город Зеленокумск, районный центр Ставропольского края. Как установлено исследователями, именно здесь, в Стародубской волости Новогригорьевского (затем именовавшегося Прасковейским) уезда З.Ф. Щербак проживал с семьей, по крайней мере, с середины 90-х годов XIX века, имея собственный обширный участок земли и «настоящий дом с фруктовым садом». В 1910–1911 годах, уже после того как Щербаки перебрались на жительство в свою кубанскую экономию, владение в Стародубской волости было продано (*Гангур Н.А., Жданова Л.А. Кубанское имение пятигорского купца З.Ф. Щербака: Историко-культурный экскурс // Теория и история культуры. 2015. № 4 (59). С. 9, 10).*

⁴ Адресат телеграммы, по всей видимости, был одним из родственников Р.З. Щербака, поскольку Коваль — девичья фамилия бабушки А.И. Солженицына Евдокии Григорьевны Щербак.

⁵ *Щербак Роман Захарович (1881–1944). Ярко описан А.И. Солженицыным в «Красном Колесе», очевидно, не в последнюю очередь по личным воспоминаниям детства и юности о дяде и семейным рассказам. «Окончил Роман всего четырёхклассное училище: тридцать лет назад на Мокром Карамыке только на ноги становились, и в голову не могло прийти, что сыну хорошо бы в гимназию. Потом начинал коммерческое училище, не кончил. Однако цифровая хватка была у него хороша. И к хозяйствованию большие способности, но обидно быть подручным при напористом отце, не терпящем перебору и тоже сметливым редком удачнике. Ждал Роман своего отдельного часа! А пока капитал позволял ему хоть и совсем не участвовать в отцовском хозяйстве. Каждый год на два месяца в Москву и в Петербург, на два месяца за границу». Считавший себя «джентльменом», «в путешествиях себя особенно любил Роман. Так одеваться, чтобы даже знакомые у Нарзанной галереи тебя принимали за англичанина. А Европу поражать русской решительностью и своеобразием» (VII, 51). Между тем на случайно оказавшегося в сентябре 1918 года в кубанском имении Щербаков белого офицера Г.А. Орлова Роман Захарович произвел «не совсем интеллигентное впечатление и напоминал собой скорее разбогатевшего купца, чем человека из общества» (*Орлов Г. Дневник добровольца: Хроника гражданской войны, 1918–1921. М.: Содружество «Посев», 2019. С. 28).* После революции «когда-то единственный заведомый наследник дедушкиной экономики», лишь по досадной случайности, из-за болезни тещи, не сумевший уехать в эмиграцию вместе с отступавшей с Кубани Белой армией, скрывался вместе с женой от преследования новой власти, по свидетельству племянника, «меняя места», и долгое время ухитряясь при этом нигде не работать: «тайком они, видимо (я, разумеется, не слышал таких разговоров), продавали драгоценности и хорошие носильные вещи, а всё ждали близкого конца большевиков. И осуждали мою маму, что она поехала устраиваться на службу к этим сатанам» (*Солженицын А.И. Детство. С. 15, 16, 30).* Только «на 12-м году революции принял и дядя Ромаша, что надо как-то существовать и зарабатывать при большевиках: да становилось опасно не иметь законных средств существования, затем и хлебной карточки. Но не было у него ни образования, ни специальности, изо всей его прежней богатой и самоуверенной жизни ничего полезного он не вынес, а только от прежних автомобильных роскошеств — шофёрство.*

Оно и выручило теперь. Он стал водить грузовики. <...> А внутри-то дядя Ромаша всё надеялся: ещё больше двух-трёх лет *они* не продержатся, крахнут от голода, от первой войны» (Солженицын А.И. Школа // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2019. Вып. 7. С. 10). Примечательно, что «когда в 1942 немцы заняли Северный Кавказ — дядя Ромаша изблизи, из Георгиевска, осмелился поехать в экономию. Ходил, смотрел, в посёлке его все узнавали. Что ж, немцы нисколько не возражали, что вот объявился хозяин, администратор, оживит дело. Но понял дядя Ромаша, что это — уже неоживляемо. И — скрылся» (Солженицын А.И. Детство. С. 15).

2. Телеграмма заведующего Особым отделом¹ Департамента полиции Министерства внутренних дел Н.А. Макарова² начальнику Кубанского областного жандармского управления³ полковнику М.И. Воронину⁴. 24 ноября 1904

Шифр

ЕКАТЕРИНОДАР

Начальнику областного жандармского управления.

Получена телеграмма из Воронцово-Александровского от имени Романа Щербака Григорию Ковалю с запросом о времени приезда государя в Армавир. Сообщите сведения об отправителе, поводах депеши.

Заведывающий отделом Макаров

24 ноября 1904 года.

№ 15.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904 г. Д. 755. Л. 83. Машинопись. Подпись-автограф. Чернила.

¹ *Особый отдел* — с 1898 года ключевое подразделение Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, созданное главным образом в связи с ростом рабочего и революционного движения. Отдел заведовал внутренней и заграничной агентурой, перлюстрацией частной корреспонденции, вел надзор за политическими настроениями рабочих и учащейся молодежи, организовывал розыск лиц по политическим делам, собирал фототеку деятелей революционного движения, регистрировал и хранил нелегальные революционные издания и прокламации, вел шифрованную переписку Департамента полиции. Подробнее см.: Перегудова З.И. Политический сыск России... С. 73–123.

² Макаров Николай Алексеевич (1864–1906), из потомственных дворян Владимирской губернии; статский советник (1906); окончил юридический факультет Императорского Московского университета; товарищ прокурора Луцкого (1894–1895), Нижегородского (1895–1897) и Московского (1897–1901) окружных судов, уездный член Московского окружного суда (1901–1902), с 1902 года делопроизводитель Департамента полиции Министерства внутренних дел, заведующий Особым отделом (1903–1905, 1906).

³ *Губернское (областное) жандармское управление* — в 1867–1917 годах одно из основных местных полицейских учреждений, осуществлявших политический розыск и про-

изводство дознаний по государственным преступлениям. Штатную основу управлений составляли чины (офицеры, унтер-офицеры, рядовые, а также гражданские чиновники) специального воинского формирования — Отдельного корпуса жандармов, подчинявшегося в своей наблюдательной и оперативно-розыскной деятельности Департаменту полиции Министерства внутренних дел (до 1880 — III отделению Собственной его императорского величества канцелярии), а по инспекторской, строевой и хозяйственной части — Военному министерству. К началу XX века в обязанности губернского (областного) жандармского управления в частности входили наблюдение за местным населением и политическими настроениями в обществе, доведение до высших властей сведений о беспорядках и злоупотреблениях, осуществление негласного полицейского надзора, розыск и наблюдение за лицами, укрывавшимися от преследования властей, наблюдение за лицами, проезжающими через границу, и некоторые другие функции в рамках дознаний по политическим делам. Подробнее см.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России... С. 124–129. Кубанское и Терское областные жандармские управления размещались соответственно в Екатеринодаре и Владикавказе.

⁴ *Воронин* Модест Ильич (1854–?), из дворян Вологодской губернии; полковник (1900); окончил 3-е Александровское военное училище (1875), выпущен в 7-ю пешую артиллерийскую бригаду; с 1879 года офицер Отдельного корпуса жандармов; начальник Старооскольского отделения Харьковско-Царицынского жандармского полицейского управления железных дорог (1896–1900), начальник Кубанского областного жандармского управления (1900–1908); уволен от службы с мундиром и пенсией с производством в генерал-майоры (1908).

3. Телеграмма начальника Кубанского областного жандармского управления полковника М.И. Воронина заведующему Особым отделом Департамента полиции Министерства внутренних дел Н.А. Макарову. 26 ноября 1904

Разбор шифрованной телеграммы из Екатеринодара.
От начальника областного жандармского управления.
На имя Особого отдела Департамента полиции.
№ 4158.

Подана 26 ноября 1904 г. в 1 ч. 45 м. пополудни.

Ваша телеграмма № 38036 передана для исполнения начальнику Терского областного жандармского управления, так как Воронцово-Александровское находится в Ставропольской губернии. В Армавире собираются кавказские казачьи войска, предназначенные на Дальний Восток, и ожидается прибытие государя.

Полковник *Воронин*

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904 г. Д. 755. Л. 85. Машинопись.

4. Телеграмма начальника Терского областного жандармского управления полковника Р.-Г.К. Шпицбарта¹ в Департамент полиции Министерства внутренних дел. 30 ноября 1904

Разбор шифрованной телеграммы из Владикавказа.
От начальника жандармского управления.
На имя Департамента полиции.
№ 4416.
Подана 30 сего ноября 1904 г. 3 ч. 48 м. пополудни.
Получено 30 сего ноября 1904 г. 6 ч. 35 м. пополудни.

Роман Щербак лет 23, сын крестьянина Таврической губернии Захара Щербака²; лет 15 они владеют более 1000 десятинами близ Воронцово-Александровского Ставропольской губернии³; поведения одобрительного, часто бывают в Армавире Кубанской области, где имеют постоянные отправки зернового хлеба; повод депеши с запросом о времени приезда государя в Армавир — исключительно желание увидеть Царя⁴.

Полковник Шпицбарт

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1904 г. Д. 755. Л. 87. Писарский автограф. Чернила.

¹ Шпицбарт Рудольф-Герман Карлович (1850–?), из потомственных дворян Гродненской губернии; полковник (1901); окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1871); участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов; с 1879 года офицер Отдельного корпуса жандармов; помощник начальника Петроковского (1895–1897) и Ярославского (1897–1901) губернских жандармских управлений, начальник Терского областного (1901–1906) и Новгородского губернского (1906) жандармских управлений; уволен от службы с мундиром и пенсией с производством в генерал-майоры (1907).

² Щербак Захар Федорович (1858/1859–1932), дед А.И. Солженицына. Происходил из крестьян села Ново-Николаевки Терпеньевской волости Мелитопольского уезда Таврической губернии. С 70-х годов XIX века подростком-чабаном батрачил в Ставропольской губернии, где затем обзавелся семьей, начал работать на арендованной земле и наконец приобрел немалое количество собственных угодий. Строго говоря, в описываемое время землевладелец З.Ф. Щербак по сословной принадлежности был уже не крестьянином, а купцом 2-й гильдии, поскольку еще в августе 1903 года был вместе с семейством причислен в купеческое сословие города Пятигорска, имея промысловое свидетельство на торговое предприятие (см.: Гангур Н.А., Жданова Л.А. Кубанское имение... С. 9.) Вспоминая о детских годах, Александр Исаевич писал о деде: «Тогда я любил его просто по-детски, слушался, он заменял мне отца — и в наследственном характере я даже получил от него больше, чем от отца: всю его энергию, волю к движениям, преобразованиям, твердую руку, власть решений. Только с годами, годами, много после его смерти, я понял весь его облик. Как мог, я это уже передал в “Красном Колесе”. Он был сочетание трезвости ума, неутомимого трудолюбия, неостановимой энергии; от ничтожного батраческого положения в парубчестве — это сделало его хозяином двух тысяч десятин чернозёма, овечьих стад, сложного машинного

хозяйства — но никогда движения наживы не перевешивали в нём щедрости, напротив: он переплачивал, раздавал и дарил, не зная, как отблагодарить верных людей за верный труд. И на нём много раз проверилось, что рука дающего не оскудевает. Большевицкие отнятия поразили его сильнее грозы — и, я думаю, не только отнятием обширного имущества, богатой экономии, устроенного дома, вообще всякого дома и всякой крыши, но больше всего заклятиями того времени, что он — эксплуататор и кровосос. Это постигло его в 62–64 года. Он был расколот, обманут, унижен — как это должно было его сжигать? — но и мог выдержать, и мог умягчить себе только пониманием происшедшего как великого Божьего испытания. <...> В большевиках дедушку поражало не меньше того, что они «сатаны» и насильники — насколько ж они не умеют хозяйничать, как бессмысленно переводят и губят любое добро, — и взрослым при мне не раз говорил, и даже мне, внучёнку, втолковывал» (Солженицын А.И. Детство. С. 19). По словам Солженицына, Захар Федорович «часто сокрушался о прошлом утерянном — по полной несправедливости отобрания того, что он создал трудом и умом» (Солженицын А.И. Школа. С. 11).

³ В действительности уже в 1896 году З.Ф. Щербак владел в Новогригорьевском уезде немногим более чем двумя тысячами десятин земли (см.: Гангур Н.А., Жданова Л.А. Кубанское имение... С. 9.) Десятина — единица земельной площади, равная 1,09 гектара.

⁴ Созданный Солженицыным в «Красном Колесе» образ дяди, мечтавшего в 1914 году о применении своих «государственных способностей» в качестве не менее чем члена Государственной думы, по взглядам «смелее кадетов», желавшего «законной революции», чтобы «сбросить ненавистного царя», называвшего жену «туполобой патриоткой» и «дремучей монархисткой» (VII, 29, 51–53), казалось бы, противоречит «реальному» Роману Щербаку, каким он представляется за 10 лет до того по сведениям, собранным Терским областным жандармским управлением. В то же время из документа следует, что репутацией крепкого хозяина из крестьян, «одобрительного поведения», ставшего по местным меркам крупным землевладельцем и поставщиком хлеба и потому, очевидно, воспринимавшегося властями носителем монархического чувства, опорой самодержавия в народной среде, пользовался в первую очередь его отец З.Ф. Щербак. Весьма вероятно, что наивное «желание увидеть Царя» могло исходить не столько от Романа Захаровича, сколько от старших Щербаков и других членов семьи, которым Роман Захарович не единожды противопоставляется по своему мировоззрению не только в «Красном Колесе», но и в воспоминаниях племянника. «И бабушка, и дедушка, и мама (меньше, да я реже и видел её, она в долгих отъездах), и две тётки всеми стараниями и одобрениями поддерживали во мне такую оживлённую склонность ко всему святому и богослужебному. Да дедушка сам чуть не ежедневно усаживался читать вполголоса-вполшёпота то Жития Святых, то Библию. <...> Не было интеллектуального понимания христианства и службы ни у кого в семье, даже у самой к тому пристальной тётки Иры, — но у всех, кроме дяди Ромаши, была вера, и все выходили из храма увлечённые, облегчённые, мягкие» (Солженицын А.И. Детство. С. 12–13). Впрочем, и «совсем равнодушный к православию, человек сухой и расчётливый» (Там же. С. 15), приверженец «английского джентельменского стиля» (VII, 39), Роман Захарович, быть может, и сам стремился не упустить возможности видеть государя, если не из патриотизма, то хотя бы из любопытства. Ирония судьбы заключалась, однако, в том, что Николай II на смотр войск в Армавир так и не приехал, хотя в декабре 1904 года ещё выезжал в западные губернии империи провожать части, отправляющиеся на Дальний Восток, как оказалось, в последний раз (см.: Дневники императора Николая II (1894–1918). М.: Росспэн, 2011. Т. 1: 1894–1904. С. 838–840). Вопрос о том, помешала ли приезду государя на Кубань начавшаяся революция 1905–1907 годов, расстроилась ли эта поездка благодаря каким-либо иным соображениям или сведения Щербаков, а заодно и чинов Отдельного корпуса жандармов о прибытии императора с самого начала были не вполне достоверны, остается открытым и требует отдельной научной проработки.

«ВСЕГДА ГОТОВЫ ВСТАТЬ НА ЗАЩИТУ ИНТЕРЕСОВ МИРНЫХ ГРАЖДАН»

*Об одной «истинной истории» в эпопее «Красное Колесо»,
отразившейся в документах Департамента полиции
Министерства внутренних дел Российской империи*

В интервью французскому телевидению, записанном в Вермонте 31 октября 1983 года, А.И. Солженицын, отвечая на вопрос журналиста Бернара Пиво о том, выступает ли писатель в «Красном Колесе» «одновременно как историк и романист», определил работу над крупнейшим и важнейшим своим произведением¹ следующим образом: «Да, это работа и историка, и романиста. Моя задача — передать истинную историю, и я нашёл даже недостойным слишком плотно заселить повествование персонажами вымышленными. Главная часть персонажей у меня — реальные исторические фигуры, крупные исторические, или мелкие, но о которых у меня есть достоверные свидетельства. Часть документов, самые выразительные, в малой дозе я даю прямо как документы, а большую часть перерабатываю в художественную ткань повествования, и рельеф документа поднимаю зримо, плотно для читателя; и вместе с тем сильно уплотняю действие»². Соглашаясь с утверждением Пиво, что «в начале “Августа Четырнадцатого” встречаются лица, которые не делают историю», Солженицын отметил, что «там в самом начале я дал, действительно, членов моей семьи, отца своего, мать, тогда ещё не знакомых, и кусочек жизни семьи матери. Они не играют существенной роли во всём дальнейшем, я это дал скорей как картинку прежней России перед войной — довольно экзотическая южная жизнь, которая в русской литературе не описана, и которая уже не будет повторена никогда, потому что ход войны и ход революции всё это разметет. Это не существенные детали картины, это как при панорамном снимке — перекрывают предыдущий кадр следующим. Чтобы представить жизнь прежде»³. Вместе с тем Александр Исаевич признавал, что его «повествование о революции в России», «движение России в революционном вихре» было бы возможно лишь в том случае, если дать «читателю ход революционных идей и событий, нарастание революционного террора и революционного движения в России за более длительный период. И тогда я стал отступать от 1914 года, сперва к 1911 году, к убийству Столыпина. Потом, оказалось, нужно отступить к 1905, к началу века»⁴.

¹ В дневнике романа о Революции Семнадцатого года Солженицын называет «Красное Колесо» романом «всей моей жизни» (запись от 18 июня 1965), а также «величайшей любовью моей жизни» (запись от 19 июня того же года) (Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: альм. М.: Русский путь, 2005. С. 9, 10).

² Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1997. Т. 3. С. 175.

³ Там же. С. 175–176.

⁴ Там же. С. 173, 174.

Подобным «отступлением» ко времени революции 1905–1907 годов, которая коснулась и семейства матери писателя, Щербаков (в «Красном Колесе» — Томчаки), являются в самом начале «Августа Четырнадцатого» размышления Романа Томчака (художественный образ будущего дяди Солженицына Р.З. Щербака) о возможной для него настоящей, и даже весьма смелой, левой политической деятельности и его же воспоминания о неприятном столкновении с настоящими левыми радикалами в недавнем прошлом.

«Да можно было бы подумать и о социализме, если б это не было так связано с грабежом, с отнятием законного имущества. Единственное личное воспоминание о социализме было у Романа — от Девятьсот Шестого, кость в горле, обиднейшая потеря за всю жизнь. Да если бы потеря! — с потерей можно примириться как с убытками от грозы, от засухи, от колебания цен. Потерять — не унизительно, кто не теряет! Но своими руками добровольно протянуть кровные деньги этим наглецам, этим рожам мерзавским, ни ума, ни трудолюбия не хватило б у них двадцатую долю того заработать! А весь их труд был — писарским почерком с завитушками написать и разослать всем экономистам письма: “Уважаемый Захар Фёдорович! С вас причитается сорок (с кого — и пятьдесят!) тысяч пожертвования на революционную работу, иначе вам наступит немедленная смерть. Анархисты-коммунисты”. И первых отказавшихся — для подтверждения действительно убили, всю семью.

Что было делать? Революция, все напуганы, власти в себе не уверены. А настроение образованного общества: на революцию? вы обязаны! ваш долг святой перед ограбленным народом. (Да если б на законную революцию, сбросить ненавистного царя, — так сколько бы-то можно и дать.) Экономии разобщены, стоят в степи без охраны... (С тех пор Томчаки и стали держать четырёх наёмных казаков.) И пришлось ехать, на тачанке, попроще оделись, втроём: Роман, управляющий и конторщик. Отец не поехал — отец не мог бы своими руками деньги отдать, у него бы сердце разорвалось от первой тысячи.

Поехали за дальнюю глядичевую посадку. Была осень, хорошо запомнились под колёсами широкие лиловые опавшие стручки. А те приехали — из Армавира? — на фаэтоне, одетые не только не просто, но богато, один даже в визитке с атласными отворотами и с бабочкой. Очень вежливо разговаривали, считали ассигнации терпеливо. И — трое на трое, можно бы кинуться на них, избить, застрелить, ещё в засаду людей подсадить. И был револьвер в заднем кармане. Но не было решимости. Но вся Россия считала правоту — почему-то за ними, грозными, славными... Всё же не мог Роман отдать полные сорок тысяч, упёрся, торговался — и две с половиной выторговал у них, те ещё понасмехались: какие вы скупые, экономисты! (Отец очень похвалил за две с половиной тысячи.) И раскланялись превежливо, и уехали. И так никто никогда не узнал и не проверил: баррикады ли строили на те деньги? винтовки ли покупали? или просто три жулика хорошо поживились и поехали в Баку кутить с проститутками?...»⁵

⁵ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в четырёх Узлах. Узел I: Август Четырнадцатого. Кн. 1 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 7. С. 52–53. (Да-

Приведенный отрывок весьма верно отражает суть экспроприаторской деятельности анархистов-коммунистов в годы революции 1905–1907 годов, совершавшихся ими так называемых «мандатных экспроприаций». По словам исследователя, «в 1900-е гг. в революционных кругах “мандатом” называли письмо с угрозой расправы и требованием денег. Обычно такого рода экспроприациями занимались деградировавшие до полукриминального уровня группы бывших участников революционного движения или изображавшие себя революционерами бандиты. Авторитетные деятели российского анархизма осуждали использование “мандатов”»⁶. Один из анархистов-коммунистов, член одесской анархистской группы «Чёрное знамя» в 1906–1907 годах, «честный и идейный анархист, осуждённый военно-окружным судом на 20 лет каторги», М. Знаменский с горечью писал из тюрьмы о том, что «наши мечты о создании могучей всемирной анархической федерации» рассеялись, «как прах. Полный разгром, как физический, так и моральный. И этот последний ещё вреднее первого. Мало того, что мы заполним собой виселицы полевых и военных судов, мало того, что тюрьмы России и Сибири кишат анархистами, мало этого, говорю, ибо этот разгром наших сил ничто в сравнении с моральным разложением. Вся грязь и мерзость жизни, все тёмные элементы, ловящие рыбу в мутной воде, всё это сгруппировалось теперь под именем анархизма, этого чистого и святого идеала. Наше дорогое знамя, которое мы думали поднять во имя нашей великой борьбы, бессильно шлёпается в грязи. Всякий шарлатан маскируется анархистом, и на всякого босяка смотрят, как на анархиста»⁷.

Вполне вероятно, что, рисуя маленькую «картинку» дореволюционной жизни семьи своего деда на Кубани, Солженицын «перерабатывал в художественную ткань повествования» услышанные в детстве и юности и сохранившиеся в памяти рассказы родных о тех событиях, которые произошли в кубанском имении З.Ф. Щербака в годы первой российской революции. Можно предположить, что автор «Красного Колеса» мог опираться и на какие-то иные «достоверные свидетельства», кроме семейного предания, что, однако, требует дополнительного изучения и подтверждения на основе подготовительных материалов к «Красному Колесу» из архива писателя. Между тем сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи (Ф. 102)⁸ доку-

лее, в предисловии и в комментариях к документам, произведения Солженицына (если не оговорено иное) цитируются по этому изданию (2006–...); номера томов (римские цифры) и страниц (арабские цифры) даются в тексте в скобках.)

⁶ Цитируется комментарий Д.И. Рублева к воспоминаниям М. Знаменского, включенным в подготовленные к публикации Рублевым свидетельства анархистов, участников революции 1905–1907 годов (Анархистское движение эпохи Первой российской революции глазами его участников // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства. М.: Полит. энциклопедия, 2017. С. 399–400).

⁷ Анархистское движение эпохи Первой российской революции... С. 399.

⁸ О Департаменте полиции и подчиненных ему органах политического сыска Российской империи см. комментарии к публикации «Желание увидеть Царя». Подобным же обра-

менты, которые не были известны Солженицыну, дают замечательную возможность уточнить не столько и без того великолепно переданный «дух» «истинной истории» о том, как шайка анархистов-коммунистов терроризировала землевладельцев Лабинского (Армавирского) отдела Кубанской области, сколько ее «букву», фактическую сторону (начиная хотя бы с того, что вся основная часть истории имела место в конце 1907, а не 1906 года).

Не вдаваясь в краткий пересказ содержания публикуемых документов, хотелось бы отметить, что описанные в них события поразительным, если не прямо символическим образом отразили на конкретном примере не только самый ход нарастания в России революции, но и участие в борьбе с революцией П.А. Столыпина — в то время председателя Совета министров Российской империи, министра внутренних дел, шефа жандармов и одной из ключевых фигур «Красного Колеса». Ведь, по мнению А.И. Солженицына, Столыпин — «выдающийся государственный деятель вообще, и по масштабам разных столетий России. А в Двадцатом веке более крупного государственного деятеля у нас не было. В своей ретроспекции я ведь отступил до начала царствования Николая II, и мне пришлось невольно показать, что за первые одиннадцать лет его царствования, к 1905 году, практически так уже было много потеряно, что Россия была накануне гибели. И Столыпин сумел вытянуть Россию из этой бездны и поставить ее на прочный путь развития. Если бы Столыпин не был убит, ещё несколько лет этого развития, решительно менявшего всю структуру, социальную структуру государства, не только её экономику, — и Россию нельзя было бы свалить так легко. Я глубоко убеждён, что убийство Столыпина, выстрел этот, решил судьбу развития России, потому что сразу руководство попало в слабые и неумелые руки, которые не могли Россию вести правильно»⁹. Убийца же Столыпина, Д.Г. Богров, хотя и действовал, стреляя в премьер-министра, как террорист-одиночка, первоначально также относил себя к анархистам-коммунистам и входил в их киевскую группу.

Для составления кратких биографических справок об упоминаемых деятелях политического сыска и революционерах, комментирования и иллюстрирования публикуемых документов использовались материалы хранящихся в ГА РФ фондов Департамента полиции (Ф. 102), Штаба Отдельного корпуса жандармов (Ф. 110), Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (Ф. 533) и коллекции фотографий участников революционного движения, собранных Департаментом полиции (Ф. 1742). О ряде лиц, упоминаемых в документах, сведений выявить не удалось.

зом в комментариях к настоящей публикации не повторяются разъяснения реалий и краткие биографические сведения об упоминаемых в документах лицах, уже имеющиеся в предыдущей публикации о семье Щербаков.

⁹ Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 177.

1. Донесение помощника начальника Кубанского областного жандармского управления подполковника А.Н. Кормилева¹ начальнику Кубанского областного жандармского управления полковнику М.И. Воронину. *22 октября 1907*

Копия. Секретно
22 октября 1907 г.
№ 1778
г. Екатеринодар

Вследствие предписания Вашего о принятии мер к задержанию анархистов-коммунистов в селе Армавире, предъявивших требование об уплате денег на нужды революции к купцу Захарии Щербак, доношу:

17-го сего октября ко мне в квартиру явился посланный Вами проживающий в селе Армавире и имеющий в Лабинском отделе участок земли купец Захарий Фёдоров Щербак и заявил: в последних числах августа месяца настоящего года к нему в экономию, что близ станции Кубанка², явились проживающий в селе Армавире некто Золкин³ с тремя не известными⁴ ему лицами и, вызвав его, Щербака, хотели вручить ему письмо от имени анархистов-коммунистов; отказавшись от приёма письма, Щербак выгнал со двора пришедших; через несколько дней, в отсутствие его из экономии в Петербург, письмо от имени названной группы на его имя было получено по почте; в письме было изложено требование об уплате на нужды революции 15 000 рублей под угрозой смерти в случае неисполнения требования⁵.

С получением этого письма, поставив в известность о требовании местную администрацию и не встретив содействия, Щербак уполномочил своего сына Романа вести переговоры с называющими себя представителями означенной группы по вопросу о сумме уплаты, и сыном его было передано 12-го сентября для этой группы князю Педисову⁶, ныне арестованному⁷, 5000 рублей, в получении каковых Педисов выдал ему расписку (чек за № 17); в расписке тем не менее значилось, что 12-го октября Щербак должен уплатить ещё 5000 рублей⁸. После сего, в 20-х числах сентября, в Армавире было произведено задержание некоторых анархистов-коммунистов, и Щербак уплатить 12-го октября новых 5000 рублей не пожелал, и ввиду этого ему было послано новое письмо с напоминанием об уплате. На этот раз Щербак решил уже не платить деньги и снова обратился за содействием к администрации, но в содействии ему, по его заявлению, было отказано, и он решил искать защиты в Кубанском областном жандармском управлении и обратился к Вам.

Выслушав заявление Щербака, а также имея в виду предписание Ваше, я сделал нижеследующие указания Щербаку и распоряжения по вопросу об организации поимки злоумышленников: 1) узнав от Щербака, что в по-

следнее время все переговоры с представителями партии вёл его приказчик Василий Ткаченко, я поручил продолжать вести переговоры, с тем чтобы 20-е октября было назначено сроком для вручения денег партии, причём местом уплаты должна была служить квартира Щербака; 2) сделав эти указания Щербаку, я выбрал для поездки с собою унтер-офицеров Захария Лагоша⁹ и Алексея Попова¹⁰, переодетых в штатское платье, причём ввиду серьёзности дела предупредил их о цели поездки; оба названные унтер-офицеры, хотя мною и было сказано им, что в случае, если по каким-либо соображениям они не желают ехать, могут отказаться, — охотно вызвались на поездку со мною; как с ними, так и Щербаком было условлено, что при появлении злоумышленников в квартире таковые должны быть задержаны и при малейшей попытке к сопротивлению против них должно быть употреблено в дело оружие, с каковой целью мною было приказано испробовать оружие унтер-офицерам.

В целях обставления поездки наиболее секретно я в ночь на 20-е октября с указанными унтер-офицерами выехал в Армавир через станцию Тихорецкая (а не Кавказская, — по кратчайшему расстоянию) с расчётом прибыть в Армавир в 4-е часа ночи; с Щербаком же мною было условлено, что по прибытии в Армавир поезда № 4, с которым я следовал, я со своими людьми пройду, выйдя из вагона на другую сторону, а не на платформу, — до переезда пешком, а там меня будут ждать его лошади, и мы, никем не замеченные на вокзале, прибудем в его квартиру; так было и сделано.

По прибытии в Армавир мною унтер-офицер Попов был командирован за местным унтер-офицером вверенного Вам управления Иваном Алексеевым¹¹, который, также переодетый, прибыл в квартиру Щербака; между тем в это время по моим уже указаниям приказчик Ткаченко начал вести переговоры с злоумышленниками, каковых было трое; все они заявили, что в квартиру Щербака за деньгами не пойдут; тогда я, послав Ткаченко продолжать переговоры, как он уже с ними условился, на Красной улице села Армавира, и командировав для наблюдения за ними унтер-офицеров Лагоша и Попова, сам лично отправился в местную команду, где от начальника команды подъесаула Лисицына¹² потребовал в своё распоряжение 15 казаков; менее чем в 5-ть минут казаки вместе с офицером были уже готовы, и я, получив сведения от высланного мною и унтер-офицера Алексеева, что Ткаченко с злоумышленниками находятся на Красной улице, — форсированным маршем отправился с командой на Красную улицу, разделив команду казаков на две части; последним имелось в виду, на случай, если бы злоумышленники обратились в бегство, окружить их с обеих сторон, при этом казакам, также и унтер-офицерам, было отдано распоряжение в случае малейшего сопротивления пустить в ход оружие, и ружья у них были наготове.

По прибытии на Красную улицу, в 2 часа дня, куда подъесаул Лисицын должен был прийти от Кубани, а я же с другой стороны, и заметив на тро-

туаре Ткаченко с 3-мя злоумышленниками, я быстро направился со своей командой к злоумышленникам, ко мне тотчас же присоединились и все три унтер-офицера, и мы с револьверами в руках бросились к злоумышленникам; в это же самое время с другой стороны подоспел со своей командой подъесаул Лисицын. Видя себя окружёнными с обеих сторон вооружёнными людьми, тем не менее всё же двое из злоумышленников, крикнув один другому «давай отстреливаться», сделали было манёвр достать оружие из карманов, но моя команда «руки вверх», наведённые на них револьверы, мой и бывших при мне унтер-офицеров, а также подъесаула Лисицына, и ружья 15-ти казаков, по-видимому, произвели своё действие, и все трое подняли руки вверх и тотчас же по моему распоряжению были обысканы; при обыске у них были отобраны заряженные револьверы: Маузера с запасными обоймами и два «Браунинга» и документы, указывающие на их принадлежность к преступному сообществу. Во всё время обыска как я, так и бывшие со мной лица держали оружие наготове, и так как на тротуаре стал собираться народ, то во избежание попытки к освобождению задержанных лиц или же их самих к побегу мною было приказано толпе разойтись, под угрозой, что буду стрелять. Кроме револьверов у задержанных оказались: конверт из бумаги красного цвета с тремя расписками на такой же бумаге интернационального союза анархистов-коммунистов с оттисками печати того же союза в получении 1500 рублей с Горюна¹³, 5000 рублей с Щербака и третья без обозначения лица и суммы, письмо, написанное карандашом, от анархистов-коммунистов с требованием денег, записка с фамилиями лиц, коим посланы письма с требованием денег, разная переписка и матросский свисток.

После обыска все трое задержанных мною и жандармскими унтер-офицерами под конвоем команды казаков с подъесаулом Лисицыным были отведены в местную тюрьму; по дороге в тюрьму задержанные старались упираться и падали, отказываясь идти, по-видимому, рассчитывая на освобождение со стороны следовавшей вдали толпы, и поэтому были подгоняемы прикладами ружей, что в связи с неоднократным падением задержанных на мостовую причинило им ряд повреждений и ушибов головы и тела.

По доставлении в тюрьму задержанные лица мною были подвергнуты допросу, причём они оказались: 1) назвавший себя Константином Емельяновым Наумовым¹⁴, бежавшим матросом 16-го флотского экипажа¹⁵, 2) — Андреем Кузьминым Скуза¹⁶, — мещанином Сувалок, проживавший по подложному паспорту на имя крестьянина Ильи Бородина, и 3) — Василием Ефимовым Воскресенским¹⁷, крестьянином Черниговской губернии. Из задержанных лиц первые двое сознались как в принадлежности к интернациональному союзу анархистов-коммунистов, так и в получении 5000 рублей с Щербака и других лиц различных сумм денег, а также и в покушении на получение новых 5000 со Щербака; третий, Воскресенский, ни в чём себя

виновным не признал, но избобличается показаниями допрошенных мною в тот же день свидетелей.

При допросе обвиняемый Скуза назвал мне многих лиц как членов интернационального союза анархистов-коммунистов, к задержанию коих мною уже приняты соответствующие меры.

При исполнении вышеизложенного поручения унтер-офицеры Алексеев, Лагоша и Попов, а также подъяесаул Лисицын с 15-ю казаками вели себя в высшей степени стойко и доблестно.

Такой благоприятный исход поимки злоумышленников, вымогавших под угрозой смерти деньги с купца Захария Щербака, столь на него подействовал, что он, движимый чувством беспредельной благодарности к чинам Отдельного корпуса жандармов, оказавшим ему защиту, предложил мне 350 рублей и бывшим при мне унтер-офицерам 150 рублей; разъяснив Щербаку, что офицеры Отдельного корпуса жандармов служат государю императору и всегда готовы встать на защиту интересов мирных граждан без всякого с их стороны вознаграждения, — я, отказавшись от предлагаемого мне вознаграждения, изъявил согласие принять лишь 150 рублей для унтер-офицеров, каковые представляю при сём вместе с письмом Щербака на моё имя, при котором были переданы мне означенные деньги.

Приложение: Письмо Щербака и 150 рублей денег.

Подлинное подписал и с подлинным верно:

Помощник начальника Кубанского областного жандармского управления в г. Екатеринодаре подполковник *Кормилев*

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 96–98 об. Заверенная копия. Машинопись. Заверительная подпись-автограф.

¹ *Кормилев* Александр Николаевич (1864–?), из дворян Курляндской губернии; подполковник (1906); окончил 2-е Константиновское военное училище (1884); с 1895 года офицер Отдельного корпуса жандармов; помощник начальника Таврического губернского жандармского управления в Ялтинском уезде (1897–1905), помощник начальника Кубанского областного жандармского управления (1905–1907), Волынского (1907–1913) и Могилевского (1913–1916) губернских жандармских управлений; полковник (1916); с 1916 года начальник Архангельского губернского жандармского управления.

² Станция Кубанская и территория, которую занимала экономия З.Ф. Щербака, включая сохранившийся усадебный дом, ныне входят в состав города Новокубанска Краснодарского края, центр одноименного района. Земли имения, ранее принадлежавшие графу Граббе и сдававшиеся в аренду немецким колонистам, были приобретены Захаром Федоровичем, как совладельцем, в начале 1900-х, а в 1909 году закреплены в единоличную собственность. «В документах 1920 года, — сообщается в исследовании, специально посвященном истории экономии, — мы находим лаконичные описания имения Щербака и “статистические” данные о постройках. “Площадь, бывшая в пользовании прежнего владельца, достигала 2000 десятин. Из них под усадьбой со всеми службами на ней было

до 8 десятин. Экономия обнесена кирпичной стеной. Все постройки в экономии возведены также из кирпича. Имеется дом 2-этажный, бывший владельческий, отдельные помещения для служащих, контора, службы различного назначения. Всё в достаточно удовлетворительном состоянии. В усадьбе парк и сад. За последними наблюдает и производит соответствующие работы садовник, служивший и прежде при владельце. <...> В имении находится мельница вальцовая со штатом служащих. Имеется небольшой запас нефти, и ею производят помол для окрестного населения. Работает двигатель — дизель, 50 сил, имеет 2 станка, суточная производительность до 2500 пудов. При мельнице соответствующие складские помещения”» (*Гангур Н.А., Жданова Л.А.* Кубанское имение пятигорского купца З.Ф. Щербака: Историко-культурный экскурс // Теория и история культуры. 2015. № 4 (59). С. 11. Подробнее описание имения см.: Там же. С. 11–13). «Имение довольно богатое; все постройки каменные, кругом идёт каменная ограда, много сельскохозяйственных машин, паровая мельница, своя электрическая станция, телефон и водопровод. Дом двухэтажный, при нем фруктовый сад и виноградник, несколько беседок, бассейн для купанья, в саду также водопровод», — делился своими впечатлениями в дневнике в сентябре 1918 Г.А. Орлов (*Орлов Г.* Дневник добровольца: Хроника гражданской войны, 1918–1921. М.: Содружество «Посев», 2019. С. 28). Впрочем, в 1907 году имение еще не было обустроено так, как о том известно по позднейшим свидетельствам, да и вся семья Щербаков к тому времени, по всей вероятности, еще не переехала в кубанскую экономию из Ставропольской губернии (см.: *Гангур Н.А., Жданова Л.А.* Кубанское имение... С. 10.)

³ *Золкин Трофим Яковлевич* (1889–?), из крестьян села Заречья Каменской волости Новосильского уезда Тульской губернии; родился в семье чернорабочего и прачки в Армавире, там же окончил двухклассное училище, в 11 лет был отдан родителями в торговое предприятие обучаться кожевенно-обувному делу; с 1904 года член социал-демократического кружка, в 1905–1906 годах входил в боевую дружину РСДРП на Дону и Кубани; в 1906-м, «осознав ошибочность тактики борьбы социалистов всех оттенков и направлений», вступил в Северо-Кавказский союз анархистов-коммунистов, участвовал в террористических актах и экспроприациях, организовывал рабочие стачки; в сентябре 1907 года арестован в Армавире, находился под следствием в Екатеринодарской областной тюрьме, 9 августа 1910 года Временным военным судом в Екатеринодаре приговорен к смертной казни через повешение, которая кавказским наместником графом И.И. Воронцовым-Дашковым была заменена двадцатью годами каторжных работ; в 1910–1917 годах отбывал каторгу в Херсонской каторжной тюрьме, откуда вышел по амнистии в связи с Февральской революцией; после освобождения командирован в инженерно-строительную дружину в турецкий город Трапезунд, занятый войсками Кавказского фронта, где был избран членом совета солдатских и рабочих депутатов, в 1918 году после ликвидации Кавказского фронта вернулся на Кубань, где был привлечен к чекистской работе, организовывал особые отделы в частях Красной армии, занимался привлечением в ряды красноармейцев бывших фронтовиков; в 1920–1922 годах начальник карательного отряда на Кубани, затем начальник особых отделов 12-й кавалерийской и 34-й дивизий Красной армии, начальник военно-контрольных пунктов; в 1922–1925 годах работал в органах Народного комиссариата внешней торговли РСФСР (СССР).

⁴ Этими тремя «неизвестными» были князь Б.С. Педисов (о нем см. ниже примеч. 6–8), Тимофей Назарович Кривоносов (1884–?), из крестьян села Подгородина Новопавловской волости Павлоградского уезда Екатеринославской губернии, и Гремитон Николаевич Мачаидзе (1887–1910), из крестьян села Чебреви Парахетского общества Рачинского уезда Кутаисской губернии. Временным военным судом в Екатеринодаре 9 августа

1910 года Кривоносов и Мачаидзе были приговорены к смертной казни через повешение, причем впоследствии граф И.И. Воронцов-Дашков заменил Кривоносову казнь на бессрочные каторжные работы, а Мачаидзе был повешен в Екатеринодаре 22 октября 1910 года.

⁵ О том, что это вовсе не было пустой угрозой, свидетельствует, к примеру, донесение начальника Донского охранного отделения в Ростове-на-Дону подполковника С.Г. Карпова начальнику Кубанского областного жандармского управления полковнику М.И. Воронину от 28 сентября 1907 года о расследовании преступлений анархистов-коммунистов. «В 1907 году в селении Армавир Кубанской области образовалось преступное сообщество, именовавшее себя “Интернациональным союзом анархистов-коммунистов”, — отмечал Карпов. — Деятельность членов означенного сообщества выразилась в вооруженном вымогательстве под угрозой смерти денег, как у частных лиц, так и разных торговых учреждений. Вначале требуемые анархистами суммы не превышали нескольких сот рублей, но под конец значительно возросли в размере. В последнее время членами означенного сообщества под угрозой смерти были получены значительные денежные суммы с помещиков князя Капланова, Щербака и Емельяненко, комиссионера по закупке зерна Горуна, купца Мареева и многих других, причём отказавшие в уплате денег были убиты, так погибли от руки анархистов армавирские купцы Меснянкин и Шахназаров, управляющий экономией барона Штенгель Гоген и другие. Деятельность членов сообщества не ограничивалась одним Армавиrom, а распространялась также на окрестные хутора и станицы, где жертвами произвола анархистов являлись крупные землевладельцы и торговцы» (ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1907 г. Д. 755. Л. 43).

⁶ Педисов Бей Султан (1871–?), князь, из кабардинских дворян; секретный сотрудник Одесского охранного отделения; 9 августа 1910 года Временным военным судом в Екатеринодаре признан принадлежащим к Интернациональному союзу анархистов-коммунистов и виновным в вымогательстве денег под угрозой лишения жизни для целей данного союза, после чего приговорен к шести годам каторжных работ с лишением дворянства.

⁷ Арест в Армавире среди прочих анархистов-коммунистов князя Б.С. Педисова немедленно вызвал 28 сентября 1907 года недоуменный телеграфный запрос Одесского охранного отделения, чьим секретным сотрудником являлся Педисов, в Донское охранное отделение (см.: ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1907 г. Д. 755. Л. 11). За месяц с небольшим до этого, 21 августа 1907 года, жандармский офицер, курировавший Педисова, подполковник В.А. Левдик, уведомлял из Одессы начальника Донского охранного отделения подполковника С.Г. Карпова о том, что намеревающийся приехать в Ростов-на-Дону со своего хутора близ Армавира кабардинский князь — «лицо, вполне заслуживающее доверия, и даст Вам ценные сведения по делу убийств бывшего генерал-губернатора генерала Карангозова и атамана Армавирского отдела полковника Кравченко, совершенных, по сведениям, местными организациями С.Р., а также о составе С.Р.-ских комитетов армавирском и станции Минеральные Воды» (Там же. Л. 8). 30 сентября подполковник Карпов телеграфировал в Департамент полиции: «Атаман отдела, общественное мнение и агентурные сведения указывают на Педисова как на посредника между анархистами и назначенными жертвами и главного деятеля анархистов; участие его несомненно основано на корыстных целях; Педисов менял пятисотрублевую бумажку из числа ограбленных у Меринова. На вокзале показывал бумажник с 15 тысячами, между тем средствами не обладает; сведения дал неискренние; арест его произведен для удовлетворения общественного мнения и во избежание провала; необходимость ареста сознает сам; Педисов будет освобожден на днях» (Там же. Л. 14). По последовавшему в тот же день телеграфному указанию Департамента полиции Педисов, однако, не был освобожден, а отправлен под кон-

воем в Санкт-Петербург (см.: Там же. Л. 13). На допросе в Санкт-Петербургском охранном отделении 10 октября 1907 года Педисов, стремясь подчеркнуть честность своих отношений с революционерами в качестве секретного сотрудника политической полиции, утверждал: «Я лично ни от анархистов, ни от Капланова и других лиц никаких денег за свое сотрудничество не получал и не требовал. Напротив, когда Щербак предложил мне деньги за мои хлопоты, то я категорически отказался. Я живу скромно, и моих ста рублей мне достаточно. <...> Еще раз утверждаю, что никакого участия в ограблениях, кроме вышеуказанных случаев моего посредничества, я не принимал и ни одной копейкой ограбленных денег не воспользовался» (Там же. Л. 24 об., 25). Между тем о себе Педисов сообщал: «...живу частью в имении Султан-Гирей, в 60 верстах от Армавира, принадлежащем моей матери, частью в городе Армави́ре, без определенных занятий. Средства к жизни получаю частью от матери, частью от дяди, дающего своим родственникам пособие, частью от богатого троюродного брата Каплана, в общем до 1000 рублей в год. Обучался я в Ставропольской гимназии, откуда был уволен по домашним обстоятельствам из VI класса. В военной службе не служил. Под судом и следствием не состоял и к делам политического характера не привлекался. Холост» (Там же. Л. 21). В противовес этому 23 октября 1907 года, подробнее докладывая Департаменту полиции об имеющихся основаниях к аресту Педисова, подполковник С.Г. Карпов вновь отмечал, что «Педисов не только не является лицом, заслуживающим доверия, но, наоборот, что он, играя двойную роль, обогащается за счет потерпевших, участвуя с анархистами в дележе награбленных денег». Подполковник был уверен «в недобросовестности Педисова и в его активной, в целях исключительно собственной наживы, деятельности заодно с анархистами». Кроме всего прочего, по сведениям Карпова, Педисов занимался и карточным шулерством (см.: Там же. Л. 39 об., 40). К характеристике Педисова можно прибавить и мнение его сообщника анархиста Т.Я. Золкина, который, сообщая в автобиографии о своем аресте в Армави́ре в сентябре 1907 года, писал, что «был предан одним из членов нашего союза, неким князем Бий-Султан-Педисовым (другом Азефа, впоследствии разоблаченным)» (ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 1125. Л. 7 об.). Неясно, впрочем, имел ли в виду Золкин действительный факт дружбы князя Педисова с Е.Ф. Азефом или же таким образом иносказательно сравнивал приемы Азефа и Педисова в деле провокации и «двойной игры» в собственных интересах. Как бы то ни было, после не слишком продолжительного разбирательства в Санкт-Петербурге Педисов был освобожден из-под стражи 14 января 1908 года (см.: ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1907 г. Д. 755. Л. 76). То, что такая «многоликая» личность, как Педисов, была типичной для анархистской среды в широком смысле, подтверждают воспоминания «идейного» анархиста М. Знаменского. «Но что нас главным образом погубило — это увлечение частичными экспроприациями и порожденный ими “денежный разврат”, — писал он. — Из средства экспроприации стали для нас целью. Сколько жертв они поглотили. <...> Иные хорошие парни, почувствовав в своих руках то, что единственно даёт возможность пользоваться жизнью в настоящее время, забывали обо всех идеалах. Но с гордостью, впрочем, сознаю, что среди истинных анархистов, отдававших свои силы движению, такие случаи очень редки. Большей частью так поступают посторонние элементы, пристававшие к группе исключительно с конкретными целями. Они умели присасываться к нам, смотря на анархизм лишь как на золотой мешок. Да, много грязи к анархизму привлекли эти бесчисленные экспроприации». Признавал Знаменский «одной из главных язв нашего движения» и провокацию, благодаря которой «не раз в одну ночь арестовывались целые группы», объяснял же он ее тем, что «недостаточно хорошо фильтровались пристававшие к анархизму элементы» (Анархистское движение эпохи Первой российской революции... С. 401, 402.)

⁸ Вот как показывал об этом на допросе 10 октября 1907 года сам князь Б.С. Педисов: «Однажды вечером является к нам в номер (в гостинице в Армавире. — В.А.) старик армянин Карп Никитич Чентемиров, армавирский домовладелец, и обратился ко мне с просьбой поговорить по серьезному делу. Мы вышли с ним в столовую, где Чентемиров сообщил мне, что к помещику Щербак, проживающему в городе Армавире в доме Беридзе, явились анархисты и потребовали сначала 5 тысяч рублей, а когда он отказался уплатить и устроил себе вооруженную охрану, то потребовали 15 тысяч рублей, а затем сообщили, что он приговорён к смерти. Тогда Щербак обратился за советом и помощью к Чентемирову как армавирскому старожилу и умному человеку, а Чентемиров, зная о моем удачном посредничестве по делу брата (князя Капанова), обратился ко мне и упротил меня принять на себя посредничество и в этом деле. Мы в тот же день, в 10 часов вечера, поехали к Щербаку, который показал мне оставленную ему анархистами бумагу такого же вида и характера, как и полученная Капановым, и я убедился, что это дело той же группы. Щербак попросил меня переговорить с ними и выхлопотать, чтобы назначенную сумму уменьшили до 5 тысяч рублей и отменили смертный приговор. Я обещал переговорить, если удастся встретить кого-нибудь из известных уже по делу Капанова лиц. Встретивши на улице высокого в очках, я попросил его зайти ко мне; в назначенное время ко мне явился уже другой человек, имени не знаю, в лицо узнать могу, и заявил, что группа согласна отменить смертный приговор, но требует от Щербака 10 тысяч рублей, причем деньги следует отдать сразу, на следующий же день. После продолжительных переговоров делегат этот объявил мне, что группа согласна рассрочить уплату денег на 2 срока, — 5 тысяч немедленно, остальные через месяц, и что это решение окончательно, и что деньги должны быть доставлены ко мне на квартиру (в гостиницу)». В ходе допроса Педисов свидетельствовал и о том, что «все помещики и купцы настолько терроризированы, что некоторые сами, не ожидая требований, доставляли анархистам деньги» (ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1907 г. Д. 755. Л. 23–23 об., 24 об.).

⁹ Лагоша Захар, в 1901–1906 годах на действительной военной службе, рядовой, затем писарь старшего разряда 12-го пехотного Великолуцкого полка (1901–1904), старший писарь штаба 17-го армейского корпуса (1904–1906), участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, с 1906 года на сверхсрочной службе в Отдельном корпусе жандармов, унтер-офицер Кубанского областного жандармского управления (1906–1908), Волынского губернского жандармского управления (1908–1915), Временного жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции (1915), Эстляндского губернского жандармского управления (1915–1916), с 1916 года унтер-офицер, затем вахмистр Полтавского губернского жандармского управления.

¹⁰ Попов Алексей Михайлович (1880–?), из крестьян села Новосильского Тербунской волости Елецкого уезда Орловской губернии; унтер-офицер Кубанского областного жандармского управления.

¹¹ Алексеев Иван Павлович (1874–?), из мещан города Ейска Кубанской области, вахмистр Кубанского областного жандармского управления.

¹² Лисицын Михаил Васильевич, подъяесаул, на январь 1909 года командир Армавирской местной команды.

¹³ Горюн Сильвестр, «ссыпщик хлеба» (комиссионер по закупке зерна) в Армавире.

¹⁴ Наумов Константин Емельянович (1874–?), из крестьян; матрос 16-го флотского экипажа; по приговору Временного военного суда в Екатеринодаре от 7 ноября 1907 года лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу на 8 лет.

¹⁵ Флотский экипаж — в военно-морском флоте Российской империи основная береговая строевая, административная и хозяйственная единица, в которую входили все

офицерские и нижние чины (матросы), необходимые для укомплектования корабельных команд, был приравнен к полку в сухопутных войсках. 16-й флотский экипаж относился к Балтийскому флоту и располагался в Кронштадте.

¹⁶ Скуза Андрей Кузьмич (1889–?), из мещан города Сувалок, первоначально 7 ноября 1907 года Временным военным судом в Екатеринодаре приговорен к 5 годам и 4 месяцам каторжных работ, впоследствии, 29 июля 1911 года, приговором Временного военного суда в Новороссийске лишен всех прав состояния и приговорен к смертной казни через повешение, замененной 20 годами каторжных работ.

¹⁷ Воскресенский Василий Ефимович (1887–?), из крестьян Черниговской губернии; 7 ноября 1907 года Временным военным судом в Екатеринодаре приговорен к 5 годам и 4 месяцам каторжных работ.

2. Письмо З.Ф. Щербака¹ помощнику начальника Кубанского областного жандармского управления подполковнику А.Н. Кормилеву. 20 октября 1907

Копия

Милостивый государь Александр Николаевич.

Прошу принять от меня мою глубокую благодарность за то участие, которое Вы приняли в моём безвыходном положении. Прежде чем обратиться в жандармское управление, я обращался к другим должностным лицам, прося их защиты, но везде получал ответы, что они не могут ничего сделать.

Вы же были так отзывчивы и немедленно приехали в Армавир с подведомственными Вам жандармскими унтер-офицерами и, рискуя как своей, так и Ваших унтер-офицеров жизнью, выяснили и арестовали анархистов-коммунистов, требовавших с меня пятнадцать тысяч рублей.

Принося Вам от всей души мою глубокую благодарность за оказанное благодеяние, прошу не отказать принять от меня прилагаемые при сём сто пятьдесят рублей для передачи трём унтер-офицерам, участвовавшим с Вами сегодня в поимке анархистов-коммунистов.

Примите уверение в глубоком моём уважении и душевной признательности, с коим имею честь быть Вашим покорным слугою

2-й гильдии купец Захарий Фёдорович Щербак. 20-го октября 1907 года. Селение Армавир².

С подлинным верно:

Помощник начальника Кубанского областного жандармского управления в г. Екатеринодаре подполковник *Кормилев*³

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 99. Заверенная копия. Машинопись. Заверительная подпись-автограф.

¹ Судя по стилю письма, можно предположить, что непосредственным его автором был не сам Захар Федорович. Во всяком случае, в «Красном Колесе» Захар Томчак рассказывает начальнице частной женской гимназии Харитоновой в ответ на вопрос той о его собственном образовании: «полтора класса церковноприходской, как раз научился, сколько надо ему: Библию читать да Жития святых, по-русски, алэ и по-славянски, а писать — плохо совсем, а ни при одной купле его не обманешь» (VII, 46).

² На контрасте с той, по-видимому совершенно искренней в своей простоте, благодарностью, которую З.Ф. Щербак испытал к выручившим его и его сына из беды чинам Отдельного корпуса жандармов, позволительно вспомнить о том, как четверть века спустя в том же самом Армавире Захар Федорович нашел свой конец у советских «наследников», вероятно, тоже отнюдь не заслуживающих полной идеализации «сотрудников государственной безопасности» Российской империи. Как вспоминал Александр Исаевич, «дедушка мой умер в ГПУ, армавирском, — после смерти бабушки он потерял последний покой. Одни рассказывали — сам пошел в ГПУ: “Пиду скажу: яку экономию я вам виддав, хочь гудүйте менэ бесплатно до самой смирти”. Другие так: сперва в Армавире ходил из дома в дом, его кормили, а ночевать оставить боялись, он ночевал на огородах в балагане; потом внучатый племянник его, Николай Лукьянович, да нашей Тони брат, донёс — и ГПУ взяло его днём в доме, куда он зашёл. Один армавирский врач-армянин потом передавал: бросили труп его в известковую яму. Да что! Бывших лучших мастеров в его экономии тоже “раскулачили” тогда (Солженицын А.И. Школа // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2019. Вып. 7. С. 23.)

³ Своеобразным эпилогом к задержанию подполковником А.Н. Кормилевым трех анархистов, Воскресенского, Наумова и Скузы, а также к судьбе двойного агента князя Б.С. Педисова могут служить последующие донесения начальника Кубанского областного жандармского управления полковника М.И. Воронина в Департамент полиции. В частности, 25 ноября 1907 года Воронин сообщал, что в ходе расследования обстоятельств посредничества Педисова в расчетах между анархистами и теми, у кого они вымогали деньги, «спрошенный по этому делу сын Щербака (старый Щербак скрывается по причине нижеописанной) заявил, что когда были арестованы в Армавире 20 октября (о чем мною донесено командиру корпуса 24 октября за № 4917), то жандармский офицер (подполковник Кормилев. — В.А.), производивший эти аресты и отбиривший показания от свидетелей, в том числе и Щербака, говорил последним, что им больше нигде и никому не придется давать показаний. Ввиду такого обещания жандармского офицера все свидетели дали необходимые для дела показания. Между тем свидетели вскоре узнали, что дело это передано в военно-окружной суд. Мало того, когда свидетели явились в назначенный день на судебное заседание, то узнали, что защитником подсудимых будет присяжный поверенный Ширский, — личность, при которой совершенно нежелательно было давать какие-либо уличающие подсудимых показания, так как Ширский стоит вообще за всех революционеров и можно ожидать поэтому со стороны их мести. Но, не желая изменять своих прежде данных показаний, свидетели показали всё, как было. В результате подсудимые были осуждены один на 8 лет и два на 5 лет и 4 месяца в каторжные работы. Через некоторое время все свидетели получили смертные приговоры от анархистов-коммунистов, вследствие чего старый Щербак и решил пока скрываться до поры до времени, а молодой (сын его) остался жить в экономии, ожидая изо дня в день исполнения приговора. Когда ему (молодому Щербаку) было заявлено, что он может отвечать за отказ от дачи показаний как за укрывательство, то он дал следующий весьма

характерный ответ: “Если пойманных на месте преступления анархистов с личным, заведомо важных преступников, осудили в каторжные работы, причём наивысшим наказанием является для одного 8 лет, а для остальных двух 5 лет 4 месяца, то меня за укрывательство должны по крайней мере оправдать. Во всяком случае наказание будет значительно меньше того, которое я должен понести за дачу показаний, то есть смертный приговор. Я думаю, что начальство должно понять нас и войти в наше положение”. В таком же духе рассуждали и другие помещики и купцы, которых следовало допросить в качестве свидетелей по этому делу. <...> С своей стороны считаю не лишним добавить, что местные землевладельцы действительно в последнее время до того терроризированы, что боятся давать какие бы то ни было показания, чтобы не навлечь на себя подозрения со стороны анархистов в желании выдать кого-либо из них» (ГА РФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1907 г. Д. 755. Л. 66–66 об., 67). Однако спустя чуть более полугода, 11 июня 1908-го, когда страсти несколько улеглись, Воронин докладывал: «Педисов, как сообщил мне временный генерал-губернатор Кубанской области, уличен “тавричанам”, проживающими в Лабинском отделе, Щербаковыми (так в подлиннике. — В.А.), Горюном, Николенко и другими в вымогательстве у них денег от имени партии анархистов-коммунистов при допросе их судебным следователем по важнейшим делам округа Екатеринодарского окружного суда, почему Педисов заключен под стражу в Армавирскую тюрьму с перечислением содержанием (так в подлиннике. — В.А.) за названным судебным следователем» (Там же. Л. 88).

3. Письмо министра внутренних дел П.А. Столыпина¹ войсковому наказному атаману кавказских казачьих войск графу И.И. Воронцову-Дашкову². 18 октября 1907

Секретно

Особый отдел

18 октября 1907

Исход. № 137907

Его сиятельству

графу И.И. Воронцову-Дашкову

Милостивый государь граф Илларион Иванович,

По имеющимся в Департаменте полиции сведениям, атаман отдела полковник Крицкий³, будучи терроризирован разнузданностью революционеров и опасаясь предпринять против них какие-либо мероприятия, ознаменовал вступление своё в означенную должность ходатайством перед наказным атаманом об оставлении в селе Армавире 30 лиц, скомпрометированных в политическом отношении и подлежащих административной высылке. Такое заступничество за означенных лиц было оценено революционной средой, и полковнику Крицкому была гарантирована жизнь, за которую он ежеминутно опасался⁴.

Не обладая качествами, необходимыми для представителя административной власти, требующей неуклонного поддержания установленного законом порядка, и высказывая тот взгляд, что успокоение в жизнь села Армавира можно внести не твёрдою административною властью, а путём соглашения с представителями общества и только при их содействии, полковник Крицкий внушил к себе полное недоверие представителей коренного населения села Армавира, не встретившего со стороны власти, представителем коей он является, ни помощи, ни защиты от постоянных убийств и грабежей, учиняемых анархистами⁵.

Будучи проникнут либеральными взглядами, полковник Крицкий остался недоволен размещением в селе Армавира штаба и двух сотен Второго Кубанского полка, утверждая, что присылка войск умаляет его власть и что он не сторонник усмирения народа военной силой; этим полковник Крицкий снискал себе популярность среди пришлого элемента села Армавира, отличающегося своими противоправительственными взглядами.

В то же время чины армавирской полиции, почувствовав с назначением полковника Крицкого атаманом отдела полное безначалие, стали проявлять не только преступную бездеятельность, но некоторые из них (два полицейских урядника и письмоводитель полицейского участка) сами принимали участие в грабежах.

Сообщая об изложенном на благоусмотрение Вашего сиятельства, имею честь просить о последующем не оставить меня уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моём почтении и искренней преданности.

Подписал: П. Столыпин

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 94–94 об. Отпуск. Машинопись с рукописной правкой карандашом рукой чиновника Особого отдела Департамента полиции.

¹ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), из русского дворянского рода, известного с конца XVI века; гофмейстер высочайшего двора (1906), статс-секретарь (1908); окончил естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1885); гродненский (1902–1903) и саратовский (1903–1906) губернатор, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911), с 1907 года член Государственного совета; смертельно ранен в киевском городском театре членом киевской группы анархистов-коммунистов и секретным сотрудником Киевского охранного отделения Д.Г. Богровым.

² Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф; из русского дворянского рода, известного с начала XVI века; генерал-адъютант (1875), генерал от кавалерии (1890); командир лейб-гвардии Гусарского полка (1867–1874) и 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1873–1874), начальник штаба Гвардейского корпуса

(1874–1878), начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии (1878–1881), министр императорского двора и уделов и главноуправляющий Государственным коннозаводством (1881–1897), в период царствования императора Александра III — один из наиболее близких к государю сановников; с 1897 года член Государственного совета; наместник его императорского величества на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман кавказских казачьих войск (1905–1915), главнокомандующий Кавказской армией (1914–1915).

³ Критский Александр Васильевич (1863–?), полковник (1906); окончил Московское пехотное юнкерское училище; участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, кавалер ордена Св. Георгия IV степени (1907); командующий и командир 8-го Кубанского пластунского батальона (1905–1907), атаман Лабинского отдела Кубанской области (1907), командующий 7-м Кубанским пластунским батальоном (1907–1908), на май 1909 года штаб-офицер для особых поручений V класса при Военном министерстве. Здесь и далее написания фамилии (Критский и Крицкий) приводятся в соответствии с документами. Сам полковник использовал написание Критский (см. документ № 7).

⁴ Полковник А.В. Критский уже потому имел основания опасаться за свою жизнь, что его предшественник по должности атамана Лабинского отдела полковник Н.И. Кравченко был убит в Армавире террористами 7 августа 1907 года. Примечательно, что в ряду своих прошлых революционных «заслуг» об участии в убийстве Кравченко, «бывшего начальника карательного отряда в Грузии», упоминал в автобиографии и Т.Я. Золкин, один из тех анархистов-коммунистов, кто вымогал деньги у Щербаков (ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 1125. Л. 7).

⁵ По всей видимости, действовавшие в Лабинском отделе Кубанской области анархисты-коммунисты, если только они вообще подводили под свои акты мало-мальски существенное идеологическое обоснование, относились к течению «безначальцев», которые «социальной базой считали “люмпен-пролетарские” слои города, видя в них носителей коммунистического сознания. Повстанческая борьба, экспроприации и террор, осуществляемые группами люмпен-пролетариев, должны были стать сигналом к восстанию для рабочих и крестьян. Необходимость участвовать в повседневной борьбе за социально-экономические требования, входить в состав профсоюзов и крестьянских организаций при этом отрицалась» (Анархистское движение эпохи Первой российской революции... С. 400. Приводится комментарий публикатора, Д.И. Рублева).

4. Письмо министра внутренних дел П.А. Столыпина войсковому наказному атаману кавказских казачьих войск графу И.И. Воронцову-Дашкову. 11 ноября 1907¹

Его сиятельству
графу И.И. Воронцову-Дашкову

Милостивый государь граф Илларион Иванович,

В последних числах августа месяца сего года проживающему в селе Армавире купцу Захарию Щербаку от имени группы анархистов-коммунистов было прислано требование об уплате на нужды революции 15 000 ру-

блей с угрозой лишить его жизни в случае неисполнения требования. Об изложенном Щербак поставил в известность местные административные власти, но, не встретив с их стороны содействия, вошёл с представителями группы в переговоры и 12 сентября через князя Педисова, ныне арестованного, передал организации 5000 рублей. В получении означенных денег Щербак получил от князя Педисова расписку, в которой было указано, что 12 октября Щербак должен внести в группу ещё 5000 рублей. От уплаты этой последней суммы Щербак уклонился, почему ему было вновь прислано угрожающее письмо с напоминанием об уплате денег. Щербак и в этот раз обратился за содействием к армавирской администрации, но в таковом ему снова было отказано, почему он и решил искать защиты у Кубанского областного жандармского управления.

Принятыми управлением мерами указанные представители группы анархистов-коммунистов 20 октября были задержаны на месте преступления с вещественными доказательствами, вполне изобличающими их в преступной деятельности.

Имея в виду, что при наличности условий, изложенных мною в письме от 18 октября за № 137907, подобное отношение чинов армавирской администрации и полиции к своим обязанностям, безусловно, будет повторяться и в будущем, казалось бы необходимым немедленно устранение полковника Крицкого от должности атамана отдела, а также и старших чинов полиции в Армавире.

Сообщая об изложенном на благоусмотрение Вашего сиятельства, имею честь просить о последующем не оставить меня уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моём почтении и искренней преданности.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 101–101 об. Отпуск. Машинопись с рукописной правкой карандашом рукой чиновника Особого отдела Департамента полиции.

¹ Датируется на основании ответных писем графа И.И. Воронцова-Дашкова (см. ниже документы № 5 и 6). На первоначальном рукописном варианте письма, составленном в Особом отделе Департамента полиции, имеется штамп: «Особый отдел. 12 ноября 1907. Исход. № 140417» (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 102).

5. Письмо войскового наказного атамана кавказских казачьих
войск графа И.И. Воронцова-Дашкова
министру внутренних дел П.А. Столыпину. 24 ноября 1907

Секретно.
24 ноября 1907 г.
№ 4059
гор. Тифлис.

На №№ 137907 и 140417.

По вопросу о служебной
деятельности атамана
Лабинского отдела Кубанской области
полковника Крицкого.

Его высокопревосходительству
П.А. Столыпину,
г-ну министру внутренних дел.

Милостивый государь, Пётр Аркадьевич.

Вследствие писем Ваших ко мне от 18-го октября и 11-го ноября сего года за №№ 137907 и 140417 считаю нужным сообщить Вашему высокопревосходительству следующее.

По получении первого Вашего письма за № 137907 я, также располагая в то время некоторыми неблагоприятными сведениями об атамане Лабинского отдела Кубанской области полковнике Крицком, поручил начальнику 63-й пехотной резервной бригады генерал-майору Левицкому¹ произвести о служебной деятельности названного атамана отдела негласное расследование, которое ныне находится ещё в периоде производства.

После этого мною было получено второе письмо Вашего высокопревосходительства, в коем Вы сообщили мне о случае предъявления купцу села Армавира Щербаку партией анархистов-коммунистов требования об уплате на нужды революции 15 000 рублей и проявленной в этом деле полной бездеятельности армавирской полиции и вместе с тем высказали Ваше мнение о необходимости устранения от должности полковника Крицкого, а также старших чинов названной полиции.

Имея в виду, что расследование о служебной деятельности полковника Крицкого уже ведётся и что при таком условии устранение его от должности было бы неудобно, я не нашёл возможным окончательно решить возбуждённый Вами вопрос до получения расследования, но вместе с тем приказал копию с последнего письма Вашего за № 140417 препроводить генерал-майору

Левицкому для обследования также и случая, изложенного в только что помянутом письме.

По рассмотрении мною данных оконченного генерал-майором Левицким расследования я буду иметь честь сообщить Вашему высокопревосходительству как о результатах оною, так равно и всех тех мерах, кои были бы приняты мною в отношении полковника Крицкого и других административных лиц Армавира.

Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности.

Граф Воронцов-Дашков

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 103–103 об. Подлинник. Машинопись.
Подпись-автограф.

¹ *Левицкий* Василий Николаевич (1858–1911), генерал-майор (1906); выдержал офицерский экзамен при Тифлисском пехотном юнкерском училище (1877), окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1885); на январь 1909 года начальник 63-й пехотной резервной бригады.

6. Письмо войскового наказного атамана кавказских казачьих войск графа И.И. Воронцова-Дашкова министру внутренних дел П.А. Столыпину. 15 декабря 1907¹

Секретно.

15 декабря 1907 г.

№ 4364

гор. Тифлис.

На №№ 137907 и 140417.

О служебной деятельности

атамана Лабинского отдела

Кубанской области полковника Крицкого

и о принятых в отношении его мерах.

Его высокопревосходительству

П.А. Столыпину,

министру внутренних дел.

Милостивый государь, Пётр Аркадьевич.

В дополнение к письму моему от 24-го минувшего ноября за № 4059 имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству, что расследова-

ние, производившееся о служебной деятельности атамана Лабинского отдела Кубанской области полковника Критского в настоящее время окончено, причём расследованием этим выяснилось в общем следующее.

Получив назначение на должность атамана неспокойного Лабинского отдела и совершенно неправильно истолковав свои новые права и обязанности административного начальника, полковник Критский с первых же шагов своей служебной деятельности допустил целый ряд серьёзных промахов и ошибок.

Полагая, что для водворения порядка в Лабинском отделе, и в особенности в селе Армави́ре, ему главным образом необходимо заручиться поддержкой со стороны населения, полковник Критский вошёл в самые тесные отношения с представителями армавирского общества, среди которых, как оказывается, было немало лиц совершенно неблагонадёжных в политическом отношении, что было ему хорошо известно. Стараясь приобрести расположение и доверие армавирского общества и поставив себя таким образом в положение совершенно ненормальное — для административного начальника, полковник Критский ещё в начале своей деятельности по должности атамана отдела допустил по отношению нескольких из числа помянутых лиц некоторые весьма серьёзные и не вызывавшиеся необходимостью послабления. Так, ещё в то время, когда Лабинским отделом управлял ныне покойный полковник Кравченко², кубанским областным начальством по указанию временно исполнявшего должность войскового наказного атамана генерал-лейтенанта Шатилова³ было решено выслать из села Армави́ра 30 неблагонадёжных в политическом отношении лиц — руководителей революционного движения в названном селении. Однако решение это в исполнение приведено не было, так как полковник Критский, едва вступив в должность атамана Лабинского отдела, немедленно вошёл к временному генерал-губернатору Кубанской области генерал-лейтенанту Михайлову⁴ с ходатайством об отмене или по крайней мере об отсрочке на неопределённое время означенного решения, высказав при этом, что влияние этих лиц на население Армави́ра чрезвычайно велико и что они в значительной степени могут содействовать водворению во вверенном ему отделе порядка и спокойствия. Ходатайство это, к сожалению, было генерал-лейтенантом Михайловым уважено и, как оказалось впоследствии, принесло весьма нежелательные результаты, так как революционные проявления со стороны армавирского населения не только не уменьшились, но, наоборот, усилились; благомыслящая же часть общества, видя, что заведомо известные своею противоправительственной деятельностью лица не только остаются безнаказанными, но даже как бы пользуются покровительством администрации, окончательно утратили доверие к местным представителям законной власти.

Допустив ещё несколько подобных же ошибок, полковник Критский во всей последующей своей деятельности по должности атамана отдела проя-

вил отсутствие в себе твёрдой воли и настойчивости, необходимых для административного начальника, особенно в настоящее время, и притом в столь беспокойной местности как, Лабинский отдел.

Рассмотрев внимательно фактические данные расследования, произведённого о деятельности атамана Лабинского отдела полковника Критского, я пришёл к тому заключению, что этот штаб-офицер должен быть признан не соответствующим занимаемой им административной должности. Вследствие этого и вполне соглашаясь с мнением Вашего высокопревосходительства по сему предмету, изложенным в письме Вашем ко мне от 11-го ноября сего года за № 140417, я уже приказал сделать соответствующее представление в Главное управление казачьих войск о скорейшем перемещении полковника Критского с должности атамана отдела на соответствующую строевую должность в войсках вверенного мне округа.

Что касается затем затронутого Вами в том же письме вопроса о необходимости немедленного устранения от должностей вместе с полковником Критским и старших чинов армавирской полиции, то я нахожу, что применение этой меры было бы преждевременным ввиду того, что помянутые чины полиции, находясь под влиянием и в подчинении столь слабого и не соответствующему своему назначению начальника, не могли проявить в своей деятельности достаточной распорядительности, энергии и настойчивости в деле искоренения в селе Армавире преступных организаций и революционного разбоя; ввиду этих соображений я полагаю, что было бы более правильно предоставить решение вопроса о соответствии занимаемым должностям чинов армавирской полиции, как высших, так и низших, а также принятии против них тех или иных мер, тому лицу, которое будет назначено, и притом в самом непродолжительном времени, для замещения полковника Критского в должности атамана Лабинского отдела.

Примите уверение в совершенном моём почтении и искренней преданности.

Граф Воронцов-Дашков

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 104–106. Подлинник. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ На первой странице письма помета синим карандашом рукой П.А. Столыпина: «Деп<артамент> пол<иции>: Слабовато».

² Кравченко Никифор Иосифович (1852–1907), из потомственных дворян Кубанского казачьего войска; полковник (1906); окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1872); командующий, затем командир 2-го Кубанского полка (1904–1907), с которым в период 1905–1907 годов боролся с революционными выступлениями и поддерживал порядок в пределах Эриванской губернии, атаман Лабинского отдела Кубанской области (1907); убит в Армавире боевиками-террористами.

³ *Шатилов* Николай Павлович (1849–1919), генерал-лейтенант (1901), генерал от инфантерии (1908); окончил 2-е Константиновское военное училище (1867) и Николаевскую академию Генерального штаба (1874); начальник Московского пехотного юнкерского училища (1889–1896), директор 3-го Московского кадетского корпуса (1896–1899), начальник Павловского военного училища (1899–1901), начальник 4-й (1901–1902) и 10-й (1902–1906) пехотных дивизий, начальник штаба Кавказского военного округа (1906–1907), помощник наместника его императорского величества на Кавказе по военной части (1907–1913), с 1913 года член Государственного совета; умер в Тифлисе.

⁴ *Михайлов* Николай Иванович (1851–?), из потомственных дворян Уральского казачьего войска; генерал-лейтенант; окончил 3-е Александровское военное училище; наказной атаман Кубанского казачьего войска и начальник Кубанской области (1906–1908), на 1 января 1909 года начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии.

7. Докладная записка командующего 7-м Кубанским пластунским батальоном полковника А.В. Критского товарищу министра внутренних дел А.А. Макарову¹. 5 февраля 1908²

№ 49

Санкт-Петербург

ул. Гоголя³, д. 9, кв. 18

Его превосходительству

господину товарищу министра внутренних дел.

В декабре прошлого года я был устранён от должности атамана Лабинского отдела. В Штабе Кавказского военного округа, в ведении которого находится Кубанская область и в гражданском отношении, мне не сказали причин, побудивших прибегнуть к такой опорочивающей меня мере, считали устранение это простым переводом на строевую должность и говорили мне, что я просто неудачный администратор, но хороший строевой начальник. Наместник⁴ же его императорского величества на Кавказе, желая меня вполне (?)⁵ реабилитировать, выразил намерение «выдвинуть меня по строевой службе как георгиевского кавалера».

Между тем дело, которое я успел создать в Лабинском отделе за своё короткое пребывание, а именно: уничтожение преступных организаций и полное успокоение края, известного на всю Россию своею анархией, а затем мероприятия по части улучшения землепользования (35 опытных полей) — само по себе должно было заставить о себе говорить...⁶

Теперь я выждал время. Моя организационная деятельность, породившая было ложные кривотолки, обратила на себя внимание начальства, успокоившегося за судьбу запущенного края. Военное же министерство

привлекает меня к продолжению начатой сельскохозяйственной работы... Получилось какое-то тяжкое недоразумение, и я покорнейше прошу Ваше превосходительство не оставить меня со стороны Министерства внутренних дел только в одном обидном подозрении.

Полковник Критский

ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907 г. Д. 12. Ч. 24. Л. 109–109 об. Подлинник. Автограф.

¹ Макаров Александр Александрович (1857–1919), из купеческого звания; действительный тайный советник (1917); окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1878); прокурор Ревельского (1889–1894), Нижегородского (1894–1897), Московского (1897–1899) окружных судов, председатель Киевского окружного суда (1899–1901), прокурор Саратовской судебной палаты (1901–1906), старший председатель Харьковской судебной палаты (1906), товарищ министра внутренних дел (1906–1909), с 1907 года сенатор, государственный секретарь (1909–1911), министр внутренних дел (1911–1912), с 1912 года член Государственного совета, министр юстиции (1916); расстрелян в Петрограде в ходе красного террора.

² На первой странице документа помета рукой А.А. Макарова: «Настоящая докладная записка не вызывает распоряжений. Об этом объявлено лично полковнику Критскому. 20.2.1908».

³ В 1993 году улице возвращено первоначальное, до 1902 года, название — Малая Морская.

⁴ Имеется в виду граф И.И. Воронцов-Дашков.

⁵ Так в документе.

⁶ Здесь и далее многоточия документа.

Дано отъ Педагогическаго Собранія Роетовской на "Дону" женской гимназии, сод-

А. Андреевой, дочери крестянина Щербакъ
Танисіи бѣгоисповѣданія православнаго
окончившей полный курсъ въ названной
женской гимназии и проеушавшей, еущебствующій при ней,
спеціальный курсъ, въ томъ, что на основаніи §§ 44-го

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ бѣ-
годства Министрства Народнаго Просвѣщенія изд. ^{24 мая} _{5 июня} 1870 г., дѣвица Танисіа
Щербакъ какъ получившая одобрителный аттестатъ объ окон-
чаніи общаго курса въ гимназии и награжденная золотою медалью
пользуется правомъ полученія свидѣтельства на званіе домашней наставницы
по предмету математики
Пробныя уроки вышеозначенной дѣвицы Щербакъ Танисіей
даны очень хорошо писанные работы ею исполнены очень хорошо
интересъ и подаче первоначальной брачебной помощи въ несчастныхъ случаяхъ обучалась.

Въ чемъ надлежащими подписями и печатью удостоверяется.
Роетовъ на Дону, июня 1913 года.

Предсѣдатель Педагогическаго Собранія

Каталиница

Члены:

Секретарь Собранія

Фотографии из собрания
Департамента полиции
Министерства внутренних
дел Российской империи
ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 1. Д.
Л. 1

Т.Я. Золкин. Не позднее
Фотография из личного
члена Всесоюзного общ.
политкаторжан
и ссыльнопоселенцев
ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Д.

А.К. Скуза (справа)
и неизвестный после

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ № 928756

Предъявитель сего *Александр Васильевич Соколов*

(звание, фамилия, имя и отчество)

гражданин *Архипов Александр Васильевич Артиллерийск*

(указом или приказом)

63 бригады № *05/н* от *10* августа 1942 г.

А ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ
КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ

Орденом, медалью *Отечественной войны II степени*

Орден, медаль за № *23383*

Космачевский Артиллерийск 63 бр

Подпись вручающего *Сейменов*

(М. П.) *14* августа 1942 г.

ИТ НКО, 6079-42

Временное удостоверение А.И. Солженицына к ордену
Отечественной войны II степени. 14 августа 1943
ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 61. Д. 418. Л. 2

Заявление.

связи с моей реабилитацией (постановле-
Военной Коллегии Верховного Суда от 6 фев
1957г.) прошу Вас:

образить мне Орден Отечественной Войны
степени, awarded у меня Визиренной
домой КГБ СССР, г. Москва, 19 февраля 1945г.
позже переданной Вам.

Выдать мне Орден Красной Звезды, награжден
мнэ награжден приказом № 819 по 68^й Ав-
тской Пешей Артиллерийской (Аско-Ресн-
Гриаве от 8 июля 1944г. (за немением
Гриаве арденских знамен, арден мне в
время не был арден).

вернуть по приказам 2-го Белорусского
и 3-го Белорусского фронтов (наше част
с 48 Армией передавали из фронта до
от) отныне награждены мне в начале фев
1945г. арденной Красного Знамени
и арден мною не были награждены
ареста последовательно 9 февраля 1945г.)
и такой приказ найдется - Выдать

о моей жене. и приняла у
опекающих и сестры сестры в пр
указанные медали.

Отвечать прошу направить по у
Ваше адресу.

Заявление А.И. Солженицына в Президиум Верховного совета СССР.
Не позднее 8 июля 1957

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 44, 44 об.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

Москва К-9, Пущинская, 15-а

г. Москва, улица Горького,

д. 12, кв. 169

Гр-ну СОЛЖЕНИЦЫНУ А.И.

Гр-н Солженицын А.И.

Вторично предлагаем Вам явиться в Прокуратуру СССР -
улица Пущинская, 15-а, 12 февраля 1974 г. в

10-00, комната № 513, этаж 5-й.

**ПРОКУРОР СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРОКУРАТУРЫ СССР**

А. БАЛАШОВ

ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР, в ответ на ее повторный вызов

В обстановке непроходимого всеобщего беззакония, многолетие царящего в нашей стране, ~~каждого~~ а лично ко мне - и 8-летней кампании клеветы и преследований, я отказываюсь признать законность Вашего вызова и не явлюсь на допрос ни в какое государственное учреждение.

Прежде чем спрашивать закон с граждан, научитесь выполнять его сами. Освободите невинных из заключения. Накажите виновников массовых истреблений и ложных донощиков. Накажите администраторов и спецотряды, производившие геноцид /высылку НАРОДОВ/. Ликните сегодня местных и отраслевых сатрапов их бесправной власти над гражданами и помывания судами и психиатрами. Удовлетворите миллионы законных, но подавленных жалоб.

А. Солженицын

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о заключении под стражу)

" // " февраля 1974 г.

г. Москва

Следователь по особо важным делам при Генеральном Прокуроре СССР старший советник юстиции ЗВЕРЕВ, рассмотрев дело по обвинению Солженицына А.И. в совершении преступления, предусмотренного ст. 64 п. "а" УК РСФСР и принимая во внимание, что Солженицын подозревается в совершении действий, направленных на оказание помощи реакционным кругам некоторых иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР, руководствуясь ст. ст. 89 и 90 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Применить в качестве меры пресечения в отношении гр. Солженицына Александра Исаевича 1918 г. рождения, уроженца г. Кисловодска Ставропольского края, проживающего в г. Москва ул. Горького, д. 12, кв. 164, заключение под стражу, о чем ему объявить.

Постановление направить для исполнения начальнику следственного изолятора КТБ при Совете Министров СССР.

Следователь по особо важным делам
при Генеральном Прокуроре СССР

(Зверев)

Постановление мне объявлено " " _____ 1974 г.

Подпись _____

Сирякина.

А.Б. Зверев Солженицыну А.И.

«...СЧИТАЮ СЕБЯ ВПРАВЕ ПОЛУЧИТЬ УКАЗАННЫЕ МЕДАЛИ»

*История фронтовых наград А.И. Солженицына в документах
Государственного архива Российской Федерации*

В 6-м выпуске «Солженицынских тетрадей» увидела свет публикация¹ М.П. Акулова, В.А. Мазаева и Г.А. Тюриной о военном пути командира батареи звуковой разведки А.И. Солженицына и его фронтовых друзей по артиллерийскому дивизиону, подготовленная по материалам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ), в которую вошли и документы о «малом джентльменском наборе»² боевых орденов будущего писателя. Настоящая публикация является своеобразным продолжением рассказа об истории фронтовых наград Солженицына, основанным на документах из хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) фонда Верховного совета СССР (Ф. Р-7523). В годы Великой Отечественной войны именно от имени Президиума Верховного совета СССР, формального высшего коллективного органа власти в СССР, командующими и командирами соединений и частей Красной армии самостоятельно производились награждения орденами и медалями за боевые отличия³.

Спустя более чем год после осуждения А.И. Солженицына Особым совещанием при НКВД СССР 7 июля 1945-го на 8 лет лагерей Президиум Верховного совета СССР возбудил вопрос о лишении его ордена Отече-

¹ «Желаю вам — счастья — капитан!»: Фронтовой путь Александра Солженицына в архивных документах // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 283–310.

² «С первой же минуты выяснилось, что оба они — фронтовики; что вместе были на Северо-Западном фронте и вместе на Белорусском, и одинаково имели “малый джентльменский набор” орденов; что оба они в одном месяце и одним и тем же СМЕРШем арестованы с фронта, и оба по одному и тому же “общедоступному” десятому пункту; и оба получили одинаково по десятке (впрочем, и все получали по столько же)», — сравниваются в романе «В круге первом» судьбы двух героев-фронтовиков, Нержина и Рубина (Солженицын А.И. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 37). Их прототипы, соответственно, сам автор романа и Л.З. Копелев, каждый были награждены орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

³ В частности, согласно указу Президиума Верховного совета СССР от 11 ноября 1942 года «О предоставлении права награждения орденами и медалями СССР и нагрудными знаками командующим фронтами, флотами, армиями и флотилиями, командирам корпусов, дивизий, бригад, полков» командующие армиями могли награждать орденами Отечественной войны I и II степени и Красной Звезды рядовой и начальствующий состав до командира батальона и ему соответствующих включительно, командиры корпусов теми же орденами — рядовой и начальствующий состав до командира роты и ему соответствующих включительно, командиры дивизий и бригад орденом Красной Звезды — рядовой и начальствующий состав до командира роты и ему соответствующих включительно (см.: Ведомости Верховного совета СССР. 1942. № 41. С. 2). Приказы о награждении А.И. Солженицына см.: «Желаю вам — счастья — капитан!». С. 303, 307.

ственной войны II степени⁴. Ниже впервые публикуются документы дела «Солженицын Александр Исаевич» отдела учета и регистрации награжденных при Президиуме Верховного совета СССР⁵. К ним примыкает также впервые публикуемый подлинный указ Президиума Верховного совета СССР № 122/18 от 17 сентября 1947 года «О лишении Александрова А.В., Александрова Т.Я. и других лиц орденов и медалей СССР» в части, касающейся лишения Солженицына ордена Отечественной войны II степени.

Летом 1957 года, вскоре после своей реабилитации, уже сам Солженицын обратился с заявлением в Президиум Верховного совета СССР с требованием вернуть отобранный орден, а также выдать не полученный им на фронте до ареста орден Красной Звезды и медали так называемого «массового награждения», учрежденные уже после окончания войны и на которые Александр Исаевич вполне мог претендовать как участник соответствующих боевых операций (см. комментарии к документу № 6). Впервые публикуемые заявление Солженицына и возникшие в связи с этим переписка и документы отложились в материалах отдела наград Президиума Верховного совета СССР в деле под названием «Переписка с учреждениями и награжденными по вопросам лишения наград лиц, осужденных к лишению свободы, и возвращения орденов и медалей лицам, освобожденным из мест заключения (по алфавиту Солдатов — Стеценко)» за 1955–1957 годы⁶. Примечательно, что указ Президиума Верховного совета СССР № 160/18 от 18 сентября 1957 года «Об отмене указов и постановлений Президиума Верховного совета СССР и постановления Президиума ЦИК СССР о лишении Амбольдта Е.Ф., Ашимбаева Т. и других лиц орденов и медалей СССР», благодаря которому по итогам рассмотрения заявления Солженицыну вернули орден Отечественной войны II степени, был принят ровно через 10 лет и один день после вышеупомянутого указа за 1947 года⁷.

⁴ Согласно указу Президиума Верховного совета СССР от 20 мая 1942 года «Об учреждении ордена Отечественной войны I и II степени» «лишение ордена Отечественной войны производится Президиумом Верховного совета СССР в порядке статьи 18 Общего положения об орденах СССР» (Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР (1938 – июль 1956 г.). М.: Гос. изд-во юридич. лит., 1956. С. 255). В соответствующей же статье Общего положения об орденах СССР, утвержденном постановлением Центрального исполнительного комитета советов СССР и Совета народных комиссаров СССР 7 мая 1936 года, говорилось, что «основанием для лишения ордена могут служить судебный приговор или совершение награжденным порочащих его поступков» (Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1936. № 24. С. 198).

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 61. Д. 418.

⁶ Там же. Оп. 75. Д. 1442. Л. 44–51 об.

⁷ В части, касающейся А.И. Солженицына, указ ранее уже публиковался по копии из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации: «Желаю вам — счастья — капитан!» С. 309–310. Подлинник указа находится на хранении в ГА РФ в фонде Верховного совета СССР (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 72. Д. 772. Л. 70–73), в настоящей публикации не приводится.

1. Временное удостоверение А.И. Солженицына к ордену Отечественной войны II степени. 14 августа 1943

ВРЕМЕННОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ № 928756

Предъявитель сего лейтенант Солженицын Александр Исаевич награжден приказом командующего артиллерией 63 армии¹ № 05/н от 10 августа 1943 г.

ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ
НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Орденом, медалью Отечественной войны II степени.

Орден, медаль за № 23363.

Командующий артиллерией 63 армии генерал-майор артиллерии
Семёнов².

14 августа 1943 г.

ГА РФ. Ф. Р–7523. Оп. 61. Д. 418. Л. 2. Типографский бланк с печатью, заполненный от руки фиолетовыми чернилами. Подпись вручающего орден и число в дате вручения — автограф красным карандашом.

¹ 63-я армия (второго формирования, 1943–1944) Красной армии — общевойсковая армия в составе Брянского, Центрального, Белорусского фронтов, принимала участие в освобождении Орла, в Брянской и Гомельско-Речицкой наступательных операциях.

² Семёнов Николай Никонович (1896–1988), генерал-майор артиллерии (1941), генерал-лейтенант артиллерии (1943), командующий артиллерией 63-й армии.

2. Выписка из отношения финансового отдела Административно-хозяйственно-финансового управления Народного комиссариата государственной безопасности СССР в отдел учета и регистрации награжденных при Президиуме Верховного совета СССР. 31 августа 1945

Сов. секретно.

В отдел учета и регистрации награжденных при Секретариате Президиума Верховного совета Союза ССР
г. Москва.

Финансовый отдел АХФУ НКГБ СССР при этом препровождает ордена, медали и орденские документы по делам нижеследующих лиц:

<...>

4. СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича рожд. 1918 г.

а) медаль «Отечественная война II ст.» № 23363 1 шт.

б) временное удостоверение № 928756 к медали 1 шт.
СОЛЖЕНИЦЫН А.И. осужден 7.VII.45 г. Особым совещанием при НКВД
СССР к заключению в ИТЛ сроком на 8 л. без конфискации имущества.
Зам. начальника финотдела АХФУ НКГБ СССР
(Боровков)
Старший бухгалтер:
Верно: [Подпись]
Медаль приняла
Абранина
12.XI.45 г.
акт 1304/77

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 61. Д. 418. Л. 1. Заверенная копия. Машинопись.

3. Письмо управляющего делами Президиума Верховного
совета СССР Н.К. Козлова¹ генеральному прокурору СССР
К.П. Горшенину². 31 июля 1946

Секретно.

Генеральному прокурору СССР
действительному государственному
советнику юстиции ГОРШЕНИНУ К.П.
31.VII.46 г.
№ Н-522/с
Направляю Вам выписку из отношения финотдела АХФУ НКГБ СССР за
№ 3Ф/7611.

Прошу дать Ваше заключение для Президиума Верховного совета СССР о
лишении ордена «Отечественной войны II ст.» СОЛЖЕНИЦЫНА Александра
Исаевича.

Приложение: на 1 п.л.

Управляющий делами Президиума Верховного совета СССР
(Н. Козлов)
Верно: [Подпись]

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 61. Д. 418. Л. 3. Отпуск. Машинопись.

¹ Козлов Николай Кузьмич (1893–1973), советский партийный и государственный деятель, неоднократно занимал руководящие партийные и советские должности в различных губерниях, краях и областях РСФСР, заведующий отделом ЦК РКП(б) – ВКП(б) (1924–1927, 1932–1933, 1935), заведующий Секретариатом Президиума Центрального исполнительного комитета советов СССР (1935–1938), управляющий делами Президиума

Верховного совета СССР (1938–1947), начальник Канцелярии Президиума Верховного совета СССР (1947–1959).

² Горшенин Константин Петрович (1907–1978), советский юрист и государственный деятель, народный комиссар юстиции РСФСР (1940–1943), прокурор (с 1946 — генеральный прокурор) СССР (1943–1948), министр юстиции СССР (1948–1956).

4. Заключение исполняющего обязанности главного военного прокурора Вооруженных сил СССР Ф.Л. Петровского¹.

7 августа 1946

Секретно.

Экз. № 1

Управляющему делами Президиума Верховного
совета Союза ССР

тов. КОЗЛОВУ

На № Н-522/С от 31.VII-1946 года.

7 августа 1946 г.

№ 2/н-о7863

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич, 1918 года рождения, уроженец гор. Кисловодск, русский, гр-н СССР, с высшим образованием, быв. член ВЛКСМ с 1936 г., до ареста служил в Красной армии командиром батареи звуко-разведки на втором Белорусском фронте, имел воинское звание — капитан.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 7.VII-1945 г. СОЛЖЕНИЦЫН осужден за антисоветскую деятельность сроком на 8 лет лишения свободы.

СОЛЖЕНИЦЫН А.И. подлежит лишению ордена «Отечественной войны 2-й степени».

И. о. главного военного прокурора Вооружённых сил Союза ССР
генерал-майор юстиции *Петровский*.

Солженицын А.И.

ЛИШЁН 17.IX.47 г.

Президиума Верховного совета СССР
орд. «Отеч. в. 2 ст.»

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 61. Д. 418. Л. 4. Машинопись на бланке главного военного прокурора. Подпись-автограф зеленым карандашом.

¹ Петровский Филипп Лаврентьевич (1892–1974), военный прокурор, генерал-майор юстиции (1943), военный прокурор Ленинградского фронта (1943–1945) и Ленинградского военного округа (1945–1946).

5. Указ Президиума Верховного совета СССР № 122/18
«О лишении Александрова А.В., Александрова Т.Я.
и других лиц орденов и медалей СССР». 17 сентября 1947

За проступки, порочащие звание орденосца, согласно «Общему положению об орденах СССР», лишить орденов и медалей СССР:

<...> 168. Солженицына Александра Исаевича — ордена Отечественной войны II степени. <...>

Председатель Президиума Верховного совета СССР — Н. Шверник¹

Секретарь Президиума Верховного совета СССР

(А. Горкин²)

Москва, Кремль

« » 1947 г.

ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 165. Л. 166, 176, 197. Подлинник. Машинопись на бланке «Указ Президиума Верховного совета СССР». На первом листе документа автографы членов Президиума Верховного совета СССР: «За. Шкирятов³» красным карандашом и «За. О. Куусинен⁴» фиолетовыми чернилами. Подписи-автографы Н.М. Шверника и А.Ф. Горкина на последнем листе документа отсутствуют.

¹ Шверник Николай Михайлович (1888–1970), советский государственный и партийный деятель, народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (1924–1925), председатель Президиума Верховного совета РСФСР (1944–1946), председатель Президиума Верховного совета СССР (1946–1953), председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1956–1966).

² Горкин Александр Федорович (1897–1988), советский государственный и партийный деятель, секретарь Президиума Центрального исполнительного комитета советов СССР (1937–1938) и Президиума Верховного совета СССР (1938–1953, 1956–1957), председатель Верховного суда СССР (1957–1972), председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС (1959–1961).

³ Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954), советский государственный и партийный деятель, с 1934 года член, затем заместитель председателя (1939–1952) Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), председатель (1952–1954) Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

⁴ Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964), советский государственный и партийный деятель, деятель международного коммунистического движения, секретарь Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (1921–1939) и член его Президиума (1922–1939), глава правительства и министр иностранных дел марионеточной Финляндской Демократической Республики (1939–1940), председатель Президиума Верховного совета Карело-Финской ССР (1940–1956), заместитель председателя Президиума Верховного совета СССР (1940–1958).

6. Заявление А.И. Солженицына в Президиум Верховного совета СССР. *Не позднее 8 июля 1957*¹

Секретариат Президиума Верховного совета СССР
Отдел учёта и регистрации награжденных
капитана² запаса³
Солженицына Александра Исаевича,
1918 г. рождения,
проживающего: г. Рязань,
1-й Касимовский пер. 12, кв. 3⁴

Заявление.

В связи с моей реабилитацией (постановление Военной коллегии Верховного суда от 6 февраля 1957 г.⁵) прошу Вас:

1) возвратить мне орден Отечественной войны II степени, отобранный у меня Внутренней тюрьмой КГБ СССР, г. Москва, 19 февраля 1945 г.⁶ и позже переданный Вам.

2) выдать мне орден Красной Звезды, которым я был награждён приказом № 019 по 68-й армейской пушечной артиллерийской Севско-Речицкой бригаде от 8 июля 1944 г. (за неимением в бригаде орденских знаков, орден мне в то время не был вручён).

3) проверить по приказам 2-го Белорусского фронта и 3-го Белорусского фронта (нашу часть вместе с 48 армией⁷ передавали из фронта во фронт) факт награждения меня в начале февраля 1945 г. орденом Красного Знамени⁸ (приказ и орден мною не были получены из-за ареста, последовавшего 9 февраля 1945 г.) и, если таковой приказ найдётся — выдать мне орден.

4) рассмотреть вопрос о награждении меня медалями:

«За участие в Отечественной войне»⁹,

«За взятие Варшавы»¹⁰,

«За взятие Кёнигсберга»¹¹,

которые после моего ареста выдавались в моей части. Я принимал участие в этих операциях и считаю себя вправе получить указанные медали.

Ответ прошу направить по указанному выше адресу.

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 44, 44 об. Автограф фиолетовыми чернилами.

¹ Датируется по помете в конце справки отдела наград Президиума Верховного совета СССР о награждениях А.И. Солженицына орденами и медалями СССР (см. документ № 7). Очевидно, что инициатива по наведению справки не могла возникнуть ранее, чем поступило заявление Солженицына. Согласно биографическому исследованию Л.И. Сараскиной, вплоть до 13 июня 1957 года Александр Исаевич оставался в поселке Торфопроduct Владимирской области, близ которого ранее жил у М.В. Захаровой, рабо-

тая учителем в мезиновской средней школе, и лишь в ночь на 13-е выехал в Москву, где встретился с женой, Н.А. Решетовской, и прожил неделю в столице (см.: *Сараскина Л.И. Солженицын*. М.: Мол. гвардия, 2009. С. 432). Вполне вероятно, что заявление было направлено почтой, однако почтового конверта, в котором оно могло поступить в Президиум Верховного совета СССР, в архивном деле не имеется.

² Воинское звание капитан было присвоено А.И. Солженицыну приказом войскам 1-го Белорусского фронта 7 мая 1944 (см.: «Желаю вам — счастья — капитан!» С. 305).

³ А.И. Солженицын был уволен в запас из кадров Советской армии с зачетом времени пребывания в заключении приказом министра обороны СССР от 29 апреля 1957 года (см.: «Желаю вам — счастья — капитан!» С. 309).

⁴ Солженицын указал свой, на тот момент будущий, адрес в Рязани, по которому он поселится лишь 27 июня 1957 года, после возвращения с женой из теплоходного путешествия по Волге и Оке (см.: *Сараскина Л.И. Солженицын*. С. 432–433).

⁵ Факсимильная копия и текст определения (а не постановления) Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 февраля 1957 года об отмене постановления Особого совещания при НКВД СССР от 7 июля 1945 года опубликованы в кн.: Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ имени А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014]. М.: Русский путь, 2013. С. 150–151, 152–153.

⁶ День привоза А.И. Солженицына под конвоем в Москву после ареста на фронте 9 февраля 1945 года.

⁷ 48-я армия (второго формирования, 1942–1945) Красной армии — общевойсковая армия в составе Брянского, Центрального, Белорусского, 1-го, затем 2-го и 3-го Белорусских фронтов, принимала участие в оборонительных боях восточнее Орла, освобождении Орла, в Гомельско-Речицкой наступательной операции, освобождении Белоруссии и Польши, Восточно-Прусской стратегической операции.

⁸ В автобиографической повести «Адлиг Швенкиттен», где описан бой у одноименной восточнопрусской деревни 26–27 января 1945 года, Солженицын свидетельствует: «Ещё на день раньше (1 февраля. — В.А.) командование пушечной бригады подало в штаб артиллерии армии наградной список на орден Красного Знамени за операцию 27 января. Список возглавляли замполит Выжлевский, начальник штаба Вересовой, начальник разведки бригады, ниже того нашлись и Топлев, и Кандалинцев с Гусевым, и комбат-звуковик (литературный двойник автора. — В.А.)» (*Солженицын А.И. Адлиг Швенкиттен: Односуточная повесть* // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 1. С. 527). О том, как капитан Солженицын вывел из немецкого «мешка» свою звуковую батарею, см. также: *Сараскина Л.И. Солженицын*. С. 259–261. Хотя факт представления Солженицына к ордену Красного Знамени и не был подтвержден Министерством обороны СССР (см. документ № 7), возможно, что «наградной список», упоминаемый писателем, действительно существовал в том или ином виде или даже сохранился в фондах ЦА МО РФ, но требует дополнительного поиска, в том числе по до сих пор не рассекреченным документам. Извлечения из наградных листов однобригадников Солженицына за бой 26–27 января 1945 года см.: «Желаю вам — счастья — капитан!» С. 295–297.

⁹ Имеется в виду медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», учрежденная указом Президиума Верховного совета СССР 9 мая 1945 года. Награждению ею подлежали «все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, принимавшие в рядах Красной армии, Военно-морского флота и войск

НКВД непосредственное участие на фронтах Отечественной войны или обеспечивавшие победу своей работой в военных округах» (Сборник законов СССР... С. 285).

¹⁰ Имеется в виду медаль «За освобождение Варшавы», учрежденная указом Президиума Верховного совета СССР 9 июня 1945 одновременно с медалями «За освобождение Белграда» и «За освобождение Праги». Этими медалями награждались «военнослужащие Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД — непосредственные участники героического штурма и освобождения Белграда, Варшавы и Праги, а также организаторы и руководители боевых операций при освобождении этих городов» (Сборник законов СССР... С. 289–290). Однако непосредственного участия в освобождении Варшавы (14–17 января 1945) 68-я армейская пушечная артиллерийская Севско-Речицкая бригада, как и вся 48-я армия в составе 2-го и затем 3-го Белорусских фронтов, не принимала, наступая в Польше севернее и северо-западнее Варшавы, а затем в Восточной Пруссии.

¹¹ Медаль «За взятие Кёнигсберга» учреждена указом Президиума Верховного совета СССР 9 июня 1945 года одновременно с медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», наградить которыми предполагалось «всех непосредственных участников героического штурма и взятия Будапешта, Кёнигсберга, Вены и Берлина, а также организаторов и руководителей боевых операций при взятии этих городов» (Сборник законов СССР... С. 287–288).

7. Справка отдела наград Президиума Верховного совета СССР о награждениях А.И. Солженицына орденами и медалями СССР. 9 июля 1957

СПРАВКА

Солженицын Александр Исаевич

Наименование орденов и медалей	№№ наград или отметка, что знак не вручён	Дата и № приказа, указа	
		о награждении	о лишении
1. Орденом От. войны II	№ 23363	Пр. ком. арт. 63 арм. 05–10.VIII.43	Указ 17.IX.47 Н-522/с
2. Орденом Кр. Звезды	не вручён	Пр. 68 арм. пуш. арт. бр. 019–8.VII.44	не лишался

Данных о награждении его другими наградами не имеется.

Справка о награждении получена по телефону из ГУК МО¹, МВД, КГБ, ВМС от тов. Студентова

Ордена поступили XI.45.

Семёнова. 9.VII.57.

Архивный материал Н-522/с.

Текущая переписка: 1. простая нет 8.VII.57. Фалева.

2. секретная нет [Подпись]

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 45. Типографский бланк, заполненный от руки фиолетовыми чернилами.

¹ Главное управление кадров Министерства обороны СССР.

8. Письмо заместителя заведующего отделом наград
Президиума Верховного совета СССР К.Г. Суровцевой¹
А.И. Солженицыну. 19 июля 1957

19 июля 1957 г.

218

Гр-ну СОЛЖЕНИЦЫНУ А.И.

гор. Рязань, 1-й Касимовский пер.,

дом 12, кв. 3

В дополнение к Вашему заявлению необходимо направить в наш адрес нотариально заверенную копию справки о прекращении в отношении Вас уголовного дела.

Зам. зав. отделом наград

(К. Суровцева)

Верно: [Подпись]

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 46. Отпуск. Машинопись.

¹ Суровцева Клавдия Григорьевна (1906–?), инженер-химик, заведующая сектором по учету награжденных многодетных матерей отдела по учету и регистрации награжденных при Президиуме Верховного совета СССР (1946–1948), инспектор инспекторской группы при Президиуме Верховного совета СССР (1948–1953), заместитель заведующего отделом наград Президиума Верховного совета СССР (1953–1966).

9. Письмо А.И. Солженицына в отдел наград
Президиума Верховного совета СССР. 22 июля 1957

Президиум Верховного совета СССР

Отдел наград.

от Солженицына А.И.

гор. Рязань, 1-й Касимовский

пер., 12, кв. 3

В ответ на Ваше письмо № 218 от 19.7.57 посылаю Вам нотариально заверенную копию справки о моей реабилитации¹.

А. Солженицын.

22.7.57.

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 47. Автограф фиолетовыми чернилами.

¹ Нотариально заверенная копия справки Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 февраля 1957 года о реабилитации А.И. Солженицына, имеющаяся в деле (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 48, 48 об.), не публикуется. Подлинник справки из архива писателя (включая факсимильное воспроизведение) ранее опубликован в кн.: Александр Солженицын: Из-под глыб. С. 151, 154.

10. Письмо А.И. Солженицына в отдел наград
Президиума Верховного совета СССР. 1 сентября 1957

1.9.57.

Уважаемые товарищи!

По Вашему требованию я выслал Вам в июле месяце копию справки о моей реабилитации (Воен. коллегия Верх. суда, № 4н-083/57 от 11 февраля 1957 г.), однако от Вас длительный срок не получаю никакого ответа.

Убедительно прошу Вас ответить, в каком состоянии находится розыск моих наград и когда примерно я смогу их получить?

А.И. Солженицын

г. Рязань, 12

1-й Касимовский пер. 12, кв. 3

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 49, 49 об. Почтовая карточка. Автограф фиолетовыми чернилами.

11. Письмо заведующего отделом наград Президиума Верховного совета СССР Ф.С. Сазикова¹ начальнику отдела по награждениям и учету награжденных Главного управления кадров Министерства обороны СССР А.Б. Лозовскому².

17 октября 1957

17 октября 1957 г.

218

Министерство обороны СССР

Начальнику отдела по награждениям и

учёту награждённых ГУК

тов. Лозовскому А.Б.

Просим возвратить направляемые Вам орден Отечественной войны II степени № 23363 и орденскую книжку освобождённому из заключения в связи с прекращением уголовного дела гражд. Солженицыну Александру Исаевичу.

Одновременно просим Вас вручить Солженицыну орден Красной Звезды, вписать его в орденскую книжку и рассмотреть вопрос о вручении ему медалей «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Варшавы» и «За взятие Кёнигсберга»³.

Адрес гражд. Солженицына: г. Рязань, 12, 1 Касимовский пер., 12, кв. 3.

Расписку гражд. Солженицына в получении ордена и орденской книжки просим выслать в наш адрес.

Приложение: орден, орденская книжка, заявление на 1 листе и бланк расписки.

Заведующий отделом наград

(Ф. Сазиков)

Верно: [Подпись]

ГА РФ. Ф. Р–7523. Оп. 75. Д. 1442. Л. 51, 51 об. Отпуск. Машинопись.

¹ Сазиков Федор Степанович (1906–1981), экономист-международник, комсомольский и партийный работник, секретарь Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного совета СССР (1938–1941, 1945–1948), в годы Великой Отечественной войны — на политической работе в рядах действующей армии, заведующий отделом по учету и регистрации награжденных при Президиуме Верховного совета СССР (1948–1956), заведующий отделом наград Президиума Верховного совета СССР (1956–1966).

² Лозовский Александр Борисович (1907–1981), советский военный деятель, генерал-майор танковых войск (1945), в годы Великой Отечественной войны начальник штабов и командир различных танковых соединений, в послевоенное время начальник отдела по награждениям и учету награжденных Главного управления кадров Министерства обороны СССР.

³ В итоге помимо ордена Красной Звезды Солженицыну были вручены медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За взятие Кёнигсберга». В настоящее время фронтовые награды писателя экспонируются в Музее-квартире Александра Солженицына в Москве.

«ПРЕЖДЕ ЧЕМ СПРАШИВАТЬ ЗАКОН С ГРАЖДАН, НАУЧИТЕСЬ ВЫПОЛНЯТЬ ЕГО САМИ»

Уголовное дело А.И. Солженицына 1974 года

Арест и высылка А.И. Солженицына из СССР в феврале 1974 года и ряд непосредственно предшествующих им событий стали итогом многолетнего противостояния писателя и советского государства, ярко описанного в «Очерках литературной жизни» «Бодался телёнок с дубом»¹. Благодаря оказавшейся возможной после конца Советского Союза публикации документов Политбюро ЦК КПСС — на деле высшего органа власти в СССР — также сделались известны и взгляды «дуба» на деятельность «бодливого» литератора, и собственно меры, которые предпринимала против него партийно-государственная машина². Из представленных точек зрения обеих сторон с очевидностью следует, что развязка конфликта (вернее, его переход в новое качество и продолжение в новых обстоятельствах) была обусловлена и ускорена началом публикации на Западе в самом конце декабря 1973 года «Архипелага ГУЛАГа»³. «И какое ж освобождение: скрывался, таился, нёс — донёс! — вспоминал о своих чувствах автор. — С плеч — да на место камушек неподъёмный, окаменелая наша слеза. Даже держать не смели дома, а сейчас — кому не лень, друзья, приходите читайте! Много лет я так понимал: напечатать “Архипелаг” — заплатить жизнью. Не отрубить за него голову — не могут они: перестанут быть сами собой, не выстоит их держава» (XXVIII, 367–368). И действительно, уже 7 января 1974 года на заседании Политбюро генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев отметил, что «во Франции и США, по сообщениям наших представительств за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына — “Архипелаг ГУЛАГ”. <...> Пока что этой книги ещё никто не читал, но содержание её уже известно. Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня по-

¹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. (Далее это произведение Солженицына, если не оговорено иное, цитируется по данному изданию; номера тома (римские цифры) и страниц (арабские цифры) даются в тексте в скобках.)

² Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина: edition q, 1994.

³ По свидетельству писателя: «28 декабря в Переделкине, на даче Чуковских, где с осени был мой новый пустынный зимний приют, во время обычного дневного пережёва под слушанье дневного Би-би-си, я неожиданно услышал, что в Париже вышел на русском языке первый том “Архипелага”. Неожиданно — лишь в днях, я просил его и ожидал — 7 января, на православное Рождество, но по перебивчивости нашей связи опоздала моя просьба, а самоотверженные наши издатели, не зная ни воскресений, ни вечернего досуга, силами настолько малочисленными, каким удивятся когда-нибудь, опередили мои расчёты» (XXVIII, 367). Подробнее о том, как было принято решение о печатании книги, см. в комментариях к публикуемым ниже документам.

советоваться, как нам поступить дальше. По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на всё, что дорого нам»⁴. Подытоживая рассмотрение вопроса о Солженицыне, Брежнев заявил: «...я бы считал необходимым поручить КГБ и Прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учётом всего того, что сказано было здесь, на заседании Политбюро, принять соответствующие меры судебного порядка. <...> Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и всё, как следует, в соответствии с нашим законодательством»⁵.

Чуть более месяца спустя, 9 февраля 1974-го, Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР представил в ЦК КПСС записку за подписью Ю.В. Андропова, в значительной мере представлявшую собой подробный сценарий ареста и высылки А.И. Солженицына, в котором, в частности, говорилось: «В целях строгого соблюдения законности представляется целесообразным, чтобы Прокуратура СССР 11 февраля с.г. возбудила против Солженицына уголовное дело (с тов. Руденко Р.А. согласовано). Затем 12 февраля с.г. принять указ Президиума Верховного совета СССР о лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А.И. (текст указа и сообщение о нём в печати прилагаются). В этот же день Солженицын будет задержан и доставлен в следственный изолятор, где ему прокурор объявит, что против него возбуждено уголовное дело за антисоветскую деятельность. Имеется в виду при этом не отпускать Солженицына домой, а днём 13 февраля объявить ему указ Президиума Верховного совета и через несколько часов осуществить выдворение»⁶. 11 февраля предложение КГБ было одобрено постановлением Политбюро⁷, в этот же день Прокуратурой СССР было возбуждено уголовное дело (см. документ № 3), и тем самым начался обратный отсчет времени, которое писателю еще оставалось провести на родине.

⁴ Цит. по: Кремлевский самосуд. С. 352.

⁵ Цит. по: Там же. С. 361–362. Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) — председатель КГБ при Совете министров СССР (с 1978 — КГБ СССР) в 1967–1982; Руденко Роман Андреевич (1907–1981) — генеральный прокурор СССР в 1953–1981.

⁶ Цит. по: Там же. С. 444–445. В этой же записке указывалось, что накануне, 8 февраля, от властей Федеративной Республики Германия было получено принципиальное согласие на выдворение Солженицына в их страну. «Если в последнюю минуту Брандт (Вилли Брандт (1913–1992) — федеральный канцлер в 1969–1974. — В.А.), несмотря на все его заверения, по тем или иным причинам изменит свое решение, — отмечалось в записке, — то Солженицын остается под арестом и по его делу прокуратура ведет следствие. Внося вышеизложенное предложение, Комитет государственной безопасности еще раз самым тщательным образом взвешивал всевозможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но другого выхода нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае его выдворения» (Там же. С. 444, 445).

⁷ См.: Там же. С. 446.

«Прекращённое уголовное дело по обвинению Солженицына Александра Исаевича в совершении действий, направленных на оказание помощи реакционным кругам некоторых иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР» № 3–47001–1974 сохранилось в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Прокуратуры СССР⁸. Любопытно, что сведения об этом деле появились в открытом, хотя и малодоступном в силу своего ограниченного тиража, советском издании⁹ уже вскоре после высылки обвиняемого. Сотрудники Агентства печати «Новости» сообщали, между прочим, следующее: «В своём служебном кабинете на Пушкинской улице в доме 15–А Михаил Маляров (о нем см. ниже в комментариях. — В.А.) познакомил нас с материалами дела Солженицына. Многочисленные документы, подшитые в папке под номером 3–47–74, неопровержимо доказывают, что Солженицын систематически занимался преступной деятельностью, направленной на подрыв советского строя, активно содействовал самым реакционным силам в их попытках сорвать процесс разрядки международной напряженности и гальванизировать “холодную войну”. По сути дела он предстаёт не только политическим врагом СССР, но и всех государств и народов, искренне заинтересованных в мире и сотрудничестве. В документах уголовного дела Солженицын именуется гражданином. Фактически же он давно перестал быть им. Отказавшись исполнять и уважать законы своей страны, соблюдать правила жизни в обществе и обычные гражданские обязанности, он давно стал внутренним эмигрантом и врагом социалистического строя»¹⁰.

Впервые публикуемые по архивным подлинникам «многочисленные документы» уголовного дела не только наглядно свидетельствуют о степени «неопровержимости доказательств» вины обвиняемого, а также «строгости соблюдения законности», которое сопровождало арест и высылку А.И. Солженицына, но и являются своеобразным документальным комментарием к Четвертому Дополнению к «Телёнку» «Пришло молодцу к концу». В свою очередь свидетельства, запечатленные по горячим следам в «Телёнке», являются комментарием к документам уголовного дела и широко используются в данной публикации. В составе документальной подборки воспроизводится по подлиннику из архива писателя и одно из приложений к «Телёнку», повестка о вызове Солженицына в Прокуратуру СССР от 8 февраля 1974 года, как документ, непосредственно связанный с материалами уголовного дела.

⁸ ГА РФ. Ф. Р–8131. Оп. 39. Д. 14.

⁹ Королев Б., Помазнев В. Дело № 3–47–74 // В круге последнем: [сборник ст. и выступлений. М.]: Изд-во Аг-ва печати «Новости», 1974. С. 29–32. Трудно судить, носило ли дело Солженицына упоминаемый в очерке номер первоначально либо речь идет о сознательной или неумышленной ошибке авторов.

¹⁰ Там же. С. 30–31.

За возможность ознакомиться с электронной копией подлинника повестки и комментариев к ней благодарим Наталию Дмитриевну Солженицыну.

В цитатах из «Телёнка» сохранены авторские шрифтовые выделения, переданные курсивом и разрядкой. При цитировании документов КГБ, опубликованных в сборнике «Кремлевский самосуд», снята передача упоминаемых в них фамилий прописными буквами. Благодарим сотрудников Российской национальной библиотеки Дмитрия Борисовича Азиатцева и Екатерину Ивановну Лубянникову за помощь, оказанную при подготовке публикации.

1. Повестка о вызове А.И. Солженицына в Прокуратуру СССР¹. 8 февраля 1974

ПРОКУРАТУРА СССР

103793 Москва К-9, Пушкинская, 15-а

8 февраля 1974 г. №

На №

г. Москва, улица Горького,

д. 12, кв. 169

Гр-ну СОЛЖЕНИЦЫНУ А.И.

Гр-н Солженицын А.И.

Вам надлежит явиться в Прокуратуру СССР — улица Пушкинская, 15-а, 8 февраля 1974 г. в 17-00, комната № 513, этаж 5-й.

ПРОКУРОР СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ПРОКУРАТУРЫ СССР

А. БАЛАШОВ²

Архив А.И. Солженицына. Машинопись на бланке Прокуратуры СССР. Подпись-автограф А. Балашова синими чернилами.

¹ Решение о вызове А.И. Солженицына в Прокуратуру СССР последовало еще до того, как высшее советское руководство вполне убедилось в том, что в случае высылки писатель будет принят в Западной Германии, и было не чем иным, как провокацией. 6 февраля 1974 года Ю.В. Андропов и Р.А. Руденко докладывали в ЦК КПСС: «Запад явно стремится к тому, чтобы предотвратить дальнейшее нагнетание обстановки и не возбуждать некоторое время выступлений против Солженицына. Такая тактика может создать невыгодную для нас обстановку спокойствия при осуществлении мер, намеченных

в отношении Солженицына. Она, в частности, может снизить активность тех, кто заявляет о необходимости депортирования Солженицына из Советского Союза на Запад. Исходя из этого, представляется целесообразным вызвать Солженицына к заместителю генерального прокурора СССР т. Малярову М.П. и заявить ему, что в связи с его антисоветской деятельностью Прокуратура СССР считает необходимым заняться рассмотрением имеющихся на этот счет материалов. При этом от Солженицына будет взята подписка с требованием извещать Прокуратуру СССР об изменении своего местопребывания. Очевидно, что Солженицын после вызова даст очередное интервью иностранным корреспондентам, что будет использовано на Западе в антисоветской шумихе. Если он этого не сделает, то через возможность КГБ самим продвинуть сообщение по этому вопросу в западную прессу, исходя из вышеизложенной цели. Просим рассмотреть». На следующий день предложение председателя КГБ и генерального прокурора СССР было одобрено. (См.: Кремлевский самосуд. С. 435–436.) С незначительными расхождениями с подлинником текст повестки опубликован в качестве приложения к «Телёнку» под № 40 (XXVIII, 699).

² Каких бы то ни было сведений о нем выявить не удалось.

2. Справка о вызове А.И. Солженицына в Прокуратуру СССР. 8 февраля 1974

Справка

Гр-н Солженицын А.И. вызван повесткой в Прокуратуру СССР к 17 часам 8 февраля 1974 г.

Повестка передана с нарочным.

Родственники Солженицына, находившиеся дома по адресу: г. Москва, ул. Горького, д. 12, кв. 169, отказались принять повестку.

Солженицын к указанному сроку не явился¹.

Следователь по особо важным делам

при генеральном прокуроре СССР

старший советник юстиции

Ю. ЗВЕРЕВ²

«8» февраля 1974 года

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 21. Машинопись. Подпись-автограф Ю.А. Зверева синими чернилами.

¹ «8 февраля “Архипелаг” вышел в Швеции, поддержка прибывала. <...> Спокойно я работал в Переделкине. И вдруг от Али неурочный звонок: приносили повестку из Генеральной прокуратуры, явиться мне туда, и немедленно, к концу рабочего дня. (Это и невозможно было из Переделкина, голову сломя, как не рассчитали, зачем написали так?) Придравшись, что исходящего номера нет (уж до чего халтурили, спешили), повестка не мотивирована, не указаны причины вызова, в качестве кого вызываюсь (придаться непременно надо было, глазами ела эту повестку), — жена отклонила вызов»

(XXVIII, 380). По свидетельству Н.Д. Солженицыной, сообщенному публикатору, повестку она действительно не приняла, но, судя по всему, нарочный Прокуратуры все же оставил ее в квартире и таким образом документ оказался в архиве писателя.

² Зверев Юрий Александрович (1929–?), следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР.

3. Постановление о возбуждении уголовного дела в отношении А.И. Солженицына. 11 февраля 1974

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела

«11» февраля 1974 г. г. Москва

Первый заместитель генерального прокурора СССР государственный советник юстиции I класса Маляров¹, рассмотрев материалы в отношении гр-на Солженицына А.И. и имея в виду, что в его действиях содержатся признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64² УК РСФСР, руководствуясь ст. ст. 108³, 109⁴, 112⁵, 115⁶ УПК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить уголовное дело в отношении Солженицына Александра Исаевича по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

Производство предварительного следствия поручить следователю по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР старшему советнику юстиции Звереву Ю.А.

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ I КЛАССА

М. МАЛЯРОВ

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 1. Машинопись. Подпись-автограф М.П. Малярова синими чернилами.

¹ Маляров Михаил Петрович (1909–1984), военный прокурор; участник Великой Отечественной войны, военный прокурор 48-й армии (1942–1945), Советской военной администрации в Германии (1947–1950), Ленинградского военного округа (1950–1955), начальник Следственного управления КГБ при Совете министров СССР (1955–1957), старший помощник главного военного прокурора (1957–1959), военный прокурор Южной группы войск в Венгрии (1959–1961), Московского военного округа (1961–1964), первый заместитель генерального прокурора СССР (1964–1976).

² Статья 64 Уголовного кодекса РСФСР, утвержденного Верховным советом РСФСР 27 октября 1960 года, «Измена Родине» относилась к категории особо опасных государственных преступлений, пункт «а» данной статьи гласил: «Измена Родине, то есть деяние,

умышленно совершённое гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти, — наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества» (Уголовный кодекс РСФСР: С изменениями и дополнениями на 1 января 1975 года с приложением постановительно-систематизированных материалов. М.: Юридич. лит., 1975. С. 34).

³ Статья 108 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР «Поводы и основания к возбуждению уголовного дела» признавала таковыми, среди прочего, «статьи, заметки и письма, опубликованные в печати», причем отмечалось, что «дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Официальный текст с изменениями на 10 декабря 1972 с приложением постановительно-систематизированных материалов. М.: Юридич. лит., 1973. С. 39). Очевидно, именно в качестве таковых вещественных доказательств 17 листов уголовного дела А.И. Солженицына (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 3–19) занимают вырезки из центральных советских газет с материалами, подготовленными и опубликованными в соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 4 января 1974 года «О разоблачении антисоветской кампании буржуазной пропаганды в связи с выходом книги Солженицына “Архипелаг Гулаг”». В частности, оно предписывало «опубликовать в “Правде”, в “Литературной газете” статьи, раскрывающие антисоветскую, антисоциалистическую суть злостных писаний Солженицына, подлинные цели пропагандистской шумихи вокруг Солженицына, поднятой на Западе» (Кремлевский самосуд. С. 349). «За полстолетия нисколько разумом не возрастая, но много даже поубавившись от изворотливых коминтерновских 20-х годов, советская пресса умела и знала одно: лобовую брань, грубую травлю. Её и открыла “Правда” 14 января: “Путь предательства”. Материал — *директивный*: на другой день перепечатали её все крупные и местные газеты, это уже тираж миллионов под 50. Ещё на следующий день “Литгазета” указала и специальный термин для меня: *литературный власовец*. И в несколько дней посыпало изо всех типографий, со всех витрин. И главный передёрг: тюрьмы, лагеря — вообще не упоминались как тема, вся осуждаемая книга есть оскорбление памяти погибших на войне, а главное, изящно-непрозрачным выражением: как будто (и отступить можно) у подлеца три автомашины — и этот смачный кусок, брошенный толпе, более всего дразнит: “Гад! чего ему не хватало?!”» (XXVIII, 374).

⁴ Статья 109 «Обязательность рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении» предусматривала, что «прокурор, следователь, орган дознания и судья обязаны принимать заявления и сообщения о любом совершённом или готовящемся преступлении и принимать по ним решения в срок не более трёх суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях — в срок не более десяти суток» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 39–40).

⁵ Статья 112 «Порядок возбуждения уголовного дела» устанавливала, что «при наличии повода и основания к возбуждению уголовного дела прокурор, следователь, орган дознания, судья обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело. О возбуждении уголовного дела прокурор, следователь, орган дознания и судья выносят постановление. В постановлении должно быть указано время, место, кем оно составлено,

повод и основание к возбуждению дела, статья уголовного закона, по признакам которого оно возбуждается, а также дальнейшее направление дела» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 40).

⁶ В части 1 статьи 115 «Направление дела после его возбуждения» говорилось, что после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела «прокурор направляет дело для производства предварительного следствия или дознания» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 41).

4. Постановление о принятии уголовного дела, возбужденного в отношении А.И. Солженицына, к производству. 11 февраля 1974

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРИНЯТИИ ДЕЛА К ПРОИЗВОДСТВУ

1974 г. февраля месяца 11 дня следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре Союза ССР старший советник юстиции Зверев, ознакомившись с материалами дела против гр-на Солженицына А.И. по признакам ст. 64 УК РСФСР и принимая во внимание, что следствие по делу поручено мне, руководствуясь частью 2¹ ст. 115 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

принять дело к своему производству и приступить к следствию.

Следователь по особо важным делам

при генеральном прокуроре Союза ССР

(Зверев)

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 2. Машинопись. Подпись-автограф Ю.А. Зверева синими чернилами.

¹ Часть 2 статьи 115 предусматривала, что после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела «следователь приступает к производству предварительного следствия, а орган дознания — к производству дознания» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 41).

5. Справка об изучении следствием текста книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Без даты

Справка

Следствием изучен текст книги Солженицына А.И. «Архипелаг Гулак»¹ издания «Имкапресс», Париж, 1973 г., в которую входят части I и II².

Изучены также части III, IV, V и VII «Архипелаг Гулаг», исполненные на машинке с пометками автора (всего 1114 стр., включая I и II части)³.

Следователь по особо важным делам
при генеральном прокуроре СССР
старший советник юстиции

Ю. ЗВЕРЕВ

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 20. Машинопись. Подпись-автограф
Ю.А. Зверева синими чернилами.

¹ Так в документе.

² Имеется в виду первый том книги, вышедший на Западе по указанию автора после захвата органами государственной безопасности машинописного экземпляра «Архипелага...» и гибели Е.Д. Воронянской (об этом подробнее см. следующий комментарий): Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования. Т. 1. [Ч.] 1–2. Paris: YMCA-Press, 1973. «Так судьба повесила ещё и этот труп перед обложкой страдательной книги, объявшей таких миллионы. Провал был как будто бездный, непоправимый: самая опасная и откровенная моя книга, которая всегда считалась “голова на плаху”, даже если б оглашена по всему миру и тем меня защищала, — теперь была в руках у *них*, ещё и не двинувшись к печатанью, готова к негласному удушению, вместе со мной. Провал был намного крупней, чем провал 1965 года, когда взяли “Круг”, “Пир” и “Республику труда”. <...> Ни часа, ни даже минуты уныния я не успел испытать в этот раз. Жалко было бедную опрометчивую женщину с её порывом — сохранить эту книгу лучше меня, и вот погубившую — и её, и себя, и может быть многих. Но, достаточно уже учёный на таких изломах, я в шевеленьи волос теменных провижу: Божий перст! Это ты! Во всём этом август-сентябрьском бою, при всём нашем громком выигрыше — разве бы я сам решился? разве понял бы, что *пришло время пускать* “Архипелаг”? Наверняка — нет, всё так же бы — откладывал на весну 75-го, мнимо-покойно сидя на бочках пороховых. Но перст промелькнул: что спишь, ленивый раб? Время давно пришло, и прошло, — о т к р ы в а й!!!» (XXVIII, 339–340). Отдавая затем дань памяти Е.Д. Воронянской, Солженицын писал: «Эта больная, одинокая старая женщина, того не готовя и в ужасе вся, — толкнула грозный валун “Архипелага” покатиться на мир, на нашу страну, на мировой коммунизм» (XXVIII, 483).

³ Именно эта машинопись «Архипелага ГУЛАГа» была изъята благодаря оплошности тайной помощницы А.И. Солженицына по перепечатке книги Елизаветы Денисовны Воронянской, покончившей затем жизнь самоубийством. 10 сентября 1973 года КГБ при Совете министров СССР информировал ЦК КПСС: «В августе с.г. в результате оперативных мероприятий, проведённых органами КГБ в Ленинграде, удалось заполучить одну из копий этого сочинения, имеющей авторские рукописные правки. “Архипелаг Гулаг”, объёмом в 1104 страницы машинописного текста, состоит из 7 частей, каждая из которых содержит в себе от 5 до 22 глав» (Кремлевский самосуд. С. 290). Примечательно разнотчение (в одном из документов, видимо, следует предположить опечатку) количества страниц изъятой и «изученной» машинописи в «информации» КГБ и справке Прокуратуры СССР. «А тем временем захвачен был “Архипелаг”, и — худые вести не сидят на насесте — 1 сентября пришли мне сказать об этом, ещё не совсем точно. 3-го — уже навер-

няка, — вспоминал писатель. — Как именно и что произошло в Ленинграде — мы не узнали тогда, не узнали точно и до сих пор: все затронутые этой историей были окружены слежкой ГБ, и моя открытая поездка туда по горячему следу могла бы только повредить. Воронянской было уже за 60, расстроенное здоровье, больная нога, — ленинградский Большой Дом навалился на неё всей своей мощью, началось с подробного обыска, потом 5 суток допросов, потом дни неотступной слежки. За всё это время никто не сумел дать нам никакого сообщения. Что именно происходило с Воронянской, — все последние сведения от соседки по квартире, которая сама не вызывает доверия, подселенная перед тем прокурорская племянница. В вариантах её рассказа — пятна крови или даже ножевые раны на повешенном трупе, что противоречит версии о самоубийстве через петлю. Есть большие основания подозревать и убийство, если боялись, что Е.Д. сообщит мне, если она попытается такие делала. Медицинская же констатация записана — “удушение”, а труп не показан троюродной сестре. После конца допросов миновало две недели, за это время в несчастной женщине взяли верх иные чувства, чем тот страх, который она всегда испытывала к *шерстяным родственникам*, чьи когти и зубы особенно остро из всех нас предчувствовала, хотя как будто — в шутку и к острому словцу. Она металась по комнатухе, очевидно искала выхода, как известить нас об опасности. Откуда и как пришло на Воронянскую подозрение и розыск — мы ещё выясним когда-нибудь до конца, как и всю историю её смерти. Реальной работы со мной она не вела уже три года и не виделась почти. Но самое досадное, что провала никакого бы и не было: никакого хранения ей не было оставлено, но из страсти к этой книге, из боязни, что погибнут другие экземпляры, она обманула меня, поклялась и красочно описала, как, исполняя моё уже третье настойчивое требование, — сожгла “Архипелаг”. А на самом деле — не сожгла. И из-за этого только обмана — Госбезопасность схватила книгу» (XXVIII, 338–339). В «версии» КГБ, доложенной в ЦК КПСС 4 сентября 1973 года, «Воронянская по результатам обыска была допрошена и дала показания о характере знакомства с Солженицыным, поручениях, которые выполняла по его просьбе, подробно рассказала о содержании романа “Архипелаг ГУЛАГ”. Прибыв с допроса домой, Воронянская пыталась покончить жизнь самоубийством, но принятыми мерами эта попытка была предотвращена. В дальнейшем Воронянская пояснила, что причиной к этому послужил тот факт, что она дала показания, направленные против Солженицына. Воронянская была помещена в больницу для приведения её в нормальное физическое состояние, однако, будучи выписанной оттуда 23 августа 1973 года, находясь в своей квартире, покончила жизнь самоубийством через повешение. По линии органов госбезопасности и прокуратуры г. Ленинграда приняты меры к локализации возможных нежелательных последствий, и 30 августа 1973 года Воронянская похоронена своими родственниками» (Кремлевский самосуд. С. 250–251). В другой части «Телёнка» Александр Исаевич отмечал: «Что было дальше с Е.Д. в августе — достоверно мы не знаем ничего. Все сведения — от подозрительной новой соседки, медсестры, племянницы прокурора. Это — от неё версия, будто Е.Д., отпущенная через пять дней домой, всё время оставалась там, металась по комнате и говорила: “Я — Иуда, скольких невинных предала!” (Конечно, должно было разрушительно проработаться в ней и обернуться: не тот угрозный час страшен, которым пугал её Большой Дом, а вот этот ужас защемлённой одинокой жизни, — а друзья, быть может, погибли, а бесценная книга, память миллионов, не выплывет больше.) Потом будто бы с сердечным припадком легла в больницу (с помощью этой же соседки), неделю там лежала, вернулась. И вскоре, видимо в последних числах августа, повесилась в том кривом, тёмном, дурного воздуха коридоре, из Достоевского. (Но та же медсестра, выпив на поминках больше, варьировала: а на теле её были ножевые раны, кровь. Так — не вешаются.)» (XXVIII, 478).

6. Повестка¹ о вызове А.И. Солженицына в Прокуратуру СССР
и ответ А.И. Солженицына на вызов в Прокуратуру СССР.
11 февраля 1974

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик
Москва К-9, Пушкинская, 15-а

11 февраля 1974 г.
№12н

г. Москва, улица Горького,
д. 12, кв. 169
Гр-ну СОЛЖЕНИЦЫНУ А.И.
Гр-н Солженицын А.И.

Вторично предлагаем Вам явиться в Прокуратуру СССР — улица
Пушкинская, 15-а, 12 февраля 1974 г. в 10-00, комната № 513, этаж 5-й.

ПРОКУРОР СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРОКУРАТУРЫ СССР

А. БАЛАШОВ

ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР, в ответ на её повторный вызов²

В обстановке непроходимого всеобщего беззакония, многолетне царящего в нашей стране (а лично ко мне — и 8-летней кампании клеветы и преследований), я отказываюсь признать законность Вашего вызова и не явлюсь на допрос ни в какое государственное учреждение.

Прежде чем спрашивать закон с граждан, научитесь выполнять его сами. Освободите невинных из заключения. Накажите виновников массовых истреблений и ложных донощиков. Накажите администраторов и спецотряды, производившие геноцид (высылку НАРОДОВ). Лишите сегодня местных и отраслевых сатрапов их беспредельной власти над гражданами и помыкания судами и психиатрами. Удовлетворите миллионы законных, но подавленных жалоб.

А. Солженицын

11 февраля 1974 г.

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 22. Машинопись на бланке Прокуратуры СССР. Подпись-автограф А. Балашова отсутствует. Внизу к бланку приклеен лист ответа А.И. Солженицына, машинопись, подпись-автограф А.И. Солженицына черной шариковой ручкой.

¹ «Утром 11-го, по дороге в Москву, я знал уже, что отвечу прокуратуре. Но так не рано приехал я, а посыльной прокуратуры (офицер, конечно, но с застенчивой улыбкой)

так в рани рабочего дня с новой повесткой, что я не успел и с Алей обсудить как следует, и уже при нём, посыльном, посадивши его в передней, перепечатывал на машинке свой ответ — и вместо подписи приклеил его к повестке. Растянулось долго, и посыльной офицер нервничал в передней, при моём проходе зачем-то вскакивал и вытягивался. Получив ответ — благодарил, и так торопился уйти, листа не сложив, что я ему: “В конверт положите, дождь”. Втиснул неловко» (XXVIII, 382). Корреспонденты Агентства печати «Новости» в своем очерке об уголовном деле писателя отмечали, что, «взяв бланк вызова у посыльного, Солженицын вложил его в пишущую машинку со слепой буквой “е” и в тринадцати строках текста заявил о своем категорическом отказе: “...не явлюсь на допрос ни в какое государственное учреждение”» (В круге последнем. С. 29). Действительно, в машинописном ответе Солженицына, если считать с заголовком, но без подписи и даты, — 13 строк, но о «слепоте» буквы «е» вряд ли можно говорить даже с большой натяжкой. Курьезно также и то, что если на первой повестке о вызове в Прокуратуру СССР от 8 февраля 1974 года не было номера, то на повестке от 11 февраля номер имелся, но отсутствовала подпись-автограф прокурора.

² Ответ А.И. Солженицына опубликован в качестве приложения к «Телёнку» под № 41 со следующими разночтениями с подлинником: в «Телёнке» в первом абзаце — «вашего» со строчной буквы вместо прописной, во втором абзаце — после «над гражданами» запятая вместо союза «и» (см.: XXVIII, 699). В издании «Телёнка», вышедшем в составе 30-томного собрания сочинений Солженицына, кроме того, утеряно выделение слова «народов» во втором абзаце, переданное в подлиннике прописными буквами, а в «Телёнке», вышедшем в 1996-м, разрядкой (см.: *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 667). «Началась драка — бей побыстрее! Ещё при посыльном стали мы звонить корреспондентам, звать к себе. Сперва — объявить мой ответ. Но заскакивало чувство дальше, раззудись рука, — после э т а к и х слов какие ж ещё остались запреты? Выговаривать — так до дна. И схвативши третий том “Архипелага”, выпечатывали мы уже отрывок из 7-й части, из брежневского времени: З а к о н а нет. Пришли от “Нью-Йорк таймс”, от Би-би-си, я прочёл им вслух на микрофон. Вот эти два ответа за несколько часов — стоили ситуации» (XXVIII, 382–383).

7. Постановление о приводе А.И. Солженицына в Прокуратуру СССР. 11 февраля 1974

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

11 февраля 1974 г.

г. Москва

Прокурор следственного управления Прокуратуры СССР старший советник юстиции Балашов, рассмотрев материалы в отношении Солженицына Александра Исаевича и учитывая, что гр-н Солженицын А.И. был дважды вызван в Прокуратуру СССР и, не имея уважительных причин, отказался явиться по вызовам¹, руководствуясь ст. 73² УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Подвергнуть гр-на Солженицына Александра Исаевича, проживающего по адресу: г. Москва, ул. Горького, д. 12, кв. 169, приводу.

Исполнение настоящего постановления поручить МВД СССР³.

Прокурор следственного управления
Прокуратуры СССР
старший советник юстиции

(А. Балашов)

Настоящее постановление мне объявлено.

« » февраля 1974 г.

Гр-н Солженицын А.И.,
ознакомившись с постановлением,
от подписи отказался, не
объяснив причин отказа.

Следователь Ю. Зверев (Зверев).

12/II-74. 17 ч. 15 м.⁴

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 23. Машинопись. Подпись-автограф А. Балашова синими чернилами. Фиолетовая печать Прокуратуры СССР. Помета — автограф Ю.А. Зверева синими чернилами.

¹ «С утра опять работали, каждый за своим столом, — так начался тот день, в который писатель был арестован, 12 февраля 1974. — У Али много стеклось опасного, и всё лежало на столе. 10 часов, назначенные во вчерашней повестке. Одиннадцать. Двенадцать. Не идут. Молча работаем. Как хорошо работаем! — отпадает с души последняя тяжесть: Отступили! Живём дальше!! Я ответил: Судить виновников геноцида! — мир, и покой, облизнулись и отступили. Потерпят и дальше» (XXVIII, 384).

² В статье 73 «Обязанности свидетеля» говорилось: «Свидетель обязан явиться по вызову лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда и дать правдивые показания: сообщить всё известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы. При неявке свидетеля без уважительной причины лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе подвергнуть его приводу» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 27).

³ «В 3 часа дня, не обедая, я со Степаном, 5-месячным моим сыном, пошёл гулять во двор — понёс его коляску под мышкой. На просмотре всех окон, всех прохожих и дворовых, стал похаживать с бумагами, как обычно, почитывать, подумывать. Спокойный день получился», — продолжал писатель рассказ о 12 февраля (XXVIII, 385). В это же время к Солженицыну с материалами будущего сборника «Из-под глыб» пришел математик И.Р. Шафаревич. «Очередная редакция этой книги и лежала у меня последние недели, я должен был прочесть, всё некогда было, тут обнаружилось, что машинописный отпечаток мне достался очень бледный, я просил — нельзя ли ярче. 12 февраля, часа в 4 дня, Игорь и принёс мне другой экземпляр своей книги, оставил портфель в квартире, а сам спустился ко мне во двор. <...> Оставалось разменяться экземплярами. Для этого нужно было мне подняться в квартиру. И, на минутку оставив малыша со старшим мальчиком Митей, я поднялся с Игорем в дом. В большую, уже тугую, портфельную сумку уложил Игорь кроме “Социализма” ещё и две моих статьи для сборника, недавно оконченные, тут раздался звонок в дверь. Аля открыла на цепочку, пришла, говорит: “Опять из прокуратуры, теперь двое. С этим же вызовом, что-то, говорят, выяснить надо”. Было

уже близко к пяти, конец рабочего дня. Выяснить? Так успокоительно миновал день, уже спала вся тревога. Выяснить? Ну, пойдём вместе, откроем. <...> И ведь были у нас с Алей переговоры, планы: когда придут на обыск — как поступать? не дать создать им численный перевес, не впускать их больше, чем есть нас взрослых тут (подбросят на обыск любую фальшивку, не углядишь), а стараться, если телефон ещё не перерезан, назвонить друзьям, сообщить. Но ведь их же — двое, но ведь — *выяснить*... И так не даём себе времени оттянуть, подумать, — то есть подчиняемся их игре, как и описал же я сам в “Архипелаге”, — и вот теперь подчиняюсь опять, сколько же надо нас, человек, бить-молотить, учить разуму? Да ведь минувшие дни — посыльных впускали, ничего» (XXVIII, 388, 389).

⁴ «И первый, и второй ещё шли, как обычно идут, но тут же, из тёмного лестничного угла навалив, задние стали передних наталкивать — мы сообразить не успели (и для чего ж твоё восьмилетнее обучение, балбес?) — они уже пёрли плотной вереницей, между вешалкой, Игнашкиной коляской, телефонным столиком, пята, пята нас с женою, кто в штатском, кто в милицейском, маленьких ростом и слабогрудых нет, — восьмеро!!! Я стал кричать, что-то бессмысленное и повторительное — “Ах вот вы как?!.. Так вы так?!..”, — наверно, это звучало зло-беспомощно. И — дородный, чёрный, в роскошной шубе, играя под почтенного, раскрывая твёрдую папку, в каких содержат премиальные грамоты за соцсоревнование, а в ней — большая белая немятая бумага с гербами: “Старший советник юстиции Зверев! П р и в о д!” И — ручку совал, чтоб я расписался. Я отказался конечно» (XXVIII, 390).

8. Постановление о заключении А.И. Солженицына под стражу. 11 февраля 1974

Арест санкционирую:
Первый заместитель генерального
прокурора Союза ССР
государственный советник юстиции
I класса
М. Маляров
«11»/II 1974 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(о заключении под стражу)
«11» февраля 1974 г.

г. Москва

Следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР старший советник юстиции ЗВЕРЕВ, рассмотрев дело по обвинению Солженицына А.И. в совершении преступления, предусмотренного ст. 64 п. «а» УК РСФСР, и принимая во внимание, что Солженицын подозревается в совершении действий, направленных на оказание помощи реакционным кругам некоторых иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР, руководствуясь ст. ст. 89¹ и 90² УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Применить в качестве меры пресечения в отношении гр. Солженицына Александра Исаевича 1918 г. рождения, уроженца г. Кисловодска Ставропольского края, проживающего в г. Москве, ул. Горького, д. 12, кв. 169, заключение под стражу, о чём ему объявить.

Постановление направить для исполнения начальнику³ следственного изолятора⁴ КГБ при Совете министров СССР.

Следователь по особо важным делам
при генеральном прокуроре СССР
(Зверев)

Постановление мне объявлено « » _____ 1974 г.

Подпись _____

Справка.

Объявлено Солженицыну А.И.

12.2.74. в 20⁰⁵. От подписи отказался⁵.

Маляров

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 24. Машинопись. Подпись-автограф
М.П. Малярова фиолетовыми чернилами. Фиолетовая печать Прокуратуры
СССР. Подпись-автограф Ю.А. Зверева синими чернилами. Помета — автограф
М.П. Малярова синими чернилами.

¹ В статье 89 «Применение мер пресечения» было сказано: «При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого одну из следующих мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 32).

² Статья 90 «Применение меры пресечения в отношении подозреваемого» гласила: «В исключительных случаях мера пресечения может быть применена в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, и до предъявления ему обвинения. В этом случае обвинение должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента применения меры пресечения. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения отменяется» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 32).

³ Петренко Александр Митрофанович (1921–?), уроженец Ростовской области, откуда осенью 1941 года был призван на фронт, участник Великой Отечественной войны, служил в артиллерии, награжден боевыми орденами и медалями; после окончания войны до 1956 года — в Советской армии, затем в органах государственной безопасности, следователь Следственного управления КГБ при Совете министров СССР, полковник; с 1966 года начальник следственного изолятора «Лефортово». «И вот вошёл наблещенный, хитроватый седой полковник, с сопровождением, — вспоминал Солженицын о первой встрече с Петренко в тюрьме. — И спросил — самоуверенно, хотя и мягко:

— Почему не встаете? Я начальник Лефортовского изолятора, полковник Комаров!» (ХХVIII, 396).

Сам Петренко, рассказывая, спустя годы, об этих событиях в беседе с корреспонденткой газеты «Совершенно секретно», на вопрос «почему вы тогда, в Лефортове, представились Солженицыну как Комаров» ответил так: «А вы подадите руку человеку, зная, что у него — чесотка? Я не хотел, чтобы он потом, по заграницам, трепал мое имя» (*Петренко А. Бодался теленок с дубом Лефортово / Интервью вела М. Дементьева // Совершенно секретно. 1992. Май (№ 5). С. 11. 13 февраля, непосредственно перед увозом Александра Исаевича из «Лефортово» в аэропорт «Шереметьево» «хитроватый начальник лефортовской тюрьмы» зашел «провести время» с высылаемым писателем. «Уже не давая своей набоженностью, а даже как-то задумчиво, как тянет его на меня. Как на всё таинственное, необъяснимое, не подчинённое законам жизни, метеорит пролётный. Даже как будто и улыбается мне приятно. Головой избочась, разглядывает:*

— Вы какое артиллерийское училище кончали?

— Третье Ленинградское.

— А я — Второе. И ровесник ваш.

Смешно и мне. В одно и то же время бегали голодными курсантами, мечтали о скрепленных пушечках в петлицах. Только сейчас у него на погонах — эмвездистский знак. И — с чего он седой? А я — нисколько.

— Да... Воевали на одной стороне, а теперь вы — по другую сторону баррикад.

Эх, язычок ленинско-троцкий, так и присохло на три поколения, весь мир у них в баррикадах, куста калины не увидят. Баррикады баррикадами, но с вашей стороны что-то много мягкой мебели натащено. А с нашей — «руки назад!» (XXVIII, 416–417). Петренко же эту беседу изложил корреспондентке «Совершенно секретно» так:

«Солженицын. А почему вы — в артиллерийской форме?

Я. В какой форме я начал служить, в такой хочу и закончить.

Солженицын. Я тоже воевал в артиллерии.

Я. Да, когда-то мы были по одну сторону баррикад. А теперь вы пытаетесь стрелять в нас из своего ржавого пистолета, забывая, что на нашей стороне — пушки.

Солженицын улыбнулся.

— Но вы хорошо знали его убеждения. Для чего же провоцировали?

А он первым меня стал провоцировать — насчёт формы. Как бы намекал, что мне форма органов не по душе» (*Петренко А. Бодался теленок с дубом Лефортово. С. 11*).

Интересно, что приехавшей затем в «Лефортово» хоть что-нибудь узнать о судьбе мужа Н.Д. Солженицыной начальник следственного изолятора назвал свою настоящую фамилию. «По эту сторону баррикады свищи-ищи конца фамилий!» — иронически подытожил Александр Исаевич (XXVIII, 425).

⁴ Следственный изолятор «Лефортово», Лефортовская тюрьма. Построена в 1881 году и до 1917-го действовала как Московская военная тюрьма, предназначавшаяся для всех категорий нижних чинов, осужденных за воинские и общегосударственные преступления. После 1917 года служила тюрьмой-распределителем, с 1924 года — изолятором специального назначения, в 1930–1934 годах — исправительно-трудовой колонией. В 1935 году «Лефортово» реорганизуется в тюрьму для подсудимых, в следующем году переходит в подчинение Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел СССР и остается в ведении органов государственной безопасности вплоть до 2005 года. В настоящее время является Следственным изолятором № 2 Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

⁵ Сцена объявления Солженицыну в «Лефортове» постановления об аресте — одна из самых ярких и запоминающихся в «Четвёртом Дополнении» к «Телёнку»: «Вестибюльчик — вестибюльчик — дверь в кабинет. Ярко. Вкруговую по стульям: уже двое сидят (лиц

не разглядываю — откуда, кто? ряженые?), а со мной пришедшими — пятеро их. А за главным столом, сверкая лысиной, — маленький, вострый, пригнулся, и ещё под настольной лампой ярко-бело от бумаг. А посреди комнаты, на просторе, как нормальные люди не садятся, под самыми лампами — стул, к вострому лицом, и — туда мне показывают полковник и подполковник. Ничего, сидеть — лучше, чем стоять. Сел. И, чую, задние все уселись, полукругом за моей спиной. Молчим. Главный вострый — щуп, щуп меня глазами, как никогда людей не выдавши. Ничего, пош-щупай. И остро, стараясь даже пронзительно:

— Солженицын??

Ошибся. Ему бы: “Фамилия?”... Ну, ладно, поймали, держите:

— Он самый.

Опять остро:

— Александр Исаич?

Успокоительно:

— Именно.

И — с возможной звонкостью и значением:

— Я — заместитель генерального прокурора СССР — Маляров!

— А-а-а... Слышал.

У Сахарова читал. Да не написал Сахаров, что он маленький такой. По записи можно подумать — номенклатурная глыба, Осколупов.

Но — не размазывает, деловой. А может быть, воздухом одной комнаты со мной дышать не может, торопится:

— Зачитываю постановление...

Не запомнил я, кто “утверждает”, — он ли, или самый генеральный прокурор, а “поставил” всего-навсего старший советник юстиции, тот самый Зверев, в роскошной шубе, — на квартиру почти как милиционер приходил, а тут, вишь, за всё Политбюро управляется:

— ...За... за... Предъявляется обвинение по статье 64-й! (ещё там буква или часть?).

Я — голосом дрёмным, я — с мужичьим невежеством:

— Вот этого нового кодекса... — (он ведь только 13 лет) — ...совсем не знаю. Это — что, 64-я?

То ли было в добрые времена, при Сталине-батьшке, как посидишь *десятку*, так шпарь любой подпункт в темноте наизусть.

Маляров вылупился рачьи:

— Измена родине!

Не шевелюсь.

(Они за спиной впятером засели — ждут, я кинусь на прокурора?)

— Распишитесь! — поворачивает ко мне лист, приглашает к столу подойти.

Без шевеленья, давно отдуманное, слово на вес:

— Ни в вашем следствии, ни в вашем суде я принимать участия не буду. Делайте всё без меня.

Ожидал, наверно. Не так уж и удивляется:

— Только расписаться, что — объявлено.

— Я — сказал.

Не спорит. Повёртывает лист, и сам же расписывается. <...> Сейчас по минутам становить нельзя. Но вызов к Малярову был — ещё до 9 вечера. Жене позвонили: “ваш муж задержан” — в 9.15» (XXVIII, 401–403).

9. Постановление о прекращении производства уголовного дела в отношении А.И. Солженицына. 14 февраля 1974

«Согласен»

Первый заместитель генерального
прокурора СССР
государственный советник юстиции
I класса

М. Маляров

«14» февраля 1974 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о прекращении уголовного дела

14 февраля 1974 г.

г. Москва

Следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР старший советник юстиции Зверев, рассмотрев материалы уголовного дела в отношении Солженицына А.И.,

УСТАНОВИЛ:

11 февраля 1974 г. против гр-на Солженицына Александра Исаевича было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

Гр-н Солженицын на протяжении длительного времени систематически совершал действия, направленные на оказание помощи реакционным кругам некоторых иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР, нанося тем самым ущерб Союзу ССР.

Указом Президиума Верховного совета СССР от 12 февраля 1974 г. гр-н Солженицын лишён гражданства СССР¹.

13 февраля 1974 г. Солженицын на основании упомянутого указа выдворен за пределы Советского Союза.

Имея в виду изложенное,

ПОСТАНОВИЛ:

Уголовное дело в отношении Солженицына Александра Исаевича, 1918 г. рождения, уроженца г. Кисловодска дальнейшему² производству прекратить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНОМ ПРОКУРОРЕ СССР
старший советник юстиции

(ЗВЕРЕВ)

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 26, 27. Машинопись. Подпись-автограф М.П. Малярова фиолетовыми чернилами. Подпись-автограф Ю.А. Зверева синими чернилами.

¹ В уголовном деле имеется ксерокопия с копии указа Президиума Верховного совета СССР № 5494—VIII от 12 февраля 1974 года «О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А.И.» (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 25). Ранее указ был опубликован по копии из материалов Политбюро ЦК КПСС: Кремлевский самосуд. С. 449. Подлинник указа с подписями-автографами председателя Президиума Верховного совета СССР Н.В. Подгорного и секретаря Президиума Верховного совета СССР М.П. Георгадзе хранится в ГА РФ в фонде Верховного совета СССР (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 105. Д. 404. Л. 133). Сам Солженицын узнал об указе в «Лефортове» от М.П. Малярова: «И с той же остротой, как вчера, и с той же взвинченной значительностью читаемого, отчётливо выделяя все слова:

— Указ — Президиума — Верховного...

И с этих трёх слов — мне совершенно уже ясно всё, в остальные вслушиваюсь слегка, просто для контроля. <...> Но секунды текут, надо быстро соображать.

— Я могу — только с семьёй. Я должен вернуться в семью.

Маляров — в чёрном торжественном костюме, сорочка белее моей, встал, стоит как актёр на просторе комнаты, с приподнятой головой:

— Ваша семья последует за вами.

— Мы должны ехать вместе.

— Это невозможно.

Вот как. Какая неожиданная форма высылки. А вдуматься — у них и другого пути нет, только такой: меня быстро-быстро убрать.

— Но где гарантия?

— Но кто же будет вас разлучать?

Вообще-то, шуму не оберёшься, верно.

— Тогда я должен... — секунду не сообразишь, обязательно что-нибудь упустишь, с ними так всегда, — я должен заявление написать.

Зачем заявление — до сих пор не понимаю, как будто заявление что-то весит, если они решатся иначе. А просто — время выиграть, старая арестантская уцепчивость. Подумал Маляров:

— В ОВИР? Пишите.

— Ни в какой ОВИР. Указ Подгорного. Ему.

Подумал. К столу меня, сбоку. Бумагу.

Пишу, пишу. Перечень семьи, годы рождений. Добавляю мою старенькую тётю Иру из Георгиевска, это единственная возможность её взять. (Ошибка: они боятся — я стёкла буду бить, а я заявление мирно пишу.)» (XXVIII, 414—415). Заявление Солженицына Подгорному опубликовано по копии, направленной Президиумом Верховного совета СССР в ЦК КПСС: Кремлевский самосуд. С. 498. В ГА РФ в фонде Верховного совета СССР хранится ксерокопия с автографа заявления писателя (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 123. Д. 77. Л. 1).

² Так в документе.

10. Постановление о прекращении уголовного дела
в отношении А.И. Солженицына в связи с отсутствием
в деянии состава преступления. *17 сентября 1991*

17 сентября 1991 г.

г. Москва

Генеральный прокурор СССР действительный государственный советник юстиции Трубин¹, рассмотрев уголовное дело в отношении Солженицына Александра Исаевича, —

УСТАНОВИЛ:

11 февраля 1974 года Прокуратурой СССР против Солженицына А.И. было возбуждено уголовное дело по признакам совершения преступления, предусмотренного пунктом «а» ст. 64 УК РСФСР.

11 февраля 1974 года к нему применена мера пресечения — заключение под стражей.

Солженицын А.И. подозревался в «совершении действий, направленных на оказание помощи реакционным кругам некоторых иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР, нанося тем самым ущерб Союзу ССР».

Указом Президиума Верховного совета СССР от 12 февраля 1974 года Солженицын А.И. лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года на основании упомянутого указа он выдворен за пределы Советского Союза.

В связи с этим следователем по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР с согласия первого заместителя генерального прокурора СССР 14 февраля 1974 года вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении Солженицына А.И. Хотя в постановлении о прекращении дела прямо не упомянута статья 6² УПК РСФСР, на основании которой прекращено дело, но из приведенных мотивов усматривается, что уголовное дело в отношении Солженицына А.И. прекращено вследствие изменения обстановки.

Из материалов дела видно, что уголовное дело против Солженицына А.И. возбуждено и он был арестован без достаточных к тому оснований. В деле не имеется никаких доказательств, свидетельствовавших о том, чтобы он «совершал действия, направленные на оказание помощи реакционным кругам иностранных государств в проведении враждебной деятельности против СССР».

Факт опубликования за границей художественного произведения Солженицына А.И. «Архипелаг ГУЛаг» нельзя расценивать как оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР.

При таких обстоятельствах следует признать, что в действиях Солженицына А.И. отсутствует состав какого-либо преступления и прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки является незаконным.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 210³, 208 п. 1⁴ и 209⁵ УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

отменить постановление следователя по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР от 14 февраля 1974 года о прекращении дела на Солженицына А.И.

Уголовное дело в отношении Солженицына Александра Исаевича прекратить на основании ст. 5 пункта 2⁶ УПК РСФСР, т.е. за отсутствием в деянии состава преступления⁷.

Генеральный прокурор⁸ Союза ССР
действительный государственный
советник юстиции

Н.С. Трубин

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 39. Д. 14. Л. 28, 29. Машинопись. Подпись-автограф
Н.С. Трубина.

¹ Трубин Николай Семёнович (р. 1931), работник прокуратуры, действительный государственный советник юстиции (1991); заместитель (1978–1987) и первый заместитель (1987–1990) прокурора РСФСР, прокурор РСФСР (1990), генеральный прокурор СССР (1990–1991).

² Статья 6 «Прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки» предусматривала, что «суд, прокурор, а также следователь и орган дознания, с согласия прокурора, вправе прекратить уголовное дело, если будет признано, что ко времени производства дознания, предварительного следствия или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершённое виновным деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 6).

³ В статье 210 «Возобновление прекращённого дела» говорилось о том, что «прокурор вправе своим постановлением при наличии к тому оснований отменить постановление следователя о прекращении уголовного дела и возобновить производство по делу» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 77).

⁴ В статье 208 «Основания к прекращению уголовного дела» было сказано: «Уголовное дело прекращается:

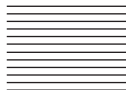
1) при наличии оснований, указанных в статьях 5–9 настоящего Кодекса» (см. комментарий ниже) (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 76).

⁵ Статья 209 «Постановление о прекращении уголовного дела» предполагала, что «о прекращении дела следователь составляет мотивированное постановление, в котором излагается сущность дела и основания прекращения» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 76).

⁶ Часть 2 статьи 5 «Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу» предусматривала, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбуждённое дело подлежит прекращению «за отсутствием в деянии состава преступления» (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С. 5).

⁷ «А через три дня объявил в Москве новый генпрокурор — снятие с меня обвинения в измене родине: “За отсутствием состава преступления дело Солженицына аннулировано”. Вот теперь, впервые, — действительно можно возвращаться», — вспоминал Александр Исаевич о событиях 1991 года в «очерках изгнания» (*Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 2003. № 11. С. 73*). Годом ранее, после выхода указа Президента СССР № 568 от 15 августа 1990 года «Об отмене указов Президиума Верховного совета СССР о лишении гражданства СССР некоторых лиц, проживающих вне пределов СССР» (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. 1990. № 34. С. 864–865), которым юридически советское гражданство возвращалось А.И. и Н.Д. Солженицыным, Н.Д. Солженицына «веско ответила через агентства и в “Нью-Йорк таймс”: лишение Солженицына советского гражданства (канцелярская бумага, в Америке и 18 лет прожил без гражданства) — было одним из трёх незаконных действий. Тяжче того — обвинение в измене родине и Указ о насильственном изгнании: лишении родной земли, друзей — и обречение сыновьям расти на чужбине. Так пусть начнут с тех двух» (*Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. С. 66*). (В действительности указ Президиума Верховного совета СССР № 5494–VIII от 12 февраля 1974 года «О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А.И.» с очевидностью предусматривал и насильственное изгнание.) Справедливости ради также можно отметить, что Н.С. Трубин, ставший генеральным прокурором СССР 27 декабря 1990 года, был не так уж и «нов» в своей должности к сентябрю 1991-го.

⁸ Строго говоря, в это время, в соответствии с постановлением Верховного совета СССР № 2371–I от 29 августа 1991 года «О ситуации, возникшей в стране в связи с имевшим место государственным переворотом», Н.С. Трубин являлся лишь исполняющим обязанности генерального прокурора СССР. «Принять отставку генерального прокурора СССР Н.С. Трубина, — говорилось в постановлении, — поручив ему продолжить исполнение обязанностей до решения внеочередного Съезда народных депутатов СССР» (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. 1991. № 36. С. 1447). Однако последним V Съездом народных депутатов СССР, проходившим 2–5 сентября 1991, никакого постановления по этому вопросу не принималось (см.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. 1991. № 37. С. 1478–1488).

Раздел подготовлен Н.Д. Солженицыной

100 лет СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Д. САХАРОВА

В год столетия А.Д. Сахарова (21 мая 1921 – 14 декабря 1989) мы печатаем три текста, первый из которых написан и опубликован при жизни Андрея Дмитриевича, второй — при вести о его кончине, третий — в этом, юбилейном году. Эти тексты разных авторов замечательно выявляют, насколько образ Сахарова оказался устойчив ко времени и к углу зрения, насколько неизменны впечатления от его светлой личности и удивительного пути.

А.И. Солженицын

«ОСМЕЛЮСЬ СКАЗАТЬ ТУТ О САХАРОВЕ...»¹

Осмелюсь сказать тут о Сахарове — в той мере, в какой надо, чтобы понять его поступки, уже имевшие или маячащие иметь последствия, значительные для России.

Когда Ленин задумал и основал, а Сталин развил и укрепил гениальную схему тоталитарного государства, всё было ими предусмотрено и осуществлено, чтоб эта система могла стоять вечно, меняясь только мановением своих вождей, чтоб не мог раздаться свободный голос и не могло родиться противотечение. Предусмотрели всё, кроме одного — чуда, иррационального явления, причин которого нельзя предвидеть, предсказать и перерезать.

Таким чудом и было в советском государстве появление Андрея Дмитриевича Сахарова — в сонмище подкупной, продажной, беспринципной технической интеллигенции, да ещё в одном из главных, тайных, засыпанных благами гнёзд — близ водородной бомбы. (Появись он где поглуше — его упроворились бы задушить.)

¹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 356–359 (гл. «Встречный бой»).

Создатель самого страшного оружия XX века, трижды Герой Социалистического Труда, как бывают генеральные секретари компартии, и заседающий с ними же, допущенный в тот узкий круг, где не существует «нельзя» ни для какой потребности, — этот человек, как князь Нехлюдов у Толстого, в какое-то утро почувствовал, а скорей — от рождения вечно чувствовал, что всё изобилие, в котором его топят, есть прах, а ищет душа правды, и нелегко найти оправдание делу, которое он совершает. До какого-то уровня можно было успокаивать себя, что это — защита и спасение нашего народа. Но с какого-то уровня уже слишком явно стало, что это — нападение, а в ходе испытаний — губительство земной среды.

Десятилетиями создатели всех страшных оружий у нас были бессловесно покорны не то что Сталину или Берию, но любому полковнику во главе НИИ или шарашки (смотря куда изволили изобретателя помещать), были бесконечно благодарны за золотую звёздочку, за подмосковную дачу или за стакан сметаны к завтраку, и если когда возражали, то только в смысле наилучшего технического выполнения желаний самого же начальства. (Я не имею свидетельств, что «бунт» П. Капицы был выше, чем против неудовлетворительности бериевского руководства.) И вдруг Андрей Сахаров осмелился под размахнутой рукой сумасбродного Никиты, уже вошедшего в единовластие, требовать остановки ядерных испытаний — да не каких-то полигонных, никому не известных, но — мегатонных, сотрясавших и оклublявших весь мир. Уже тогда попал он в немилость, под гнев, и занял особое положение в научном мире, — но Россия ещё не знала, не видела этого. Сахаров стал усердным читателем Самиздата, одним из первых ходатаев за арестованных (Галанскова — Гинзбурга), но и этого ещё не видели. Увидели — его меморандум, летом 1968.

Уже тут мы узнаём ведущую черту этого человека: прозрачную доверчивость, от собственной чистоты. Свой меморандум он раздаёт печатать по частям служебным машинисткам (других у него нет, он не знает таких путей) — полагая (! — он служил в наших учреждениях — и не служил в них, парил!), что у этих секретных машинисток не достанет развития вникнуть в смысл, а по частям — восстановить целое. Но у них достало развития снести каждая свою долю копий — в спецчасть, и та читала меморандум Сахарова прежде, чем он разложил экземпляры на своём столе, готовя самиздат. Сахаров был менее всего приспособлен (и потому — более всех готов!) вступить в единоборство с бессердечным зорким хватким неупустительным тоталитаризмом! В последнюю минуту министр атомной промышленности пытался отговорить, остановить Сахарова, предупреждал о последствиях, — напрасно. Как ребёнок не понимает надписи «эпидемическая зона», так беззащитно побрёл Сахаров от сытой, мордатой, счастливой касты — к униженным и оскорблённым. И — кто ещё мог это, кроме ребёнка? — напоследок положил у покидаемого порога «лишние деньги», заплаченные ему государством «ни

за что», — 150 тысяч хрущёвскими новыми деньгами, 1,5 миллиона сталинскими. <...>

Я встретился с Сахаровым первый раз 28 августа 1968, тотчас после нашей оккупации Чехословакии и вскоре после выхода его меморандума. Он ещё тогда не был выпущен из положения особосекретной и особоохраняемой личности: он не имел права звонить по телефону-автомату (вмиг не подслушаешь), а только по своему служебному и домашнему; не мог посещать произвольных домов или мест, кроме нескольких определённых, проверенных, о которых известно, что он бывает там; телохранители его то ходили за ним, то нет, он наперёд не мог этого знать. Поэтому мою встречу с ним было весьма трудно устроить. К счастью, нашёлся такой дом, где я уже был однажды, а он имел обычай бывать там. Так мы встретились.

С первого вида и первых же слов он производит обаятельное впечатление: высокий рост, совершенная открытость, светлая мягкая улыбка, светлый взгляд, тепло-гортанный голос и значительное грассирование, к которому потом привыкаешь. Несмотря на духоту, он был в старомодно-заботливо затянутом галстуке, тугом воротнике, в пиджаке, лишь в ходе беседы растёгнутом, — от своей старомосковской интеллигентской семьи, очевидно, унаследованное. Мы просидели с ним четыре вечерних часа, для меня уже довольно поздних, так что я соображал неважно и говорил не лучшим образом. Ещё и перебивали нас, не всегда давая быть вдвоём. Ещё и необычно было первое ощущение — вот, дотронься, в синеватом пиджачном рукаве — лежит рука, давшая миру водородную бомбу!

Я был, наверно, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а всё критиковал, опровергал, оспаривал его меморандум, да ещё без подготовленного плана, увы, как-то не сообразил, что он понадобится. И именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покори! — он ни в чём не обиделся, хотя поводы были, он ненастойчиво возражал, объяснял, слабо-растерянно улыбался, — а не обиделся ни разу, нисколько, — признак большой, щедрой души. (Кстати, один из аргументов его был: почему он так преимущественно занят разбором проблем чужих, а не *своих*, советских? — ему больно наносить ущерб своей стране! Не связь доводов переклонила его так, а вот это чувство сыновней любви, застенчивое чувство вело его!)

*Декабрь 1973
Переделкино*

Н.А. Струве

ПАМЯТИ А.Д. САХАРОВА²

...В вечной памяти будет праведник.

Пс. 111: 6

157-й номер «Вестника» находился уже в печати, когда пришла скорбная весть о кончине — после конечной схватки с сильными мира сего — строителя атомной бомбы и нобелевского лауреата мира, Андрея Дмитриевича Сахарова. Читатели простят невольно запоздалый отклик: ведь, умирая, Сахаров завещал нам свой образ и свои дела не на день, а на года, если не на века.

История удержит, что после страшнейшего из всех общественных провалов, уже «на возврате дыхания и свободы», России были даны двое, два столпа, два рыцаря, столь же близких, сколько и не похожих, и именно в силу разнородности столь необходимых оба: писатель-пророк, воспевающий, но бичующий, крепкий земле, но и обращенный к небу, — и ученый-праведник, отказавшийся от науки, от привилегий, от свободы, от здоровья ради правды и справедливости, ради служения ближнему, кто бы этот ближний ни был: русский, еврей, поляк или курд.

В своем подвижническом служении оставаясь до конца гуманистом-агностиком, А. Сахаров явил всем, и христианам в первую очередь, правду гуманизма, слишком часто отбрасываемую или незаслуженно презируемую во имя ложно понятых и односторонне воспринятых истин. Как часто мы, верящие во всеукрепляющую силу Божию, своей тени боимся! Как часто мы, ожидающие Второго Пришествия, а за ним вечного блаженства, не желаем поступиться самым малым в здешней жизни!

Конечно, гуманизм гуманизму рознь. Безбожный гуманизм, обожествляющий человека, неизбежно вырождается, как показали Достоевский и XX век, в свое обратное, в антропофагию. Агностический гуманизм, питающийся, часто бессознательно, от религиозных корней и ставящий себе целью смиренное служение обездоленному человечеству, несет сам в себе ценность, но к тому же взывает и к совести каждого, в частности тех, кто забывает иной раз о первенствующей над всем (и уж разумеется, над правдой) заповеди любви к ближнему.

Андрей Дмитриевич Сахаров в своих выступлениях никогда не касался философских, а тем более религиозных предметов. Посмертно опубликованные воспоминания подтвердили долго бродивший слух, что по отцу Сахаров принадлежал к священническому роду: правда, не дед, а лишь прадед его был священником. Но воспоминания говорят о большем: мать Сахарова была убежденно верующая и до 13 лет (до 1934 года) Андрей жил в религиозной

² Впервые: [От редакции] // Вестник РСХД. 1990. I. № 158. См. также: Струве Н.А. Православие и культура. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 130–131.

атмосфере, часто ходил в церковь, говел, причащался. Происхождение — из духовного звания — в какой-то мере позволяло понять христианский облик и исконную русскость этого «советского» ученого-правдолюбца. Теперь можно утверждать смело: хотя Сахаров под влиянием новой среды и к огорчению матери перестал считать себя верующим (все же не мысля мироздания без высшего существа), его гуманизм имеет непосредственно христианские корни.

Не все высказывания А. Сахарова равноценны, не все его действия были безошибочны, но как ничтожны эти человеческие недостатки перед светлым образом, им всему миру явленным: мужества и смирения, стойкости и чистоты, и даже больше — некоей кенотической лучезарности.

У нас есть кем гордиться, есть кого с благодарностью вспоминать, есть у кого смиренно учиться.

*Весна 1990
Париж*

В.П. Лукин

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНОГО³

Строго говоря, тема «ответственности ученого» не только не является чем-то новым, но, я бы сказал, она стара как мир. Или точнее — как мир человека. Безымянные гении, изобретшие стенобитные орудия, лук и стрелы или порох, не могли не задумываться как о возможностях, так и об опасностях своих открытий. Даже у огня можно согреться, а можно на нем поджарить останки убитого иноплеменника, с тем чтобы, вполне в соответствии с тогдашними моральными устоями, утолить голод.

К сожалению, за 30–40 тысяч лет существования «разумного» человека на земле в этом смысле мало что изменилось. Постоянно менялся — в сторону возрастания по экспоненте — масштаб проблемы. А содержание осталось или, точнее — оставалось прежним.

«Чем длиннее дубина у нас и короче дубина у них — тем лучше» — этот тезис был аксиоматичным и непререкаемым.

Но вот в середине прошлого века появилась ядерная «дубина». И вскоре произошло явление А.Д. Сахарова.

По всей видимости, первым и доминирующим мотиватором работы Сахарова над «ядерным проектом» был тот же самый импульс, который был присущ практически всем другим ученым, вовлеченным в ядерный проект, и у нас, и в США, и в Европе. Это, как сам академик определил в своей биографии, — «безграничность возможностей творчества». Эта поглощенность

³ Международная онлайн-конференция «Нравственная ответственность ученого», посвященная 100-летию со дня рождения А.Д. Сахарова. ИМЭМО РАН в партнерстве с Международным Люксембургским форумом по предотвращению ядерной угрозы. 25 февраля 2021 г.

заманчивой и затягивающей бездной творческого процесса — личного или коллективного — главный отличительный знак действительно исключительной, незаурядной личности — была в высшей мере присуща Сахарову.

В этом у меня был счастливый случай убедиться лично (при том, что я ни в коей мере не могу претендовать на сколько-нибудь близкие отношения с ним).

Однажды, дело было где-то в середине 70-х годов, я был приглашен замечательным поэтом Д. Самойловым (с которым мы дружили) в ЦДЛ на его вечер. Рядом, на соседних местах оказались приглашенные им А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннэр. Их места находились прямо перед проходом, ведущим к сцене.

Вскоре я заметил, как А.Д. все больше включается в ритмику и гармонию стихов (а Самойлов прекрасно читал свои стихи). Я вижу, что А.Д. полностью «отключается» от всего, что существовало вокруг него. Вскоре он, придерживая свой стул обеими руками, начал, не обращая внимания ни на кого и ни на что, продвигаться вперед таким образом, что вскоре «доскакал» почти до сцены. И лишь в перерыве с симпатично-виноватой улыбкой вернулся обратно.

Ясно, что человек с таким уровнем поглощенности в свою творческую задачу способен воистину сдвинуть горы. Что Сахаров и сделал. Но то, что отличает А.Д. от многих его выдающихся коллег, — это его сила и глубина осознания нравственной, ценностной стороны своей работы и воистину глобальных общечеловеческих ее последствий.

И именно эта сторона его включенности породила в начале 50-х годов ту эволюцию, которая произошла с Сахаровым в середине 50-х — начале 60-х годов.

Интересно, что в своей биографии он с большой охотой и даже с гордостью говорит о своей (в сотрудничестве с академиком Таммом) пионерской роли в продолжении идей, которые легли в основу последующей работы над управляемой ядерной реакцией.

Но главным поворотом в его жизни мне представляется решительный переход в конце 50-х годов от проблематики создания новых видов ядерного оружия к теме прекращения ядерных испытаний, ограничения, а затем сбалансированного сокращения ядерных вооружений. Вплоть до их полной ликвидации.

Таким образом, происходит как бы «второе рождение» Сахарова: с меньшей, чем прежде, включенностью, страстностью, поглощенностью он стремится разрешить вторую, нравственную и ценностную часть грандиозно нависшего над человечеством «ядерного бинома».

Он яснее и, возможно, быстрее других осознал, что мы подошли к всемирно-историческому этапу, когда наибольшая (из возможных) безопасность для нас всех состоит в том, что наша и их дубины будут примерно одинаковых размеров, что эти дубины будут согласованы и сбалансированы укорачиваться и, по меньшей мере, покоиться под надежной и подлежащей совместной проверке охраной в известном друг другу месте нашей совместной и все более перенаселенной пещеры.

Если мы откроем его знаменитый трактат, мы увидим, что в разделе об опасностях, грозящих человеческому роду, первой опасностью он называет ядерную угрозу уничтожения жизни на земле.

С выхода этого трактата прошло полвека. И по-моему, мы можем с уверенностью сказать, что ситуация с тех пор мало изменилась. Пожалуй, за прошедшие годы изменилось политико-психологическое восприятие этой угрозы.

В периоды острых кризисов эксперты подчеркивали и даже драматизировали ядерную опасность. В периоды разрядки и более или менее спокойных, стабильных отношений между двумя ядерными сверхдержавами эта угроза отходила (чисто психологически) на второй план.

Однако политико-психологические «колебания атмосферы» не могут отменить той непреложной истины, что средство многократного сверхуничтожения всего живого на Земле, включая человека, никуда не делись и находятся даже не в часах, а в минутах до ввода в действие.

«В ядерной войне не будет победителей, и она не должна иметь место» — эти простые великие слова, произнесенные двумя лидерами СССР и США в середине 80-х годов, прямо вытекают из сахаровского трактата, а главное — из итогов уникального сахаровского жизненного пути.

Ядерная проблематика позволила по-новому оценить реальную дилемму, которая из века в век стояла перед учеными: дилемма патриотизма и гуманизма. С древнейших времен забота о безопасности и процветании своего отечества часто перевешивала в шкале ответственности ученого все другие соображения, включая и гуманистические.

В ядерный век защита отечества, продолжая оставаться великим и благородным мотиватором, все теснее и неразрывнее сливается с императивом сохранения безопасности и самого существования всех других отечеств, обитающих на Земле. Безопасность своя и своих практически становится идентичной строительству прочной системы глобальной безопасности с равными гарантиями и равными рисками. Сейчас во все возрастающей степени ответственность ученого становится либо глобальной, либо нулевой.

Вот почему, отмечая юбилей А.Д. Сахарова, уместно вспомнить его слова: «Каждое разумное существо, оказавшись на краю пропасти, сначала старается отойти от этого края, а уж потом думать об удовлетворении всех остальных потребностей. Для человечества отойти от края пропасти — это значит преодолеть разобщенность».

Сахаров был оптимистом. Он говорил: «Сегодня, как и всегда, я верю в силу человеческого разума и духа».

Нам остается очень немного: доказать на практике, что эта его вера обоснована. При этом утешением (хотя и слабым) может быть то, что в случае нашей неудачи ее вряд ли кто-нибудь сумеет зафиксировать.

Февраль 2021
Москва

90 лет СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.К. ПОЛИВАНОВА

Михаил Константинович Поливанов (19 сентября 1930 – 23 января 1992), физик-теоретик, тридцать лет возглавлявший отдел квантовой теории поля в Математическом институте имени В.А. Стеклова, — был из любимейших собеседников и корреспондентов А.И. Солженицына. Их познакомила в 1965 году Марина Казимировна Баранович, тёща М.К., и практически сразу Михаил Константинович и его жена Анастасия Александровна стали «невидимками». По приглашению Солженицына М.К. принял участие в самиздатском сборнике «Из-под глыб» (1974) — статьей «Направление перемен» под псевдонимом А.Б. Эпистолярная нить не порвалась и после изгнания Солженицына. В книге «Бодался телёнок с дубом» М.К. посвящены теплые, благодарные строки: «...Поддерживали мы связь с Михаилом Константиновичем Поливановым — одним из авторов “Из-под глыб”, математиком, чистой душой, тонко думающим человеком, но только с редкими друзьями и в редких местах имеющим право на наслаждение свободного разговора. <...> Многие годы он хранил и “Архипелаг” и “Круг”-96, самые опасные мои вещи, — то у себя дома (и чего только не случалось: держал под ванной — листы промокли, надо по всей квартире разложить сушить, от форточек всё вихрится; вдруг пришли с обыском к отдельно жившей тёще — уноси всё в гараж, даже в машине с собой вози); то — у своего отца, без его ведома. Позже мы освободили его от этих хранений, но много запрещённой литературы протекало через его руки, он сам питался и питал читателей. [Как математик] он продолжал пользоваться заграничными командировками, поражая и радуя нас в Цюрихе вдруг внезапным звонком из Парижа, в Вермонте — письмом из Италии... В этих письмах он — и почти единственный в то время с родины, прорывая глухоту, — давал развёрнутые, глубокие отзывы на Узлы, особенно дорогие нам тогда»¹.

В ноябре 1984 года М.К. пишет: «Милые друзья! Рвутся звенья, уходят друзья и все более надмирной становится наша неразрывная связь. Очень больно и трудно. <...> Верю, что Бог еще даст нам свидеться, на-

¹ Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни (Пятое дополнение: Невидимки. 10).

говориться»². Солженицын отвечает: «Дорогой АБ! <...> Мы любим Вас сердечно и мечтали бы увидеться (и еще увидимся!)»³.

Не увиделись. В начале 1992 года М.К. Поливанов скорпостижно скончался.

Михаил Константинович был среди немногих доверенных «первочитателей» Солженицына. Публикуем одно из первых писем М.К., целиком посвященное впечатлению от рукописи «Телёнка».

² М.К. Поливанов — А.И. Солженицыну, 10 ноября 1984 (Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове).

³ А.И. Солженицын — М.К. Поливанову, 15 декабря 1984 (Там же. Цит. по копии).

М.К. Поливанов — А.И. Солженицыну

[Москва], 6–7 июня 1971¹

Троица и Духов день, 6–7 июня 1971 г.

Дорогой А.И.!

Лишенный простого и естественного способа — встречи или почтового письма — я не собирался Вам писать. Но так как Ваша рукопись² произвела на меня очень большое впечатление, а по «условию»³ мне было не с кем и поделиться толком этим впечатлением, я долго как бы внутренне с Вами говорил о ней. И вот в эти дни — по естественной связи — я решил на всякий случай все-таки писать Вам. Почему-то мне кажется, что будет случай Вам это переслать.

Пока я говорил с Вами внутри себя, многие важные впечатления, что тоже вполне естественно, скрестились с другими мыслями и отлились в форму цитат из попутно прочитанного. Когда они мне приходили, я всякий раз просто ахал, до чего же это точный и полный ответ на мысли, рождавшиеся в этом внутреннем диалоге. Этим цитатам я придаю наибольшее значение и сейчас же Вам выпишу все подряд, сознательно жертвуя внешней связностью своего письма в угоду его внутреннему смыслу и цели. Я надеюсь, что и у Вас они сразу станут по местам, когда Вы их соотнесете с оригиналом, но на всякий случай буду их чуть-чуть комментировать — но ровно настолько, сколько это нужно в разговоре на эту конкретную тему, одинаково понятную собеседникам.

I. «Были пусты дороги, и ходившие прежде путями прямыми ходили тогда окольными дорогами».

Кн. Судей 5, 6

Эта — первая — о времени уже отчасти прошлом. Она же объясняет непреходящий смысл прочитанной рукописи. Поэтому не стоит сомневаться, нужна ли *эта* «вторичная» литература⁴. Она учит «ходить прямыми дорогами».

II. «Ведь мир не той или иной формы боится, как таковой, нет, всякую он может принять и усвоить. Но он боится самой жизни духовной, с ним не считающейся и в любой момент угрожающей неожиданностью, которой миру никак нельзя учесть, поскольку она есть проявление иной жизни и против которой, следовательно, нельзя принять заранее никаких мер».

О. Павел Флоренский «О надгробном слове о. Алексея Мечева»

Как легко понять, это о том, что Ваша «линия» безусловно правильна и только так на самом деле и нужно и стоит жить. Но так как здесь мы вступаем на трудную почву духовного подвига со всеми именно ему присущими опасностями и соблазнами, то я приведу Вам еще одну длинную цитату. Она

уже относится к тем моментам, которые иногда трудно распознать, суть ли они внешние или внутренние, по отношению к этому деланию. Это из II тома Добротолюбия, и она-то меня, пожалуй, больше всего поразила и дала мне тот ответ, который я для Вас (и для себя) искал у Вас:

III. «При всяком встречающемся деле, хотя бы оно было крайне нужно и требовало тщания, не хочу, чтобы вы делали его со спорами, или со смущением, но будьте уверены, что всякое дело, которое вы делаете, — велико ли оно, или мало — есть осьмая часть искомого, а сохранить свое устройство, если и случится от сего не исполнить дела, есть семь осьмых. Итак, если вы делаете какое дело, и хотите совершенно и всецело его исполнить, то старайтесь как самое дело исполнить, что, как я сказал, есть осьмая часть искомого, так вместе с тем сохранить и свое устройство не поврежденным — что составляет семь осьмых. Если же для того, чтоб исполнить дело вашего служения, настоять будет необходимость увлечься и повредить себе или другому, споря с ним, то не надобно терять семь осьмых для того, чтоб сохранить одну осьмую».

Авва Дорофей, Слово 28

Правда, замечательно? Причем, как все такие великие ответы, он оставляет вам свободу и апеллирует к нравственному чувству. Начало огромной духовной свободы на определенном и предначертанном раз навсегда пути я всегда чувствовал в качестве самой живой (и животворящей) черты христианской жизни. Все, что к этому относится в Вашей рукописи, мне так близко и дорого. Дай Бог Вам силы и твердости, чтобы со всем смирением и верой идти дальше.

Покончив с главным, еще несколько слов — до конца странички.

Как хорош Т<вардовский>!⁵ Жив, обаятелен, характерен невероятно для своего тяжелейшего положения (в истории). Над ним плачешь, его уважаешь даже в его слабостях. Этот сановник с живым чувством и не заглушенной до конца совестью по-настоящему трагичен. Зато как же мелок, как ничтожен Л<акшин>!⁶ Этого Вам не простили бы наши либералы. Печально, что он также характерен для *своего* времени, как Т<вардовский> для своего. Страшный урок, что полуправда растлевает не хуже, чем ложь, а может быть иногда и успешнее. Но я должен Вам сказать честно, что сам не разделял поголовного увлечения Л<акшиным> и с трудом читал его благожелательные, «не холодные и не горячие» опусы. Я рад, что он у Вас получил, мне кажется, по заслугам.

Зато гораздо спорней, с моей точки зрения, отчасти затронутая тема «чалмаевщины»⁷. Слов нет, мертворожденная «отповедь» «Н<ового> м<ира>» вызывает тошнотворные ощущения. Но духовные основы русофилов вызывают во мне сильнейшие подозрения; я боюсь этого направления, т.к. думаю, что они ничего не понимают в истинных основах русской и православной духовной традиции — она им еще более чужда, чем их противни-

кам, — а просто хватаются за все, чем могут поддержать свой национализм. Причем, если национализм малых наций понятен и простителен и — во всяком случае — сравнительно безопасен, то национализм наций «великих» (хотя бы числом) быстро ведет к мрачному тоталитаризму. Ну, хорошо, листок кончен. Хорошо бы он скорей дошел по назначению.

Искренне Ваш

МП

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Автограф М.К. Поливанова. 2 л. Синие чернила.

² Речь идет о рукописи книги «Бодался телёнок с дубом» — в том объеме, в каком она существовала к весне 1971 (Исходная часть, Первое и Второе дополнения).

³ ...по «условию»... — Автор давал читать рукопись близким друзьям с условием никому ее не передавать и ни с кем не обсуждать без его ведома. Позже, в главе «Нобелиана», описана тревога при нарушении условия одним из доверенных читателей: «...грянуло: “Телёнок” — *ходит по Москве!* Ошеломительно! Ведь тут — всё нараспашку, всё названо открыто, опаснее этого — что же ещё? Хранили, таили — как вырвалось? где? через кого? почему?»

⁴ ...нужна ли эта «вторичная» литература... — В предпосланной тексту «Оговорке» Солженицын пишет: «Есть такая, немалая, вторичная литература... А написанного всего так много, а читать людям всё меньше досуга, что кажется: мемуары писать, да ещё литературные, — не совестно ли?»

⁵ Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), главный редактор журнала «Новый мир».

⁶ Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993), заместитель Твардовского.

⁷ Тема «чалмаевщины» затронута Солженицыным в главе «Душат», где он разбирает газетно-журнальную полемику, вызванную неожиданной публикацией статей «национального» направления (см.: Чалмаев В. Великие искания // Молодая гвардия. 1968. № 3; Он же. Неизбежность // Там же. № 9; Лобанов М. Просвещенное мещанство // Там же. № 4) и ответ «Нового мира» (см.: Дементьев А. О традициях и народности: Литературные заметки) // Новый мир. 1969. № 4).

90 лет СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е.Ц. ЧУКОВСКОЙ

Елена Цезаревна (Люша) Чуковская (6 августа 1931 – 3 января 2015) была удивительно благодарным человеком. Но и сама обладала тем свойством, что все, кто знали ее, испытывали к ней благодарное чувство. Из долгой вереницы пришедших проститься с нею звучало: «С Вами было просто и ясно, и мы легко говорили Вам слова благодарности. Господи, сколько благодарных и щедрых дел мы знаем от Вас!», «Я благодарна тебе за то, что ты поселила во мне свет. Я наполнена до сих пор и хочу сохранить этот свет и после тебя», «От общения с Вами мы получали так много. Сама возможность не только разговаривать, но просто быть рядом, видеть, слышать была и остается для нас большой драгоценностью».

О том, как много значила для А.И. Солженицына помощь и преданность Елены Цезаревны, написал он сам: «Люша Чуковская почти пять лет, с конца 1965... была как бы начальник штаба моего, а верней — весь штаб в одном лице. <...> При, казалось бы, “широком” сочувствии ко мне общества — нас, работающих в самой сердцевине, было всегда менее десятка, в центре координации — Люша Чуковская. А работы было изнурительно много, и всё с прятками: не всегда повези, не везде оставь, не по всякому телефону звони, не под всяким потолком говори, и напечатанное не хранить, и копирку сжигать, а переписка только с оказиями, по почте нельзя. Душевная преданность делу казалась свойством наиважнейшим...»¹

Помимо всем известного очерка в «Невидимках» сохранилась обширная переписка между Еленой Цезаревной и Александром Исаевичем, более двух сотен писем (1965–2001). Публикуем малый фрагмент, обмен письмами на исходе пятого года изгнания Солженицына.

¹ Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни (Пятое дополнение: Невидимки. 8; 5).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И Е.Ц. ЧУКОВСКОЙ

1. Е.Ц. Чуковская — А.И. Солженицыну

29 ноября 1978. Москва¹

29.11.78

Дорогой друг! Как я обрадовалась, получив позавчера Ваше письмо. А то пишешь в какую-то прорубь, и кажется, что зря и понапрасну. Во первых строках поздравляю Вас со славным юбилеем². Уже дней десять в разных сочетаниях лиц (NN, гр., братец, inf, бомонд³ и др.) выпиваем по этому случаю, вспоминаем Вас, гордимся Вами и празднуем Ваш праздник в числе самых дорогих и радующих душу памятных дат. Наверно, моё письмо не поспеет ко дню рождения, опять, как 10 лет назад, будут горы писем и шквалы телеграмм — весёлых и грустных, остроумных и просто сердечных. Наверно, их будет гораздо больше, чем тогда — и только нет по соседству рязанского почтамта, и всех нас здешних нет по соседству, но мы с Вами, мы о Вас думаем, помним и любим во все дни, а уж 11 декабря в особенности. <...> Спасибо за обещанную подписку на собрание сочинений⁴. Дожили до праздника. Если будете посылать, пожалуйста, надписывайте мне книжки (как min имя и фамилию), иначе мало шансов мне их увидеть: обязательно тяпнет кто-нибудь промежуточный. Тетя Ира⁵ написала мне месяца полтора назад, прося прислать 1 кг икры и конфеты дюшес. Икру не продают, и просьбы в большинстве своём либо в принципе неисполнимы, либо исполнимы ценой таких временных затрат, которые я не могу себе позволить...

«Спираль измены»⁶ я читала. Сначала вскипятилась страшно. Всё это было бы смешно, когда бы не было так гнусно. Смешно, конечно, читать, что Вы нарочно себя посадили в тюрьму, чтоб не воевать, что над столом висел портрет отца в форме офицера царской армии (а в Севастополе и посейчас стоит памятник Нахимову в форме царского офицера, а в Крыму — Кутузову); что какой-то Ваш дядя был бандитом (а Горький в «Детстве» описывает своих дядьёв-бандитов, и ничего); что Н.А.⁷ — «Джувелетта XX века» и проч. перлы. Самым гнусным мне показалось описание Вашего следователя (стр. 89): «Он оказался уже почтенным человеком, пенсионером, проживающим в Москве. Своими интеллигентными манерами...» и т. д., а дальше... «на Александра Исаевича не нужно было поднимать руку...» (этому почтенному, интеллигентному). Бр-р! Конечно, не понравилось мне, что написали про меня «по кличке Люша». Клички — у собак, а Люшей меня звали с детства. Итак, сначала я рассвирепела. Уж и сокрушительное письмо в «Прогресс» затевалось, уже была извлечена Ваша реабилитация Верховного суда и эпиграфы были подобраны: «Будущие побеждённые усиленно стараются испачкать всё, что можно». М. Горький⁸; «Человека, которого Бог наградила талантом,

маленьким или большим, непременно, без исключения, на известном этапе его жизни начинают поносить и преследовать — все или некоторые. Сначала вытащут — потом преследуют — сами же. Для таланта это драма, для гения — трагедия. Так должно, ничего не поделаешь, талант — обязанность, а не право». Ал. Блок⁹.

Однако, начав склоку с «Прогрессом» с подступов (отправила им письмо, что они нарушают авторское право при публикации дедовых вещей), и получив от них по этому поводу вороха извинений и объяснений, и облаяв их по телефону, я охладела к своей затее. Причин было две. Одна — шкурная: «Чукоккала»¹⁰ подписана к печати и должна выйти через 3–4 месяца. Позади ~ 14 лет трудов ради этого дня. Боюсь помешать выходу. Вторая причина — прочла у Т.Л. Толстой¹¹ (как раз в эти дни), что Лев Николаевич взял себе за правило никогда не отвечать на вторжение печати в его частную жизнь. И думаю, что отвечать на эту книгу лицам в ней задетым, м. б., и вообще не надо. Не уверена и насчёт Вас — что Ваш голос, слышный на весь мир, должен привлекать внимание к этой сколопендре. И что тут надо что-нибудь объяснять, доказывать, как оно на самом деле было. Думаю, что должен выступить кто-нибудь непричастный, и удивляюсь, что до сих пор этого не сделано в зарубежной печати. Книга эта начала циркулировать месяца 2 назад, и сейчас Аэропорт и НИИ её читают взхлеб. Распространяют её не через торговую сеть, а через ГБ или начальников по режиму (спецотделы) этих самых НИИ. Я читала экземпляр, который купил сын сотрудника ЦК приложением к литературе, выкупаемой по «информационному списку». Сын дал своему приятелю, а приятель работает со мной. Он меня и огоршил: про вас читаю. Я удивилась, где могут сейчас обо мне писать, — он мне предоставил книжечку.

Последнее, что хочу написать Вам в связи с её публикацией — про Льва¹². Я в сущности (душевно) порвала с ним 2 года назад после ужасного скандала, когда он орал мне о Вас бог знает что в присутствии 5–6 человек. Но его тогда было очень жалко, видно было, что отношения с Вами его живая боль. И хотя я никогда не простила ему сказанного тогда, но формально мы не поссорились. После этого скандала я была у него только 1 раз — объяснялась по поводу произведения Лакшина¹³. Он опять впал в истерику, и после этого уже я у него не была ни разу. Визит Knowlton'a¹⁴ вскоре после этого вместе со львами¹⁵ в Переделкино был мне невыносим и отвратителен. Лев как ни в чем не бывало опять оказался Вашим лучшим другом, и меня всё время тянул за язык — что вы хотите передать А.И.? Показывал Вашу комнату. Всё это было недостойно. Теперь, после выхода книги, он вскарабкался на котурны: Ржезача он не видел (наверно, так и есть), никогда ничего плохого о Вас не говорил (только этим и занимался последние 2 года), считает Вас великим писателем. Я же считаю его добрым, но недалёким и суетным человеком, который вообразил себя философом и писателем, даже не подозревая, что

это значит. Я многим ему обязана — именно он спас меня от последствий автоаварии, добыв лекарство из ФРГ, именно он на свой гонорар купил маме ангинин, который избавил её от сердечных приступов, — я это помню, но видеть его, слышать, спорить — не в состоянии. (Как у Вас сказано: «Свои против наших»¹⁶.) <...>

К сожалению, Вашей гарвардской речи не читала. Приток заграничных книг иссяк, не видим почти ничего. Подвернулось «Эхо» — но тут только руками разведешь. «Синтаксиса» не видела (Лев уже и туда поспел)¹⁷.

Мои собственные издательские дела таковы — о деде вышли 2 сборника воспоминаний¹⁸ и проч. Не послала Вам эти книги, т. к. мне кажется, что Вы не любите этот жанр, да и книжки средние, неохота позориться. С одной я сняла своё имя после скандала, с другой — нет, по причинам случайным (писать долго). Теперь вот жду выхода «Чукоккалы» и — всё. Наигралась. Помогаю немного маме с примечаниями ко 2-му ахматовскому тому¹⁹, кои безбрежны и требуют многих справок в библиотеках. Клара²⁰ тяжело и длительно разболелась, лежала в больнице — теперь я по воскресеньям вожу экскурсии в Переделкино. Сгоревшую библиотеку²¹ начали строить снова (следствия не было), зато Союз писателей отменил своё прежнее решение об устройстве музея в Переделкино и ремонта делать, видимо, не будет. Вообще, хамят многообразно, крыша в доме течёт в 11 местах. Хватает работы мне и по специальности. Много очередей, уборки и разных хозяйственных забот. Одним словом, дела обстоят, как теперь говорят, «нормально».

Всего Вам доброго

Ваша Л.

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Автограф Е.Ц. Чуковской. 3 л. с об. Черные чернила.

² Имеется в виду предстоящее 60-летие А.И. Солженицына.

³ Упомянуты друзья и помощники Солженицына: NN — Надежда Григорьевна Левитская и Наталья Мильевна Аничкова; *gr<ызун>* — Леонид Петрович Крысин, сотрудник Института русского языка; *братец* — Алексей Шиповальников, сын прот. о. Виктора Шиповальникова, знакомого Солженицына по жизни в Рязани; *inf₁* — Анатолий Яковлевич Куклин; *бомонд* — Борис Андреевич Можаяев, писатель.

⁴ Так называемое вермонтское собрание сочинений Солженицына в 20 т.; редакция и набор осуществлялись Солженицыными в их доме в Вермонте, готовые тома печатало издательство «ИМКА-Пресс» (Париж) с 1978 по 1991 год.

⁵ *Тетя Ира* — Ирина Ивановна Щербак (урожд. Ефимова; 1888–1980), жена Романа Захаровича Щербака (1878–1944), тетя Солженицына; в описываемое время жила в Георгиевске.

⁶ *Ржесач Т.* Спираль измены Солженицына. М.: Прогресс, 1978.

⁷ Наталья Алексеевна Решетовская (1919–2003), первая жена А.И. Солженицына.

⁸ *Горький М.* О цинизме // Собр соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 8.

⁹ *Блок А.* Дневник 1911 года // Собр соч.: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1963. Т. 7. С. 107–108.

¹⁰ «Чукоккала» — Рукописный альманах Корнея Чуковского. С 1914 по 1969 год К.И. Чуковский собирал автографы поэтов, писателей, художников, музыкантов, своих друзей и знакомых. Впервые опубли.: М.: Искусство, 1979.

¹¹ Сухотина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950), старшая дочь Л.Н. Толстого, автор воспоминаний (М.: Худож. лит., 1976).

¹² Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997), германист, критик, тюремный друг Солженицына.

¹³ Лакишин В. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Политический дневник. 1977. № 2. С. 151–218.

¹⁴ Knowlton — Уинтроп Ноултон, глава американского издательства «Harper & Row» (с 1970 по 1987).

¹⁵ Львы — Л.З. Копелев и его жена Р.Д. Орлова.

¹⁶ «Свои против наших» — вероятно, имеется в виду название предполагаемого Четвертого Действия «Красного Колеса» — «Наши против своих» (см.: Солженицын А.И. Апрель Семнадцатого. Кн. 2 // Собр. соч. Т. 16. М.: Время, 2009. С. 789).

¹⁷ «Эхо» — литературный журнал третьей эмиграции, выходил в Париже с 1978 по 1986 год под редакцией В. Марамзина и А. Хвостенко. «Синтаксис» — литературно-критический журнал, выходил в Париже с 1978 по 2001 год под редакцией А. Синявского, затем М. Розановой.

¹⁸ Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Сов. писатель, 1977; Жизнь и творчество Корнея Чуковского. М.: Дет. лит., 1978.

¹⁹ ...ко 2-му ахматовскому тому... — первый том «Записок об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковский вышел в Париже в издательстве «ИМКА-Пресс» в 1976 году, второй — в 1980.

²⁰ Клара Израилевна Лозовская (1924–2011), секретарь К.И. Чуковского, в 1970-х годах — сотрудница музея Чуковского в Переделкине.

²¹ К.И. Чуковский построил детскую библиотеку рядом со своим участком в Переделкине и подарил ее государству. Пожар случился 27 марта 1978 года. Удалось спасти здание и часть книг.

2. А.И. Солженицын — Е.Ц. Чуковской

17 декабря 1978 – 1 января 1979. Вермонт¹

17.12.78

Дорогой Друг!

Поздравление Ваше пришло поразительно: тютелька в тютельку 11 числа, к вечеру! Очень было тепло в первых же строках прочесть перечисления друзей, и Вы видели их недавно — мысленно как бы и я повидал. В эти же дни пришло и ещё порядочно от многих — и так и захлестнуло меня теплом с родины, в этом, собственно, и состоял мой юбилей. Хотя, в отличие от «Литературки» в 50, западная пресса и отметила мои 60, но это прошло как-то стороной, меня не касаясь. А от американцев неизвестных были очень милые поздравительные — но всё не своё.

А я Вам и друзьям начну посылать Собрание, надеюсь ещё этой весной (Круг 96, 2 тома в одном переплёте²). Написать не могу, потому что не

от меня пойдёт, но передавать Вам будет человек настолько Вам хорошо знакомый, что Вас не обминёт. На Западе нормальные (не малышкинские) издания, вышло 2 тома (коричневый переплёт, золотое тиснение, на первой обложке посередине знак [краткая роспись]). А в наборе мы сейчас — уже при конце 5-го тома. «Архип» идёт с уточнениями и исправлениями, но без фотографий:³ хоть очень было жалко с ними расставаться, однако: 1) не приличествуют Собранию; 2) в нынешнем положении обязан был бы я их собрать гораздо систематичней. Ну, может, кто когда альбом составит. (Один колымчанин, американский итальянец⁴, прислал рисунки просто поразительные. А в Америке не может их выставить, говорят: «Такого не может быть, фантазия!» Среди бывших зэков, вообще в Союзе, пошли бы на «ура»).

Из первого Вашего письма (потом и от других) узнал, что книга Ржезача — уже ходит. Такого сообщения я очень ждал осенью, но, к сожалению, ни от кого не получил — и у меня создалось впечатление, что они сами поняли уязвимость книги и не пустили её никак. (На Западе, в отличие от книги Н.А., никому не предложили⁵.) А сам я сперва получал глухие слухи, что книга готовится — а потом не достать бы мне её нипочём до сих пор, если бы автор-дурак не прислал бы мне сам, с насмешливой надписью. (Кстати, ведь он меня совсем не знает, не видел ни разу, не знаком, всё врет.) Получил я книгу 29 августа — вспылil и даже не рассуждал, отвечать ли — не мог не ответить, и к 10 сентября ответ был готов. (И как только ответил — так сразу жжение клеветы отвалилось, одно презрение осталось.) Но я не пускал и ничего не делал из-за недоумения, что они книгу не двинули, не отвечать же в пустоту.

Теперь — срочно набираем (это будет брошюра⁶, стр<аниц> 55), не просто ответ и не только на Ржезача — а отрывок из VI дополнения Теленка (завершено у меня и V и VI — да печатать долго нельзя⁷, потому и «Телёнок» надолго отодвигается в Собрании, он будет теперь в 2-х томах). В середине зимы надеемся закинуть к вам. Так что потерпите. Хорошо, что Вы маме не дали читать — и вообще можно заболеть, и там грязный намёк на неё. Вот подлец! — Хорошо, что Вы сами не ввязались отвечать и никому из близких не надо, да там, кроме меня, никто и ответить бы не мог, ибо во всём сплетении лжи и разобраться невозможно.

Спасибо за заботу о тёте Ире — но даже и пальцем не шевелите выполнять её фантастические просьбы, вроде «килограмма икры» — так и пишите: нету. Её и нигде в мире нету, кроме кремлевских банкетов. В Штатах, например, нету. — Зато мы ей время от времени шлём посылки с шоколадом, этому она рада. Вещевые посылки обычно критикует. Но простит ей всё Господь за её страданья — уж натерпелась, так натерпелась, изумляться надо, как она это выносит.

В «Вестниках» систематически буду печатать по главе. Но, кажется, они сейчас хуже стали проходить.

Лев, действительно, напечатал опровержение Ржезачу⁸. Но, вообще, доходящие его до меня отзывы в лучшем случае холодны, а то и недоброжелательны. Ну, Бог ему судья. Вот печатали «Круг» — нигде я ни капли тепла о нём не убрал.

А история с Симоняном — трагическая, прочтёте⁹. Он душевно вложил в книгу Ржезача, его снедала литературная зависть (ведь у него не было другой мечты, как стать писателем). Но, не дождавшись сигнального экземпляра Ржезача — рухнул, не болев и без видимой причины, и в минуту умер — я узнал по неожиданному каналу давно, прежде этой книги, и очень его жалел.

1.1.79

С Новым годом! (и поменьше бы старых несчастий — так новые со всех сторон наступают, и мир во тьме).

Встречали, как обычно, в 12 по московскому, в 4 ч. по здешнему — и чокались со всеми вами.

Письмо до сих пор не ушло. Ответ на Ржезача 1 экземпляр, м. б., скоро к Вам попадёт. А тираж — как успеют.

С сердечными пожеланиями

Ваш

¹ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Копия автографа А.И. Солженицына. 1 л. с об. Черные чернила.

² ...2 тома в одном переплёте — тома Собрания сочинений печатались, помимо обычного, еще и в уменьшенном формате на тонкой бумаге, что позволяло некоторые из них сдвигать. Делалось это для облегчения тайной переправки книг в СССР через железный занавес. Солженицын любил эти томики, называл их «малышками».

³ «Архип» идёт... без фотографий... — после колебаний решено было издавать «Архипелаг...» со всеми фотографиями первого издания.

⁴ Сговиро Томас Иосифович (1916–1997), художник, сын иммигранта из США, заключенный и ссыльный (Колыма, Красноярский край; 1938–1954), вернулся в США.

⁵ Речь идет о книге: Решетовская Н. В споре со временем. М.: Новости, 1975. В адресованной в ЦК КПСС записке правления Агентства печати «Новости» об издании рукописи Н. Решетовской «В споре со временем» сообщается: «Рукопись воспоминаний Н. Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР. Представляется, что выход на Западе воспоминаний Н. Решетовской может послужить определённой контрмерой, направленной против антисоветской шумихи вокруг Солженицына» (ЦХСД. Ф. 4. Оп. 22. Д. 1774. Л. 1. Подлинник). Книга была предложена издательствам ряда стран, опубликована в Японии и Италии.

⁶ Брошюра «Сквозь чад» вышла в 1979 году в издательстве «ИМКА-Пресс».

⁷ ...завершено у меня и V и VI — да печатать долго нельзя... — V Дополнение «Телёнка» («Невидимки», о тайных помощниках автора) было написано вскоре по высылке, но

публиковать его нельзя было по острой опасности для «невидимок»; главы VI Дополнения, изначально написанные как продолжение «Телёнка», составили затем Первую часть книги «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»; в частности, «Сквозь чад» вошла в книгу отдельной, 5-й главой (Новый мир. 1999. № 2. С. 107–134 (ч. 1, гл. 5)).

⁸ *Копелев Л.* Подлог! // Русская мысль. 1978. 26 окт. (рубрика: «Самиздат»).

⁹ О трагической истории с Кириллом Симоняном (1918–1977), школьным другом, Солженицын написал в «Сквозь чад»; отклик Л.К. Чуковской: «Читаю Ваше “Сквозь чад”... Будь проклят Ржезач, но иногда я ему... благодарна. Если б не он — Вы не написали бы изумительных страниц... обращенных к Кириллу...» («Тяжёл искус такой разлуки...» // Солженицынские тетради. 2016. Вып. 5. С. 30).

90 лет СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.А. СТРУВЕ

Наше заочное знакомство с Никитой Алексеевичем Струве (16 февраля 1931 – 7 мая 2016) началось 55 лет назад, когда стал осязаем на родине тонкий, но постоянный ручеек книг из русского зарубежья, среди них — книги старейшей эмигрантской «ИМКА-Пресс» и «Вестник», издаваемый Н.А. и сразу воспринятый как духовный, культурный мост между разорванными частями России. А затем почти четверть века Н.А. Струве был первоиздателем всего, что писал Солженицын (с «Августа Четырнадцатого» в 1971–м и все годы изгнания).

В «Телёнке» рассказывает Александр Исаевич о тайной связи с Н.А. Струве, со-работе через железный занавес и — на третий день по изгнании — встрече в Цюрихе:

«С [Никитой Струве] встретились сразу очень тепло... такой сразу близкий, понятный, чего бы ни коснулись, — хотя он всю жизнь эмигрант, а я всю жизнь советский. <...> Очень просто, легко оказалось с Н.А. объясняться... Русскими делами Н.А. был заинтересован глубочайше, пристально. Отсюда и начались наши годы и годы совместной издательской работы и дружбы» (Пятое дополнение. Невидимки. 12).

И чуть подробнее о встрече — в первой главе «Зёрнышка», написанной почти одновременно с «Невидимками»:

«Был отдалённый друг за Железным Занавесом — а вот проступает и вживе. Невысокого роста, в очках, не поражая наружностью, ни тем более одеждой, лишь бы удовлетворительна, это и на мой вкус. А — быстрый, пронизательный взгляд, но не для того, чтобы произвести впечатление на собеседника, а себе самому в заметку и в соображение... Очень деликатен, как бы опасался проявить настойчивость, а всё высказывал в виде предположений (к этой его манере ещё надо привыкнуть, не пропускать его беглых замечаний). Ещё больше опасался впасть в пафос и при малом к тому повороте высмеивал сам себя... С Никитой Алексеевичем оказалось всё так просто и взаимопонятно, как если б его не отделяла целая жизнь за границей: духом — он всё время жил в России, и особенно в её литературных, философских и богослов-

ских проявлениях на чужбине... Вместе с тем — широкий эрудит и в западной культуре»¹.

Судьба России и Церковь — две темы, две реальности, составлявшие неизменный интерес и наполнение жизни Никиты Алексеевича. Помещаем две его статьи, эту наполненность отражающие.

264 ¹ Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Ч. 1 (1974–1978), гл. 1 // Новый мир. 1998. № 9. С. 52.

Н.А. Струве

«У НЕЙ ОСОБЕННАЯ СТАТЬ...»²

Затасканность, почти что стертость тютчевского четверостишия не упраздняет его чистейшей пробы, если только не подходить к нему с бахвального крыльца: особенная не значит лучше или хуже, а *иная*. Мало кто как Тютчев страдал от пороков и изъянов русской общественной жизни, хотя и продолжал верить во всемирное призвание России.

Чаадаевский разящий ум сочетался в нем со славянофильской верой. Прав был Чаадаев, изобличая историческую недоволощенность России, но ошибочно судил об отечестве по аршину французских мыслителей времен Реставрации. Правы были славянофилы, выявляя особенность и исключительность русского пути, хотя и ошибались в социоисторических анализах и прогнозах. Не правы же те, кто Россию за ее недоволощенность презирают (гордый — отчужденный — взор, свой или иноплеменный), но и те, кто эту недоволощенность ревниво, а то и хвастливо оберегают.

У России свои особые, до конца не подотчетные уму, счеты с цивилизацией: то она на головокружительных взлетах цивилизацию превосходит (Рублев, Достоевский), то в не менее головокружительных падениях от нее отворачивается.

Казалось, в начале века наконец и напрочь Россия достигла общеевропейского уровня в технике, науках, искусстве, если не шла впереди. Но произошел срыв всей Европы в варварскую бойню 14-го года, бессмысленную и беспощадную, со всеми ее апокалипсическими последствиями. Наибольший и напуганнейший срыв поджидал Россию не на 15 лет, как Германию, а на целых три четверти века. Октябрь, провозглашенный и внедренный во имя прогресса, обернулся беспрецедентным разрушением самих основ жизни: от вытравления быта до умерщвления природы, от человекоубийства до штурма небес и богоубийства.

Но и у цивилизации свои счеты с духом. Александр Блок считал, что в 1917 году Россию погубил избыток (а не недостаток) цивилизации. Мы теперь знаем, что избыточная цивилизованность Германии не спасла ее от провала в варварство. Да и в наши дни создается парадоксальное соотношение: насквозь секуляризированная сверхцивилизация Запада обнаруживает угрожающую пустоту, и с некоторым недоумением и даже вождением озирается на духовный потенциал, сохранившийся, благодаря испытаниям, в восточной части Европы.

Каковы бы ни брезжили лучи сквозь ее рубища и лохмотья, России предстоит, призывая варягов или подражая им, прежде всего пополнить

² Впервые: [От редакции] // Вестник РСХД. 1991. II–III. № 162–163. См. также: Струве Н.А. Православие и культура. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 139–140.

колоссальный дефицит в цивилизации, угрожающий ее бытию. «Надо снова научиться жить...» Удастся ли это ей? А если удастся, не растеряет ли она то тайно в ней светящееся «единое на потребу», что так потускнело в потребительском Западе?

На эти вопросы, упирающиеся в извечную диалектику плоти и духа, мирского и неотмирного, нет в историческом плане рационального ответа. Общий аршин опять-таки не подходит. Хотим мы этого или не хотим, в будущее России сегодня больше, чем когда-либо, «можно только верить».

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД³

Юбилейные даты обязывают не только к чествованиям, но и к оценочным суждениям. Двухтысячелетие христианской эры необозримо. «Мир крестом преображен», — воспевал К. Батюшков в начале XIX века, когда избавился от влияния Вольтера. Согласны ли мы за ним повторить это изречение, после того как в XX веке народ, прославивший «богоносцем», подверг себя самоистреблению, а страна Гете и Канта впала в дичайшее варварство? Мир крестом преображался, но полностью не преобразится никогда. Более того, как сказано в Евангелии, как и подтверждает история, неизбежны откаты и срывы, а к концу времен, от нас скрытому, поляризация между добром и злом должна достичь своего предела — хотя, казалось бы, ушедший XX век явил такое сгущение зла, какого история еще не знала...

Двухтысячный год богат и частными юбилеями, свидетельствующими о духовно-культурной мощи христианской веры: в Германии — величайший созерцатель «страстей» Христовых и создатель едва ли не всей современной музыки Иоганн Бах (1685–1750); в России — тончайший поэт-философ Евгений Баратынский (1800–1844), воспевавший Творца, творение и творчество и обличивший их подмену-притворство; крупнейший мыслитель-праведник, поэт и пророк Владимир Соловьев (1853–1900), а также его ученик, глубокомысленный исследователь «непостижимого» Семен Франк (1877–1950).

Владимир Соловьев, вместе с Достоевским и вослед ему, повернул в начале века общественную и умственную жизнь России от плоского позитивизма и натурализма — не просто к идеализму, а к вере во Христа-Богочеловека; но силы зла и бескультурья обратили все это в прах. Величие Соловьева проявилось, прежде всего, в его универсализме: воплощение Бога в человеческое естество, как подчеркивал в своем творчестве Соловьев, имело значение космическое и всеисторическое, определяло собою мировой процесс Богочеловечества. После Соловьева уже недопустимы редукции христианства до каких-нибудь национальных или политико-

³ Впервые: [От редакции] // Вестник. 2000. I/II. № 180. См. также: Струве Н.А. Православие и культура. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 168–170.

государственных категорий, уж тем более его снижение до вопросов языка или календарного стиля. Соловьев прошел через искус религиозного утопизма, слишком безотчетно верил в окончательное — здесь, «на земле, а не на небе» — торжество добра, будь это через теократию — соединение римского первосвященника и русского царя, или через преображающую силу искусства, или земной любви. Но в последние годы жизни он свои утопические чаяния преодолел: «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хотя и неуловимым дуновением...» «Повесть об антихристе» стала пророческим словом о нашем катастрофическом XX веке, а шире и дальше — о всей человеческой истории. Зло не естественный недостаток, исчезающий с ростом добра, а действительная сила, посредством соблазнов владеющая миром. Свободная воля ко злу, невосприимчивость к добру, даже совершенно познанному, обрекают самые благие утопии лишь на частичные воплощения, а могут их и извратить.

Религиозное напряжение Соловьева к познанию добра, красоты и истины в их нерасторжимом единстве, стремление, пусть не всегда удачное, к их посильной реализации во вселенском масштабе определили необыкновенную плодотворность его дела. Ни один современный мыслитель, разве что на Западе Бергсон, не имел такого широкого наследия, как Соловьев: от него родилась богатейшая философская школа (братья Трубецкие, Франк, Карсавин, Булгаков, Флоренский, Эрн и др. вплоть до Лосева — собственно, вся русская философия), благодаря ему возродилась высокая, чистая, «теургическая» поэзия (символизм, а за ним и акмеизм, если угодно — весь Серебряный век), появилось разветвленное религиозно-общественное движение, проложившее мосты между Церковью и миром. Скольким Соловьев открыл реальность духовного мира, для скольких Соловьев оказался детоводителем ко Христу!

Вселенское дыхание Соловьева более, чем когда-либо, необходимо в наши дни, когда на внешнее, поверхностное, материалистическое объединение человечества слишком часто отвечают в среде верующих запуганностью злом, сектантским обособлением, отвержением культуры, акосмизмом, снижением «великой тайны благочестия» до второстепенных частных. Ответим же словами Соловьева:

Пусть все поругано веками преступлений...

.....

Великое не тщетно совершилось;

Недаром средь людей явился Бог;

К земле недаром небо приклонилось,

И распахнулся вечности чертог.

Ночь на Рождество. 20 декабря 1897

Раздел подготовлен Н.Д. Солженицыной

...КТО БЫЛ НАМ ДОРОГ

Мы привержены обычаю поминать в «Тетрадах» ушедших друзей¹. Ниже — имена тех, кого не стало в последние годы. В том порядке, как приходила горькая весть...

Станислав Сергеевич Говорухин (1936–2018)
Олег Олегович Павлов (1970–2018)
Юрий Михайлович Лужков (1936–2019)
Надежда Григорьевна Левитская (1925–2020)
Валентин Лаврентьевич Янин (1929–2020)
Елена Владимировна Пастернак (1936–2020)
Хели Сузи (1929–2020)
Галина Андреевна Главатских (1930–2020)
Валентин Семенович Непомнящий (1934–2020)
Виктор Михайлович Дзядко (1956–2020)
Мария Александровна Ельчанинова-Струве (1925–2020)
Ирина Александровна Антонова (1922–2020)
Елена Борисовна Мурина (Сарабьянова) (1925–2021)
Валентин Яковлевич Курбатов (1939–2021)
Вероника Валентиновна Туркина-Штейн (1926–2021)
Таир Теймурович Салахов (1928–2021)
Ирина Сергеевна (Арина) Жолковская (Гинзбург) (1937–2021)

14 июня 2018 года не стало **Станислава Сергеевича Говорухина**. До нашего изгнания в 1974 году мы не знали ни работ этого режиссера, ни его самого. А подружились с того времени, как он приехал к нам в Вермонт снимать интервью с Александром Исаевичем, первое за годы изгнания интервью для

¹ См.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2015. Вып. 4; М., 2016. Вып. 5; М., 2018. Вып. 6.

соотечественников. И дружили, пока длилась жизнь. Дружить он умел. Общение с ним всегда было ярким, а часто и неожиданным, когда сквозь нарочито простоватую манеру вдруг открывались сверкающие пласты его знаний и он страницами наизусть читал Чехова, Гоголя, Пушкина. И, как немногие в его среде, имел независимые суждения, умел твердо противостоять моде дня и повальным мнениям.

О первой встрече со Славой (настаивал он на таком обращении) А.И. вспоминал: «В конце апреля [1992] от “Останкина” приезжала к нам телесъёмочная группа во главе со Станиславом Говорухиным, снимали фильм-интервью. Что-то мне удалось там сказать, а что-то важное потом урезалось — объёма ради. Более всего отрезвительно возразил мне Говорухин, когда я понёс бредовую мечту, что кто-то, кто-нибудь из палачей, насильников, номенклатурщиков — хоть в чём-то раскается. И — прав он был, конечно. А значит — нечистый, неискупленный, ползуче извилистый предстоит России путь»².

Двухчасовой фильм «Александр Солженицын» телеканал «Останкино» показывал два вечера подряд, 2 и 3 сентября 1992 года.

7 октября 2018 года ошеломило известие о смерти **Олега Олеговича Павлова**, самого молодого из лауреатов Солженицынской литературной премии. Он получил ее в 2012 году, будучи 42 лет, и жюри Премии обосновало свой выбор так: «За исповедальную прозу, проникнутую поэтической силой и состраданием; за художественные и философские поиски смысла существования человека в пограничных обстоятельствах».

Именно эти свойства Павлова-писателя побудили Александра Исаевича предложить ему познакомиться, с возможностью публикации и комментирования, с потоком писем, шедших в Солженицынский фонд со всей страны в первой половине 1990-х, — и Олег Павлов создал трагическое полотно «Русские письма», очерки из которого вошли в его книги «Русский человек в XX веке» (2003) и «Гефсиманское время» (2011).

С 2007 года издательство «Время» издавало серию «Проза Олега Павлова». В 2020 году вышла последняя, 9-я, посмертная книга, сборник «Отсчет времени обратный».

В ответном слове при награждении Солженицынской премией Олег Павлов сказал: «Я убежден, что литература нужна как правда. Если лишь человек может быть источником правды, то, передав его состояние в конкретных жизненных обстоятельствах, мы и узнаем ее: настоящую, подлинную. И если мы хотим знать правду о человеке, то должны узнать ее всю, какой бы ни была она мучительной. Только поэтому писатель обязан быть реалистом. Когда людей

² Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2003. № 11. С. 79.

учили лгать — учили отказывать себе подобным в праве на сострадание. Лжи этой — океаны. Люди тонут. Спасительно каждое слово правды, то есть в нем всегда заключается спасение: достоинство чье-то спасенное, или даже жизнь»³.

10 декабря 2019 года скончался **Юрий Михайлович Лужков**, крупный человек и масштабный деятель в России конца XX – начала XXI века. Восемнадцать самых трудных лет он был главой Москвы (1992–2010).

В середине 1990-х наши отчаянные попытки найти культурное учреждение, которое приняло бы от нас несколько сотен неизданных воспоминаний российских эмигрантов, присланных Александру Исаевичу в ответ на его призыв, нашли понимание только у Лужкова. Он передал нам здание районной библиотеки на Таганке, а затем на его основе построил и первую, и вторую очереди Дома русского зарубежья. Публикуем одно из писем Солженицына Ю.М. Лужкову:

27 июля 2004

Дорогой Юрий Михайлович!

На прошлой неделе исполнилось ровно 10 лет, как я вернулся в Москву после 20-летнего изгнания. Я всегда помню, что Вы — единственный из официальных лиц, кто встречал меня. И с тех пор Вы были истинно добрым духом и для меня лично, и для благого дела возвращения на Родину отрубленной когда-то ветви русской культуры, — дела, которому я посильно служил на Западе, но которое не смог бы продолжить здесь без Вашей незаменимой помощи. Дело это как будто тихое, но важности оно — государственной, и нет сомнений, что за него Вас долго будут поминать добром. <...>

С неизменным уважением и благодарностью,

Ваш

А. Солженицын⁴

27 января 2020 года ушла **Надежда Григорьевна Левитская**, филолог, библиограф, солженицынская невидимка, из самых близких. Ей и ее приемной матери, «вечным ээчкам с душою не замершей», Солженицын посвятил очерк в «Невидимках» — «Наталья Мильевна Аничкова и Надя Левитская»⁵.

Ниже печатаем письмо Н.Г. Левитской Солженицыну, написанное после прочтения ею машинописи очерка.

³ Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 302.

⁴ Публикуется впервые. Печатается по копии, хранящейся в архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

⁵ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 484–491 (Пятое дополнение: Невидимки. 6).

2 февраля 2020 года скончался академик **Валентин Лаврентьевич Янин**, археолог, крупнейший исследователь новгородской Руси. Ушел еще один, на этот раз самый пожилой, лауреат Солженицынской премии. В.Л. Янин получил ее в 2010 году «За выдающиеся археологические и исторические открытия, перевернувшие представления о нашей ранней истории и человеке Древней Руси».

На церемонии награждения директор Института археологии Российской академии наук Н.А. Макаров, ученик Янина, сказал: «Благодаря исследованиям Валентина Лаврентьевича средневековая Русь открывается сегодня перед нами не только как поэтический образ, не только как политический символ или обобщенная историческая картина, но и как осязаемая историческая реальность. Эта Русь населена живыми людьми, мы знаем их имена, мы слышим их речь. Черты этой новой, открытой археологией Руси, проще и грубее, надо сказать, чем они представлялись ранее историкам и художникам, но они драгоценны своей достоверностью, своей подлинностью. Поскольку Солженицынская премия призвана, в частности, отмечать труды, которые способствуют самопознанию России, решение жюри мне кажется предельно точным, потому что никто из живущих ныне историков не сделал больше для этого самопознания»⁶.

19 марта 2020 года умерла **Елена Владимировна Пастернак**, филолог, исследователь творчества Б.Л. Пастернака, внучка философа Густава Шпета. В московской женской школе № 131 на улице Станиславского (ныне Леонтьевский переулок), где она училась на три года старше меня, все, и незнакомые, знали ее как Алёнушку Вальтер (именно так, не «Елену», не «Алёну», — Алёнушку). Позже, учась в университете, мы занимались в одном зале Ленинской библиотеки, но по-прежнему не были знакомы. А еще много позже оказались соседями и близко подружились. Пастернаки (Алёна с Евгением Борисовичем, старшим сыном поэта, и детьми) жили в Столешниковом, мы в Козицком, бывали друг у друга, и дети наши дружили. Когда арестовали и выслали Александра Исаевича, бесценной была для меня помощь Алёны и Жени — и с детьми, и в спасении архива.

«...Пока ожидали обыска в доме, — первым толчком стали срочно уносить — к кому-нибудь! на другие квартиры! <...> Друзья вываливались сразу шумной кучей (у наших соседей Пастернаков сверх бумаг торчали перья лука, вилок капусты) и потом друг друга провожали, куда надо»⁷.

⁶ Макаров Н. Полнота понимания истории // Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2013. С. 427. (Литературная премия Александра Солженицына).

⁷ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 604 (Пятое дополнение: Невидимки. 13).

Когда в марте 1974-го мы с детьми улетали вослед Александру Исаевичу, Алёна и Женя были среди провожавших друзей, после чего, за отказ дать политическую оценку дружбе с нашей семьей, Евгений Борисович был уволен из Московского энергетического института. Разлука с Пастернаками была из самых пронзительных и безутешных.

8 июня 2020 года в Эстонии на 91-м году жизни скончалась **Хели Сузи**, дочь адвоката Арнольда Сузи, сокамерника Солженицына во внутренней тюрьме Лубянки в 1945-м. Студенткой была сослана в Хакасию (тогда Красноярский край), вернулась в 1958-м. Окончила Тартуский университет, преподавала немецкий язык в Таллинской консерватории. В 1960-х стала деятельной помощницей Солженицына, возглавив целую группу эстонских *невидимок*, обеспечивших тайную работу писателя над «Архипелагом...» в *Укывишце* под Тарту и прятавших, по мере готовности, листы рукописи (а затем хранивших ее больше четверти века, до возврата автора из изгнания). В «Невидимках» Солженицын посвятил верным друзьям отдельный очерк, «Эстонцы»: «Ах, эстонцы мои родные! Сколько ж вы сделали для нашего общего дела! Разделил я с вами сердце навек»⁸.

Ниже печатаем фрагмент воспоминаний Хели Сузи, вероятно единственный, где она пишет не о своем отце, не о его дружбе и соратничестве с Солженицыным, а о себе.

19 июля 2020 года пришло сообщение: «Сегодня отошла ко Господу **Галина Андреевна Главатских**. 27 лет она трудилась в стенах Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. После ухода на пенсию продолжала трудиться уже на церковном поприще. Она автор фундаментального издания по истории храма Святителя Николая Мирликийского в Покровском «Жизнь жительствоует». Книга удостоена I Макариевской премии 2011 г. по номинации «История Москвы и историческое краеведение».

Галина Андреевна была одной из невидимок, о ней Солженицын пишет в «Телёнке»: «В Ленинской библиотеке Люша сознакомилась с дружественным мне библиографом **Галиной Андреевной Главатских**, та стремительно и виртуозно выставляла по Люшиным (моим) запросам не рекомендательные списки, а живые десятки, если не сотни, книг — с отмеченными местами. Из конспирации я никогда не повидал Г.А. и поблагодарил-то за помощь, может быть, одной запиской, — и только от Люши знаю, что было ей тогда примерно 37 лет, что она историк, “скромная, тонкая, усталая”. И — религиозная. Такие книги Люша с избытком таскала из библиотеки, и доставляла мне за город, и снова оттаскивала в библиотеку»⁹.

⁸ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 456–468 (Пятое дополнение: Невидимки. 4).

⁹ Там же. С. 549 (Пятое дополнение: Невидимки. 10).

15 сентября 2020 года умер **Валентин Семенович Непомнящий**, наш многолетний друг. После возврата на родину Александр Исаевич пригласил его войти в состав жюри учрежденной в 1997 году Литературной премии, и сотрудничество с ним всегда было искрометным и радостным.

В 2000 году Солженицын поддержал выдвижение В.С. Непомнящего на соискание Государственной премии:

В журнал «Новый мир»

Москва, 9 октября 2000

С удовлетворением узнал, что «Новый мир» выдвинул В.С. Непомнящего, с его последней книгой «Пушкин. Русская картина мира», на соискание Государственной премии РФ в области литературы и искусства.

Эта книга и вся многолетняя деятельность ее автора, ученого и писателя, — яркое явление современной русской культуры. Труды Непомнящего в пушкиноведении занимают особое и блистательное место. Многолетним анализом исследователь проник в духовные глубины творчества Пушкина и умеет обратить найденное к сердцам и умам людей.

Оценить это давно необходимо, и Ваша инициатива весьма своевременна.

Я бы хотел, чтобы это мое письмо было приобщено к материалам по выдвижению В.С. Непомнящего на Государственную премию в качестве поддерживающего голоса.

А. Солженицын¹⁰

14 октября 2020 года после долгой болезни умер **Виктор Михайлович Дзядко**. Он был добрым другом и деятельным волонтером Фонда помощи политзаключенным и их семьям, созданного Александром Солженицыным в 1974 году на мировые гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ».

Ниже о Фонде рассказывают его распорядители Арина Гинзбург и Сергей Ходорович, о Викторе Дзядко и его роли вспоминает легендарная Вера Лашкова.

13 ноября 2020 в Париже скончалась **Мария Александровна Ельчанинова-Струве**, художник-иконописец, дочь священника Александра Ельчанинова (1881–1934), жена Никиты Алексеевича Струве (1931–2016).

¹⁰ Публикуется впервые. Печатается по копии, хранящейся в архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

В 2000 году В.С. Непомнящий стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области просветительской деятельности.

Сообщение пришло от Даниила Струве: «Вчера мирно скончалась Мария Ельчанинова, моя мама, после долгой и насыщенной жизни, полной необыкновенных встреч (отец Сергей Булгаков, мать Мария и многие другие). Она оставила нам многочисленные иконы, разбросанные по всему миру, и наставление: достоинство и простота. Вечная память!»

Мы дружили семьями, Никита Алексеевич бывал у нас в Вермонте с конца 70-х по конец 80-х практически каждое лето, часто с Марией Александровной. Когда ее не стало, отец Георгий Кочетков очень точно сказал: «Она человек, чей образ не стирается». И не только у нас, кто делил с Марией Александровной самые разные жизненные и общественные события, но и у детей общение с ней оставило живую память. На уход Марии Александровны откликнулся один из наших сыновей:

Мария Александровна Струве... — впрочем, мы, детишки, называли её исключительно «тётей Машей» — была тем «взрослым», с кем, из всех регулярно приезжавших к нам в родительский дом, было легче всех проводить время. Я смутно чувствовал, что тётя Маша — человек высокой духовности; об этом говорило и её тонкое лицо с глубокими, невзыскательными глазами, и её удивительные иконы, висящие по обе стороны царских врат в нашей домашней часовне, и то, что она ежедневно часами читала большие книги. Но с нами она не пыталась заводить об этом всё разговоры, а просто общалась будто с равными. И однажды предложила мне помочь приготовить яблочный «французский» торт, по старинному её семейному рецепту. И на протяжении готовки, в этот раз и ещё потом три-четыре, я ощутил, как внимательно и с какой любовью тётя Маша относилась, значит, и ко всему вольно делаемому — вот терпеливо подождать, пока масло смягчится до требуемой температуры; аккуратно резать яблоки, чтобы каждая долька оказалась того же размера, что соседки, рядом с кем ей ложиться на тесто; бережно рассыпать сахар, чтобы ровно и «честно» оросить всю поверхность рождающегося шедевра. И только отправив уже торт в преобразующий мир духовки, тётя Маша позволяла себе расслабить концентрацию, перенести её от делаемого вновь на тихий, уютный разговор о чём угодно с «равным» ей помощником-малышом. «И всё, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков»...

27 декабря 2020

Игнат Солженицын

30 ноября 2020 года умерла **Ирина Александровна Антонова**. Больше полувека (1961–2013) директор Музея изобразительных искусств имени Пушкина, затем его президент, до дня кончины. Ее имя окружено признательным восхищением современников. Долгая нить связывала Солженицына с Музеем,

от летних и зимних экзаменационных сессий студента-заочника Московского ИФЛИ (1939–1941) до прощания в стенах Музея со Святославом Рихтером в августе 1997-го. Вместе с великим музыкантом основав фестиваль «Декабрьские вечера» (1981), ставший вровень с лучшими мировыми фестивалями камерной музыки, Ирина Александровна стала относить к Музею цветаевские слова о родном Доме: наш «горделивый музыкальный корабль»¹¹.

В 2013 году благодаря инициативе И.А. Антоновой в Музее открылась первая в России выставка рукописей и мемориальных вещей писателя: «Александр Солженицын: Рукописи, документы, фотографии». Ее жизнь продолжилась виртуальным туром (<http://www.solzhenitsyn-exhibition.ru>), так что теперь рукописи и образы писателя постоянно странствуют на «горделивом корабле».

К выставке был выпущен каталог, ниже публикуем предисловие к нему Ирины Александровны Антоновой.

21 января 2021 года ушла **Елена Борисовна Мурина**, искусствовед, жена академика Д.В. Сарабьянова (1923–2013), исследователя русского авангарда. Для нас же она была в первую очередь — дочь Надежды Васильевны Бухариной (1901–1982), «городской Матрёны», как ее называли за беззаветную помощь всем вокруг, особенно же — бывшим и новым лагерникам. Надежда Васильевна была нам родной, для детей — «бабой Надей», через нее и Лёля Мурина стала своей у нас на Козицком, а после нашего изгнания и мать и дочь были среди немногих адресатов нашей «левой» переписки. Вот короткая выдержка из этой сердечной нити:

Октябрь 1975

Милые все-все, как ощутимо ваше отсутствие — пустотой, какой-то дырой в жизни — и скольких многих!

Читали письма и плакали — руки зачесались: вот бы помочь. Спасибо вам всем за ваш труд — его значение все растет, он наполняет воздух, которым мы дышим. <...>

Целую всех женщин и детей и почтительно кланяюсь А.И.

Ваша Лёля¹²

6 марта 2021 года пришло известие о смерти во Пскове **Валентина Яковлевича Курбатова**, литературного критика, члена редколлегии нескольких литературных журналов («Литературная учеба», «Роман-газета», «Русская провинция» и др.). Александр Исаевич высоко ценил неустанное

¹¹ Антонова И.А. Наш «горделивый музыкальный корабль» // Декабрьские вечера Святослава Рихтера: К 25-летию фестиваля. М.: П. Юргенсон, 2005. С. 14–19.

¹² Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 1 л. Синие чернила.

просветительское дело Валентина Яковлевича и — я позволю себе нарушить внутреннее правило нашего жюри (не разглашать имена обсуждаемых кандидатов на Солженицынскую премию) — его имя стояло в коротком списке будущих лауреатов, — не успели... Выступая в Ясной Поляне (2016), Л.И. Сараскина привела слова В.Я. Курбатова из письма к ней: «Уважение к Александру Исаевичу всемерное, благодарность за чистоту судьбы несомненная, понимание его величайшей любви к России навсегда живое. Мы долго будем по нему проверяться, пока не выздоровеем»¹³.

20 марта 2021 года, гостя у дочери в Париже и задержанная там пандемией, скончалась **Вероника Валентиновна Туркина-Штейн**. По сообщению дочери, она ушла как праведница, «безболезненно, непостыдно, мирно». У Вероники было огромное любящее сердце, многим она помогла в их трудный час, об иных заботилась десятилетиями, щедро дарила тепло даже малознакомым. Александру Исаевичу Солженицыну она была верным другом почти 70 лет (с 1940-го по день его смерти).

Ниже публикуем рассказ Вероники Валентиновны о судьбах ее семьи.

21 мая 2021 года завершилась долгая земная жизнь **Таира Теймуровича Салахова**, народного художника СССР, основателя и лидера направления «сурового стиля». На просьбы художников позировать для написания портрета Александр Исаевич неизменно отвечал вежливым отказом, и обращение Таира Салахова не стало исключением. Тогда Таир Теймурович обратился к документальным фильмам-интервью с Солженицыным режиссера Сергея Мирошниченко («Жизнь не по лжи», 2001; «На последнем плесе», 2003) — и, опираясь на живой образ писателя, встающий из этих фильмов, портрет его написал, даже два (2013). Оба портрета заняли центральное место на персональной выставке Таира Салахова (2014) во Французской академии изящных искусств, с тех пор не раз выставлялись в художественных музеях России и мира.

6 августа 2021 года в Париже умерла **Ирина Сергеевна (Арина) Жолковская (Гинзбург)**.

На смерть Арины

Ушла Арина, родной, дорогой друг. Больше полувека мы делились горем и счастьем, с избытком наполнявшими и ее, и мою жизнь. Наша близость началась в январе 1967-го, после второго ареста Алика Гинзбурга (за составление

¹³ Сараскина Л.И. Слово о Толстом // Солженицынские тетради. М. Русский путь, 2016. Вып. 5. С. 187–188.

«Белой книги» по делу Синявского — Даниэля). Арина тогда была невестой Алика, его арестовали за 5 дней до формального бракосочетания. Ее тут же уволили из МГУ «как жену антисоветчика Гинзбурга». Но категорически отказывались пускать на свидания в мордовском лагере, где он отбывал 5-летний срок, как «не-жену». Тем не менее Арине удалось стать центром связи с Аликом, «узлом», через который в оба конца шла информация и реальная помощь многим его сокамерникам. В декабре 1968-го ээки 17-го лагпункта в поселке Озёрный передали Александру Исаевичу через Арину поздравительную открытку с подписями — к его 60-летию. Ниже публикую его ответ.

А дальше — голодовкой Алика, поддержанной лагерными товарищами, одержана была победа, власти отступили, и 21 августа 1969 года состоялась лагерная свадьба, праздновали ее не только за проволокой, но и друзья повсюду на воле.

А дальше — после отбытия срока трудная и счастливая жизнь, рождение двух сыновей, дорогих моих крестников, работа в солженицынском Фонде помощи политзаключенным, который возглавил Александр Гинзбург.

А еще дальше — третий арест (1977), и тогда уже Арина становится во главе Фонда, заместив мужа.

И еще долгое, долгое «дальше».

Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи...

*Наталья Солженицына
6 августа 2021*

А.И. Солженицын — И.С. Жолковской (Гинзбург)

19 декабря 1968. Москва¹⁴

19.12.68

Дорогая Ирина!

Ваше и Ваших друзей поздравление — из самых растравных и дорогих. Еще бы мне не представить тех нар, где эти подписи собирались, и той утайки, как вывозилась открытка! Когда будет случай — передайте мужу и его друзьям, что я всех их обнимаю, постоянно их помню и уверен, что жертвы и страдания их не канут зря. Пожелал бы им неизменной твердости — да ведь она у них и есть.

Так отвечу тем же, как Вы мне: храни Вас всех Господь!

Восхищает меня и Ваше поведение притюремной невесты.

Всего Вам доброго!

А. Солженицын

¹⁴ Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Копия автографа А.И. Солженицына. 1 л. Черные чернила.

Н.Г. Левитская

«ПОЛУЧИЛСЯ ЦЕЛЫЙ ТРАКТАТ О МИЛЬНЕ, НЕ ПОСЕТУЙТЕ»

Первое, что стал писать Солженицын в изгнании, — «Невидимки», очерки о своих тайных помощниках. Написал в два приема (летом 1974 и летом 1975) и положил в сейф, поскольку невозможно было обнародовать связь и помощь невидимок писателю-«отщепенцу» и «уголовному преступнику». К концу 1980-х ситуация в СССР изменилась настолько, что публикация «Невидимок» в недалеком будущем стала казаться возможной. В октябре 1989-го Александр Исаевич пишет в Москву Елене Цезаревне Чуковской (все еще «по левой»): «Дорогая Люшенька! <...> Подходят времена (быть может уже в 1991 и затем дальше), когда пристало печатать “Невидимок”»¹. И через месяц продолжает: «...о Невидимках. После того, как в будущем году “Новый мир”, очевидно, напечатает “Теленка” по 4-е дополнение включительно, дальше можно было бы по 1–2 очерка тоже вытягивать на свет. («Новый мир» напечатал «Теленка», включая «Невидимки», в 1991 году, № 6–8, 11–12. — Н.С.) Предстоит кропотливая работа: каждое заинтересованное лицо спросить: можно ли публиковать о его участии... Мы такой опрос уже начали, и успешно, но ко многим можете добраться только Вы. Вот их список — а Вы, сколько разрешит Вам Ваше время и обстоятельства, спрашивайте, пожалуйста, их, а потом как-нибудь, в несколько приемов, мне ответите»². Однако А.И. полагал, что в иных случаях односложного согласия недостаточно. Он послал машинопись «Невидимок» Люше с тем, чтобы те из героев, кому был посвящен целый очерк или текст более обширный, чем упоминание, прочитали его прежде печати и поправили, если что не так. Публикуемое ниже письмо Надежды Григорьевны Левитской в Вермонт написано сразу после прочтения 6-го очерка «Невидимок», посвященного ей и ее приемной матери, Наталье Мильевне Аничковой.

¹ А.И. Солженицын — Е.Ц. Чуковской, 9 ноября 1989. Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

² Там же.

Н.Г. Левитская — А.И. Солженицыну

20 сентября 1990, Москва¹

20.09.90

Дорогой Александр Исаевич,
вчера получила «Невидимок»... Вчера же, уже и сегодня до 3-х ночи, прочитала. Поднялось прошлое, знакомое и незнакомое...

С Мильной познакомились мы в феврале — марте 1952. Работая возницей, я простудилась и с воспалением лёгких попала в местный стационар с высокой температурой. Дня через три немного оклемалась. Утром в тот день, после обхода, заходит в камеру женщина, все ее радостно встречают, а она раздает книги, меняет старые на новые. Меня же вроде бы обходит (видно, я до этого лежала, как колода, ничего не видела и не слышала). Тут я взмолилась: «А мне?» — «А, пожалуйста», — и дает что-то вроде «Счастья» павленковского. Видно, у меня на лице появилось явное разочарование. Она — быстро: «Как ваша фамилия?» — Я назвалась. — «Подождите, я сейчас», — вырвала книгу из рук, убежала и через три минуты вернулась с воспоминаниями актера Юрьева. Эта книга у меня по сей день стоит на почетном месте, как реликвия².

С этого-то и началось. Нас ведь в Унжлаге в то время — русских, интеллигентных — было раз-два и обчёлся. Все друг о друге знали. Мильна сидела уже третий год, в каждом новом этапе выискивала родные души. Ей обо мне тоже кто-то рассказал, я даже знаю кто — Ольга Кондратьевна Башко, певица из Львова, сидевшая по 58-2 (за хранение брошенной её жильцом «националистической» литературы заработала «подготовку к вооруженному восстанию»). С того дня мы с Мильной душевно не разлучались, хотя вместе на одном ОЛП'е³ были очень недолго. Осенью того же года меня пригласил кум, начал вербовать, а я сказала: «Меня мама еще учила, что доносить-ябедничать нельзя». Ну и в тот же вечер меня с этапом отправили с с/х ОЛП'а на лесоповальный. <...>

Потом надо помнить, что это уже 1950-е годы, обычный ИТЛ⁴, так что голодаевки настоящей не было... Мильна в лагере меня не хлебом подкармливала, а человеком сделала. Ведь я только-только из университета, после госэкзаменов, хоть и знала много больше других, но ведь все равно по уши напичкана марксистской мурой, советской литературой и пр. А Мильна мне наизусть Блока и Гумилева, Ходасевича и Есенина читала, а потом целую толстую тетрадь стихов, записанных по памяти, подарила. От нее да от Марии Александровны Гольдман⁵ я, по диплому филолог-русист, узнала русскую поэзию Серебряного века, узнала о литературной жизни и театрах Москвы 20-х годов, о Таирове и Коонен, Мейерхольде и Михоэлсе, прочитала «Аврору» Маслова⁶, и узорчатые стихи Клюева, и многое-многое другое. Мильна

не от голода спасла меня, а спасла во мне человека, вернула меня на «путь праведный», с которого чуть не скovyрнулась «через» университетское образование, оторванность от семьи, которую разрушили в 1941. Все университетские годы, приезжая на каникулы к маме в Новгород, где ей предписано было жить, я постоянно спорила с ней, проверяя вдолбленную в меня «учённость». А мама у меня была твердокаменная в своем отношении к большевикам: то, что они бандиты, она знала с самого начала их появления в Киеве и никогда, ни на минуту не усомнилась в этом. Когда мне исполнилось 16 лет и встал вопрос о комсомоле, отец начал разводить демократию, что, дескать, сама должна решать, а мама коротко и ясно сказала: «Вступит, из дома выгоню». И вот в те годы, нахватавшись казённой премудрости, чувствуя подкоркой своё отщепенство в студенческой среде и стараясь как-то преодолеть это, стать «как все», я все спорила с мамой, не столько убеждая ее, сколько стараясь убедить себя, утвердиться там или здесь. И в таком-то состоянии — в тюрьму, уже после мамы и брата⁷. И еще на следствии перед судом следователь устраивал мне допросы-беседы-экзамены по марксизму, и я демонстрировала свою эрудицию в начетничестве по этой части — ведь только что сдала на пятерки все госы. Дальше — лагерь. Вокруг украинские и литовские крестьянки, русской речи не услышишь — жаргон, диалект, брань, работа–работа–работа, на воле — никого, писем — нет, надежды — нет. И тут — Мильна. Она вернула мне среду, вернула меня к истокам, существовавшим, но засыпанным мусором основам бытия. В этом сила Мильны, в этом смысл ее жизни, потому что не одну меня привела она в чувство, поставила на путь истинный. В этом — при всей разности характеров, она схожа с моей мамой: обе они изначально знали порочность существующей в стране власти и всю жизнь в меру сил, возможностей, темперамента противодействовали ей. Мильна не просто имела «множество разнообразных знакомых»: она умела находить людей, умела из обывателей делать Человеков, умела зажигать людей, а главное — раскрывала им глаза и укрепляла души для противостояния, для активного дела. В этом был смысл знакомства с Вами и работы для Вас; для этого устраивалось действо 5-го марта⁸, раздавался самиздат, велись споры с Осенновым. А на людей у Мильны глаз был не хуже Вашего: ведь при всех обширнейших знакомствах, часто «случайных», «с улицы», никто ни разу не стукнул, а на следствии показания на нее дала не случайная знакомая, а лишенная в камере кофе и табака одноклассница по Таганцевской гимназии Виктория Генриховна Загорянская. Получился целый трактат о Мильне, не посетуйте.

О моем отце: если можно, дайте его полное имя — Гр<игорий> Андр<еевич> Л<евитский> (оно не безразлично в мире) и добавьте «ближайший соратник Н.И. Вавилова». <...>

А за всё — великое Вам спасибо! за память, за благодарность.

¹ Публикуется впервые. Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. 2 л. с об. Черные чернила.

² Юрьев Ю.М. Записки. Л.; М.: Искусство, 1948.

³ ОЛП — отдельный лагерный пункт.

⁴ ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.

⁵ Гольдман (урожд. Летник) Мария Александровна (1906– ?) — кандидат филологических наук, входила в круг друзей Даниила Андреева, в их числе арестована в 1948. Приговорена ОСО к восьми годам лагерей. В 1954 году освобождена без снятия судимости, в 1958-м реабилитирована «за отсутствием состава преступления».

⁶ Имеется в виду поэма Георгия Владимировича Маслова (1895–1920), опубликованная с предисловием Ю.Н. Тынянова (Пг.: Картонный домик, 1922). Поэма посвящена судьбе Авроры Карловны Шернваль (1808 или 1813–1902; в 1-м браке — Демидова, во 2-м — Карамзина), светской красавицы, воспетой Баратынским «соименницы зари», личная жизнь которой была обильна несчастьями. Об авторе, незаурядном пушкинисте и своеобразном поэте, участнике Белого движения (служил рядовым в армии А.В. Колчака; при ее отступлении умер от тифа), см. републикацию предисловия к изданию 1922 года и примеч. к ней: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 136–138, 450–453.

⁷ Брат Н.Г., Иван Григорьевич Левитский (1927–1995), был арестован в феврале 1950, мать, Наталья Евгеньевна Кузьмина-Левитская (1899–1952), — в феврале 1951, Н.Г. — в июле 1951.

⁸ «Каждое 5 марта, день смерти Сталина... они убрали свои комнатёнки как музей, расставляли фотографии расстрелянных и погибших в лагерях, сколько достать могли, заводили траурную музыку, — и несколько часов сквозь этот музей шли приглашённые знакомые и бывшие зэки» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2018. Т. 28. С. 485).

Х. Сузи

ОДНО ОСОБЕННОЕ РОЖДЕСТВО¹

Никогда не смогу забыть Рождество 1950 года в далекой Хакасии — за 6000 километров от дома, в горах Алтая, в поселке Орджоникидзе (район Сарала-лагери). Это было 21-е Рождество в моей жизни, второе Рождество в Сибири. Прекрасное и страшное тесно сплелись между собой.

В конце года мы жили в одной из комнат длинного бревенчатого барака, комната была перегорожена, небольшая стенка отделяла кухонный угол — плита, на лавке тазик для умывания, нары шириной в метр сразу за стенкой и на стене вешалка для одежды. Площадь примерно 2,5×4,5 м.

В «комнате» спали бабушка, мама, брат и я, на кухонных нарах — двое наших молодых соотечественников, которые под предлогом продолжения образования спасались от этапа на золотые прииски. Там кремниевая пыль за пару лет сводила в могилу многих копошившихся под землей шахтеров, у которых своего крова не было.

Работать я ходила за два километра на лесопилку, была «опилочницей», т.е. наполняла опилками, которые скапливались в бункере под пилорамой, большую тачку, везла ее по узкой доске-дорожке на расстояние около 150 метров к краю покрытого опилками поля и там ее опрокидывала. Тачка предназначалась для взрослого мужчины, я едва доходила такому по пояс, концы ручек тачки были так далеко друг от друга, что я едва дотягивалась до них. Поэтому движение по узкой доске было шатким, колесо часто соскальзывало с доски на мягкие опилки, и тогда толкать тачку было очень тяжело. «Ездка» занимала как раз столько времени, чтобы пилы успевали снова наполнить бункер опилками. Распиливались в основном бревна мощных кедров и лиственниц, нормы выработки были очень высокие.

Описанная картинка дает представление о быте нашей семьи, без нее рассказ о Рождестве остался бы непонятным или абстрактным.

За два дня до праздника я притащила в комнату красивую елочку, срубив ее в сугробе на склоне горы. На поиски самой красивой елки ушло немало

¹ Публикуется по: Сузи Х. Прекрасное и страшное. Записки / пер. с эст. Т. Никитиной // Вышгород. 2012. № 6. С. 88–90.

времени. Из детского сада, где я временами играла на баяне, когда малыши пели и танцевали, принесла серебристую бумагу (для новогодних украшений детскому саду выделили этот дефицит), завернула в нее бабушкины мотки шерсти — получились великолепные елочные игрушки! Присланные родственниками свечи тоже разместились на ветках — вот елка и готова к предрождественскому вечеру, а с ней и настроение, и радость — как по настоящему! В эти дни брат работал по две смены, возложив на меня подготовку к сочельнику. На дворе стоял 30-градусный мороз, но комнату нам удалось натопить. Мама получила от жен местного начальства в благодарность за шитье и вязание мясной фарш и приготовила особое праздничное блюдо: биточки с картофельным пюре (картошка и лук свои). Когда наши работяги пришли после смены, мы стали справлять Рождество, как когда-то у себя в Эстонии. Праздничный стол, зажженные свечи, подарки. Разговоры не кончались: вспоминали Рождество на родине, тех, кто остался дома или пропал без вести, у кого-то отец в лагере, у кого-то — брат. И всё пели и пели рождественские песни вперемежку с песнями о родном крае — под аккомпанемент моего маленького баяна. Не хотелось, чтобы эта чудная ночь кончалась.

Мечта о возвращении домой становилась реальнее — не может это продолжаться вечно, если у нас такой рождественский вечер! В сером однообразии голодной сибирской жизни при тяжелой работе по 10–12 часов в день, часто без выходных, это немного фантастическое «возвращение на родину» было таким обнадеживающим и прекрасным, что вечер наш никак не хотел кончаться и продолжался почти до утра.

В 8 часов я должна была опять толкать свою тачку. Ложиться спать уже не имело смысла. Я собиралась работать без обеденного перерыва, чтобы попасть домой на час раньше, немного поспать и продолжить рождественское чудо. Но человек предполагает, а Бог располагает. До обеда было больше кедровых бревен, а потому тачка с опилками немного легче. На ходу я расправилась со своим бутербродом. Еще полтора часа! Вдруг передо мной возник бригадир Павлик и коротко оповестил: «Ты, девка, иди теперь домой, поешь и к четырем часам возвращайся в ночную смену. Маруся заболела, заменишь ее». Возражения привели бы к ссоре и наказанию — ведь мы были совсем бесправны; не придешь, потеряешь четверть своей и так ничтожной зарплаты, да еще пошлют тебя в тайгу. Глотая слезы, я выполнила распоряжение.

Мороз был суров. Валенки высохнуть не успели, только портянки поменяла на сухие да съела тарелку супа. И в обратный путь. Обледенелая дорога теперь казалась гораздо длиннее и ухабистее, чем утром.

Цанги на пилах уже лязгали, пережевывали бревна лиственницы. Гора опилок в бункере росла. Расстояние между ручками тачки казалось больше обычного. Немногое запомнилось мне о той ночи. Ужасно тяжелая тачка не держалась на доске-дорожке. Я превратилась в одну из деталей этой лесопилки: сгребала, кидала в тачку, толкала, опрокидывала, опять толкала, кидала

в тачку... Ночь была ясной, мириады звезд мигали в черном небе. Орион. Кассиопея. Старые друзья еще по дому... Рождество... Христос родился... Топаю своим путем и пою в такт шагам: «О благословенный, о радостный, святой и светлый праздник...» Топаю по этой дорожке, а сама будто где-то далеко-далеко. Голова совсем отключилась.

Вдруг — тишина! Изумительное безмолвие! Пилорама остановилась! Валяюсь в снег рядом с тачкой — блаженная тишина. Сразу засыпаю, а перед этим мелькает мысль — так же провалились в сон мужи в стихотворении Марие Ундер: «Они засыпают, засыпают, замеченные снегом».

Просыпаюсь, кто-то толкает меня ногой и ругается: «С ума сошла? Шальная девка, вставай, пила уже работает, ты что, насмерть замерзнуть хочешь?» И затем мат, столь любимый русским мужиком. На ноги я поднялась, идти смогла. Как долго длился простой, не знаю, наверно, не более 10 минут. Бункер был переполнен. Почти не помню, что было дальше, конечно, все то же: наполняла тачку, толкала ее да опрокидывала.

В два часа все кончилось. Пальцы на ногах больше не болели, замерзли. Дрожа в своей влажной телогрейке, я зашагала домой по освещенной звездами дороге. Уже взошла Утренняя звезда. Красота сибирского неба окрыляет. Божественный небосвод здесь такой лучезарный! И простирается до моей родины.

На пороге дома меня встретил один из наших «новых членов семьи», усадил на край нар, ласково погладил, растер до тепла мои руки, стянул с ног валенки и снял телогрейку. Кто-то — наверно, мама — дала мне попить чего-то горячего. Куда я свалилась спать, уже и не помню.

«ВИТЬ, А У ТЕБЯ ЕСТЬ ХОТЬ КАКИЕ-НИБУДЬ НЕДОСТАТКИ?»

Воспоминания о «зэчьем фонде» и В.М. Дзядко

В декабре 2003 года в Милане проходила международная конференция «Праведники ГУЛАГа», на которую были приглашены и выступили с докладами Арина Гинзбург и Сергей Ходорович. Публикуем выдержки, касающиеся возникновения и работы Фонда помощи политзаключенным и их семьям.

Арина Гинзбург:

23 января 1972 года во владимирской тюрьме кончился второй срок Александра Гинзбурга.

Власти заранее предупредили его, что жить в Москве ему запрещено — по закону антисоветчику, отбывшему свой срок, полагалось селиться под надзор не ближе 101 километра от Москвы.

Летом 1972 года в Тарусу к Алику приехал Александр Исаевич Солженицын. Они встретились на берегу тихой маленькой речки Таруски и проговорили несколько часов.

Солженицын давно принял решение: все деньги за все издания «Архипелага» пойдут на помощь политзаключенным и их семьям, которым писатель и посвятил свою книгу.

Особенность советской удушительной пенитенциарной системы состояла в том, что после ареста человека виновными становились сразу и все члены его семьи. При Сталине их тоже сажали или отправляли в лагеря или на поселения, а детей — в специальные детские дома. Во времена Брежнева было легче — их всего лишь подвергали унижительным допросам и обыскам, выгоняли с работы, оставляли на голод и безденежье.

Помощь семьям политзаключенных существовала во всем мире, даже при самых страшных режимах, и только в Советском Союзе считалось, что это подрыв системы. Годами убивалось в коммунистической империи милосердие и насаждались страх и стукачество.

Александр Солженицын изложил Гинзбургу свою идею «зэчьего фонда» и предложил ему стать его распорядителем. «Архипелаг» тогда еще не вы-

шел, но писатель уже отдал на помощь политзаключенным четвертую часть Нобелевской премии, присужденной ему в 1970 году.

Гинзбург к этому времени пробыл на свободе всего лишь полгода. Он понимал, как опасна эта новая миссия, к тому же через несколько месяцев у нас должен был родиться первый ребенок. Но он принял это предложение как честь и сделал эту работу делом своей жизни. Я целиком поддержала его и впоследствии тоже участвовала в этой работе.

Сергей Ходорович:

...Первым распорядителем Фонда на территории СССР стал человек-легенда Александр Гинзбург. На него легла, казалось бы, непосильная задача — сделать функционирование Фонда реальностью. Александр Гинзбург справился со всеми сложностями. При нем сложилась схема и структура Фонда, от которой затем не отступали следующие за ним распорядители (до распада СССР всех распорядителей было 7 человек: Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Татьяна Ходорович, Кронид Любарский, Арина Гинзбург, Сергей Ходорович и Андрей Кистяковский). Власти не сразу отреагировали на появление Фонда. Ничего подобного их Уголовным кодексом предусмотрено не было, и ни под одну статью Фонд не подходил. Гинзбурга арестовали только в феврале 1977 года, и хотя ему не инкриминировали напрямую работу Фонда, но в прес-се Фонд стал квалифицироваться как незаконная организация, существующая на деньги западных спецслужб с целью борьбы с советской властью. Такая формулировка угрожала каждому, кто принимал участие в работе Фонда, с применением к нему статьи Уголовного кодекса, предусматривающей наказание вплоть до смертной казни. В дальнейшем следователи на допросах широко пользовались угрозой применения этой статьи.

Я принимал непосредственное участие в работе Фонда довольно длительное время и буду говорить как свидетель. Забот у Фонда было непомерно. Под его опеку попадали подследственные, отбывающие срок в тюрьмах, лагерях и ссылках, поднадзорные, узники психиатрических тюрем для принудительного лечения — и для всех этих категорий репрессированных их малолетние дети и престарелые родители, оставшиеся без кормильца.

Нужно было иметь список всех подопечных Фонда и регулярно вносить в него изменения. Естественно, этот список не должен был попасть в руки властей. Нужно было составлять перечень необходимых лекарств, добывать эти лекарства, хранить и доставлять тем, кому они предназначались. Те же хлопоты с продуктами для передач и посылок заключенным, для снабжения едущих на свидание родственников. Нужно было находить и оплачивать адвокатов, «доставать» билеты на поезда, самолеты и пароходы едущим на свидание. Как правило, нужно было кому-то сопровождать женщин, едущих на свидание с детьми, пожилых родителей. Особо нужно было помогать зацепиться за жизнь

тем, кто, отбыв срок заключения, освобождался и по приговору не имел права жить в больших городах. Фонд практиковал посылки к праздникам Рождества и Пасхи всем детям своих подопечных, и это было непросто сделать... Все это осложнялось вообще крайне низким уровнем жизни и негодным бытом в нашей стране, а главное, неудовольствием властей и их карательных органов деятельностью Фонда. Однако все это делалось. Делалось самоотверженными, абсолютно бескорыстными усилиями многих людей.

Это было братство, скрепленное родством душ и невыносимыми условиями жизни в тоталитарном государстве. Часть активных волонтеров Фонда были как бы понуждаемы обстоятельствами: это были родственники репрессированных и сами репрессированные, отбывшие свои сроки, но ожидающие следующих. Конечно же, это нисколько не умаляет их стремления сострадать и помогать гонимым. Но уж абсолютное восхищение вызывают те, а их было большинство, у которых не было этих побудительных мотивов, но они рисковали своей свободой и жизнью...

Я знал этих людей. Время, когда я был среди них, — лучшее время моей жизни.

*Одним из таких прекрасных и незаменимых людей был Виктор Дзядко. О нем вспоминает **Вера Лашкова**:*

Витя много лет был моим близким и верным другом.

Мы познакомились в доме у Арины. Ее муж, Алик Гинзбург, тогда отбывал свой очередной срок в политическом лагере в Мордовии. У них было два маленьких сына — Саня и Алеша, и совершенно бесценной была помощь Вити: он замечательно умел обращаться с детьми: и накормить их, и уложить спать, и обязательно рассказать сказку. Дети его очень любили. И еще он умел устраивать чудесные новогодние елки для зэчых детишек. Елка всегда была настоящая, пахнувшая лесом и морозом, игрушек было много, но главное — подарки под елкой и сам Дед Мороз, им часто был Витя, и дети верили, что он и есть самый настоящий Дед Мороз.

Но главная помощь его заключалась в том, что он провожал жен зэков, когда им разрешались лагерные свидания. Они все проезжали через Москву, их надо было встретить и куда-то устроить. Кроме того, приходилось возить тяжелые рюкзаки с продуктами; могли разрешить свидание на двое-трое суток (это очень редко, но случалось), поэтому и запасались едой — и для зэка, и для того, кто ехал на свидание, и для провожатых, и еще — может быть — оставить передачу. И главными провожатыми неизменно были два Виктора — Витя Тимачев и Витя Дзядко.

Когда мы познакомились, Витя был еще совсем молодым, по образованию он — математик, и меня всегда удивляло, как он умел все: и пригото-

вить, если надо, и гладить, и стирать, и убрать квартиру. Но умел делать и чисто мужскую работу — и починить мебель, и построить, и все у него получалось ладно и аккуратно. Я помню, как однажды спросила его: «Вить, а у тебя есть хоть какие-нибудь недостатки?» И он очень смутился, потому что одно из главных его достоинств — была скромность. И еще — доброта и отзывчивость: когда я сама оказалась в положении ссыльной, он и ко мне приезжал, и много-много помогал мне.

Вот таким замечательным и верным другом был Витя Дзядко.

И.А. Антонова

НАШ НИЗКИЙ ПОКЛОН¹

Эта выставка, посвященная жизни и творчеству Александра Исаевича Солженицына, — наш низкий поклон великому русскому писателю за его страдания, за страстное сопротивление лжи и насилию, за душевную отвагу, за веру в человека, за веру в силу искусства, добра и красоты.

Об этом он говорил в своей Нобелевской лекции: «Искусство растепляет даже захлавленную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, — такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению. Как то маленькое зеркальце сказок: в него глянешь и увидишь — не себя, — увидишь на миг Недоступное, куда не доскакать, не долететь. И только душа занывает...» И дальше: может быть, «не обмолвкою, но пророчеством написано у Достоевского: “Мир спасет красота”?»

В поисках контекста творчеству Солженицына в пространстве мирового искусства, каким является наш Музей, мы поддержали предположение Наталии Дмитриевны Солженицыной о возможности показать на выставке офорты Рембрандта, репродукции которых постоянно живут на стенах в их доме. Пожалуй, в еще большей степени, чем в живописи, в офортах великого голландца звучит тема народа. Офорты должны были привлечь особое внимание писателя пронзительным видением реальности, правды бытия и вместе с тем предельной одухотворенностью. Черное и белое, свет и тень в немыслимой сложности их градаций — метафора самой жизни в ее единстве и противоречиях, между «да» и «нет». Носители заблуждения и истины, они идут по жизни рядом, как в офорте Рембрандта «Христос и книжники» (1654).

Творчество и судьба Александра Солженицына оказались на центральной линии развития истории и культуры России XX столетия. Революции, мировые войны, смены режимов — все поразило как мишень его ум и сердце и

¹ Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014]. М.: Русский путь, 2013. С. 8–9.

нашло бескомпромиссное отражение в его творчестве. В страшных испытаниях, выпавших на долю писателя, — война, арест, тюрьма, лагерь, ссылка, изгнание — росла его невероятная слава, всемирное признание.

Знакомство с биографией Александра Исаевича до начала Отечественной войны поражает совпадением ее с путями многих его современников. Одаренный юноша, учась на физико-математическом факультете Ростовского университета, поступил на заочное искусствоведческое отделение МИФЛИ — знаменитого в Москве Института философии, литературы и истории, в котором я имела счастье учиться. Здесь он писал курсовые работы о Рембрандте, Сурикове, Кипренском.

Александр Исаевич был увлечен симфонической и фортепианной музыкой. Как не вспомнить незабываемый концерт Владимира Софроницкого в Зале Чайковского зимой 1942 года, на котором мы сидели в валенках, платках, варежках (в зале не топили) и плакали от счастья, от красоты музыки великого Шопена. А спектакли Художественного театра — «Дни Турбиных», «Вишневый сад»... Это общее достояние поколения в полной мере принадлежало писателю. Оно не исчезло, оно мощно заявило себя в творчестве Солженицына.

Самая большая утрата для художника на пути «хождения по мукам» — это разочарование, слом системы ценностей, в которые верил. Но Солженицын выдержал этот удар судьбы. Он не стал представителем, по его выражению, «телячьей молодежи», он сохранил веру в жизнь, в созидательное начало. На этом пути рядом с ним были великие художники — Данте, Рембрандт, Бетховен, Толстой, Достоевский.

В.В. Туркина-Штейн

[ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ]

В 2012 году В.В. Туркина дала обширное интервью Ксении Лученко (в тот момент — стратегическому редактору портала «Православие и мир», редактору телепрограммы «Тем временем»). К. Лученко опубликовала его в 2013 году в виде монолога на сайте «Русская жизнь» (ныне не существующем). Мы печатаем рассказ с некоторыми сокращениями. Публикуется с разрешения автора.

Предки

Я родилась в Москве в 1926 году. Есть версия, что по отцовской линии в роду был турок, который бежал от гнева падишаха на Дон. Поэтому и фамилия Туркины. Но бабушка по отцу была чистая полька, аристократических кровей, католичка, которая перешла в православие и из Софьи стала Надеждой. А со стороны мамы бабушка Елизавета была великороска, ее отец Георгий Маев был директором гимназии во Владимире. А дед мой, Николай Полковников, — из дворянской казачьей семьи, где было шестеро братьев. Прадед Василий Полковников был генералом, участвовал в войне на Кавказе, оттуда привез молоденькую черкешенку, которую выучил в институте благородных девиц, после этого женился на ней, она стала Марией и родила ему шестерых сыновей. Братья были друг на друга мало похожи, судя по фотографиям. Кто-то был чистый черкес — с темными волосами, горбоносый. А кто-то похож на деда Василия. Все его сыновья были военными, в больших чинах, орденосносцы. Один из них, Петр Васильевич Полковников, сподвижник генерала Скобелева, генерал-майор от кавалерии, был убит бомбой террориста в Полтаве в 1906 году. Полковниковы — это такой большой клан был¹.

¹ См.: ДРЗ. Ф. 084. Семейный фонд Полковниковых (URL: http://www.bfrz.ru/?mod=arhiv&fond_id=79).

В Первую мировую, в революцию и Гражданскую войну Полковниковы или погибли, или эмигрировали. Рассказывание было таким же энергичным, как раскулачивание: никого не жалели, даже детей.

Клан был практически уничтожен. Хотя некоторые из Полковниковых даже были знамениты. Мой дед, генерал Николай Полковников, заведовал Провальским конным заводом под Новочеркасском. Они там усовершенствовали породу донской лошади, и прадед лично один экземпляр подарил императрице. А мой двоюродный дядюшка, Георгий Полковников, был главнокомандующим Петроградским военным округом в сентябре — октябре 1917 года, потом поехал организовывать армию на Дон, его большевики поймали и разорвали лошадьми.

Дед был небогат, жил на жалованье, а детей было семеро. И мальчиков он отдал в петербургский кадетский корпус, я думаю, бесплатно. Один из них, мой дядя Жорик, когда началась революция, вернулся на Дон, кадетов почти всех поубивали, но его выпихнули в эмиграцию через Новороссийск. И он прошел трудный путь, голодал, потом поступил во французский батальон, откуда не отпускали. Его кто-то из дядьев встретил на улице в Галлиполи и вытащил оттуда. В Чехословакии была открыта гимназия для таких мальчиков, которые в России не успели окончить курса. И дядя там кончил гимназию и медицинский институт в Брно и остался там доктором, женился на чешке, там всю жизнь и прожил.

А второй дядя, Николай, был молодым офицером на войне, и оттуда он, когда армия разложилась, ехал со своим адъютантом, добирался домой, и по дороге заболел тифом. Его сняли с поезда, а адъютант оставил себе его кольцо, кошелек и поехал дальше. Поехать-то он поехал, но совесть его заела. В конце концов он приехал к нашим, рассказал, что дядю сняли с поезда. Бабушка отправилась его искать, на каждой станции сходила с поезда и около церквей видела открытые гробы, в которых лежали по два покойника. И там она нашла своего Колечку, его похоронили. С тех пор бабушка всю жизнь во сне кричала.

До войны

Наша узкая семья (не большой клан), полностью женская, спаслась только потому, что вовремя перебралась в Москву, в квартиру на Малой Бронной, которую дед в 1915 году не то купил, не то арендовал. Бабушка была лишенка, а тетушки работали. Мы росли в большой коммуналке, в маминой комнате: тетка Нюся, трое детей, мама (которую тоже звали Вероника) и я. Зато в нашей комнате был балкон, и окна выходили на юг, на Патриаршие пруды.

У меня нет впечатления, что у меня было счастливое детство. Да, меня любили, меня баловали, оберегали ото всего, — а чтобы я себя чувствовала

спокойно и счастливо, этого не было. Растили меня мама и тети, мой отец, Валентин Константинович Туркин, ушел из семьи, когда я была совсем маленькой. Отец был драматург и сценарист, с 30-х — профессор и завкафедрой кинодраматургии ВГИКа, до сих пор на этом факультете учатся по его учебнику².

В коммунальной квартире жили, кроме нас, еще шесть семей. С нами жила двоюродная сестра на два года меня старше, с которой мы были очень дружны. Нас с ней учили языкам. Когда уплотняли квартиру, бабушке и тетке оставили одну комнату, а соседнюю отдали тетке Наде, гувернантке, которую когда-то дед взял для девочек и которая так около семьи и осталась жить. Ей одной дали целую комнату, как эксплуатируемому меньшинству. Она с нами занималась языками, учила нас французскому и немецкому. Один день мы должны были говорить по-французски, второй день по-немецки, и когда нам было лет по 8–10, мы уже хорошо говорили, нам устраивали семейные экзамены вроде праздника завершения года, дарили подарки. Мне однажды подарили деревянный грузовик, который я очень любила. А куклу мне сшила тетя Лиля (сестра мамы) из простынок, анемичная такая кукла была, но ничего.

Одно время запрещали елки, но бабушка устраивала нам маленькую елочку, которую она вдвигала под кровать, когда слышала шаги в коридоре. Некоторое время баба меня водила в церковь. Потом перестала. В доме были иконы и Евангелие. Потом они исчезли. Менялось время: то запрещалось одно, то другое. Детей отбирали, если их не так воспитывали. Родные боялись, что нас отберут, поэтому уроки прекратились, нас перестали учить языкам, чтобы никто не донес, будто из нас растят шпионов.

Я в детстве много болела. У меня начался эндокардит — ревматическое осложнение на сердце, поэтому я в школу примерно до 5-го класса ходила очень мало. Лекарств не было в то время — ни пеницилина, ни кортизола, и лечили все салицилкой, то есть аспирином. Ко мне тетя Лиля (она сама была врачом) привела лучшего тогда доктора, Плетнева. Такой небольшого роста человечек, с седыми волосами и молодым лицом, очень живой. Он стоял и разговаривал, поставив ногу на стул. И он предписал везти меня за город, чтоб днем спала на улице. Режим, свежий воздух и салицилка — вот и все лечение. А жили мы очень бедно. У нас были какие-то остатки мебели, которые на глазах разрушались. Я не помню, чтобы что-то новое покупали. Продавленные диваны, рассохшиеся венские стулья. О какой даче могла идти речь? Но тетя Лиля спасла дачу для наших знакомых. Начальник моего деда был еще при Николае II короткое время министром транспорта. Его

² О В.В. Туркине см. в воспоминаниях Солженицына «Юность» и примеч. 39 к ним на с. 40 наст. изд. — *Ред.*

сначала оставили как спеца, а потом, уже в тридцать каком-то году, расстреляли, совсем старым, 80 с чем-то лет. У него все дети были арестованы, дочери уехали куда-то в Петербург, где боялись поднять голову, а мальчики все погибли. Одного из них, старшего, он был на Колыме, списали потом по болезни, и он шел пешком домой, подрабатывал по деревням, и не дошел. Так вот тетка Лиля взяла у них доверенность на дачу в Ильинском и спасла ее, чтобы им было куда вернуться. И жила с нами одно время жена этого бывшего министра, Елизавета Петровна, которая тоже пыталась со мной разговаривать по-французски. С нею ее внук Шурик, которого отовсюду выгнали: не давали ни в армии служить, ни учиться. Большой, добродушный, круглоголовый. По ночам он все время чертил какие-то танки, а однажды он ушел из дома и не вернулся. Я думаю, его тоже арестовали.

А замечательный доктор, который меня лечил, оказался тем самым Плетневым, которого обвинили в убийстве Горького³.

Эвакуация

Когда началась война, мне было почти 14 лет.

Школа моя была разрушена. Она была на Трехпрудном, рядом с домом, где когда-то жила Цветаева. Оттуда часть учеников с преподавателями должны были ехать в эвакуацию. Они привезли вещи, ждали машину, но машина не пришла, ее обещали прислать на следующее утро. Детей разобрали по домам, а учителя остались сторожить вещи и все погибли. В школу попала бомба. Их не сумели вытащить, еще некоторые были живы, подавали голос, а мы стояли вокруг и рыдали.

Из Ильинского, с кратким заездом в Москву, мы уехали в эвакуацию. Поехали с двумя тетками, бабушкой, мамой и двумя моими двоюродными сестрами. Сначала нас привезли в такое место, куда немцы потом дошли, везли от железной дороги довольно далеко на лошадях. Выяснилось, что мы должны будем жить в колхозе, где не было никакой работы. А тетя Надя, бывшая гувернантка, тоже была с нами, и у нее дальняя родственница жила под Казанью. Списались с этой родственницей и уехали в маленький районный городок. Он назывался Куйбышев, хотя не имел отношения к большому Куйбышеву. Попасть в него можно было только летом: 12 километров за Волгой, железной дороги там не было.

Тетя Лиля работала в поликлинике, военкомате и почему-то на бойне. Там не было ветеринара. И вот там ей однажды разрешили купить пол-

³ Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1871–1941), выдающийся врач-терапевт, ученый, один из основателей отечественной кардиологии. Арестован в 1937 году, обвинен в убийстве М. Горького, приговорен к 25 годам заключения. Расстрелян 11 сентября 1941 года в лесу под Орлом накануне занятия города немцами. В 1985 году реабилитирован.

лошади. Во время морозов зимой 42-го года у нас лежала в крытом дворе эта туша лошади, от которой мы отпиливали кусочки и ели. Мама в Заготзерне что-то делала за копеечную зарплату, а вторая тетка где-то кроила платья. А нас, девчонок, отправляли летом за 25 километров пешком работать в колхозе — на прополку, потом на сенокос, мы снопы умели вязать. Как-то нас послали полоть овес. Было большое поле хорошего густого зеленого овса, в нем росла желтая сурепка, и мы начали ее честно выдергивать. В этот момент подошла бригадирша и говорит: «Сколько времени вы будете ее выдергивать? Идите и топите ее в зелени, просто верхушки сламывайте. А я у вас все приму как выполненное». Постепенно стало понятно, что это общий стиль работы людей в колхозе. Им ведь не платили, давали какие-то трудовни, которые существовали только на бумаге. Поэтому к работе все так и относились.

При нас в 43-м году старших мальчиков взяли в армию, всех мобилизовали. У нас была встреча Нового года в школе с маскарадом, тетка мне сделала маскарадный костюм цыганки, мама дала свои капроновые чулки, я в них по сугробам шла. За мной там один из мальчиков ухаживал, а я была тайно влюблена в другого. На следующий день мы их провожали, они должны были идти пешком 40 километров по снегу, рюкзачки их ехали на розвальнях. Мальчик, в которого я была тайно влюблена, Васька Тарасов из 9-го класса, шел рядом со мной, слова не сказал и побегал всех догонять. Ушли двадцать пять мальчиков, а вернулись двое, один из них без ноги. Васька не вернулся.

А мы уехали вскоре назад в Москву. Энергичная тетка Лиля договорилась со знакомым, который вез поросят, и в поросячем вагоне были положены мешки с отрубями так, чтобы между стенкой и мешками была щель. И мы в этой щели прятались, когда была какая-нибудь инспекция. Не доезжая до Москвы, поезд замедлил ход, мы соскочили. Нам побросали наши немногочисленные вещи. Надо было с собой везти какую-то еду, у нас был бидон меда, который мы должны были продавать и этим питаться. Но мама была очень непрактичная, продать мы ничего не могли, и этот мед сами ели довольно долго.

Из эвакуации мы вернулись в комнату, в которой не было стекол, а огромные окна были забиты фанерой. Варили на обед картофелину, вода из-под нее была — суп, а картофелина — второе. Мыла не было. Вначале меня взяла ночевать к себе знакомая семья, у нее было крахмальное белое белье, она меня укладывала спать, а я, в застиранном белье, с черными ногтями, безумно стеснялась. Мама, тетки, бабушка были похожи на детей Освенцима с проваленными щеками. А мы, девчонки, цвели, — наверное, нам подбирали еду потихоньку, а мы этого не замечали.

После войны

Мама начала работать в фармацевтическом институте, она была химик. Я пошла становиться на учет в комитет комсомола, вступила я в него в эвакуации. В окошечке сидел комсомольский работник, который со мной недружелюбно и подозрительно разговаривал, выяснял, не шпионка ли я. Я положила билет, повернулась и ушла. Так и перестала быть комсомолкой.

Я была очень способна к математике и после окончания школы рабочей молодежи пошла на подготовительные курсы в механический институт, поскольку мой первый муж Руслан тоже туда пошел. Механический институт — это будущий МИФИ, и там был первый атомный факультет, куда меня приняли. Я там проучилась полтора года... Но как раз в это время заболела мама, и я четыре года за ней ухаживала. Выучила на курсах английский и поступила в МГУ. Сначала на филфак, на отделение журналистики. А потом, когда отделился факультет журналистики, перешла туда. Но заканчивала я его долго, потому что к этому времени я уже вышла второй раз замуж, за Юру Штейна, с которым мы познакомились на филфаке, и стали рождаться дети.

Самиздат

После журфака я начала работать во французской редакции Радиокомитета. Но меня все время правили, нормальную речь разбавляли бесконечными штампами. Поэтому я ушла и стала преподавать на всяких курсах подготовки в институты, потом лет десять принимала вступительные экзамены в одном техническом вузе. А Юра работал на студии научно-популярных фильмов, пока не выступил против ввода войск в Чехословакию. И еще я давала частные уроки русского языка и литературы для поступающих в университет и в иняз. У меня было двое детей, которых надо было кормить, и еще все время разные люди у нас дома читали самиздат, и их тоже приходилось кормить.

Самиздат появился в жизни как-то естественно. Во-первых, в среде гуманитарных вузов это было довольно распространено. Во-вторых, началась оттепель: появился роман Дудинцева, какие-то вещи в «Новом мире» стали публиковаться. К тому же и семейная история к тому располагала. Одного моего дядю расстреляли, как потом выяснилось, в Бутово. Это был кроткий милый человек, прекрасный семьянин, совершенно аполитичный. А сгинул. Кого-то еще из родни арестовывали, они тоже пропадали... С другой стороны, я против Сталина ничего не имела. Мы даже с подружкой пошли на его похороны, но Юра нас вовремя нашел и вытащил из толпы.

Самиздат начинался у нас со стихов. У мамы была хорошая библиотека поэзии начала XX века, она вообще бесконечно читала всевозможные книги.

Но я к этой ее библиотеке относилась презрительно, в школе мы считали, что Брюсов, Сологуб — это непонятно что. А потом стали от руки переписывать Цветаеву, Мандельштама, Ахматову. Окуджава начал петь, приятели приносили на больших бобинах его записи. Огромную роль в нашей жизни сыграл Солженицын, которого я знала с 1940 года, когда он, еще студентом, женился на моей двоюродной сестре.

Солженицын

Я жила с материнской семьей, а Наташа Решетовская была дочерью моей тетки по отцу. Она иногда у нас в Москве останавливалась проездом из своего Ростова, так что мы были довольно близки. И вот Наталья нас познакомила со своим мужем, когда они только-только поженились. А в конце войны он исчез, прекратилась переписка с Натальей: она писала каким-то друзьям, они молчали. Было непонятно, что с ним и где он. И вдруг моей маме пришла открытка в Москву, по нашему адресу, что разрешена передача такому-то. Мама какое-то время носила ему посылочки. А потом Наталья ездила на свидания к нему, он был в шарашке. Естественно, я это все близко принимала к сердцу, как и мы все, — его судьбу, ее судьбу. Потом она вышла замуж за другого. Я хорошо знала ее второго мужа, доцента-химика Сомова, вдовца с двумя сыновьями, а Исаича безумно жалела.

Мы жили по-прежнему все в одной комнате — с тетей Нюсей, с ее детьми, с мамой и бабушкой. У нас места физически не было, но в диване имелась емкость, и в ней хранились Наташины какие-то вещи и Исаичевы рукописи. Там была «Война и мир», напечатанная на плохой бумаге, с его пометками от руки. И это было безумно интересно — читать «Войну и мир» с его комментариями. Там были еще его рассказы, какие-то заготовки к «Красному Колесу», которые он делал чуть ли не с 10-го класса. А потом диван сломался, и надо было эти кипы куда-то девать. Наталья к Исаичу как к писателю серьезно не относилась и велела мне все выбросить. Ее бумаги я выбросила спокойно, «Войну и мир» не выбросила, а Исаичевы рукописи села, прочитала, поняла, что рассказы слабые, и тоже выбросила. Исаич никогда меня в этом не упрекнул.

Внутренне я была с ним всегда очень связана, очень переживала за него. Когда он освободился, проезжал в Ростов через Москву. А Наталья в эти дни случайно тоже оказалась в Москве: она приехала показать младшему пасынку Бореньке зоопарк. И общие друзья свели их на один вечер. Это был невероятный вечер для Натальи. Она вместо своего Сомова, который был мягкий человек, милый, вежливый, ее совершенно обожал (они оба были химики, он писал диссертацию по переработке картофельных очисток в корм для свиней, и она ему в этом помогала), увидела лагерного волка — энергичного, за-

крученного на своей идее, с какими-то написанными вещами, в части из которых она фигурировала. Наташа была с фантазиями, очень честолюбивая. Поэтому, когда она решила его вернуть, она своего добилась. Они переехали в Рязань, он долго вживался в мирную жизнь, и Наташа ему как бы эту жизнь открывала.

Однажды, это было году в 58-м или 59-м, случился такой эпизод. Мне всю ночь снилось, что я разговариваю со своим покойным отцом, чего никогда раньше не было. Проснулась на мокрой подушке от звонка телефона. Совершенно очумелая, беру трубку — звонит Наташа. Я ей рассказала, что ночью видела во сне отца, соответственно ее дядю. И она потребовала, чтобы я еще раз повторила это Исаичу. Я ему пересказала, он мне говорит: «Ты не волнуйся, ни о чем не думай. Наташа приедет и тебе объяснит». Наташа привезла папочку, в которой была свеженаписанная пьеса на семейном материале под названием «Свеча на ветру». Прототипы — мой отец и я. Непохожая на себя, но я. Он эту «Свечу» читал вслух в ту ночь у друзей на Дорогомиловской улице. А я в Чапаевском переулке, где мы жили с Юрой и детьми, видела все это во сне. Такое в моей жизни ни до, ни после не повторялось.

С Натальей они потом все равно разошлись. Но мы с ним были близки всю жизнь.

Солженицын был нашим главным поставщиком самиздата. Он давал какие-то книги, которые у него оказывались. Он ввел меня в «Новый мир», где я подрабатывала потом немножко внутренними рецензиями.

Конечно, мы были под колпаком КГБ. Исаич же у нас какое-то время останавливался. И за ним ходили, за нами ходили. Сначала это нас пугало, потом возбуждало, потом мы привыкли.

Детям я строго сказала, чтобы они про Солженицына помалкивали. Когда старшая дочь Лена поступала в школу, мы ее пытались подготовить к собеседованию. «Каких ты писателей знаешь?» Молчит. Начинаю цитировать Маршака, спрашиваю: «Кто это написал? Каких ты знаешь писателей?» Молчит. А Лилька, младшая, подсказывает: «Дядю Саню!»

Чехия. 1968 год

В начале 60-х стали выпускать за границу, и сначала к нам приехал дядя с семьей из Брно, потом моя тетка к ним съездила, потом я с девочками.

Была как раз Пражская весна, мы прекрасно проводили там время. 21 августа ездили гулять в горы. А ночью (мы с детьми спали на втором этаже) я слышала, что внизу почему-то ходят, какие-то двери хлопают, голоса. И когда я утром спустилась вниз, дядюшка, слушавший в это время радио, взял меня за руку и сказал: «Чехословакия оккупирована. Вошли советские войска».

Я всю неделю, что оставалась до нашего отъезда, плакала, у меня была распухшая морда. И мыла окна в двухэтажном доме, это меня спасало, потому что надо всегда что-то делать. Племянник дяди Жорика ходил за мной и говорил: «Тетя Вероника, не плачьте, мы ничего не можем сделать, мы не можем сопротивляться, не плачьте». А по телевизору выступали ведущие с красными бессонными глазами, падающие от усталости, помятые, и основная тема их выступлений была, с одной стороны, информация, с другой — призывы не сопротивляться. И было ужасно тяжело на все это смотреть. Потом передачи все кончились, хотя камера успела показать советские сапоги, выламывающие дверь телестудии.

В Чехословакии нация была тогда на взлете, была едина, все понимали друг друга с полуслова. Мэр города написал большое воззвание к горожанам, что он не собирается признавать советскую власть, что его, скорее всего, арестуют, что он просит горожан помочь его семье. Все это было отпечатано, дети на велосипедах развозили эти листовочки, бросали их, как газеты. И моя Лиля в том числе.

Через неделю двоюродная сестра повезла нас на электричке в Прагу, чтобы на следующий день посадить на поезд, и мы не должны были с ней говорить по-русски, но все равно забывали и говорили... В обувном магазине ко мне подошла высокая, очень красивая женщина, сказала: «Вы в Москву едете? Расскажите им там всем, что происходит, они же там все врут».

Часть пути в поезде проходит по Праге, видно город. Я открыла окна, говорю: «Девки, смотрите, прощайтесь с Прагой». Ворвался проводник, все задраил, боялся, что стрелять будут. Я была почти уверена, что меня на границе снимут с поезда и начнут требовать подписку о неразглашении, а я ее давать не буду. Но на границе, где обычно во время смены колес всех выгоняли из вагона и устраивали шмон, просто заглянула таможенница и спросила: «Это было ужасно?» Я говорю: «Ужасно». Она закрыла дверь, и больше никто не появился. И тут у меня закралось подозрение, что ни проводники, ни таможенники ничего не понимают. Они читают советские газеты. Когда мы приехали, нас встретил Юрка, похудевший килограмм на десять. И я прям в такси начала ему рассказывать, так шофер нас чуть не высадил раньше времени — так он обозлился.

Детям я велела в школе никому не рассказывать, что они были в Чехословакии. Они сначала помалкивали, но потом Ленку все-таки раскрутили. В какой-то момент она устала записаться и сказала, что Ленин был совсем не во всем прав, что он был человек жестокий, что при нем начались преследования, и в довершение всего обозвала пионерский галстук красной тряпкой. Начался дикий скандал, и в конце концов был большущий педсовет, на который приехали из обкома, райкома, облисполкома, из ЖЭКа почему-то, и должен был прийти секретарь парторганизации с нашей работы. Юрка на работе висел на ниточке, эта ниточка порвалась бы моментально, если бы

оттуда кого-то позвали. Меня бы выгнали с работы, потому что я была преподавателем, идейный фронт. Исаичу пришла в голову мысль позвать кого-нибудь из «Нового мира», поскольку я там внештатно сотрудничала. В «Новом мире» тогда секретарем был чудный Мишенька Хитров, но он не считался у них златоустом, а златоустом был Игорь Виноградов. И Игорь пошел в школу от парторганизации. Он их всех заболтал, и только мальчик — секретарь комсомола, встряхивал головой и говорил: «Мы проверили, какие книжки берет ваша дочь в библиотеке. Она совершенно не берет пионерской литературы, вы знаете, она Шиллера читает почему-то».

Эмиграция

Тогда мы подумали об эмиграции. Народ уже поехал, очень многие ехали через наш дом. Ночевали у нас на рояле, под роялем, под столом какие-то незнакомые люди из Одессы. А Юра в это время попал, как всегда, в глупую историю. Во Владимире был такой Володя Борисов, выпускник филфака, но работал на какой-то фабрике и организовал там кружок молодежи. Они собирались, разговаривали на всякие политические темы, и мамыши были счастливы, что их сыновья ходят в этот кружок, потому что остальные проводят время иначе — пьянство, поножовщина и все такое. И вот эти ребята написали листовку, в которой предлагали реабилитировать Троцкого, и решили, что пора уже действовать и разбрасывать эту листовку. И вот Юра, прочитав листовку и нисколько не сочувствуя Троцкому, возмутился стилем, взял карандаш, стал редактировать, потом увидел, что ничего не получается, и переписал заново, и они с этой заново переписанной листовкой все загремели. Юру вычислили очень быстро по почерку. Борисова посадили в психушку. Юра прошел по частному определению, его могли взять в любую минуту. Потом он вступил в инициативную группу защитников прав человека в СССР, где был и Сережа Ковалев. Ковалева потом посадили, уже после нашего отъезда. А у Юрки было частное определение, могли вот-вот посадить, нас прикрывало какое-то время крыло Исаича, но и на него пошли гонения, было ясно, что нас прихватят. А еще раньше, на допросах по делу Теуша, нам все время намекали на детей. И Ленка как раз была в возрасте девиц, которые активничали в правозащитном движении, Новодворская тогда попала в психушку за листовки. Я себе представляла Ленку в психушке. В общем, нас вначале не выпускали, а потом в одну неделю выперли.

Я очень плохо уезжала, по-черному, и когда приехали в Австрию и провели там месяц, я эту Австрию не видела. Италию потом тоже практически не видела. Я ложилась спать и погружалась в полную темноту. И потом у меня прокручивались сны: я разговаривала с каждым, с кем не успела попрощаться, не успела чего-то договорить, и во сне договаривала.

Сначала нас пригласили работать на «Свободу» в Мюнхен, но сказали, что мы должны поехать в Америку за документами. А когда мы приехали в Америку и стали ждать этих документов, пришло письмо, что они нас не берут.

В итоге сыграло свою роль то, что я хорошо знала самиздат. И меня как специалиста по самиздату взяли в Нью-Йорке в контору, которая нелегальным путем переправляла в СССР книги. А летом я преподавала. Однажды я сделала общий доклад о «Новом мире» на большой конференции преподавателей, связанных с Россией. Потом ко мне подошел директор летней русской школы в Вермонте и предложил работу. Этот директор, Николай Первушин, был из Казани, сын двоюродной сестры Ленина, даже чем-то на него похожий, хотя и сильно его не любивший. И я несколько лет преподавала в этой русской школе, ее окончила и моя Лиля.

В Америке мы прожили двадцать девять лет — с 1972-го по 2001-й. Там родились наши внуки. Мы жили там, не собираясь уезжать. Но для нас было совершенно естественно вернуться в Россию, когда это стало возможно. Я, кстати, Америку люблю и ценю, простую Америку, и ругать ее не надо.

Раздел подготовлен Е.Н. Савельевой и Г.А. Тюриной

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Краткий обзор новых изданий Александра Солженицына начинаем с первопечатания глав его воспоминаний¹: в предыдущем выпуске «Солженицынских тетрадей» опубликована глава «Школа»². В том же издании впервые можно познакомиться с перепиской Солженицына с Генрихом Бёллем 1968–1982 годов, открывающей множество неизвестных прежде деталей дружбы и общения двух Нобелевских лауреатов³.

В конце 2021 года из печати выходит долгожданное издание мемуарной книги «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» в составе 30-томного собрания сочинений Солженицына, выпускаемого издательством «Время», — это первая публикация Очерков изгнания на русском языке отдельной книгой⁴.

В переводе на английский язык «Зёрнышко» вышло чуть раньше (в двух томах: первая часть (1974–1978) и вторая (1978–1994))⁵. И английское, и русское издания снабжены обширным комментарием, ссылками на упоминаемые в тексте публикации, а также именным указателем.

Еще одним английским изданием Солженицына, вышедшим в свет впервые, стали 1, 2 и 3-я книги «Марта Семнадцатого» (до сих пор по-английски были изданы только «Август...» и «Октябрь...»)⁶ — грандиозный труд переводчицы Мариан Шворц, работающей в тесном сотрудничестве с сыновьями

¹ Начало публикации воспоминаний писателя было положено в год 100-летия со дня его рождения: *Солженицын А.И. Детство* // *Солженицынские тетради: Материалы и исследования*. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 5–34.

² Там же. Вып. 7. С. 5–48.

³ «...В совместных поисках нравственного пути»: Переписка Александра Солженицына с Генрихом Бёллем (1968–1982) / публ. А.Ю. Никифоровой // Там же. С. 249–311.

⁴ *Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов* // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2021. Т. 29.

⁵ *Solzhenitsyn A. Between two millstones. Book 1: Sketches of Exile, 1974–1978* / trad. P. Constantine. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2018; *Book 2: Exile in America, 1978–1994* / trad. C. Kitson and M. Moore. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2020. (The Center for Ethics and Culture Solzhenitsyn Series).

⁶ *Idem. March 1917: The Red Wheel, Node III. Book 1–3* / trad. M. Schwartz. Notre Dame, Indiana: Univ. of Notre Dame Press, 2017–2021. (The Center for Ethics and Culture Solzhenitsyn Series).

писателя, держащими редактуру английского перевода. Работа продолжается, выход в свет четвертой книги «Марта...» запланирован на 2023 год.

Наряду с изданием новых переводов полного «Архипелага ГУЛАГа» (в 2020-м завершена публикация трехтомной книги на албанском языке⁷) продолжается знакомство западных читателей с сокращенным вариантом этого произведения, составленным Н.Д. Солженицыной для отечественного издательства «Просвещение»⁸. Прежде иностранные переводы сокращенного «Архипелага...» делались с английского издания 1985 года Э. Эриксона-мл.⁹ Ныне, вслед за первым французским переводом «нашего» издания¹⁰, приняты переводы на другие языки. В частности, из печати вышел португальский перевод в Бразилии¹¹.

Переиздания произведений Солженицына в крупнейших отечественных изданиях «АСТ», «Азбука-аттикус», «Детская литература» можно назвать традиционными: вновь издано «Малое собрание сочинений» («Раковый корпус», «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор»¹²), «Архипелаг ГУЛАГ» в одном томе вышел в двух издательствах одновременно¹³, «АСТ» ежегодно републикует рассказы, крохотки и «Раковый корпус» в серии «Русская классика. Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения» в формате PocketBook¹⁴, в серии «Школьная библиотека» вновь вышли в свет рассказы и крохотки¹⁵. Рассказы и сборник публицистики Солженицына переиздало знаменитое издательство «Vintage»¹⁶. Очередное переиздание рассказов в серии «Лауреаты Нобелевской премии по литературе» увидело свет в Бухаресте¹⁷.

Фрагменты произведений и публицистики Солженицына неоднократно приводились в периодической русскоязычной и иностранной печати в связи

⁷ *Solzhenitsyn A. Arkipelagu Gulag / trad. N. Sudar. Tiranë: Fan Noli, 2019–2020.*

⁸ *Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования: Сокращ. изд. М.: Просвещение, 2010.*

⁹ *Solzhenitsyn A. The Gulag Archipelago, 1918–1956: An experiment in literary investigation / trad. Th.P. Whitney and H. Willetts; abridged by E.E. Erickson, Jr. N. Y.: Harper & Row, 1985.*

¹⁰ *Soljenitsyne A. L'archipel du GULAG, 1918–1956: Essai d'investigation littéraire / éd. abrégé / pref. de N. Soljenitsyne. P.: Fayard, 2014. В 2021 году книга переиздана.*

¹¹ *Soljenitsyn A. Arquipélago Gulag, 1918–1956: Um experimento de investigação artística: Ed. abreviada / trad. L. Simone. São Paulo: Carambaia Ilimitada, 2019.*

¹² *Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М.: Азбука-аттикус, 2019.*

¹³ *Он же. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Азбука, 2020. (Русская литература. Большие книги); То же: М.: АСТ, 2020.*

¹⁴ Последние издания этих произведений 2021 года.

¹⁵ *Солженицын А.И. Матрёнин двор. М.: Дет. лит., 2020. (Школьная библиотека).*

¹⁶ *Solzhenitsyn A. One Day in the life of Ivan Denisovich. L.: Vintage, 2020 (классический перевод Х. Виллетса); Warning to the West. L.: Vintage, 2019 (переиздание книги 1986 года).*

¹⁷ *Soljenitsyn A. O zi din viața lui Ivan Denisovici / trad. N. Grigorescu. București: Humanitas fiction, 2020.*

с различными событиями, в частности, к юбилею присуждения Нобелевской премии (октябрь 2020), 100-летию со дня рождения А.Д. Сахарова и др. Опускаем довольно пространный список этих публикаций ввиду их широкой доступности на различных интернет-ресурсах.

ЛИТЕРАТУРА О ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Из печати вышла книга Ричарда Темпеста «Overwriting chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's fictive worlds», которая анонсировалась автором в течение нескольких лет¹⁸. С отдельными фрагментами читатели уже знакомы — результаты своей работы Р. Темпест неоднократно представлял на конференциях, но в полноте она напечатана впервые¹⁹. В скором времени ожидается и русское издание, причем это не перевод — автор написал книгу и на английском, и на русском языках.

По следам 100-летия со дня рождения Александра Солженицына в Париже опубликован сборник материалов коллоквиума, проходившего в ноябре 2018 года в Институте Франции²⁰. В сборник включены двадцать шесть докладов, авторы — политики, филологи, историки, философы, писатели и педагоги из разных стран. Неутомимый поборник русской культуры на Западе Жорж Нива снабдил издание пространным предисловием, давшем название всей книге: «Солженицын и Франция»²¹.

Юбилей Солженицына продолжает отзываться в многочисленных изданиях и в России: в сборниках материалов конференций, монографиях, научных журналах (список публикаций, вышедших в свет после 7-го выпуска «Солженицынских тетрадей», включает три сотни названий). В наш предыдущий обзор не вошло издание материалов международной научной конференции «Александр Солженицын: взгляд из XXI века» (Москва, Пашков Дом, Дом русского зарубежья, 10–12 декабря 2018)²². Составитель сборника биограф писателя Л.И. Сараскина включила 60 прочитанных на конференции докладов исследователей

¹⁸ *Tempest R. Overwriting chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's fictive worlds. Boston: Academic Studies Press, 2019.*

¹⁹ См. публикацию главы книги Р. Темпеста, с. 76–95 наст. изд. — *Ред.*

²⁰ См. отчет об этом событии в предыдущем выпуске «Солженицынских тетрадей»: Вып. 7. С. 328–331.

²¹ *Soljénitsyne et la France: Une œuvre et un message toujours vivants / sous la direction de G. Nivat. P.: Fayard, 2021.*

²² Александр Солженицын: Взгляд из XXI века: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения, Москва, 10–12 дек. 2018 / Федерал. аг-во по печати и массовым коммуникациям; Правительство Москвы; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Рос. гос. б-ка, Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына; сост. Л.И. Сараскина. М.: Гос. ин-т искусствознания; Русский путь, 2019.

из 11 стран. Изданы материалы солженицынских конференций в Государственном центральном музее современной истории России²³, Московском государственном лингвистическом университете²⁴, Московском педагогическом государственном университете²⁵, Южном федеральном университете²⁶, Рязанском государственном университете им. С.А. Есенина²⁷. Солженицыну посвящен отдельный выпуск «Тетрадей по консерватизму»²⁸, его материалы любопытно сопоставить со статьями еще одного солидного сборника, изданного на Западе: под обложкой с заголовком «Solzhenitsyn and American culture: The Russian soul in the West» собраны 20 статей исследователей разных стран, они представлены в пяти разделах: «Солженицын и русская культура», «Солженицын и православие», «Солженицын и писатели», «Солженицын и политики», «Вокруг Солженицына: русские писатели и американские читатели»²⁹.

В 2020 году издательство «Русское слово» выпустило исправленное и доработанное учебное пособие, составленное В.А. Чалмаевым, адресованное старшеклассникам и студентам филологических факультетов³⁰. В ходе работы были не только внесены поправки в предыдущие издания книги (1994,

²³ Власть и общество России: кризисы и пути взаимодействия. Конец XIX – начало XXI в.: Декабрьские науч. чтения, посвящ. 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына, 17–19 дек. 2018 / Гос. центр. музей соврем. истории России» [и др.]; ред.-сост. Х.В. Поплавская. М.: ГЦМСИР, 2019.

²⁴ Глобализация и идентичность: к 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына (1918–2018). А.И. Солженицын (не)пророк в своем Отечестве? = Globalisierung und Identität. Zum 100. Jubiläum Alexander Solschenizyns: (K)ein Prophet im eigenen Land?: Материалы междунар. науч. студен. форума / Моск. гос. лингвист. ун-т; под ред. Г.Б. Ворониной, Г. Ершова. М.: Изд-во МГЛУ, 2019.

²⁵ «Жить не по лжи»: Нравственные императивы А.И. Солженицына в современной России и мире: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. (14 дек. 2018, Москва) / Моск. пед. гос. ун-т; сост. Л.А. Трубина, Е.Г. Чернышева, Д.В. Польш. М.: Изд-во МПГУ, 2019.

²⁶ Личность и творчество А.И. Солженицына в контексте мировой культуры: Материалы науч. конф., Ростов-на-Дону, сентябрь 2018 / Юж. федерал. ун-т; Ин-т филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; Федерал. исслед. центр «Юж. науч. центр РАН». Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2019.

²⁷ Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья: (к 100-летию со дня рождения писателя): сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 28–29 нояб. 2018 / Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина [и др.]; ред.-сост. А.А. Решетова. Рязань: ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 2019.

²⁸ Тетради по консерватизму: Альманах. М.: Некоммерч. фонд — Ин-т соц.-экономич. и полит. исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019. № 1. Глава о Солженицыне присутствует и в книге Егора Холмогорова, см.: Холмогоров Е. Улица Солженицына // Холмогоров Е. Рцы слово твердо: Русская литература от «Слова о полку Игореве» до Эдуарда Лимонова. М.: Книжный мир, 2020. С. 282–326.

²⁹ Solzhenitsyn and American culture: the Russian soul in the West / ed. by D.P. Deavel and J.H. Wilson. Notre Dame: Univ. of Notre Dame Press, 2020. (The Center for ethics and culture Solzhenitsyn series).

³⁰ Чалмаев В.А. А.И. Солженицын в жизни и творчестве: учеб. пособие. М.: Русское слово, 2020.

2010 годов), но и значительно расширены сведения о произведениях Солженицына, а также размещен богатый иллюстративный ряд (фотографии и иллюстрации значительно облегчают чтение книги молодыми читателями).

В помощь студентам, изучающим роман «В круге первом», издана монография в Ростове-на-Дону³¹. Издательство «Флинта» републиковало пособие А.В. Урманова, посвященное «Матрёнину двору»³².

Главу о творчестве Солженицына находим в учебном пособии «Литература с основами литературоведения: Русская литература XX – начала XXI века», также выпущенном «Флинта»³³.

Исследования различных аспектов наследия писателя напечатаны в десятках научных журналов, причем разнообразие сюжетов велико: от размышлений о смысле жизни³⁴ или общественном устройстве³⁵ до музыкальных штудий³⁶ и театроведения³⁷. В центре внимания авторов все творчество Солженицына: и произведения крупной формы, в частности «Архипелаг ГУЛАГ»³⁸, и двучастные рассказы³⁹, и стихи⁴⁰, и пьесы⁴¹, и публици-

³¹ Белопольская Е.В. Анализ и интерпретация романа А.И. Солженицына «В круге первом». Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2019; Она же. Рецепция личности и творчества А. Солженицына в историко-литературном аспекте: учеб. пособие. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2020.

³² Урманов А.В. Рассказ А.И. Солженицына «Матрёнин двор»: комментарий: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2020.

³³ Серафимова В.Д., Иванова Е.В. Литература с основами литературоведения: Русская литература XX – начала XXI века: учеб. пособие. М.: Флинта, 2021.

³⁴ Ахальцев И.В. Смысл жизни в трактовке Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына: По романам Л.Н. Толстого «Война и мир» и А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Инновации. Наука. Образование. Тольятти, 2020. № 21. С. 1553–1560.

³⁵ Букалова С.В., Меркулова К.Г. «Демократия малых пространств»: Эволюция института местного самоуправления в России в контексте идей А.И. Солженицына // Власть. 2020. № 4. С. 73–79.

³⁶ Платонова С.М., Семенова А.А. Баян в опере «Один день Ивана Денисовича» А. Чайковского: учеб. пособие / Уфим. гос. ин-т искусств им. Загира Исмагилова. Уфа: УГИИ, 2019.

³⁷ Мелентьева И.Е. Там, где начинается «чуть-чуть»...: О постановке «Матрёнина двора» в Театре драмы Республики Карелия «Творческая мастерская» // Лицей: интернет-журн. Петрозаводск, 2020. 11 дек. (Дом актера).

³⁸ Гончаров П.А., Коренюгина В.В. Архипелаг ГУЛАГ: Особенности композиции, образы власти в произведении // Наука и образование. Мичуринск, 2020. Т. 3, № 2. С. 106.

³⁹ Вазапова А.М. Феномен А.И. Солженицына: Двучастные рассказы как особая разновидность малой эпической формы // Актуальные проблемы филологии. Екатеринбург, 2020. № 20. С. 22–28.

⁴⁰ Глухова Н.И. Лирический герой в стихах арестанта: Поэзия А.И. Солженицына // Наука на благо человечества – 2020: Материалы междунар. науч. онлайн-конф. молодых ученых (ст. преподавателей и аспирантов), Москва, 20–24 апр. 2020 / Моск. гос. обл. ун-т и др.; отв. ред. и сост. Е.А. Певцова. М.: Изд-во МГОУ, 2020. С. 54–57.

⁴¹ Чалова Ю. Мотив света в пьесе А.И. Солженицына «Свет, который в тебе» // Молодежь и образование XXI века: Материалы XVI вуз. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2019. С. 134–136.

стика⁴². Несколько публикаций посвящены проблемам перевода⁴³. Все чаще в поле зрения исследователей находится Всероссийская мемуарная библиотека, собранная Солженицыными в годы изгнания⁴⁴. Новые результаты изучения творчества писателя опубликованы в 7-м выпуске «Солженицынских тетрадей» (фрагмент книги С. Фредриксона «Солженицын», статьи Н.А. Бересневой, А.Г. Денисова, Е.И. Звягинцевой, Н.Р. Казански, Е.В. Людоговской, В.А. Мазаева, И.Е. Мелентьевой, Д.В. Топилиной, Е.С. Шадиной и др.).

Немало страниц о Солженицыне присутствует в книге А. Архангельского, посвященной 85-летию Жоржа Нива⁴⁵, а также в исследовании С. Чупринина «Оттепель»⁴⁶.

Завершим обзор литературы книгами, в которых о Солженицыне речи не идет, но их издание — значимое событие в солженицынском пространстве: вышли в свет два очередных тома в серии «Литературная премия Александра Солженицына»⁴⁷ и издания, напечатанные при участии Русского благотворительного фонда Александра Солженицына⁴⁸.

КОНФЕРЕНЦИИ, ЛЕКЦИИ, ОБСУЖДЕНИЯ

V Международный форум литературных музеев

Тула, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

29 ноября – 2 декабря 2019

Форум руководителей литературных музеев, организованный по инициативе Ассоциации литературных музеев России, — уникальная площадка для обсуждения самых разных вопросов отечественного и мирового музейного пространства. Темой V форума, проходившего в Ясной Поляне, стали опыт и

⁴² Сопова А.С. Коммуникативно-прагматическая организация авторского медиатекста: На материале газетно-журнальных публикаций А.И. Солженицына // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Сб. науч. тр. Орел, 2020. С. 177–192.

⁴³ Шмелев А.Д. Паремии, используемые в прозе Солженицына, и проблемы их перевода // Шаги/Steps. 2020. Т. 6, № 3. С. 152–169.

⁴⁴ Павельева Ю.Е. «Никогда мне эта чаша горше не была, чем из Крыма...»: Крымский исход на страницах Всероссийской мемуарной библиотеки // Эмиграция как текст культуры: Историческое наследие и современность: сб. науч. ст. / Культ. просвет. фонд «Dialogorum». Будапешт, 2020. С. 214–227.

⁴⁵ Архангельский А. Русофил: История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим. М.: АСТ / ред. Елены Шубиной, 2020. (Счастливая жизнь).

⁴⁶ Чупринин С. Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года. М.: Новое лит. обозр., 2020.

⁴⁷ Крузов Г. Бирнамский лес. Избранные стихи и проза; Енишерлов В.П. «Сыны отражены в отцах...». М.: Русский мир, 2020. (Литературная премия Александра Солженицына).

⁴⁸ Павлов О.О. Отсчет времени обратный. М.: Время, 2020. (Проза Олега Павлова); Плетнева Т.И. Пункт третий. М.: Время, 2020. (Непрошедшее время).

перспективы международного сотрудничества. Организаторами выступили Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”», Государственный музей Л.Н. Толстого. В работе приняли участие представители 58 музеев из 26 регионов России, а также гости из Франции и Латвии. В числе выступавших: Г.Н. Василевич (Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»), Е.А. Богатырев (Государственный музей А.С. Пушкина), С.А. Архангелов (Государственный музей Л.Н. Толстого), Е.А. Толстая (Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»), Н.Т. Ашимбаева (Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского), С.М. Мисочник (Государственный мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока), А.И. Дормидонтова (Музей К.Г. Паустовского), М.Н. Шаромазов (Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник), К.В. Кондратьев (Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль»), А. Турнё (Национальная федерация писательских домов и литературных усадеб Франции) и др.

Впервые в работе музейного форума приняли участие сотрудники музеев Александра Солженицына: А.Г. Подольский (Информационно-культурный центр «Музей А.И. Солженицына в Кисловодске») и Г.А. Тюрина (Музей-квартира А. Солженицына в Москве). Высокому собранию специалистов была представлена презентация музеев и памятных мест Солженицына в России и за рубежом. Обзор включил Москву, Кисловодск, Рязань, Солотчу, Мезиновский, Кавендиш, Париж, польскую Бродницу. Сообщение было встречено аудиторией с воодушевлением: нанесение солженицынских точек на музейную литературную карту открывает новые возможности для взаимодействия и сотрудничества музеев писателей разных эпох. Так, первыми сделали «заявки» на совместные проекты пушкинские музеи, московский и болдинский. Включение музеев Солженицына в Ассоциацию литературных музеев России открывает новые перспективы в освоении творческого наследия писателя.

Чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Ф.Д. Крюкова

Санкт-Петербург, Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН

14 февраля 2020

14 февраля 2020 года, в день рождения замечательного донского писателя Федора Дмитриевича Крюкова, в Пушкинском Доме прошли чтения, посвященные его памяти. В зале была развернута выставка архивных материалов из фондов ИРЛИ: автографы и письма Крюкова и его современников, фотодокументы, первые издания его произведений и т.п. Программа чтений

сложилась из докладов исследователей из Москвы, Петербурга, Волгограда, Ростовской области. Результаты «академического» изучения литературного наследия Крюкова перемежались с живым рассказом о сохранении его памяти на Дону: деятельности Фонда Ф.Д. Крюкова и музея писателя в станице Глазуновской, памятных мероприятиях в Усть-Медведице. Основными темами обсуждения стали неизвестные прежде факты биографии писателя, анализ сюжетов и языка его произведений и, конечно, новые изыскания, посвященные авторству «Тихого Дона» — это последнее тесно связывает Крюкова с Пушкинским Домом, ведь критическое исследование донской эпопеи с целью восстановления протографа и идентификации автора фактически было начато именно здесь. Такой замысел в течение многих лет вынашивал Борис Викторович Томашевский. Реализован он был уже после кончины ученого его вдовой, Ириной Николаевной Медведевой-Томашевской, «петербургской заступницей злосчастного донского автора», как назвал ее Солженицын. Работе И.Н. Медведевой-Томашевской, а также помощи Солженицына и его «невидимок» в сохранении архива Крюкова посвятила свой доклад А.Ю. Никифорова, ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья. Одним из деятельных участников этой истории была Елена Цезаревна Чуковская, волею судеб ставшая временным хранителем крюковского архива. В 1998 году она передала эти документы в фонд ДРЗ — ныне, наряду с фондами отдела рукописей РГБ и ИРЛИ, этот фонд является важнейшим для исследователей Крюкова, в докладах участников чтений он упоминался неоднократно. На основе изучения материалов этого фонда научный сотрудник ДРЗ Г.Г. Малахов сделал доклад о фольклорной основе первых частей «Тихого Дона». Зав. отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Г.А. Тюрина поделилась своими наблюдениями об образе Федора Ковынева в «Красном Колесе», прототипом которого был Крюков⁴⁹. Изучение творчества Крюкова и проблемы авторства «Тихого Дона» в рамках солженицынских штудий продолжается.

**Лекция «Творческое наследие Александра
Солженицына: новые издания, музеи, памятные места»**

*Санкт-Петербург, Литературно-мемориальный музей
Ф.М. Достоевского
13 февраля 2020*

В преддверии 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского в его музее в Петербурге состоялась встреча с сотрудниками отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья — эти два центра связывает многолетняя дружба и плодотворное сотрудничество. Начало этому было положено

⁴⁹ См. статью Г.А. Тюриной, с. 104–116 наст. изд. — *Ред.*

Л.И. Сараскиной, биографом Достоевского и Солженицына. Первый совместный проект состоялся в 2014 году: масштабная выставка «Достоевский и Солженицын: Скрещения судеб и творчества» была организована в музее Достоевского и стала значимым событием культурной жизни Северной столицы. 100-летие Солженицына в 2018 году музей отметил выставкой «Солженицын-фотограф», предоставленной Домом русского зарубежья. Выступление сотрудников Дома в феврале 2020 года было посвящено сохранению наследия Солженицына сегодня. Особенный интерес аудитории вызвали обзор новых изданий произведений писателя, представленный библиографом солженицынского отдела Е.Н. Савельевой, а также видеоролик, составленный из фрагментов кинохроники памятного многим сотрудникам музея Достоевского возвращения Солженицына из изгнания в 1994-м. Опыт проведения «большого» юбилея стал темой отдельного разговора, составлен план участия солженицынского отдела ДРЗ в мероприятиях года Достоевского в его музеях в Москве, Петербурге, Омске, Новокузнецке.

Лекция «Доверенный летописец эпохи: Столетие Александра Солженицына в России и мире»

*Орел, Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева
18 февраля 2020*

Орел все чаще называют литературной столицей России. Кажется, среди крупных отечественных писателей нет никого, кто так или иначе не был бы связан с этим городом. Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева хранит в своих стенах десятки имен русских писателей разных эпох и разных судеб. «Кровно» связан с Орлом и Александр Солженицын — в 1943 году батарея звуковой разведки под его командованием освобождала Орел от немецко-фашистских захватчиков, именно здесь в 1995-м вместе со своими однополчанами писатель встречал 50-летие Победы. Спустя 25 лет по инициативе Орловского литературного музея в честь очередной годовщины освобождения «города первого салюта» был запланирован ряд мероприятий, связанных с Солженицыным. Сбыться им было не суждено — пандемия и иные причины внесли свои коррективы в жизнь музея. Надеемся, что упущенное будет наверстано — еще не освоенное в Орле музейными «технологиями» наследие Солженицына постепенно займет свое место в этом уникальном литературном пространстве.

Залогом этого стала встреча 18 февраля 2020 культурной общественности Орла с сотрудниками отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (в рамках выездного заседания клуба «Орловский библиофил»). По традиции рассказ о событиях солженицынского поля сопровождался показом редких фотографий, репродукций архивных материалов, фрагментов кинохроники разных лет.

ВЫСТАВКИ

«Товарищ капитан!...:

Фронтвой путь Александра Солженицына.

1941–1945»

Москва, Музей-квартира Александра Солженицына

6 июня 2020 – 19 сентября 2021

Временная выставка, приуроченная к юбилейному Дню Победы, была смонтирована в Музее-квартире Александра Солженицына на Тверской в мае 2020 года. Почти все лето доступ в Музей был ограничен, и торжественное открытие экспозиции состоялось лишь в конце сентября. Ввиду небольшого пространства Музея-квартиры дизайнерами Е.В. Ионовой и В.В. Черновой было принято решение размещения военной истории Солженицына внутри постоянной экспозиции. Главными экспонатами выставки стали документы и артефакты архива А.И. Солженицына, предоставленные для временного экспонирования Н.Д. Солженицыной. В их числе боевые награды Александра Солженицына, которые прежде не выставлялись: орден Отечественной войны II степени и орден Красной Звезды (вручены Солженицыну после реабилитации в 1957 году⁵⁰). Начало войны, совпавшее с окончанием Солженицыным Ростовского университета, представлено на выставке его отличным дипломом и трудовой книжкой с записью о начале работы в школе Морозовска. В экспозиции находятся армейские документы писателя: справка рядового 74-го Отдельного гужтранспортного батальона (1942), курсанта 3-го Ленинградского артиллерийского училища (1942), старшего лейтенанта 794-го Отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона (1943), капитана, командира батареи звуковой разведки (1944). Впервые показаны автографы Солженицына военного времени (черновые наброски незавершенной повести «Шестой курс», первые записи к будущей «Литературной коллекции» — наблюдения, сделанные при чтении книг Горького, Мамина-Сибиряка и др.). Особый раздел посвящен боевой работе звукобатареи. Специально для этой выставки собраны вычислительные инструменты, с помощью которых бойцы-звуковики определяли координаты огневых пунктов противника. По этим координатам артиллерия подавляла вражеский огонь и открывала возможность наступления основной группы войск. Как всегда на выставке Солженицына, важным объектом показа является текст: экспозиция «озвучивается» фрагментами военных произведений писателя: рассказа «Желябугские Выселки», повести «Адлиг Швенкиттен», крохотки «Старое ведро» и др.

⁵⁰ См. публикацию В.А. Астанкова, с. 209–220 наст. изд. — *Ред.*

«Ребята чистые, друзья фронтовые!..»:

Война в жизни и творчестве Александра Солженицына. 1941–1945»

Кисловодск, площадь перед Нарзанной галереей, 5 мая – 31 августа 2021

Москва, Гоголевский бульвар, 22 июня – 1 сентября 2021

Масштабный проект, посвященный военной истории Александра Солженицына, разработан для представления вне музейных стен, под открытым небом. По инициативе Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля в планшетном варианте была сверстана выставка репродукций документов, фотографий, рукописей и мемориальных предметов из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, фондов ГМИРЛИ имени В.И. Даля и Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, а также личного архива Александра Солженицына.

В первой части экспозиции на десяти планшетах подробно показан весь военный путь Солженицына, начиная с гужтранспортного батальона в 1941 году, затем через Северо-Западный, Брянский, 1-й и 2-й Белорусские фронты к победному движению по Восточной Пруссии в направлении Берлина. Рассказ сопровождается редкими фотодокументами освобождения Орла, Рогачева, Гомеля, Польши, участниками которого были бойцы батареи звукоразведки под командованием Солженицына. С особой тщательностью представлены обстоятельства его ареста в феврале 1945-го и реабилитации в феврале 1957 года. Среди показанных на выставке документов — наградные листы, приказы, фрагменты журналов боевых действий и др.

Вторая часть экспозиции (еще 10 планшетов) знакомит зрителя с военным фотоальбомом капитана Солженицына — на снимках запечатлены его однополчане, предметы из арсенала звуковой разведки. Рассказ о боевой работе звукобатареи сопровождается фрагментами военных произведений Солженицына.

Впервые выставка была представлена Информационно-культурным центром «Музей А.И. Солженицына в Кисловодске» в преддверии 9 Мая 2021-го (на год позже намеченного срока — как и многие другие музейные планы, этот не осуществился из-за пандемии). Стенды с выставкой были размещены в самом центре города, перед знаменитой Нарзанной галереей. В церемонии открытия участвовали заместитель главы города-курорта Кисловодска Т.А. Загуменная; директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына В.А. Москвин; директор Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля Д.П. Бак; директор Централизованной библиотечной системы Кисловодска Е.М. Демченко; представители культурной общественности города и Кисловодского благочиния. Особую интонацию событию придало участие Ермолая Солженицына с сыном Все-

володом — продолжателей мужской линии рода Солженицыных, восходящей к добровольцу-артиллеристу Исаакию Семеновичу Солженицыну, участнику Первой мировой войны, уроженцу здешних мест. Выставка в Кисловодске оставалась на площади перед Нарзанной галереей в течение всего лета. За это время с ней познакомились тысячи людей из самых разных регионов России.

По инициативе Департамента культуры города Москвы 22 июня 2021 года в день скорбной годовщины — 80-летия со дня начала Великой Отечественной войны — военная выставка Солженицына открылась на Гоголевском бульваре в столице. В открытии приняли участие Н.Д. Солженицына, дети и внуки писателя, министр культуры правительства Москвы А.В. Кибовский, руководство и сотрудники Дома русского зарубежья. Выставка должна была проработать месяц, однако Департамент культуры продлил ее до 1 сентября 2021 года.

В формате, приспособленном для показа внутри помещения, весной и летом 2021 года выставка была представлена в Музейном центре имени Александра Солженицына в Рязани.

«Слово правды: К 50-летию присуждения Нобелевской премии Александру Солженицыну. 1970–2020»

Москва, Дом русского зарубежья

4 декабря 2020 – 29 марта 2021

В октябре 2020 года исполнилось 50 лет со дня присуждения Александру Солженицыну Нобелевской премии по литературе. Центром празднования юбилея должна была стать Музей-квартира А. Солженицына на Тверской — именно здесь осенью 1970-го и в последующие годы разворачивались события солженицынской нобелианы, один из залов постоянной экспозиции полностью посвящен этой истории (именно здесь весной 1972 года должно было состояться нобелевское торжество гонимого писателя). Пандемия внесла поправки и в этот замысел. Местом проведения выставки стал Дом русского зарубежья. Прологом экспозиции стал рассказ о самом Нобеле, его знаменитом завещании. Знакомство с выставкой начиналось галереей лауреатов по литературе, чей ряд Солженицын продолжил, т.е. с 1901 года, когда состоялось первое вручение премии, по 1969-й. Имена большей части награжденных писателей совершенно неизвестны сегодняшнему зрителю. Особый интерес неизменно привлекали формулировки, которыми Нобелевский комитет сопровождает выбор лауреата, обосновывая свое решение.

Солженицыну премия присуждена была «за нравственную силу, с которой он продолжил извечную традицию русской литературы». Торжество

великой отечественной литературы на фоне трудной истории России — лейтмотив экспозиции. Проводником стал сам Солженицын, описавший поистине детективную историю своей «нобелианы» в мемуарной книге «Бодался телёнок с дубом» (1973). Ценным дополнением к этому рассказу стали документы государственных архивов, неизвестные автору во время работы над книгой и доступные для изучения только с начала 1990-х годов. Многие из них (преимущественно из Российского государственного архива Новейшей истории) показаны на выставке впервые. Документальная сторона сюжета сопровождается показом мемориальных предметов из архива писателя: лагерные номера и четки (1952), указка ссыльного школьного учителя (1954), рукописи писателя-подпольщика (1960-е), переписка с Нобелевским комитетом (1970–1974), регалии лауреата (1970), автографы друзей Солженицына (М.Л. Ростроповича, Л.К. Чуковской, В.А. Каверина и др.).

Особым экспонатом стал текст — фрагменты Нобелевской лекции Солженицына представлены как объект показа во всех частях выставки. Именно текст образует стержень, объединяющий разнообразный предметный ряд. Так, благодаря поддержке Государственного музея истории ГУЛАГа в экспозицию был включен раздел, посвященный писателям и поэтам, погибшим в ГУЛАГе, — с ними в своей Нобелевской лекции Солженицын разделил обращенное к нему мировое признание русской литературы. В центре этого раздела уникальный экспонат — подлинная дверь камеры Бутырской тюрьмы, которая находилась там в самые «страдные» годы советского террора.

Соучастниками нобелевских торжеств стали и деятели отечественной культуры, поддерживавшие Солженицына в то время, когда за присвоение ему высокой международной награды он подвергся травле со стороны советских властей. Получение писателем традиционных регалий нобелевского лауреата, диплома и медали, стало возможным лишь спустя четыре года после присуждения, после его насильственной высылки из СССР в 1974 году. Торжество в Стокгольме венчает экспозицию: в ней представлены нобелевский фрак писателя, фотоотчет о королевском приеме в ратуше, а также видеозапись вручения Солженицыну диплома и медали после короткого приветственного слова К.Р. Гирова, секретаря Шведской академии. «Правда ходит от дома к дому, а собаки лают на незнакомку. И блажен тот, кто распознает странницу и впустит ее в свой дом и в свою жизнь», — этой древней притчей, завершающей приветствие Гирова, завершается и юбилейная нобелевская экспозиция в Доме русского зарубежья.

«Слово пробивает себе дорогу:**К 90-летию со дня рождения Елены Цезаревны Чуковской»***Москва, Музей-квартира Александра Солженицына**30 сентября – 28 декабря 2021*

В 2021 году исполнилось 90 лет со дня рождения Елены Цезаревны Чуковской (1931–2015) — выдающегося деятеля отечественной культуры, хранителя литературного наследия семьи Чуковских, соратника Александра Солженицына и доброго друга Дома русского зарубежья. Выставка, приуроченная к этому юбилею, развернута в стенах Музея-квартиры на Тверской, где Елена Цезаревна неоднократно бывала, и в начале 1970-х годов, в напряженное и опасное время перед арестом писателя и высылкой его из страны, и в 1990–2000-х годах, когда в этом помещении находилось представительство Русского благотворительного фонда Александра Солженицына, в работе которого Елена Цезаревна принимала самое деятельное участие.

Экспозицию составили рукописи, фотографии, мемориальные предметы, книги из фондов Дома русского зарубежья и личных архивов Е.Ц. Чуковской и А.И. Солженицына. Выставка разделена на две части. Фотодокументы и книги, отражающие биографию Е.Ц. Чуковской, ее работу с наследием деда и матери и ее помощь Солженицыну, выставлены в пространстве библиотеки и медиазала Музея-квартиры. Мемориальные предметы Е.Ц. Чуковской размещаются в витринах основной экспозиции. Среди подлинных экспонатов: автографы К.И., Л.К. и Е.Ц. Чуковских, книги с дарственными надписями, первые машинописные перепечатки «Архипелага ГУЛАГа», блокноты и выписки Е.Ц. Чуковской для работы Солженицына над «Красным Колесом», диплом лауреата Литературной премии Александра Солженицына, личные документы Е.Ц. и ее семейный фотоальбом. Значительное количество фотографий и публикаций демонстрируются в электронном формате. Создан видеоконтент для показа в медиазале и в экспозиции.

Особый «угол» рассказывает о постоянном, живом и чутком, участии Елены Цезаревны в солженицынских мероприятиях Дома русского зарубежья. В фонды Дома вошли важные материалы ее архива. В 2011 году здесь состоялось чествование Елены Цезаревны после присуждения ей Литературной премии Александра Солженицына. В этих стенах прошло прощание с Еленой Цезаревной после ее кончины.

ТЕАТР, МУЗЫКА, КИНО

Несмотря на утеснение работы театров и концертных площадок во время пандемии, представление произведений Солженицына на сцене продолжается. 28 января 2021 года в Государственном академическом театре им. Е. Вахтангова состоялся двухсотый показ спектакля **«Матрёнин двор»**,

идущего на сцене театра уже более 10 лет. Режиссер постановки — В. Иванов, неизменные исполнители главных ролей — Александр и Елена Михайловы. С 2008 года спектакль постоянно присутствует в афише, билеты всегда проданы на несколько месяцев вперед.

Не прекращал исполнение текстов Солженицына и народный артист России Александр Филиппенко. Помимо ставших уже классическими постановок **«Одного дня Ивана Денисовича»** и **«Крохоток»**, артист имеет в своем репертуаре цикл фрагментов Солженицына, который он записал во время запрета публичных выступлений из-за пандемии. Эти записи, размещенные на различных ресурсах в интернете, стали замечательной поддержкой для слушателей во время локдауна. Некоторые записи транслировались и по телевидению. Так, 9 декабря 2020 года Александр Филиппенко принял участие в программе «Наблюдатель» на телеканале «Культура», где прочел фрагменты из Нобелевской лекции Солженицына.

Не сходит со сцены Центрального академического театра Российской армии грандиозный спектакль **«Красное Колесо»** (реж. В. Морозов), включенный в репертуар театра в год 100-летия со дня рождения автора.

Театр драмы Республики Карелия «Творческая мастерская» представляет свою версию **«Матрёнина двора»**. Труппа много гастролирует по стране. За полтора года спектакль был показан в нескольких городах, в том числе в Москве — на сцене концертного зала Дома русского зарубежья. В июне 2021 года спектакль стал участником III Летнего фестиваля губернских театров «Фабрика Станиславского» в Московском губернском театре.

Путешествует по городам и весям еще одна **«Матрёна»** — спектакль Владимирского областного театра кукол (реж. М. Протасова). В конце 2019-го спектакль был представлен в V Сахалинском международном фестивале театров кукол «На островах чудес» в Южно-Сахалинске.

Радиостанция «Град Петров» в серии «Исторические портреты. Аудиокниги» издала запись чтения «столыпинских» глав «Красного Колеса» в исполнении народного артиста России Ивана Краско.

В мире кино главным событием стала премьера полнометражного художественного фильма **«Иван Денисович»**, которая состоялась 21 сентября 2021 года в кинотеатре «Художественный». В широкий прокат лента вышла 23 сентября и вызвала многочисленные споры как специалистов, так и «простых» зрителей. В центре обсуждения — работа режиссера Глеба Панфилова, значительно отступившего от литературной основы фильма. Дописанная Панфиловым военная история Шухова, некоторые его трактовки и художественные решения были критически приняты публикой. Тем не менее фильм вызвал значительный резонанс, а исполнитель главной роли актер Филипп Янковский получил приз международных независимых кинокритиков Vossalino d'Oro на фестивале в Локарно.

21 мая 2021 года в Светлановском зале Московского международного Дома музыки состоялся концерт к 100-летию со дня рождения А.Д. Сахарова — инициатором концерта стала Н.Д. Солженицына, член комитета по празднованию этого юбилея. Гвоздем программы стала редко исполняемая оратория Дмитрия Шостаковича «Казнь Степана Разина», поэма для солиста, хора и оркестра на слова Евгения Евтушенко. Исполнители: Национальный филармонический оркестр России и Большой хор «Мастера хорового пения», дирижер Владимир Спиваков, солист Владислав Сулимский.

Музеи

Музейная жизнь в солженицынском пространстве продолжается, несмотря на тяжелые раны, нанесенные пандемией. Московский **Музей-квартира на Тверской**, открытый в декабре 2018 года, до локдауна весной 2020-го успел стать популярным у посетителей самых разных возрастов. С начала 2019-го учебного года музей является участником проекта Департамента образования города Москвы «Олимпиада “Музеи. Парки. Усадьбы”». Для организации этой работы сотрудниками были разработаны специальные методики, а также комплексы вопросов для учеников четырех возрастных групп: 3–4, 5–7, 8–9, 10–11 классы. Участники олимпиады демонстрируют знания, полученные в музее, выполняют творческие задания, проходят квесты в залах экспозиции.

Расширением этой работы стала организация в музее практики для студентов историко-филологических факультетов. Первопроходцами осенью 2020 года стали студенты Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Опыт оказался успешным. В настоящее время разработан план практики студентов, включающий два этапа: московский (в Музей-квартире на Тверской) и рязанский (в Музейном центре имени Александра Солженицына в Рязани).

Вне зависимости от формата, он- или офлайн, солженицынские музеи неизменно участвуют в популярных акциях «Ночь в музее», «Ночь искусств» и т.п., знакомя широкую аудиторию с жизнью и творчеством Александра Солженицына.

Несмотря на ограничения в приеме посетителей, продолжается жизнь в уже упомянутых **Музейном центре Солженицына в Рязани** и **Информационно-культурном центре «Музей А.И. Солженицына в Кисловодске»**. Все солженицынские центры функционируют в тесном взаимодействии, что весьма помогает и поддерживает. Можно сказать, что общим праздником стало и **25-летие Дома русского зарубежья**, отмеченное в октябре 2021 года (празднование перенесено из-за пандемии с прошлого года). Созданная в 1995 году Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» трудами основателей (в их числе Н.А. Струве, А.И. Солженицын, В.А. Москвин, Ю.М. Лужков)

и сотрудников четверть века спустя стала признанным центром русского рассеяния по всему миру и значимым научным и культурным центром в России. В течение последних десяти лет Дом русского зарубежья является главным учреждением отечественного солженицыноведения и локомотивом музейного движения, связанного с именем писателя.

СЕМИНАР «Труды и дни АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА»

Семинар отдела по изучению наследия Александра Солженицына Дома русского зарубежья, к сожалению, с трудом осваивает очно-заочный формат. Отказ от привычной роскоши личного общения участников и переход в онлайн-пространство повлекли сокращение количества заседаний. Тем не менее за два семинарских сезона (2019/20 и 2020/21) в рамках семинара было прочитано 10 научных докладов, представляющих результаты новейших исследований. Спектр тем и сюжетов весьма широк. Так, М.П. Акулов «отчитался» о полевых исследованиях на местах следования разведывательного дивизиона, в котором служил Солженицын в годы войны («Боевой путь батареи капитана Солженицына в Восточно-Прусской наступательной операции (январь–февраль 1945)), а также о восстановлении деталей ареста комбата Солженицына в феврале 1945 («Дойчендорф — Остероде — Бродница»: Новые данные об аресте капитана Солженицына 9 февраля 1945»). И.Е. Мелентьева рассказала о «Прозе Александра Солженицына на отечественной театральной сцене (2018–2019)». Исследователь темы Москвы в творчестве Солженицына И.В. Дорожинская представила доклад «“Красное Колесо”: Москва в судьбе Сани и Ксеньи». Вместе с А.С. Немзером и А.И. Солженицыным участники семинара вновь прочитали «Горе от ума» («Солженицын — читатель Грибоедова: О заметках “Протеревши глаза (Горе от ума’ глазами зэка)” и не только о них»). Главный специалист ГА РФ В.А. Астанков представил уникальные находки, сделанные в фондах архива за последний год («Арест и высылка А.И. Солженицына в документах Государственного архива Российской Федерации»⁵¹). Критике произведений Солженицына в эмигрантской печати посвящен доклад Ю.Е. Павельевой «Солженицын и “Грани”: начало взаимодействия». Постоянный участник семинара А.Д. Шмелев сообщил свои наблюдения над словоупотреблением Солженицына («Дикость и одичание в произведениях Александра Солженицына»⁵²). Большой юбилей 2021 года, 200-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского, не мог остаться вне поля зрения солженицынского семинара. В июне 2021 года Л.И. Сараскина прочла онлайн-доклад «Генрих Бёлль и его фильм о Ф. Достоевском,

⁵¹ См. публикацию В.А. Астанкова, с. 176–242 наст. изд. — Ред.

⁵² См. публикацию А.Д. Шмелева, с. 49–75 наст. изд. — Ред.

запрещенный в СССР из-за А. Солженицына и И. Бродского», вызвавший бурную дискуссию среди слушателей.

В рамках семинара отдела Солженицына в 2020–2021 годах прошли два вечера памяти. 25 февраля 2020 года — в день 95-летия со дня рождения Надежды Григорьевны Левитской — в Доме русского зарубежья собралось множество ее родных и друзей. Праздничное мероприятие в этот день было запланировано заранее, готовились торжественные поздравления, однако уход Надежды Григорьевны в конце января переменял интонацию этого вечера: впервые мы чествовали солженицынских невидимок, зНэНов, без нее. Вспоминали историю ее семьи, смотрели уникальные фотографии, фрагменты киносъемок, запечатлевших замечательно живые рассказы Н.Г. о пережитом, начисто лишённые обличительного пафоса — и оттого еще более пронзительные и важные для слушателей. Помянули по русскому обычаю, с любовью и бесконечной благодарностью за тепло и неподдельное душевное благородство.

29 сентября 2021 года здесь же, в Доме русского зарубежья, состоялся вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Елены Цезаревны Чуковской. Гостями вечера стали четыре поколения семьи Чуковских: самые старшие, внуки Корнея Ивановича, Наталья Николаевна и Дмитрий Николаевич, самые младшие — его праправнуки, дети Дмитрия Дмитриевича и Марины Дмитриевны Чуковских. Ведущая Евгения Викторовна Иванова построила вечер на биографии Елены Цезаревны: были показаны уникальные фотографии из ее семейного альбома, представлены результаты исследования, посвященного ее отцу, выдающемуся филологу Цезарю Самойловичу Вольпе, продемонстрированы научные труды Елены Цезаревны во время работы в Институте элементоорганических соединений Российской академии наук им. А.Н. Несмеянова, рассказано о ее трудах по публикации наследия К.И. и Л.К. Чуковских, ее помощи А.И. Солженицыну, о жизни музея Чуковского в Переделкине. Выступления участников перемежались фрагментами интервью Елены Цезаревны разных лет, записанных по разным поводам, но объединенных ее неизменно простой и спокойной интонацией, утверждающей, однако, непоколебимую решительность стоять за правду в любой ситуации. Не было случая при жизни Елены Цезаревны, чтобы она оставила без публичного ответа чье-либо безответственное высказывание в адрес Чуковских или Солженицына. Она отвечала всегда, и сегодня так не хватает ее голоса. Напомним выдержку из статьи 1989 года «Вернуть Солженицыну гражданство СССР» — первого публичного призыва к отмене позорного приговора, вынесенного писателю после публикации «Архипелага ГУЛАГа» в 1974-м:

«Искусство принадлежит народу» — вот лозунг, который мы видим с детства, и он отпечатался у нас на сетчатке глаз. Судьбы лучших наших писателей, артистов, ученых настоятельно требуют внедрить в сознание по-

колений еще один лозунг: “Творцы подлинного искусства (и науки) — это великая ценность любого цивилизованного народа”.

А мы топчем ногами свои великие ценности, оплевываем их, даже уничтожаем, а потом удивляемся — куда девалась доброта, милосердие, чувство собственного достоинства, нравственность, уважение к труду, а значит, и умение трудиться».

Перечисленные добрые качества возвращаются в человеке только его собственным неустанным трудом — и такой пример постоянного стояния и утверждения в добре являла своей жизнью Елена Цезаревна. Такой мы будем ее помнить и стараться подражать.

В 2020 году мы впервые за многие годы не собрались в Доме русского зарубежья 11 декабря, в день рождения Александра Исаевича. Традиционный годовой отчет о событиях в солженицынском пространстве был представлен онлайн для пользователей социальных сетей и на официальном сайте писателя. Такой формат значительно расширил аудиторию этого мероприятия. Однако мы надеемся, что этот опыт останется единственным и наши встречи в Доме русского зарубежья возобновятся в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
Лауреаты 2020

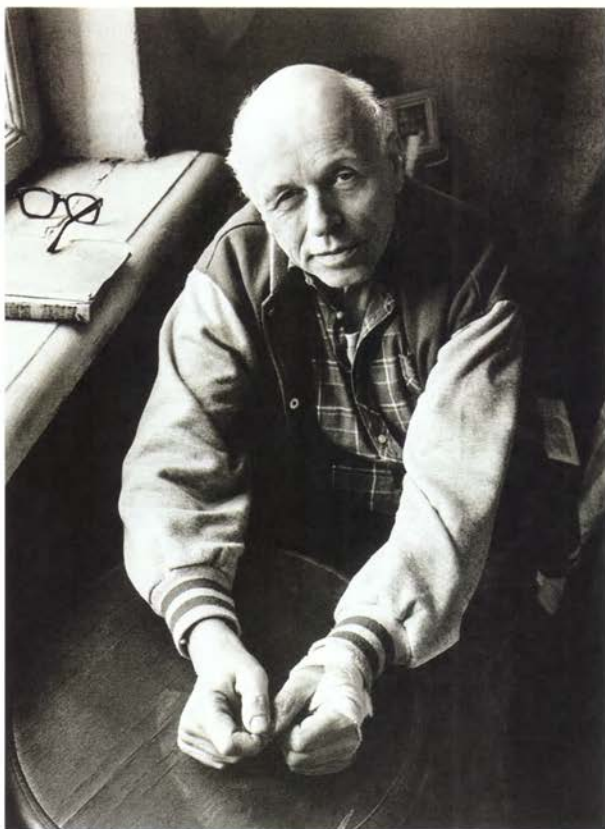
Наталья Ивановна Михайлова

«За вдохновенное служение гению русской поэзии Александру Сергеевичу Пушкину; за создание музея Василия Львовича Пушкина»

Сергей Михайлович Некрасов

«За многолетнее подвижничество на ниве русской культуры; за создание музея Гавриила Романовича Державина»

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Андрей Дмитриевич
Сахаров

1921–1989

Фотография Ю. Роста

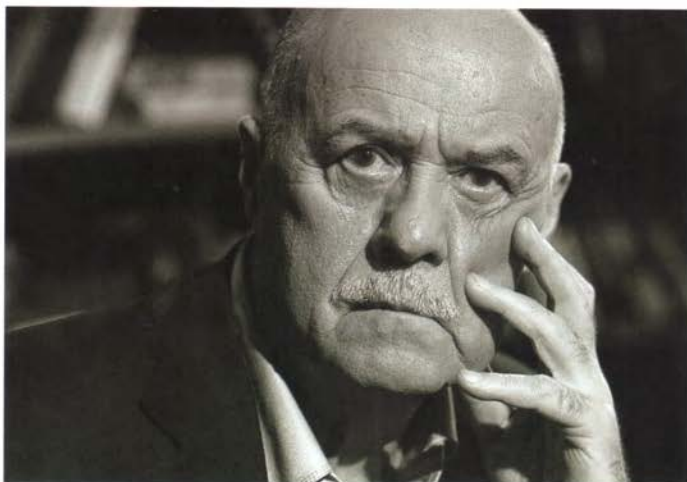

Михаил Константинович Поливанов
1930–1992

Елена Цезаревна Чуковская
1931–2015

Никита Алексеевич Струве
1931–2016

IN MEMORIAM

Станислав Сергеевич
Говорухин
1936–2018

Олег Олегович Павлов
1970–2018

Юрий Михайлович Лужков
1936–2019

Надежда Григорьевна Левитская
1925–2020

Валентин Лаврентьевич Янин
1929–2020

Елена Владимировна
Пастернак
1936–2020

Хели Арнольдовна Сузи
1929–2020

Галина Андреевна Главатских
1930–2020

Валентин Семенович
Непомнящий
1934–2020

Виктор Михайлович
Дзядко
1956–2020

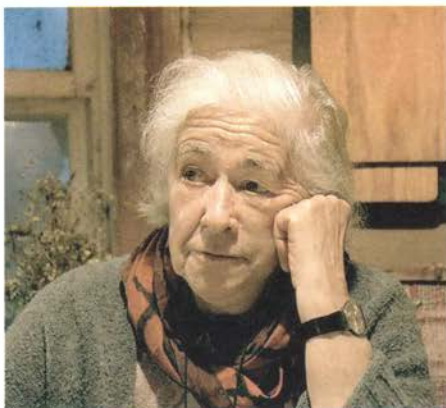

Мария Александровна Ельчанинова-Струве (1925–2020)
и Никита Алексеевич Струве (1931–2016)

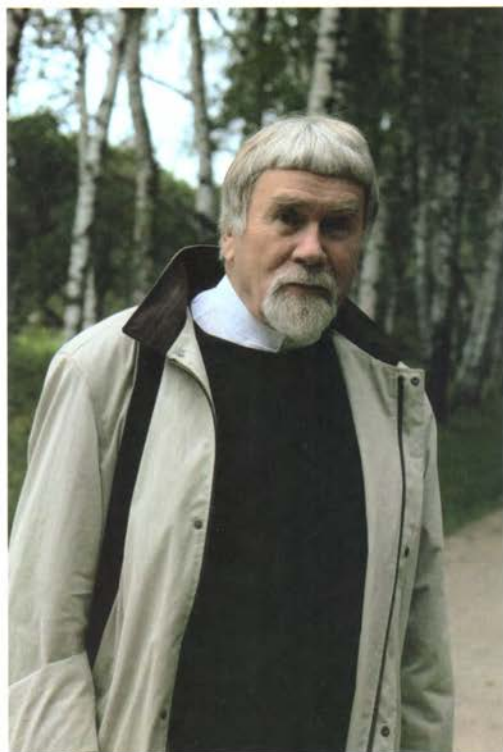

Ирина Александровна
Антонова
1922–2020

Елена Борисовна Мурина
1925–2021

Валентин Яковлевич Курбатов
1939–2021

Вероника Валентиновна
Туркина-Штейн
1926–2021

Таир Теймурович Салахов
1928–2021

Ирина Сергеевна (Арина) Жолковская
(Гинзбург)
1937–2021

19.12.68

Дорогая Ирина!

Ваше и Ваших друзей поздравление —
из самых растроганных и дорогих. Еще
бы мне не представило всех нар, где
эти подписи собирались и дай удачи,
как вывозилась открытка! Когда будет
случай — передайте мурку и его друзьям,
что я всех их обнимаю, постоянно
их помню и уверен, что жеровы и сара-
диних их не ~~забы~~ ^{забуду} зря. Пожелал бы
им неизменной оверлости — да ведь она у
них и есть.

Так отвечу всем же, как Вы мне:
Храни Вас всех Господь!
Восхищаюсь меня и Ваше поведение
приговоренной невесты.

Всего Вам дорогого!

Ваша

ХРОНИКА

«ТОВАРИЩ КАПИТАН!..»

Фронтной путь Александра Солженицына. 1941–1945

Музей-квартира А. Солженицына

Москва, 6 июня 2020 – 25 августа 2021

**К 75-летию Победы
в Великой Отечественной войне**

МУЗЕЙ–КВАРТИРА

**АЛЕКСАНДРА
СОЛЖЕНИЦЫНА**

ВЫСТАВКА ДОКУМЕНТОВ, РУКОПИСЕЙ, ФОТОГРАФИЙ,
МЕМОРИАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И АРХИВА А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Афиша выставки

Лагерные телогрейка, номера и четки заключенного «Ш-262» Экибастузского особого лагеря; боевые награды офицера Солженицына: орден Отечественной войны II степени и орден Красной Звезды

Фрагмент экспозиции

Вычислительные инструменты из арсенала бойцов звуковой разведки.
Фотографии из военного альбома А. Солженицына

Ветрочет, секундомер, чайник и кружка военного времени

«РЕБЯТА ЧИСТЫЕ, ДРУЗЬЯ ФРОНТОВЫЕ!..»

Война в жизни и творчестве Александра Солженицына. 1941–1945

Кисловодск, площадь перед Нарзанной галереей, 5 мая – 31 августа 2021

Москва, Гоголевский бульвар, 22 июня – 1 сентября 2021

Афиша выставки

Ермолай Александрович
Солженицын с сыном
Филиппом на открытии
выставки на Гоголевском
бульваре.

Москва. 22 июня 2021

«СЛОВО ПРОБИВАЕТ СЕБЕ ДОРОГУ»

К 90-летию со дня рождения
Елены Цезаревны Чуковской

Музей-квартира А. Солженицына

Москва, 30 сентября – 28 декабря 2021

Афиша выставки

Экспозиция фотодокументов и книг
в библиотеке Музей-квартиры

Выставка к 90-летию со дня рождения
Елены Цезаревны Чуковской (1931–2015)

Слово пробивает себе дорогу

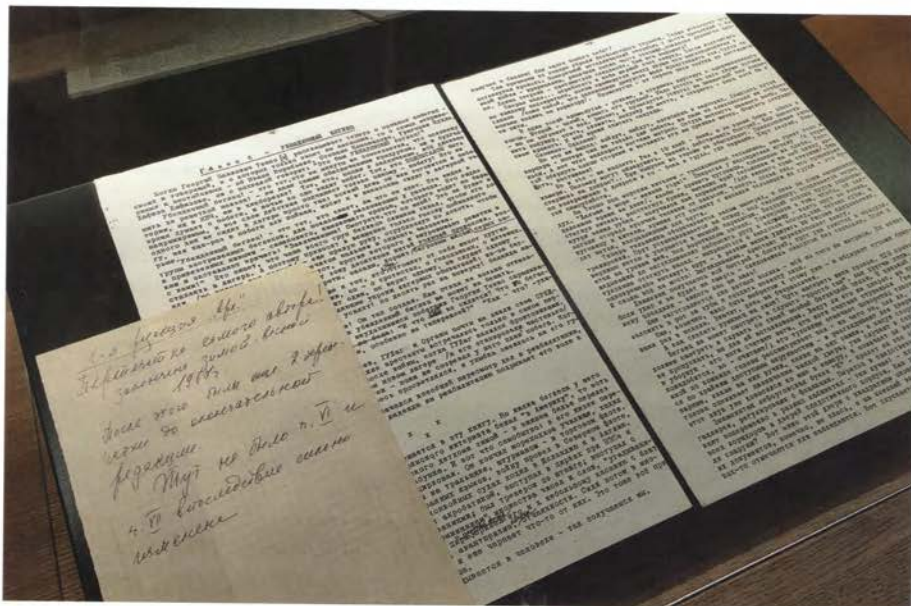

Рукописи, книги, мемориальные предметы, фотографии
из фондов Дома русского зарубежья, архивов
Е.Ц. Чуковской и А.И. Солженицына

Пишущая машинка Е.Ц. Чуковской, на которой были сделаны первые перепечатки «Архипелага ГУЛАГа» в 1967 году

Фрагмент авторской машинописи «Архипелага...» с пояснительной запиской рукой Е.Ц. Чуковской: «1-я редакция "Арх<ипелага>". Перепечатка самого автора! Закончена зимой-весной 1967 г. После этого были еще 2 перепечатки до окончательной редакции. Тут не было ч. VI, и ч. VII впоследствии сильно изменена»

Об авторах

Астанков Василий Александрович — автор статей по отечественной истории рубежа XIX–XX веков, источниковедческих исследований, связанных с жизнью и творчеством А.И. Солженицына, кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации (Москва).

Егорова Надежда Алексеевна — автор статей по истории, литературе и печатному делу русского зарубежья, кандидат педагогических наук, главный библиотечарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва).

Есаулов Иван Андреевич — автор статей и монографий по теории и истории русской литературы, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры университета МГИМО, заведующий кафедрой теории и истории словесности Российского православного университета св. Иоанна Богослова, профессор Литературного института им. А.М. Горького (Москва).

Жукова Екатерина Яковлевна — специалист по обработке и архивному хранению аудио- и видеоматериалов, старший научный сотрудник сектора А.И. Солженицына Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Государственного литературного музея), старший научный сотрудник Музея-квартиры А. Солженицына на Тверской (Москва).

Махони Дэниел Дж. — автор монографии и статей по истории политических теорий во Франции, исследований, связанных с творчеством А.И. Солженицына, составитель, совместно с Э.Э. Эриксоном, сборника произведений Солженицына в английском переводе «Хрестоматия по Солженицыну: Новые и классические тексты, 1947–2005», почетный профессор Ассэмпшн-колледжа в штате Массачусетс (США).

Савельева Елена Николаевна — автор-составитель справочника по библиографии А.Д. Сахарова, составитель указателя «Александр Исаевич Солженицын: Материалы к библиографии, 1962–2017» (М., 2018), библиотечарь-

библиограф, старший научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Солженицына Наталия Дмитриевна — редактор и публикатор текстов А.И. Солженицына, в том числе 20-томного («вермонтского») и 30-томного Собраний сочинений, куратор архива А.И. Солженицына, президент Русского благотворительного фонда Александра Солженицына (Москва).

Темпест Ричард — славист, автор монографий и статей по русской литературе, исследований, связанных с творчеством А.И. Солженицына, профессор, директор Центра по изучению России, Восточной Европы и Евразии Иллинойского университета в г. Урбана-Шампейн (США).

Тюрина Галина Андреевна — автор статей и монографии по греческой палеографии, истории классической филологии и образования в России, источниковедческих исследований, связанных с творчеством А.И. Солженицына, кандидат исторических наук, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Шмелев Алексей Дмитриевич — автор статей и книг по языкознанию, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

SUMMARY

The sections titled **NEW PUBLICATIONS** in each of the two preceding issues of *Studying Solzhenitsyn* contained the beginning chapters of the writer's reminiscences, which were originally intended exclusively for close relatives (his children and grandchildren). The similarly titled section of the current, eighth, issue of *SS* presents the subsequent chapter, «Youth», which builds on these earlier publications. The last paragraph of this text contains the following sentence: "As I conclude the portrayal of my youth from the age of 18 to 23, it must be confessed that I lived through this period in a bland and colorless fashion. I squandered the promises of my childhood and adolescence." The justice of this self-directed criticism is difficult to evaluate, but it is clear that the writer is referring to the years spent in the study of mathematics and physics at university (together with MIFLI correspondence courses in the latter part of the indicated time-frame). This was a period of a tireless pursuit of self-education and of even more determined literary strivings in prose and verse. It coincided with the beginning phase of his relationship with his future wife — they were married on April 27, 1940. The chapter focused on youth naturally enough includes accounts of happy episodes as well as presenting memorable sketches of life in Russia in the late 1930s (particularly in the description of two long bicycle excursions and of the boat trip down the Volga), plus warm reminiscences of friends and of likable student colleagues with whom — he now regrets — he did not happen to establish close personal relations. He also reflects on the literary quality of the works he produced at the time. The judgment is severely negative, but occasional redeeming features are duly noted. And of particular interest is the fact that one of the most important decisions taken by Solzhenitsyn during this period includes a decision of cardinal significance for the writer: "At a tense mathematics-laden part of the semester, on November 18 (1936; Solzhenitsyn was then in his first year of university studies. — *Ed.*), which was a day free of lectures, I was taking a walk on Pushkin Boulevard when I was suddenly struck (I can't think of a better word) by a thought that seemed neither to have been something I had been searching for, nor something I had prepared: it was the idea that I should write an expansive epic about the Russian Revolution! Such a thought must of course have existed deep in my mind for many years, its various components had been growing steadily over time without combining — and here they suddenly coalesced! This day I consider the beginning of *The Red Wheel*." Soon thereafter the future author of the "narrative in discrete periods of time" would realize that he had to begin his account of the Revolution — the October Revolution in his understanding at the time — with a portrayal

of the First World War, exemplified as it was by the so-called “Samsonov disaster.” He reviewed reminiscences and studies bearing on this subject, “discovered” two heroes who would become symbolic representatives of the contending parties, the Reds and Whites — incarnated as Lenartovich and Vorotyntsev in *The Red Wheel*. This is all set forth in the «Youth» chapter without negating the bitter final evaluation of the whole period that inheres in the very structure and tone of the chapter. Solzhenitsyn was a brilliantly successful student, yet he soon came to understand that he lacked a passion for physics and mathematics. He constantly strove to be a writer, but suspected that his literary productions were unimpressive. He was enamoured of politics, yet could not help feeling that his revolutionary strivings were in some incomprehensible way in conflict with the reality around him. He was aware of his peculiar and questionable (not to say absurd) relationship with his future wife, but was incapable of breaking them off, as though he was entering marriage by a will other than his own. Finally (and this may be the crucial point), he was unconsciously moving further and further away from his mother. His belated recognition of the guilt before his mother is a leading theme of the whole chapter.

Solzhenitsyn’s youth ends in the early morning of October 18, 1941: “It was cold and dark and Natasha did not get up to see me off to the war...”

The first text in the ARTICLES section is the study by A.D. Shmelev titled «*Dikost’* and *Odichanie* in the Works of Solzhenitsyn». Basing his investigation on a broad array of material (from *One Day* and the 87-chapter version of *First Circle* to *The Red Wheel*), the author shows the way in which literary effects are realized in Solzhenitsyn’s prose by the use of various words linked to the root *dik-*: *dikii* [savage, wild, primitive / extreme / grossly inappropriate], *diko* [very strange / “wildly” as a superlative], *dikost’* [extreme strangeness / cultural ignorance / grossly inappropriate or immoral act or condition], *odichanie* [the process of reverting culturally to *dikost’*], *dikar’* [primitive man / crude, grossly uncultured person], *dichit’sia* [to shun], *odichat’* [to become culturally *dikii*], *dikovina* [an unusual, extraordinary entity] The author pays particular attention to the use of these words in dialogue (or in the unspoken thoughts of characters presented in their own particular vocabulary), showing how this becomes a means of characterization, since the understanding of what constitutes *dikost’* can vary radically. A.D. Shmelev thus demonstrates the link between literary considerations and the potential meaning of the words examined in their various social and cultural contexts.

«Eros Liberated» is an abridged version of a chapter on *Cancer Ward* in Richard Tempest’s book *Overwriting Chaos: Aleksandr Solzhenitsyn’s Fictive Worlds* (Boston: Academic Studies Press, 2019; a Russian-language edition of this study, prepared by the author, is due to be published by “Vremia”). The author considers *Cancer Ward* to be “the most secret-laden” of Solzhenitsyn’s productions and views this work in terms of the opposition of Eros to Thanatos. The article offers detailed examinations of the manner in which various manifestations of the “masculine” principle are opposed to manifestations of the “feminine” one and of the opposition of “carnal” love to love of the “spiritual” variety. A particularly close focus is on the characterization of two radically different women who are both strongly drawn to Kostoglotov — the nurse Zoya

and doctor Vera Gangart. Other feminine characters like Dr. Dontsova, the nurse's assistant Elizaveta Anatolyevna and the teenager Asya are also taken into account in this connection, albeit in lesser detail. A number of thematic echoes within the text are noted, as are various literary reminiscences (of Tolstoy's *Anna Karenina*, for example) and the parallels with the "feminine factor" in the novel *In the First Circle*.

The title of I.A. Esaulov's article, «The 'Little Man' in the Works of Solzhenitsyn: A Historical and Literary Perspective», is an accurate reflection of the essence of this study in which we are presented with the author's interpretation of the traditional problem of the "Little Man" that emerged in 19th century Russian literature.

G.A. Tyurina's study, titled «"He called himself 'a writer of sketches'...": Fyodor Kryukov as a Hero of *The Red Wheel*», examines two closely related issues. The first is the question of Solzhenitsyn's view of Kryukov, given the fact that Kryukov had been considered (and continues to be considered by some) to be the real author of *Quiet Flows the Don*. The article shows conclusively that in the end Solzhenitsyn rejected the Kryukov hypothesis. The second issue concerns the role of the character Fyodor Kovynov — who is based on Kryukov — among the personages of *The Red Wheel* and of the significance of his particular line of development for the overall conception of the "narrative in discrete periods of time."

The substance of N.A. Egorova's article, «The Pashin Book Collection in the Library of the Aleksandr Solzhenitsyn House of Russia Abroad», is much broader than what its title suggests. The meticulous description of the rich book collection is preceded by a detailed account of the fate of its original owners. Both Pashins were associated with Stanford University between 1961 and 1976, with Nikolai Sergeevich teaching and his wife, Elena Anatolyevna, working as a librarian in the Hoover Institution. Solzhenitsyn has left grateful remarks concerning their kindness and help in his memoir *Between Two Millstones*. The article also informs us about friends of the Pashins, "second wave" émigrés who showered the Pashins with gifts of books that are now held at the House of Russia Abroad. N.A. Egorova's study enriches our understanding about the literature and literary interests of the so-called second emigration, about the complex and at times simply incredible twists in the fates of former "Soviet" people who found themselves outside their country at the end of the Second World War.

D.J. Mahoney's article, «A Surge of Strength and Light: The American Rediscovery of Solzhenitsyn», is an account of the current cultural scene. The author informs us about influential American newspapers publishing serious and favorable reviews of recent translations of Solzhenitsyn's "sketches of exile" (*Between Two Millstones*) as well as of *March 1917*. He comments on Richard Tempest's new book (a chapter of which appears in the present volume), on his own 2020 study, on G.T. Morson's "Cathedrals" article on *Gulag* and *The Red Wheel*, and quite extensively on Jordan Peterson's preface to a 2018 reprint of the condensed one-volume edition of *Gulag Archipelago* in which Peterson juxtaposes Solzhenitsyn's approach to fashionable left-leaning intellectual concepts. A common feature of these and other responses cited by Mahoney is the attention paid to the philosophical and ethical aspects of the writings of Solzhenitsyn which cannot be reduced to political and ideological terms alone. In the conclusion of his article, the author offers his readers this reassuring thought: "As new forms of

ideological fanaticism rise in the West, more and more defenders of the Western civic and moral inheritance cite Solzhenitsyn's stirring injunction to 'Live Not by Lies!'"

Due to a confluence of circumstances, the section titled **THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN LITERARY PRIZE** this time has an exclusively informative function. The jury voted to present the 2020 Prize to N.I. Mikhailova "for inspired service to the genius of Russian poetry, Aleksandr Sergeevich Pushkin, and for establishing a museum devoted to Vasilii L'vovich Pushkin," and to S.M. Nekrasov "for long years of dedicated labor in the field of Russian culture and for establishing a museum devoted to Gavriil Romanovich Derzhavin." Information about the new laureates is included, followed by a listing of all Solzhenitsyn Prize laureates from 1998 to 2019. The section concludes with a statement from the Organizing Committee concerning the further activity of the Prize.

The first item in the section of **ARCHIVAL PUBLICATIONS** is the article co-authored by E.A. Zhukova and G.A. Tyurina and titled «The Solzhenitsyns and the Shcherbaks: New Sources on the History of A.I. Solzhenitsyn's Family». It contains a large collection of documents with brief commentaries discovered in central, regional (Stavropol, Rostov) and urban (Armavir) archives. This collection, enriched as it is by many striking extracts from the documents will undoubtedly be of significant use to future commentators of *The Red Wheel*, in this way contributing to the goal of a correct reading of the "narrative in discrete periods of time."

The idea of a survey of documents exemplified by the article co-authored by Zhukova and Tyurina finds further development in a voluminous four-part publication prepared by V.A. Astankov, titled «Documents related to A.I. Solzhenitsyn in the State Archive of the Russian Federation». In the first part we learn of the unrealized wish of Solzhenitsyn's uncle, R.Z. Shcherbak, to see Emperor Nicholas II during his visit to Armavir. The second is an account of the kind of extortion to which well-to-do landowners were subjected at the time of the 1905–1907 revolution, and of the reaction of the powers-that-be to these events. The third and fourth parts of the publication are directly related to Solzhenitsyn: the writer's struggle to have his confiscated military decorations returned to him, and the 1974 criminal proceedings against him which aimed to provide the appearance of legality to the act of expelling Solzhenitsyn from his homeland.

The **COMMEMORATIVE DATES** section, compiled by N.D. Solzhenitsyna, begins with three texts devoted to A.D. Sakharov (1921–1989) who was born a century ago: an excerpt from *The Oak and the Calf*, a 1990 article by N.A. Struve «In Memory of A.D. Sakharov» and V.P. Lukin's 2020 reflection, «On the Responsibility of the Scientist». 2020 marked 90 years since the birth of M.K. Polivanov (1930–1992); he was one of Solzhenitsyn's "invisible allies," a physicist and a previously anonymous contributor to the *From Under the Rubble* collection. His letter to Solzhenitsyn written upon reading the manuscript of *The Oak and the Calf*, is published here. In 2021, ninety years had also passed from the birthyear of E.Ts. Chukovskaya (1931–2015) — she is commemorated by excerpts from her letters to Solzhenitsyn — and N.A. Struve (1931–2016), here represented by two editorials he had authored for *Vestnik RSKhD*: «She [Russia] has a unique essence...» (1991) and «A Jubilee Year» (2000).

The **IN MEMORIAM** section, prepared by N.D. Solzhenitsyna, is intended as a grateful commemoration of individuals departed in the last three years who had warm personal relations with the writer at various stages of his life. Included in addition are the following texts: N.G. Levitskaya's letter to Solzhenitsyn in which she shares her impressions of the sketch in *Invisible Allies* devoted to her and to I.A. Anichkova, her adoptive mother; excerpts from the diary of Heli Susi; recollections about the activity of the Solzhenitsyn Fund and its energetic supporter V.M. Dziadko; I.A. Antonova's preface to the catalogue entitled *Aleksandr Solzhenitsyn: From Under the Rubble*; a transcript of the spoken recollections of V.V. Turkina-Stein.

As per usual, this issue of *Studying Solzhenitsyn* concludes with a section titled **NOTES ON CURRENT EVENTS**, prepared by E.N. Savelyeva and G.A. Tyurina. Its subdivisions also follow what has become an established pattern: "Publications of works by Solzhenitsyn," "Writings on Solzhenitsyn," "Conferences, lectures, discussion sessions," "Exhibitions," and "Theater, music, film."

CONTENTS

NEW PUBLICATIONS

SELECTIONS FROM THE PAPERS OF ALEKSANDR SOLZHENITSYN

<i>Aleksandr Solzhenitsyn. Youth</i>	5
<i>Edited with commentary by N.D. Solzhenitsyna</i>	

ARTICLES

<i>A.D. Shmelev. Dikost' and Odichanie in the Works of Solzhenitsyn</i>	49
<i>R. Tempest. Eros Liberated</i>	76
<i>I.A. Esaulov. The "Little Man" in the Works of Solzhenitsyn: A Historical and Literary Perspective</i>	96
<i>G.A. Tyurina. "He called himself 'a writer of sketches' ": Fyodor Kryukov as a Hero of <i>The Red Wheel</i></i>	104
<i>N.A. Egorova. The Pashin Book Collection in the Library of the Aleksandr Solzhenitsyn House of Russia Abroad</i>	117
<i>D.J. Mahoney. A Surge of Strength and Light: The American Rediscovery of Solzhenitsyn</i>	138
<i>Translated from English by L.Yu. Motylev</i>	

THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE

Laureates from 1998 to 2019	148
The Solzhenitsyn Prize in 2020	
The jury's decision	153
On the laureates	153
Comments by the Organizing Committee	156

ARCHIVAL PUBLICATIONS

<i>E.A. Zhukova, G.A. Tyurina. The Solzhenitsyns and the Shcherbaks: New Sources on the History of A.I. Solzhenitsyn's Family</i>	157
Documents related to A.I. Solzhenitsyn in the State Archive of the Russian Federation	
“A Wish to see the Tsar”	
<i>An unexpected “meeting” of the Shcherbak family with Emperor Nicholas II</i>	176
“We are always ready to defend the interests of peaceful citizens”	
<i>Concerning an actual event reflected in The Red Wheel that is recorded in documents of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire</i>	185
“I believe I have the right to receive the indicated medals”	
<i>The story of the military decorations awarded to A.I. Solzhenitsyn as reflected in documents in the State Archive of the Russian Federation</i>	209
“Before demanding that citizen behave lawfully, learn to observe the law yourselves”	
<i>The criminal case against Solzhenitsyn in 1974</i>	221
<i>Compiled in four parts, edited and introduced by V.A. Astankov</i>	

COMMEMORATIVE DATES

Compiled by N.D. Solzhenitsyna

100 years from the birth of A.D. Sakharov	243
<i>A.I. Solzhenitsyn. “I shall venture to speak about Sakharov”</i>	243
<i>N.A. Struve. In memory of A.D. Sakharov</i>	246
<i>V.P. Lukin. On the Responsibility of the Scientist.</i>	247
90 years from the birth of M.K. Polivanov	250
<i>Letter, M.K. Polivanov to A.I. Solzhenitsyn (June 6–7, 1971)</i>	252
90 years from the birth of E.Ts. Chukovskaya	255
<i>From the correspondence between Chukovskaya and Solzhenitsyn</i>	
1. <i>E.Ts. Chukovskaya to A.I. Solzhenitsyn (November 29, 1978)</i>	256
2. <i>A.I. Solzhenitsyn to E.Ts. Chukovskaya (December 17, 1978 – January 1, 1979)</i>	259
90 years from the birth of N.A. Struve	263
<i>N.A. Struve</i>	
<i>“She has a unique essence”</i>	265
<i>A jubilee year</i>	266

IN MEMORIAM

Compiled by N.D. Solzhenitsyna

...Those who were dear to us	268
N.G. Levitskaya. "It turned into a veritable treatise on Milna, if I may say so"	278
H. Susi. A special Christmas	282
"Hey Vic, do you have any deficiencies whatever?" <i>Reminiscences about the "Zek Fund" and V.M. Dziadko</i>	285
I.A. Antonova. Our profound gratitude and respect	289
V.V. Turkina-Shtein. [Reminiscences]	291

NOTES ON CURRENT EVENTS

Compiled by E.N. Savelyeva and G.A. Tyurina

New editions of the works of A.I. Solzhenitsyn	302
Literature on the works of A.I. Solzhenitsyn	304
Conferences, lectures, discussions	307
Exhibits	311
Theater, music, film	315
Works and Days of Aleksandr Solzhenitsyn.	318
 NOTES ON THE AUTHORS	 321
SUMMARY	323
CONTENTS	328

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Александр Солженицын. Юность	5
<i>Публикация, подготовка текста и примечания Н.Д. Солженицыной</i>	

СТАТЬИ

А.Д. Шмелев. Дикость и одичание в произведениях Солженицына	49
Р. Темпест. Освобожденный Эрос	76
И.А. Есаулов. «Маленький человек» в творчестве Солженицына: историко-литературная перспектива	96
Г.А. Тюрина. «Он сказал о себе “очеркист”...»: Федор Крюков — герой «Красного Колеса»	104
Н.А. Егорова. Книжное собрание Пашиных (Пасхиных) в библиотеке Дома русского зарубежья им. А. Солженицына	117
Д.Дж. Махони. Прилив силы и света: Америка вновь открывает Солженицына	138
<i>Перевод с английского Л.Ю. Мотылева</i>	

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Лауреаты (1998–2019)	148
Премия 2020	
Решение жюри	153
О лауреатах	153
От оргкомитета	156

ИЗ АРХИВОВ

<i>Е.Я. Жукова, Г.А. Тюрина. Солженицыны и Щербаки: новые источники к истории семьи А.И. Солженицына.</i>	157
Документы А.И. Солженицына в Государственном архиве Российской Федерации	
«Желание увидеть Царя»:	
Об одной неожиданной «встрече» семейства Щербаков и императора Николая II	176
«Всегда готовы встать на защиту интересов мирных граждан»:	
Об одной «истинной истории» в эпопее «Красное Колесо», отразившейся в документах Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи	185
«...Считаю себя вправе получить указанные медали»:	
История фронтовых наград А.И. Солженицына в документах Государственного архива Российской Федерации	209
«Прежде чем спрашивать закон с граждан, научитесь выполнять его сами»:	
Уголовное дело А.И. Солженицына 1974 года	221
Публикация, подготовка текстов, предисловия и примечания В.А. Астанкова	

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Раздел подготовлен Н.Д. Солженицыной

100 лет со дня рождения А.Д. Сахарова	243
А.И. Солженицын. «Осмелюсь сказать тут о Сахарове...»	243
Н.А. Струве. Памяти А.Д. Сахарова	246
В.П. Лукин. Об ответственности ученого	247
90 лет со дня рождения М.К. Поливанова	250
М.К. Поливанов — А.И. Солженицыну (6–7 июня 1971)	252
90 лет со дня рождения Е.Ц. Чуковской	255
Из переписки А.И. Солженицына и Е.Ц. Чуковской	
1. Е.Ц. Чуковская — А.И. Солженицыну (29 ноября 1978)	256
2. А.И. Солженицын — Е.Ц. Чуковской (17 декабря 1978 – 1 января 1979)	259
90 лет со дня рождения Н.А. Струве	263
Н.А. Струве	
«У ней особенная статья...»	265
Юбилейный год	266

IN MEMORIAM

Раздел подготовлен Н.Д. Солженицыной

...Кто был нам дорог	268
Н.Г. Левитская. «Получился целый трактат о Мильне, не посетуйте»	278
Х. Сузи. Одно особенное Рождество	282
«Вить, а у тебя есть хоть какие-нибудь недостатки?»:	
<i>Воспоминания о «зэчьем фонде» и В.М. Дзядко</i>	285
И.А. Антонова. Наш низкий поклон	289
В.В. Туркина-Штейн. [Из воспоминаний]	291

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Е.Н. Савельевой и Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына	302
Литература о творчестве А.И. Солженицына	304
Конференции, лекции, обсуждения	307
Выставки	311
Театр, музыка, кино	315
Музеи	317
Семинар «Труды и дни Александра Солженицына»	318
ОБ АВТОРАХ	321
SUMMARY	323
CONTENTS	328

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 8 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — Москва : Русский путь, 2021. — 336 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-536-9

Альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются воспоминания писателя о юности, а также ряд его частных писем, материалы из уголовного дела, возбужденного против А.И. Солженицына в 1974 году, и другие документы из Государственного архива РФ. Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Современные
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

8

Редактор: *О.Б. Василевская*

Корректор: *О.А. Савичева*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 30.11.2021. Формат 70х100/16. Тираж 500 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»

125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64. Тел.: +7 (495) 629-04-82

E-mail: info@rp_net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru или русский.путь.рф

Отдел продаж: +7 (495) 137-84-06

Книжный магазин «Русское Зарубежье»

г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. «Таганская» (кольцевая)),

тел.: +7 (495) 137-84-01

Сайт: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ISBN 978-5-85887-536-9

9 785858 875369 >

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Н.А. Струве
ВСТРЕЧА С РОССИЕЙ

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, БЕСЕДЫ, ПИСЬМА
И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ

К 90-летию со дня рождения Н.А. Струве

Сост., подгот. текста и примеч. *Н.В. Ликвинцевой и Т.В. Викторовой*;
вступ. ст. *Т.В. Викторовой*; пер. с фр. *Т.В. Викторовой, С.В. Дубровиной, Н.В. Ликвинцевой*

Главная тема книги — встреча России и русского зарубежья в рассказах свидетеля и участника исторических событий, легендарного издателя, главного редактора «УМСА-Press» и «Вестника РХД», профессора Никиты Алексеевича Струве (1931–2016). В сборник, задуманный как продолжение книги «Православие и культура» (последнее прижизненное издание которой вышло в 2000 г.), включены материалы, появившиеся в последующие годы в «Вестнике РХД», статьи из ранних, ныне малодоступных номеров журнала, неопубликованные материалы из личного архива Н.А. Струве, переводы его французских статей на богословские и литературные темы, яркие портреты выдающихся современников, отклики на книги и фильмы, доклады, выступления, беседы, интервью, а также письма к А.И. Солженицыну, представляющие картину культурной и церковной жизни российской глубинки и красочное описание первых встреч с россиянами и той страной, где сын русских эмигрантов «никогда и не воображал... побывать на своем веку» и где, с первой поездки в 1990 г., «сразу же почувствовал себя дома».

Издание сопровождается вступительной статьей и обширными примечаниями и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся российской историей и культурой.

Эту и другие книги можно купить
в книжном магазине «Русское Зарубежье»
г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. «Таганская» (кольцевая)),
тел. +7 (495) 137-84-01, сайт: www.kmrz.ru,
а также в книжном магазине издательства «УМСА-Press» «Les Éditeurs Réunis»
11, rue de Montagne-Ste-Genevieve, 75005 Париж, Франция
(метро: Maubert-Mutualite), сайт: www.editeurs-reunis.fr
Отдел продаж издательства «Русский путь»:
+7 (495) 137-84-06
